

**НАРОДНАЯ РЕЧЬ
ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ:
МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ**

Монография

Введение (Ю.Н. Драчёва)	4
Глава 1. Речевая культура северной деревни (Ю.Н. Драчёва)	7
1.1. Описание говора Режского поселения Сямженского района в контексте изучения речевой культуры Вологодского края (Л.Ю. Зорина)	9
1.1.1. Архаичные явления в лексической и словообразовательной системах режского говора (Л.Г. Яцкевич).....	10
1.1.2. Река Режа и её отражение в менталитете жителей Сямженского района Вологодской области (Л.Ю. Зорина).....	23
1.1.3. Пословицы и поговорки в режском дискурсе как отражение системы ценностей сельских жителей (Л.Ю. Зорина).....	30
1.1.4. Своеобразие фразеосемантической системы режского говора: этнолингвистический аспект (Е.П. Андреева).....	39
1.1.5. Характеристики детей в речи жителей Режского поселения (Т.Г. Овсянникова).....	50
1.1.6. Лексика, связанная с приготовлением выпечных изделий, в режском говоре (Т.В. Парменова).....	55
1.1.7. Микротопонимия Режского поселения в ономаσιологическом и структурном аспектах (Е.Н. Иванова).....	74
1.1.8. Неофициальная антропонимия Режи (Н.В. Комлева)	79
1.1.9. Дневники студенческих диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области (Л.Ю. Зорина).....	93
1.2. Речевой портрет нико́льчанки Н.Д. Шиловской в контексте изучения проблем диалектной языковой личности (Ю.Н. Драчёва)	110
1.2.1. Шиловская Нина Дмитриевна как диалектная языковая личность (Н.Н. Зубова).....	112
1.2.2. Расшифровки аудиозаписей бесед с Ниной Дмитриевной Шиловской (Н.Н. Зубова).....	130
Глава 2. Традиции народной речевой культуры в различных дискурсивных практиках (Ю.Н. Драчёва)	164
2.1. Две языковые личности Вологодчины (на материале частной переписки XVII–XVIII веков) (А.В. Загумённых)	165
2.2. Диалектная языковая личность в творчестве А.Я. Яшина (Н.Н. Зубова, Е.Н. Ильина).....	178
2.3. Процессы функционально-семантической дивергенции в вологодских говорах (И.Е. Колесова).....	189
2.4. Использование языка традиционной народной культуры в масс-медиа региона (на примере вологодского бренда «Дед Мороз») (Ю.Н. Драчёва).....	201
2.5. Репрезентация традиционных севернорусских ремёсел и промыслов в туристическом дискурсе проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» (С.А. Грамыко)	236
Заключение (Ю.Н. Драчёва)	254

ВВЕДЕНИЕ

Василий Иванович Белов, определяя значимость слова для народной жизни, писал: «...Слово приравнивалось нашими предками к самой жизни... порождало и объясняло жизнь... было для крестьянина хранителем памяти и залогом бесконечности будущего... утешало, помогало, двигало на подвиг, заступалось, лечило, вдохновляло». Народная речевая культура является нравственно-эстетической основой русской культурной традиции, источником народной мудрости и жизненной силы.

Вологодская региональная народная речевая культура всесторонне изучается на протяжении длительного времени. Направления этого изучения охватывают записи живой устной речи, письменное наследие предшествующих эпох и художественную литературу Вологодского края.

Большой исследовательский интерес вызывают местные слова и выражения. Они вошли в первый в России диалектный словарь «Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом» (1757 г.), отразились в общерусском «Опыте великорусского областного словаря» (1852 г.) и «Дополнениях» к нему (1858 г.), были представлены в региональных словарях конца XIX – начала XX вв.: вологодском (П.А. Дилакторский, 1903 г.), череповецком (М.К. Герасимов, 1910 г.), олонцком (А.И. Подвысоцкий, 1885 г.), а в более позднее время составили объект описания «Словаря вологодских говоров» (1983–2008 гг.) и других лексикографических проектов, созданных на его основе («Вологодское словечко», 2010 г.; «Золотые россыпи», 2014 г.; др.).

Исторические письменные памятники, которые также служат источниками изучения диалектной речи Вологодского края, использовались в «Словаре промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв.» Ю.Н. Чайкиной, Е.П. Андреевой и др. (2003–2015 гг.), в исследованиях по исторической ономастике Ю.Н. Чайкиной, С.Н. Смольникова, в работах по исторической стилистике Г.В. Судакова.

Вологодские литературные тексты XX в., отражающие современную диалектную речь через призму художественного образа, получили осмысление в научном комментарии к многотомному собранию сочинений В.И. Белова под редакцией С.Н. Баранова (2011–2012 гг.), в «Поэтическом словаре Николая Клюева» под редакцией С.Х. Головкиной, С.Н. Смольникова, Л.Г. Яцкевич (2007–2010 гг.), в словаре «Народное слово в произведениях В.И. Белова» Л.Г. Яцкевич (2004 г.).

Все три направления изучения вологодской народной речи представлены в материалах коллективной монографии «Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим», куда в качестве источников вошли записи живой диалектной речи, словари народных говоров, образцы региональной словесности (литературные произведения, письма), тексты средств массовой информации и т. д.

Данная монография продолжает серию публикаций «Народная речь Вологодского края». Первое издание серии состоялось в 2012 году и содержало несколько речевых портретов носителей вологодских говоров, жителей восточных районов Вологодской области: Междуреченского, Усть-Кубинского, Тарногского, Тотемского, Бабушкинского. В книге были представлены фрагменты народной речи (мемуарная проза, записи народных частушек, примеры бытовой речи) и их научный комментарий, раскрывающий особенности диалектной языковой картины мира и системы речевого этикета вологодского крестьянина. Второе издание серии вышло в 2014 году и было посвящено говорам Кирилловского района Вологодской области, подробной истории заселения территории их бытования, описанию их фонетической, лексической и грамматической специфики. Теоретические положения были проиллюстрированы речевыми портретами уроженцев Кирилловского района Вологодской области, в речи которых сохранились черты белозерско-бежецких говоров. Приведённые в книге рассказы информантов и беседы с ними обнаруживают их глубокое проникновение в бытовую и духовную культуру родного края, стремление её сохранить.

В настоящей монографии народная речь Вологодского края рассматривается в этнолингвистическом, лингвокультурологическом и лингвоперсоналогическом аспектах. Основное внимание исследователей сконцентрировано на описании одного из вологодских говоров. Режский говор как этнокультурный феномен представляет собой яркий пример консервации традиций народной культуры, которые обнаруживаются в лексике и фразеологии говора, в диалектных пословицах и поговорках, в неофициальных географических названиях, в прозвищах людей и т. д. Лингвокультурологическое исследование Режского говора позволяет показать взаимообусловленность и взаимовлияние народной речи и традиционной культуры Русского Севера в естественной среде их бытования. Лингвоперсоналогический подход к анализу народной речи позволяет сфокусировать внимание исследователей на отражении ценностей традиционной русской культуры в языковом сознании личности. По записям живой речи произведена реконструкция диалектной языковой личности конкретного жителя Русского Севера – нашего современника, по региональным рукописным памятниками описана историческая языковая личность, художественная литература дала образец виртуальной языковой личности – персонажа произведения, географически, культурно и духовно связанного с Русским Севером. Также представлен опыт изучения функционирования традиционной народной речевой культуры в текстах местных средств массовой информации и в сфере регионального туризма.

Монография «Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим» включает в себя две главы. В первой главе исследуются оригинальные записи живой диалектной речи, которые используются для по-

строения описания, во-первых, режского говора как самостоятельной системы внутри русского диалектного языка и как этнолингвистического феномена и, во-вторых, диалектной языковой личности никольчанки Н.Д. Шиловской. Вторая глава посвящена опосредованному изучению традиционной народной речи и содержит примеры её реконструкции в различных дискурсах: диалектных словарях, частных письмах XVII–XVIII вв., современной региональной печати, литературе Вологодского края, интернет-ресурсах.

Выражаем признательность рецензентам монографии – старшему научному сотруднику Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН, кандидату филологических наук Ольге Николаевне Крыловой и заведующему кафедрой гуманитарных и социальных наук Вологодского института бизнеса, кандидату филологических наук Наталье Сергеевне Дьяковой за их замечания, пожелания и предложения, которые были высказаны в процессе знакомства с рукописью.

Авторский коллектив:

канд. филол. н., доц. Е.П. Андреева – § 1.1.4; канд. филол. н., доц. С.А. Громыко – § 2.5; канд. филол. н. Ю.Н. Драчёва – введение, вступление к гл. 1, § 1.2, вступление к гл. 2, § 2.4, заключение; асп. А.В. Загумённых – § 2.1; канд. филол. н., доц. Л.Ю. Зорина – вступление к § 1.1, § 1.1.2, § 1.1.3, § 1.1.9; маг. Н.Н. Зубова – § 1.1.1, § 1.1.2, § 2.2; канд. филол. н., доц. Е.Н. Иванова – § 1.1.7; докт. филол. н., проф. Е.Н. Ильина – § 2.2; канд. филол. н. И.Е. Колесова – § 2.3; канд. филол. н., доц. Н.В. Комлева – § 1.1.8; канд. пед. н., доц. Т.Г. Овсянникова – § 1.1.5; канд. филол. н., доц. Т.В. Парменова – § 1.1.6; докт. филол. н., проф. Л.Г. Яцкевич – § 1.1.1.

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ

Народная речь Вологодского края является неотъемлемой частью общей речевой культуры Русского Севера – региона, единство которого поддерживается не столько близостью сопредельных территорий, сколько культурно-языковой целостностью и общностью ценностной картины мира.

Русский Север – понятие многогранное: это географический, культурологический, духовный и языковой феномен. Если мы сравним словосочетания «север России» и «Русский Север», то убедимся в исключительно территориальном значении первого и глубоком, необъятном смысле второго.

С точки зрения географии, «Русский Север» традиционно охватывает территории Архангельской, Вологодской, Мурманской, Новгородской, Псковской областей, а также Карелию (Поморье, Заонежье, Пудожье), причём следует отметить, что историки, краеведы и этнографы считают центром Русского Севера именно Вологодские земли (см., например, работы И.В. Власовой).

Как культурологическое явление Русский Север уникален, поскольку на этой территории сложились такие условия – суровая величественная природа, тяжёлая трудовая жизнь, отсутствие в истории этого региона крепостного права и монголо-татарского ига в сочетании с возможностью широких торговых контактов и др. – которые позволили создать самобытную материальную (например, архитектура, резьба, вышивки, росписи), бытовую и, главное, духовную культуру.

Духовность Русского Севера основана на традиционном укладе крестьянской жизни с её самобытностью, общинностью и религиозностью, уважением к другим людям, требовательностью к себе и окружающим, любовью к труду. Именно духовно-нравственное начало спаивает этот регион в единое целое и делает Русский Север особой территорией на карте России.

Русский Север – это также единое языковое пространство севернорусских говоров, в первую очередь архангельских и вологодских. Жизненный уклад Русского Севера способствовал развитию своеобразной речевой культуры, которая не только аккумулируется в специфических фольклорных жанрах, но и обнаруживается в повседневной речевой практике людей. В последнее время диалекты испытывают сильное влияние литературного языка, жаргонов, просторечия, тем не менее тщательное исследование речи жителей северной деревни позволяет обнаружить и архаичные черты говоров, и сохранившуюся лексическую систему, а главное, позволяет описать языковую картину мира жителя Русского Севера в её ценностных категориях.

Культура, история, быт, духовность, язык северного края – всё это берёт своё начало в северной русской деревне – важном историко-этнографическом и лингвокультурологическом феномене.

Освоение Русского Севера началось в X–XII вв. выходцами из Новгородской и Ростово-Суздальской земель. Огромные лесные пространства были редконаселёнными (здесь жили финно-угорские племена – предки современных коми, вепсов, карел, ненцев и пр.) и туда стали приплывать на судах по рекам в поисках природных северных богатств и незанятых земель новгородцы. Они строили укрепления (городки, остроги), на месте которых вырастали крестьянские поселения. Одновременно с государственной (княжеско-боярской) колонизацией северных земель шла крестьянская колонизация, особенно массовая в XIV–XVI вв., а также происходило основание православных монастырей и пустыней. Этот лесной, болотный регион не был затронут татаро-монгольским нашествием в XIII–XV вв.; он не был охвачен помещичьей (наиболее жестокой) формой крепостного права в XVII–XIX вв. Заселение Севера закончилось в XVII в. К этому времени он достиг своего расцвета и являлся важным экономическим и культурным регионом Русского государства. Многие исследователи считают Русский Север источником русской народной культуры, традиции которой впоследствии также были перенесены на Урал и в Сибирь при освоении этих земель севернорусским населением.

Северная русская деревня представляет собой микросоциум, существующий в особой культурной среде Русского Севера, языковом пространстве севернорусских говоров с финно-угорскими элементами, сохраняющий исконные духовно-нравственные традиции региона. Микросоциум северной русской деревни в лингвокультурологическом отношении (см. работы А.М. Камаловой, Л.А. Савеловой) складывается на основе ряда факторов: географическое положение; история заселения; местная топонимика (названия местных географических объектов); социальные группы жителей; фамилии и прозвища жителей; местные традиции и праздники; духовно-нравственная культура; основы «народной педагогики»; фольклор и т. д. Источниками изучения микросоциума служат исторические документы, предания, записи речи местных жителей и пр.

В этом разделе монографии описывается народная речь северной деревни на примере говора Режского поселения (Сямженский район Вологодской области) и диалектной языковой личности Н.Д. Шиловской (Никольский район Вологодской области). В качестве методологической основы изучения народной речи принимается этнолингвистический, лингвокультурологический и лингвоперсонологический подходы, последовательное применение которых позволяет показать воплотившуюся и сохраняющуюся в языке (диалекте) систему ценностей северной деревни, отношение её жителей к труду, быту, другим людям, самим себе – то есть народную жизнь в её первооснове.

Этнокультурная специфика режского говора заключается в вербальном осмыслении всей окружающей действительности, это языковая картина мира, которая объёмлет и географию пространства северной деревни (на примере включения названия реки Режи в лексическую систему речи режских, а также микротопонимики – интересном и многогранном лингвистическом

тическом явлении наименования мельчайших особенностей родной земли), и объекты материальной культуры (например, всё разнообразие названий выпечных изделий на этой территории), и социальные отношения (через анализ идеального социального устройства жизни людей, представленного в режских пословицах, поговорках, фразеологии, а также реальную речевую практику, проявляющуюся в номинациях детей и взрослых). Описание речи жительницы Вологодского края также в первую очередь акцентирует внимание на аксиологический, ценностный составляющей словесной культуры северной русской деревни, путём построения речевого портрета диалектной языковой личности Н.Д. Шиловской.

1.1. Описание говора Режского поселения Сямженского района в контексте изучения речевой культуры Вологодского края

Если Вологодский край может считаться центром Русского Севера, то Режское поселение – это типичная северная русская территория с её миропониманием и жизненным укладом, которые ярко проявляются в речи местных жителей. Исследовательский проект «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома», выполняемый при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, нацелен на изучение лингвистических, этнических и ментальных особенностей жителей Режского сельского поселения (ранее – сельсовета) Сямженского района Вологодской области.

Деревни Режского поселения (Гридино, Колтыриха, Коробицыно, Лукинская, Монастырская, Рассохино и др.) расположены по течению реки Режи, притока северной реки Ваги. В исторических источниках Режа и её центр, деревня Монастырская, упоминаются с XVI века.

Из-за своей удалённости и изолированности от административных центров (обширные болота, огромные лесные массивы, отсутствие приемлемого транспортного сообщения) эта территория в разное время относилась то к Тотемскому, то к Харовскому, то к Кадниковскому районам Вологодской области. В конце XX века, в 80-е годы, когда диалектологи Вологодского государственного института (впоследствии – университета) начали проводить свои наблюдения над говором жителей, местность была весьма населённой, значительную часть её населения составляли люди, родившиеся в конце XIX – начале XX века. Они и стали основными информантами диалектологов.

Вплоть до 80-х – 90-х годов XX века сельские жители обитали здесь практически в изоляции от центров культуры и поэтому сохраняли в своей речевой практике традиционные особенности местного говора. В отдельных кустах деревень этого поселения (д. Гридино, д. Монастырская, д. Радино, д. Фофанца) говоры также несколько отличались друг от друга.

Диалектологические экспедиции в деревни Режского сельсовета проводились практически ежегодно с 1983 по 2009 гг. В ходе этой работы был зафиксирован традиционный, к настоящему времени уже почти утрачен-

ный режский говор. Многочисленные оцифрованные записи народной речи (свыше 20 часов звучания), обширная картотека местных слов (более 10 тыс. карточек), большое количество уже написанных студентами курсовых и выпускных квалификационных работ ярко отражают особое мироустройство и менталитет жителей данной местности. Здесь до недавнего времени сохранялась курная изба, топились бани по-чёрному, были распространены традиция мытья в русской печи и архаичный обычай «перепекания» ребёнка, были заметными своеобразие деревенского костюма, особенности коммуникативного поведения людей и др.

В настоящее время северная русская деревня стремительно меняется. Поэтому требуется в максимально короткие сроки осуществить всестороннее изучение и описание специфических черт жизни традиционной деревни в данной местности и особенностей местного говора. Конкретный режский говор Вологодской группы севернорусского наречия впервые будет подвергнут монографическому описанию.

В этом разделе монографии исследователи обращаются к описанию особенностей топонимической (Е.Н. Иванова), антропонимической (Н.В. Комлева), фразеологической (Е.П. Андреева), паремиологической (Л.Ю. Зорина) и словообразовательной (Л.Г. Яцкевич) систем. Т.В. Парменова описывает бытующие в этой местности традиции изготовления выпечных изделий. В материале Т.Г. Овсянниковой рассматриваются вопросы местной этнопедагогики. Интерес читателей вызовут публикуемые Л.Ю. Зориной материалы студенческих экспедиционных дневников и произведённый ею анализ отражения в менталитете людей представлений о реке Реже. В данных публикациях в научный оборот вводится большой объём никогда и никем ранее не описанного диалектного материала: значительный корпус диалектных слов, фразеологизмов, пословиц и поговорок, в том числе архаических, не отмеченных на других территориях единиц, специфичных в национально-культурном отношении.

Говор режаков, т. е. жителей Режи, практически утрачен, ушёл в небытие, однако идея его описания в зафиксированном диалектологами виде послужит сохранению его в русской культуре.

1.1.1. Архаичные явления в лексической и словообразовательной системах режского говора¹

В данной части монографии рассматриваются архаичные явления в лексической и словообразовательной системах говора Режи, местности, расположенной в Сямженском районе Вологодской области. Отдельные архаичные особенности вологодских диалектных глаголов описывались

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

ранее в статьях Т.Г. Паникаровской [Паникаровская 1970; 1971; 2000], а их современная морфемная структура характеризовалась в исследованиях Е.Н. Шабровой [Шаброва 1997; 2003]. К изучению морфемного состава вологодских диалектизмов в этимологическом аспекте мы уже обращались ранее в ряде работ [Яцкевич 2008; 2011; 2013; 2014; 2015]. Цель данной работы – рассмотреть семантические и словообразовательные особенности диалектных лексем праславянского происхождения в режском говоре. Источником для наблюдений послужила Картотека словаря режского говора (КСРГ), хранящаяся на кафедре русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета. Материалы этой картотеки были собраны во время диалектологических экспедиций, которые осуществлялись на протяжении более сорока лет под руководством Л.Ю. Зориной.

В данном исследовании рассматриваются диалектные этимонимы, то есть слова с общим этимологическим корнем, утратившие полностью или частично словообразовательную мотивацию и родственные связи по корню. Предметом изучения послужили лексемы с этимологически родственными корневыми морфами **-bat-*, **-bot-*, **-but-*, **-bus-*, возникшими в праславянский период в результате морфонологической дивергенции. Актуальность исследования обусловлена тем, что эти лексемы являются принадлежностью только диалектной сферы и не имеют родственных связей со словами современного литературного языка. Это свидетельствует о том, что данная лексика относится к наиболее архаичному пласту лексической системы вологодских говоров.

Диалектные лексемы с корневым морфом **-bot-*

Праславянский глагол **botati* с древним синкретичным значением 'бить, ударять, толкать, стучать' [ЭССЯ 2: 224] в режском говоре употребляется с более конкретными значениями: *бóтáть* 'размешивать, перемешивать, взбалтывать' *Уж ésta простоквáша перебóтанная. Её как не бóтаешь, дак она кусóчками. // 'Замешивать, месить (о тесте)' Давáли муку горóховые – она́ такая хрястóчая, захрётся́т. Другóю мешáешь, ботáешь, дак жидкая, а ésta хрёсьтёт* [КСРГ]. Это значение сохраняется и в производных от данного слова префиксальных глаголах, прибавляются только различные дополнительные аспектуальные значения: *доботáть* 'размешивая, взбалтывая, довести что-либо до определённого состояния' *С киселём-то не уйдёшь, когда варишь. До цебó доботáла дак, нет пригорáёт; забá-тывать* 'приготавливать, смешивая какое-либо сыпучее вещество с жидкостью, замешивать' *Беру́т пíво, налива́ют в кринку, егó забáтывают муко́й и ло́жат мёлу; наботáть* 'намешать, развести' *Селитры наботáю и полю́ю, ина́че они́ всю моркóвь у меня́ съеда́т; поботáть* 'перемешать, взболтать' *Я настáвлю всё в пёчь, Свёта вы́тащит сама́ да поботáет; побáтывать* 'размешивая, взбалтывать круговым движением что-либо' *К цигуну́ пригорíт полови́на киселя́. Ой, сейча́с утёха вари́ть-то, доб-*

рб. Поставь да толькѣ побатывай. Сейчас на газе-то дак хорошб; раз-ботать 'размешать что-либо до однородной консистенции' *Пять штук яйцѣк убьют в миску, положат сольцы, сколько положено, вѣУкой разб-тают, на кѣждое яйцѣ лѣжку воды; проботать* 'перемешать, помешать, размешать' *Как суп варѣшь, нѣдо попробовать, отвѣдать, проботать; попробовать, мѣсо сварѣлось ли* [КСРГ]. Это значение у глагола *ботать* зафиксировано и в других вологодских говорах: *Сидѣт, капризничает, похлѣбку-то лѣжкой в миске ботѣет*. Верх. Боров. *Возьмѣшь мукѣ да яйцѣ, да соли, да и ботѣешь в крѣнке. Я вѣдь никогдѣ на водѣ-то не ботѣю, всѣ врѣмя на молокѣ*. Верх. Берег. *Порѣ ужб тѣсто ботѣть*. Верх. Харит. // *Подмешивать, класть. Песку нет, дак вы сахѣру в чай-то ботѣйте*. Тот. Коров. [СВГ 1: 40].

От праславянского глагола **botati* было образовано слово *botъ* [ЭССЯ 2: 225–226]. В режском говоре употребляется существительное *боты* 'соединѣнные для устойчивости две лодки' *Дѣдушка, а чтѣ такѣ боты? – Боты-то? А это две лѣдки соединѣны дугѣй такѣй*, а также *баты* 'самодельная лодка из двух выдолбленных осиновых колод' [КСРГ]. Предположительно оно образовано от *ботать* в значении **'выдалбливать лодку из дерева'*. Ср.: в этом значении данный глагол зафиксирован в уральских говорах [СРНГ 3: 132]. Слово *бот* в указанном значении употребляется в смежных с Режей других сямженских говорах: *Бот дѣлают для лучшѣй опѣры, для устойчивости, он перекѣты преодолеѣет*. Сямж. Средняя Слуда; *Боты из двѣх дерѣвьев, ѡба острѣнѣськиѣ*. Сямж. Семениха [СГРС 1: 131].

Существительное *ботѣло* со значением 'колокольчик, изготовленный из свѣрнутого куска листового железа с металлическим стержнем-языком внутри и привязываемый на шею коровам и лошадям' [КСРГ] восходит к праславянскому слову **botadlo*, которое является производным от **botati* с помощью суффикса *-dl(o)* со значением орудия действия [ЭССЯ 2: 223]. Слово встречается в вологодских и других севернорусских говорах. Это производное слово мотивируется глаголом *ботаться* в значении 'качаться из стороны в сторону, находясь в висячем положении, болтаться'. В данном значении этот глагол зафиксирован в говоре Великоустюгского района: *Ботѣло ботѣется на лѣшади, дак и чѣтко, гдѣ лѣшадь*. В-У. Лод. [СВГ 1: 40]. В Реже слово *ботѣло* имеет ещё одно значение – 'язык колокола' [КСРГ].

К семантической сфере нравственно-этической оценки поведения людей относятся диалектизмы *ботаться* 'состоять в любовной связи с разными женщинами' (*Отѣц ботѣется*) и *заботаться* 'достигнув половозрелого возраста, начать жить с разными женщинами' (*Мѣть-то тебѣ не нѣ худо наѣчит. Заботѣешься ѡдѣн. Женѣсь!*) [КСРГ]. Первоначально мы предполагали, что это значение у данных глаголов возникло в режском говоре позже на основе более общего диалектного значения 'болтаться, слоняться' [СРНГ 3: 132; ЭССЯ 2: 224]. Однако в ЭССЯ приводится такая параллель: латинское *futuo* 'совокупляться, сожительствовать' так же, как

и праславянские **botati* и **butati*, восходит к и.-е. **-bhaut-* / **-bhut-* ‘бить, ударять’ [ЭССЯ 3: 102]. Исходя из этого, можно считать, что в режском говоре у рассматриваемых диалектизмов сохранилось древнейшее значение, характерное для слов с указанным корнем ещё в индоевропейский период.

Нравственно-этическая оценка является содержанием также и режского диалектизма *бот* ‘праздношатающийся человек, бездельник’ *Он такой бот, только шляется!* [КСРГ]. Это слово мотивируется глаголом *ботаться* со значением ‘ходить без дела, слоняться’. В данном значении этот глагол зафиксирован в других вологодских говорах: *Всё только бы ботался*. Хар. Мятнево. *Ой, вот и хódяют, вот и ботáются, лишь бы полулётру наптй*. Нюкс. Берёзовая Слободка. *Делать-то нéчего, вот все и ботáются*. У-Куб. Никольское [СВГ 1: 141]. У слова *бот* много словообразовательных синонимов в других вологодских говорах: *бóтень*: *Ой, тот пáрень бóтень хорóшей*. Вож. Мануил. *Ну, и бóтень она́, знай, шлéется*. Сямж. Собо́л. [СВГ 1: 141]; *бóтанец*: *Бóтанцы – плохие лóуди, не рабóтают – ботáются, шл́ются*. Сок. Чучково [СГРС 1: 134–135]; *ботя́вка*, *ботя́к*: *Ботя́вка говоря́т – значит, валя́вка, совсе́м лени́вый*. Сок. Морже́нга. *Разботя́жилась ботя́ука, разлени́лась*. У-Куб. Крылово. *Ботя́к э́такий, ниче́го не ро́бит, всё в постéли леж́ит*. Нюкс. Плесо [СГРС 1: 137–138]. В архангельском говоре с этим значением употребляется слово *бóтало* Холмог. [СРНГ 3: 129], также образованный от глагола *ботаться* ‘ходить без дела, слоняться’.

Особого рассмотрения требует диалектизм *чеботан* ‘приспособление для катания с гор в виде выдолбленной из дерева маленькой лодки с двумя ручками’ *У чеботана э́дакая доска́ вме́сто по́лоза была́*. Сямж. Монаст. *У чеботана сп́инка есть и ру́чки, а у конька́ нет*. Сямж. Монаст. [КСРГ]. Этимологическая реконструкция словообразовательной структуры слова *чеботан* возможна на фоне родственных ему диалектных слов. Значение ‘небольшая лодка, выдолбленная из цельного куска дерева’ имеют лексемы *боты* и *баты* [КСРГ], *бот* Сямж. Средняя Слуда. [СГРС 1: 131]; *бат* В-Уст. Едково; *батина́* Сямж. Марковская [СГРС 1: 55, 56]; *ба́тик* Верх. Берег. [СВГ 1: 19]. Суффикс *-ан-* есть в исторически родственной лексеме *батан* ‘доска, горбыль’ Шенк. Арх. [СРНГ 2: 140–141]. Корню *-бот-* предшествует морфема *че-*. Это архаичная приставка местоименного происхождения, имевшая в праславянском варианты *ča*; *če*; *če*; *či* [Николаева 2008]. Она встречается, например, в словах *čabēniti*, *čekъrtati*, *čerъgъ*, *čerъgъ*, *čepuriti* реконструируемых в [ЭССЯ 4: 7, 41, 59]. К праславянскому глаголу *čepuriti* ‘торчать, топыриться’ и производному от него ‘охорашиваться’ [ЭССЯ 4: 59] восходят вологодские диалектные слова: *чепу́риться* и *чапу́риться* ‘наряжаться’ *Видно, на сва́дбу к до́чери пошла́, раз та́к чепу́рится*. Верх. Мезен. *Эта наря́жуха о́пять чепу́рится*. Нюксен.; ‘придавать себе нарядный, красивый вид, прихорашиваться’ *Хва́тит тебе́ чапу́риться: никто́ тебя́ около́ до́ма и ви́дит*. Тот. Лев. [СВГ 12: 28].

Таким образом, по данным «Словаря вологодских говоров» и Картотеки словаря режского говора, в рассматриваемом говоре от глагола *бóтáть* сформировалось следующее словообразовательное гнездо.

Таблица 1

Словообразовательное гнездо глагола *бóтáть* в режском говоре

бóтáть

бот 'праздношатающийся человек, бездельник'

бóты 'соединённые для устойчивости две лодки'

чеботáи 'приспособление для катания с гор в виде выдолбленной из дерева маленькой лодки с двумя ручками'

бóтáло 'колокольчик, изготовленный из свёрнутого куска листового железа с металлическим стержнем-языком внутри и привязываемый на шею коровам и лошадям',
'язык колокола'

дóботáть 'размешивая, взбалтывая, довести что-либо до определённого состояния'

**зabотáть*

зabóтывать 'приготавливать, смешивая какое-либо сыпучее вещество с жидкостью, замешивать'

наботáть 'намешать, развести'

поботáть 'перемешать, взболтать'

побóтывать 'размешивая, взбалтывать круговым движением что-либо'

проботáть 'перемешать, помешать, размешать'

разботáть 'размешать что-либо до однородной консистенции'

ботáться 'состоять в любовной связи с разными женщинами'

зabотáться 'достигнув половозрелого возраста, начать жить с разными женщинами'

Следует предположить, что в данное СГ реально входит гораздо больше производных лексем, пока не зафиксированных диалектологами на данной территории. О продуктивности праславянского диалектного глагола *бóтáть* свидетельствуют данные других севернорусских говоров. В «Словаре русских народных говоров» отмечено значительное количество производных слов от глагола *бóтáть*. Сам этот глагол является семантически продуктивным: он имеет 15 значений, а у глагола *ботáться* отмечено 10 значений [СРНГ 3: 131–133]. Однако среди них нет зафиксированного в режском говоре архаичного значения 'состоять в любовной связи с разными женщинами'.

Согласно лексикографическим данным [СВГ; СРНГ; СГРС], в русских народных говорах наметились следующие номинативные зоны у глагола

bótatъ и у производных от него слов: 'бить, колотить', 'палка, кол', 'мешать чем-либо в жидкости, взбалтывать, размешивать', 'колыхать, качаться', 'рыболовство' ('колотить по воде колотушкой, загоняя рыбу в сеть', 'шест с прикрепленным на одном конце конусообразным металлическим наконечником, ударом которого по воде вспугивают рыбу и загоняют в сети', 'рыболовная сеть, в которую рыбу загоняют с помощью специального шеста', 'самодельное судно – две соединённые вместе небольшие долблённые лодки'), 'движения тела человека', 'ноги, движения ног, обувь', 'пусту проводить время, бродить без дела', 'безнравственное поведение человека', 'сверхъестественное существо, домовый' [Яцкевич 2015]. Одиночными являются глаголы, лексические значения которых определяются в основном семантикой префиксов: **избótать** 'сделать непроезжей, испортить' *Все дорóги тракторáм избóтали*. Кир. Петр. [СВГ 3: 9]; **оботátъ** 'найти, отыскать, нащупать' *В шкафу́ темнó, так и не могу́ пальту́шки оботáть*. Вож. Мих.; **обóтывать** 'обрезать' *Сéгодня мне тóлько и прихóдится на сенокóсе обóтывать верху́шки*. Вож. Забол. [СВГ 6: 159–160]; **сбótать** 'возвести путём кладки, сложить' *Как сбóтана печь, дак всю жись и живу́*. К-Г. Кирк.; 'собрать всё вместе, сложить' *Ой, всё в однó мéсто опéть старíк сбóтаУ*. В-У. Род. [СВГ 9: 138].

Диалектные лексемы с корневым морфем ***-but-**

Праславянские глаголы ***botati** и ***butati** восходят к и.-е. ***-bhau-t-** / ***-bhu-t-** 'бить, ударять' [ЭССЯ 3: 102]. В русских говорах у глагола **бóтать** 'бить, колотить' и 'тяжело ступать, стучать обувью' Волог. и производного от него существительного **бóталы** 'бахилы, большие просторные сапоги' Сиб. [СРНГ 3: 129, 131] существуют фонетические и морфологические варианты: **бúталы** 'бахилы, большие просторные сапоги' Сиб., **бутáть, бутúть** 'бить, колотить' Перм. [СРНГ 3: 309].

В режском говоре есть образованный от глагола **бутáть** архаичный диалектизм **буталы́га** 'часть ноги от таза до коленного сгиба, бедро' (*Буталы́га – да ёто вот ногá-то от колéна до хóУки. Две ногú дак две буталы́ги. Вот у нáс Пáвлович об однóй ногé, дак нет у негó и буталы́ги*) [КСРГ]. В «Словаре русских народных говоров» отмечены близкие по структуре или семантике к слову **буталы́га** диалектизмы: **буталы́жник** собир. 'толстые суковатые поленья' Влад. (от ***буталы́га** 'толстое суковатое полено'), **бутó** 'кость голени' Том. [СРНГ 3: 309–311]. Эти материалы ещё раз подтверждают правильность вывода составителей «Этимологического словаря славянских языков» о том, что праславянское ***butъ** 'бедро, ляжка', 'задняя часть туши' является родственным глаголам ***butati** и ***butiti**, в то время как другие этимологи считают это слово заимствованным [ЭССЯ 3: 103]. Близким по структуре к слову **буталы́га**, но отличающимся от него по значению является другой режский диалектизм: **бутарлы́га** 'большая кость' *Когдá мясо-то рубят, дак остаю́тся кóсти. Говорят о большóй кóсти: «Вóт какáя бутарлы́га!»* Сямж. Монаст. [КСРГ].

В КСРГ также зафиксирована другая лексема с этимологическим корнем **-but-*: *бутарыгой*, нареч. 'беспорядочно, кое-как' *Дровá свалили бутарыгой*. Сямж. Грид. [КСРГ]. В других вологодских говорах есть близкие по материальной структуре и семантике к этой лексеме слова: *бўтора* 'выюга, метель' *Помню бўтора такая поднялась, а хозяина всё нет*. Тарн. Рамен.; *бўторить* 'мести (о выюге, метели)' *Бўторит который день, все дороги забўторит, дак не знаешь, как и в лес выбрацце*. Тарн. Рамен. [СВГ 1: 51]. Наречие *бутарыгой* в других диалектных словарях не указано. Семантику этого слова можно уточнить, если сопоставить его с этимологически родственным режским глаголом *сбўторáжить* 'заболеть (о животе)' *Вот нае́шьтесь сейча́с всего́, дак потóм сбўторáжит – б́удете всю ночь б́егать*. Сямж. Монаст. [КСРГ]. Мотивирующую базу указанных наречия и глагола можно определить, привлекая ближайшие по структуре и семантике этимонимы из других говоров: *бўторáжить* 'бить, колотить' Пск., Твер., 'приводить в беспорядок' Курск.; *бўторáга* и *бўторгá* Сарат. 'хлопоты, возня, беспокойство' Влад. [СРНГ 3: 312–313].

Таким образом, в режском говоре диалектизм *сбўторáжить* с корневым морфом **-but-* значительно меньше, чем слов с морфом **-bot-*. Все они достаточно трудны для этимологической реконструкции в силу архаичности своей словообразовательной структуры. На основе учёта данных вологодских и других севернорусских и сибирских говоров, была реконструирована следующая словообразовательная база режских архаичных диалектизм *буталы́га*, *бутарлы́га* и *бутары́гой*:

Таблица 2

Реконструкция мотивирующей базы режских лексем с корнем *-бут-*

Обратная реконструкция мотивирующих слов		Лексемы с корнем <i>-бут-</i> в режском говоре
<i>*бутáть</i> , 'бить, колотить'	<i>*бүто́</i> 'кость ноги'	<i>буталы́га</i> 'часть ноги от таза до коленного сгиба, бедро'
		<i>бутарлы́га</i> 'большая кость'
	<i>*бўтора́</i> 'беспорядок'	<i>бутары́гой</i> , нареч. 'беспорядочно, кое-как'

Диалектные лексемы с корневым морфом **-bat-*

В говоре Режи зафиксирован ряд архаичных диалектизм с корневым морфом **-bat-*. Слово праславянского происхождения *батог* (**bat-ogъ < batati* [ЭССЯ 1: 165–166]) имеет в этом говоре несколько лексических значений: 'палка, кол', 'жердь' *Мы жёрдки на рябчиков ста́вили. Дед привя́жет батог ме́жду дере́вьями, а на батог ста́вят си́лушки, а на коне́ц ря́бину привя́зывают*. Сямж. Рассох.; 'длинная палка для опоры при ходьбе, посох' *Худо мне ны́нче без батогá-то ходи́ть*. Сямж. Монаст.; 'толстый

стебель растения' *А укрѡп-то я пѡзже всего сажу́. А рано – дак потѡм батѡгѹ одне оста́ются.* Сямж. Рассох. На базе этого слова образованы устойчивые словосочетания: ♦ *Бадѡг свѣщѣт (шумѣт)* 'о быстрой ходьбе'. *Онѹ жиѡѡ человек. Хотя вѡсемьдесят пѣтой год, а идѣт, дак бадѡг у ней свѣщѣт.* Сямж. Монаст.; ♦ *Идѣтѹ под батѡг* 'заходить в дом, когда хозяев нет дома и дверь подпѣрта палкой' *Я подошлѹ, а у них и дѡма никѡгѡ нет. Под батѡг идѣтѹ неудѡбно.* Сямж. Монаст. [КСРГ]. Производными от существительного *батѡг* являются диалектизмы: *батѡжник* 'в свадебном обряде – человек, который просит у родителей невесты разрешения на сватовство' *Чтобы перед сватовствѡм провѣритѹ обстанѡвку, женихѡва семья посылѹла батѡжника.* Сямж. Монаст. Их батѡжниками назывѹли. *Батѡжники – те, кто ходѣл разрѣшѣния спрашивѹть.* Сямж. Грид. *От женихѹ к невестѣ посылѹли батѡжника.* Сямж. Монаст. *Если откѹзывали в сватовствѣ, батѡжника обливѹли водѡй.* Сямж. Монаст. [КСРГ]; *батѡжничѹть* 'в свадебном обряде – просить у родителей невесты разрешения на сватовство' *Я тѡже ходѣла батѡжничѹла. Как плѡхо батѡжничѹла, дак водѡй обливѹли.* Сямж. Монаст. [КСРГ]; *батѡжчик* 'ум.-ласк. к батѡг' *Тѡпѣрича ей уж нѹдо с батѡжчиком ходѣть, а то стѹрѹя, дак свѹлится нечѹянно.* Сямж. Монаст. [КСРГ].

Кроме этого, от глагола *батѹть* образованы диалектизмы: *баты*, мн. 'средство передвижения по воде из двух выдолбленных осиновых колод, скреплѣнных при помощи бревна' *Баты – лѡдка: две колѡды вырѹблены, крѣпятѹ к бревнѹ, дѡски наколѡчены, чтоб не опрокинѹтьсѹ.* Сямж. Монаст.; *Нѡчьѹ на батѹх ѣздили с фонарями рѣбу колѡть.* Сямж. Монаст. [КСРГ]; *батмѹн* 'связка лука' *Сѣгѡдня лѹк-от в батмѹны вяжѹ.* Сямж. Монаст. *Всѣ тут батмѹны рѹньше вѣсила. Нынче нѹ зиму к дѡчѣри поѣду, дак и лук с собѡй повезѹ.* Сямж. Монаст. [КСРГ].

Праславянские глаголы **batati* и **botati* с древним синкретичным значением 'бить, ударять, колотить, стучать' представляют разные ступени чередования [ЭССЯ 2: 224]. В вологодских говорах, по данным диалектных словарей, сам глагол *батѹть* в указанном значении не отмечен, однако в других русских говорах он зафиксирован: *батѹть* 'бить по воде багром или батаухой для того, чтобы испугать рыбу и загнать её в сети' Тобол., Урал., 'искать, бегая' Новг., Влад.; 'ударять, стучать чем-либо' Ворон.; см. также: *бѹтитѹ* и *батѹть* 'бить' Перм., 'стучать' Свердлов. [СРНГ 2: 141–142]. Семантическая и словообразовательная активность этого глагола в русских народных говорах меньше, чем у глагола *бѡтѹть*: в диалектных словарях отмечено соответственно 25 и 55 производных от них лексем [Яцкевич 2015]. Например, в архангельских говорах употребляется многозначное слово *батарлѣга* 'палка, тонкая жердь, кол'; в кич-городецком говоре отмечены такие слова: *батарчѣна, баторчѣна* 'толстая жердь, бревно' *Бадѡг большѹщий баторчѣной назовѹт.* Влг. К-Г. Подволочыѣ; *Какѹя-нибѹдѹ пѹлка лежѣт: уй, какѹя баторчѣна, говорѹт.* Влг. К-Г. Клепиково; *Какѹ баторчѣну принѣс из вѡлоку.* Влг. К-Г, Климовщина; *Батарчѣна бѡльше колѹ и потѡльше. На дѡрѡге, говорѹт, батарчѣна лежѣт.*

Влг. К-Г. Московка; *Батарчйна – бревно лежйт, егó не несёт; онó как камень, лежйт в водё.* Влг. К-Г. Берсенево; *батарчйник*, собирает. ‘выброшенные течением на берег коряги, брёвна и т. п.’ *Вон набросáет на бёрег всякого от лёса, дак это, и говоря́т, батарчйник ка́кой.* Влг. К-Г. Клепиково [СГРС 1: 56].

Учитывая данные вологодских и других севернорусских говоров, нами была реконструирована следующая словообразовательная база режских архаичных диалектизмов.

Таблица 3

Реконструкция мотивирующей базы режских лексем с корнем *-бат-*

Обратная реконструкция мотивирующих слов	Лексемы с корнем <i>-бат-</i> в режском говоре	
<i>*бáтить</i> и <i>*батйть</i> ‘бить, стучать’	<i>батóг</i> ‘палка, кол’, ‘жердь’, ‘длинная палка для опоры при ходьбе, посох’	<i>батóжчик</i> ‘ум.-ласк. к <i>батóг</i> ’
		<i>батóжник</i> ‘в свадебном обряде – человек, который просит у родителей невесты разрешения на сватовство’
		<i>батóжничать</i> ‘в свадебном обряде – просить у родителей невесты разрешения на сватовство’
	<i>баты́</i> , мн. ‘средство передвижения по воде из двух выдолбленных колод, скреплённых при помощи бревна’	
	<i>батма́н</i> ‘связка лука’	

Диалектные лексемы с корневым морфом **-bus-*

По мнению составителей «Этимологического словаря славянских языков», праславянские лексемы с корнями **-but-* > **-but-s-* > **-bus-* являются этимологически родственными. В этом словаре представлены праславянские глаголы **busati* и **busiti*, которые так же, как глагол *butiti*, имели синкретичное значение ‘бить, колотить’, сохранившееся в ряде русских говоров [ЭССЯ 3: 101–102]. Исходя из этого, в одно этимологическое гнездо, кроме рассмотренных выше режских диалектизмов с корневыми морфами *-бат-* / *-бот-* / *-бут-*, следует включить и слова данного говора с корневым морфом *-бус-*: *бу́слый* ‘серовато-жёлтый, чалый (о масти лошади)’ *Лошадь-то бу́лая, не се́рой, а э́такой горо́ховой ма́сти. Ча́лкой зва́ли.* Сямж. Грид.; ‘неопределенного светлого цвета с серыми, белыми, чёрными пятнами (о масти лошади)’ *Она́ у меня́, бу́лая, мно́го рабо́т переде́лала за жи́знь.* Сямж. Грид.; *забусе́ть* ‘покрыться плесенью, заплесневеть’ *Ры́жики-то уже́ забусе́ли. Ма́ло со́ли.* Сямж. Монаст.; ‘покрыться слоем пыли или на-

лѣтом чего-либо другого'; 'покрыться облаками, тучами (о небе)'; 'покрыться слоем влаги, запотеть' *Окна забусели опять. Каждой дѣнь не по одін рѣз обтираю.* Сямж. Монаст. [КСРГ].

Слова с этимологическим корнем *-бус-* в вологодских говорах в целом составляют значительный пласт лексики, который распределяется по следующим семантическим зонам:

1) цвет, масть животных: *бұслый* 'серовато-жёлтый, чалый (о масти лошади)' *Лошадь-то бұслая, не сѣрой, а этакой горόховой масти. Чалкой звѣли.* Сямж. Грид.; 'неопределѣнного светлого цвета с серыми, белыми, чѣрными пятнами (о масти лошади)' *Она у меня, бұслая, много работ перделала за жизнь.* Сямж. Грид. [КСРГ]; *бұсый* 'серый, дымчатый' *Только бұсой шѣрф-от, не знаю, приглядйчче ли.* К-Г. Сиг. *Кот-от у меня весь бұсой, а лапки бѣлые у него.* Тот. Браг. *Вода-то, гли-ко, бұсая от комарья стала.* Ник. Осин. *Поштѣ же ты экое бұсоѣ платье-то накинѣла?* К-Г. Таш. *У нас платья бұлы али сїние.* Баб. Дем. Погост. [СВГ 1: 51]; *бұсой, бұсый* 'серый, дымчатый' *К дожжю облака ходят бұсые, а в ведру свѣтленьки.* В-Уст. Кузнецово; *Кошка Бұска, бұсая значит.* Сок. Савкино; *бусѣть* 'становиться чѣрным, чернеть (о грибах)' *Красные грибы бусѣют быстро, как изрѣжеш.* В-Важ. Силинская Вторая; 'сѣро-коричневый, бурый' *Иванчики бұсые такіе, коричневатые.* В-Уст. Подворские; 'тусклый, неяркий' *Самовѣр бұсый стал.* Вож. Осиевская. *Ой, какое бұсоѣ платье у ей.* К-Г. Ивакино. [СГРС 1: 183–184];

2) плесень: *бусѣлый* 'заплесневелый, покрывшийся плесенью' *В этом году много земляники бусѣлой.* Влгд. Филют.; *бусель* 'плесень' *Смотри, а уж весь хлѣб буселью покрылся. Бусель на хлѣбе-то* Влгд. Доман.; *бусѣть* 'плесневеть' *Хлѣб-от овчѣм роскрошу, бусѣет весь.* Верх. Берег. [СВГ 1: 50–51]; *забусѣть, забұскнуть и забұснуть, забұсневѣть* 'заплесневеть' *забусѣть* 'покрыться плесенью, заплесневеть' *Рыжики-то ужѣ забусѣли. Мало соли.* Сямж. Монаст. [КСРГ]; *Вчѣрашней хлѣб-от ысь нельзѣ, он весь забусѣл.* Тот. Браг. *Ой, кисѣль-от поставила в шкап да и забыла, забусѣУ.* Верх. Якун.; *Пирогѣ-ти забыли, забұскли уж, подѣ.* К-Г. Рудн. *Все грибы забұсли, гли-ко, как небаско.* Тот. В. Двор.; *Хлѣб-то давнѣшний, весь забұсневел.* В-У. Ильин.; *забұсклый и забұслый* 'заплесневелый' *Одін забұсклой хлѣб ещѣ остаУсѣ.* Баб. Кокш. *Надо бы свѣжѣва хлѣба купитѣ, а то этот забұслый.* В-У. Пал. [СВГ 2: 109–110]; *бусѣнь, бусѣта, бусѣтина, бусѣть, бусинѣ, бұслина, бусь* 'плесень' *Хлѣб-от в пакѣте полѣжѣу, дак бусѣню покрѣусѣ.* Нюкс. Нагорье; *Забусѣло варѣнье, у вас плѣсень, у нас бусѣнь, пенициллин.* Нюкс. Вострое; *Плѣсень дак и зовѣтся бусѣнь.* В-Уст. Каликино; *С капұсты всю бусѣту снимаѣшь, и выносишь на волю, в колидѣр.* У-Куб. Залѣсье; *То ведѣ станѣт и буситѣ, тенѣта соѣлаѣтся как бусѣтина.* У-Куб. Залѣсье; *Перевари, бусѣтину скинь.* У-Куб. Залѣсье; *Бусѣтина появитѣся – в холѣдную воѣду загнетѣ и по-новѣму завари.* У-Куб. Залѣсье; *Хлѣб в столѣ полѣжитѣ и, глядишь, забусѣл, бусѣть такѣя появитѣся.* Сок.

Степановское; *Хлеб пло́хо пропеку́т, так бы́стро забусе́ет, буси́на на ём бе́лая, скоти́ну то́лько корми́ть.* Сок. Заболотье; *Буси́на де́лается swéрху синева́тая; на ма́сле, на хле́бе мо́жет быть буси́на.* У-Куб. Устье; *Бу́слина сде́лается в се́рёдке, буси́ет се́но о́сенью, всё мо́жет забусе́ть: хлеб, суп.* Бабуш. Проскурнино; *бусе́ть* 'покрываться плесенью, плесневеть' *Положу́ в хли́бенку, так не ста́нет бусе́ть.* Нюкс. Малая Сельменга; *Из Ба́бьева о́зера воды́ привезём, она́ не бусе́ет, мо́жет год сто́ять.* Бабуш. Терехово. [СГРС 1: 181–182];

3) пыль: *забусе́ть* 'покрыться слоем пыли или налётом чего-либо другого' Сямж. Монаст. [КСРГ]; *бус* 'мучная пыль' *На ме́льнице мо́лоли, муку́-то вы́черпают, там ко́е-что оста́нется по-за ка́мням, в же́рнова́х, бу́сом зову́т.* К-Г. Курилово; ср.: *буси́ть* 'пылить' Арх. [СГРС 1: 181–182];

4) облака, тучи: *забусе́ть* 'покрыться облаками, тучами (о небе)' Сямж. Монаст. [КСРГ]; *Над́юшка, погляди́-ко, погляди́: всё не́бо забусе́ло. Гро́за, наве́рно, бу́дет.* Тот. Лев. [СВГ 2: 109];

5) мелкий дождь, влага: *бусене́ц* 'мелкий моросящий дождь' *О́пять бу-сене́ц пошо́У, хошь бы попусти́Уся.* В-У. Ник. [СВГ 1: 51]; *забусе́ть* 'покрыться слоем влаги, запотеть' *О́кна забусе́ли о́пять. Ка́ждой де́нь не по о́ди́н ра́з обти́раю.* Сямж. Монаст. [КСРГ]; ср.: *забусе́ть* 'начать идти, накрапывать (о дожде)' *До́ждик-то о́пять забусе́л.* Нюкс. Бобр. [СВГ 2: 109]; *буси́ть* 'моросить (о дожде)' *То ве́дь ста́нет и буси́ть, те́не́та сде́лается как бусе́тина.* У-Куб. Залесье; *Бу́дет хо́лодно, уж буси́ть не ста́нет, буси́ть уж не́чему.* У-Куб. Залесье [СГРС 1: 183];

6) украсть, утащить: *сбу́сать* 'взять без разрешения, украсть' *Ма́рина, где конфе́тку-то сбу́сала?* Сок. [СВГ 9: 98];

7) лодка: *бу́са* 'выдолбленная из одного куска дерева узкая лодка с плоским дном' *Пойде́м бу́су-то те пока́жем.* Ник. Нагав. *Бу́су вы́долбил, да́к на рыба́лку-ту пое́хал.* К-Г. Кирк. [СВГ 1: 50];

8) грязный, неряшливый человек: *буса́р* 'неряшливый, нечистоплотный человек' *Буса́р – че́рный челове́к, нечистопло́тный.* Ник. Ковригино; *бусе́лый* 'грязноватый, перепачканный' *Ке́ньтя, бусе́лая ро́жа, че́го прише́л, че́рез о́кно за́прыгну́л?! В-Уст. Полдарса [СГРС 1: 182];*

9) домовый: *бусе́дко*: *Бусе́тка э́того бо́йлись, что зада́вит но́чью.* В-Уст. Загарье; *Спи́-спи́, бусе́дко приде́т, е́сли поруга́ешься, а чита́ешь моли́тву – не приде́т.* В-Уст. Чёрная [СГРС 1: 182].

Учитывая выявленные семантические зоны употребления лексем с корневым морфом *-бус-* в вологодских говорах, можно провести семантическую и словообразовательную реконструкцию мотивирующей базы соответствующих диалектизмов в говоре Режи.

Реконструкция мотивирующей базы режских лексем с корнем *-бус-*

Обратная реконструкция мотивирующих слов	Лексемы с корнем <i>-бус-</i> в режском говоре
<i>*бусѣть</i> 'бить, колотить'	—
<i>*бусѣть</i> и <i>*бусѣть</i> 'плесневеть'	<i>забусѣть</i> 'покрыться плесенью, заплесневеть'
<i>*бусѣть</i> 'менять цвет: становиться тёмным или светлым, линять'	<i>буслый</i> 'серовато-жёлтый, чалый (о масти лошади); 'неопределённого светлого цвета с серыми, белыми, чёрными пятнами (о масти лошади)' <i>забусѣть</i> 'покрыться облаками, тучами, потемнеть (о небе)',
<i>*бусѣть</i> 'становиться влажным'	<i>забусѣть</i> 'покрыться слоем влаги, запотеть'
<i>*бусѣть</i> 'пылить'	<i>забусѣть</i> 'покрыться слоем пыли или налетом чего-либо другого'

Выводы

В режском говоре употребляются архаичные диалектные лексемы с праславянскими корневыми морфами **-bot-*, **-bat-*, **-but-*, **-bus-*, не имеющие родственных связей со словами современного русского литературного языка. Этимологическое родство данных исторических морфов доказывают авторы «Этимологического словаря славянских языков», опираясь на материалы русских народных говоров и других славянских языков [ЭССЯ 1: 161, 164–167; ЭССЯ 2: 224; ЭССЯ 3: 101–103]. На этом основании режские диалектизмы с указанными морфами объединяются в одно этимологическое гнездо.

Исследование режских этимонимов на фоне родственных лексем, зафиксированных в вологодских и других севернорусских говорах, позволило провести обратную семантическую и словообразовательную реконструкцию данных архаичных диалектизмов и выявить их мотивирующую базу, а также определить основные семантические зоны функционирования диалектных лексем с историческими морфами **-bot-*, **-bat-*, **-but-*, **-bus-*.

Некоторые архаичные лексемы из режского говора также имеют праславянское происхождение, но в «Этимологическом словаре славянских языков» не отмечены. Проведена этимологическая реконструкция данных лексем: *чеботан* 'приспособление для катания с гор в виде выдолбленной из дерева маленькой лодки с двумя ручками'; *буталыга* 'часть ноги от таза до коленного сгиба, бедро'; *бутарлыга* 'большая кость'; *бутарыгой* нареч. 'беспорядочно, кое-как'.

В режском говоре у некоторых диалектизмов сохранились древнейшие значения, которые, судя по данным этимологических словарей, были характерны для этимологически родственных с ними слов ещё в индоевропейский период.

Сравнение лексической семантики режских диалектизмов с корневыми морфами **-bot-*, **-bat-*, **-but-*, **-bus-* позволило выявить различные направления семантической специализации этих морфов.

Архаичность рассматриваемых диалектизмов определяется не только их происхождением и словообразовательной структурой, но и тем, что режские лексемы в своих значениях сохранили этнокультурное содержание, отражающее архаичный тип культуры севернорусского крестьянина.

Таким образом, фиксация и описания лексики говора Режи имеет научную значимость, и в дальнейшем исследование этого говора предполагается продолжить.

Литература

Колесова И.Е., Яцкевич Л.Г. Развитие лексической когерентности в структуре исторических корневых гнезд // Вестник Череповецкого государственного университета. – Т. 2. – 2012. – С. 94–96.

Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика (История «блуждающих частиц»). – М.: Языки славянской культуры, 2008. – 375 с.

Паникаровская Т.Г. Архаические формы в вологодских народных говорах // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности / отв. ред. Н.А. Мещерский. – Череповец, 1970. – С. 56–60.

Паникаровская Т.Г. Диалектная глагольная лексика одного из говоров Вологодской группы северного наречия // Сопоставление по общеславянскому лингвистическому атласу (Черновцы, 1971). – М., 1971. – С. 175–178.

Паникаровская Т.Г. Вологодская лексика в Словаре вологодских народных говоров // Актуальные проблемы диалектологии. – Вологда, 2000. – С. 35–37.

Шаброва Е.Н. Структура производных глаголов в вологодских говорах. Дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 1997.

Шаброва Е.Н. Морфемика диалектного глагола. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. – 220 с.

Яцкевич Л.Г. Эволюционные процессы в историческом корневом гнезде с алломорфами *-рез-* / *-реж-* / *-раз-* / *-ражс-* / *-рожс-* в вологодских говорах // Говоры вологодского края: аспекты изучения: Межвузовский сб. научных трудов / отв. редактор Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – С. 168–181.

Яцкевич Л.Г. Эволюционные процессы морфемобразования на базе праславянского корня **-pel-* в русских народных говорах (Статья первая: исторический алломорф **-pel-*) // Вестник Вологодского государственного педагогического университета. – № 2 – 2011. – С. 95–104.

Яцкевич Л.Г. Очерки морфологии вологодских говоров. – Вологда: ВГПУ, 2013. – 244 с.

Яцкевич Л.Г. Праславянская лексика в «Словаре вологодских говоров» // Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы международной научной конференции (Ярославль, 15–16 апреля 2014 г.) / отв. ред.: О.Н. Скибинская, Т.К. Ховрина. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014. – С. 360–366.

Яцкевич Л.Г. Семантические и словообразовательные особенности этимологического гнезда слов с праславянскими корневыми морфами **-bat-* / **-bot-* в вологодских говорах // Вестник Череповецкого государственного университета. – № 5. – 2015.

КСРГ – Картотека словаря режского говора.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Т. 1–6. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2014.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–46), С.А. Мызников (вып. 47). Вып. 1–47. – М.-Л.; СПб.: Наука, 1965–2014.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва. Вып. 1–29. – М., 1974–2002.

1.1.2. Река Режа и её отражение в менталитете жителей Сямженского района Вологодской области¹

Проект РГНФ № 15-04-00205 а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома» инициирован диалектологами Вологодского государственного университета (руководитель – Л.Ю. Зорина). Проект нацелен на обобщение многолетних наблюдений над особенностями мироустройства, мировосприятия жителей *Режского* сельского поселения Сямженского района Вологодской области и особенностей их речи. *Режей* называется протекающая в этой местности река, а также вся территория поселения, деревни которого расположены в её бассейне.

Река *Режа* протекает по северо-восточной части территории Сямженского района Вологодской области. *Режа* – приток большой северной реки *Ваги*, впадает в неё в 528 км от её устья. Вага же, в свою очередь, является крупнейшим левым притоком Северной Двины. Река Режа имеет протяжённость только в 27 километров. В ресурсе Wikipedia «Реки Сямженского района Вологодской области» она как малая река вообще не значится [Реки].

В действительности же река существует: неширокая, в основном и неглубокая, с коричневатой на цвет холодной водой, в меру извилистая, местами образующая резкие излуины. Вытекает река Режа, как установлено экспедициями местных учителей и школьников, малым ручейком из-под дерева, течёт по болотистой местности. Река имеет и свои малые притоки. Только после впадения реки Режи в Вагу долина последней определяется уже вполне отчётливо [ВЭ: 86]. На территории соседнего с Сямженским Верховажского района водный массив Ваги уже значительный, объёмный.

Через реку Режу построен автодорожный мост, местами оборудованы подвесные мосты и установлены так называемые *лавы*.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

Хозяйственная деятельность на реке Реже традиционно состояла в использовании её вод для лесосплава, в обеспечении работы мельниц, в применении для обеспечения жизнедеятельности людей и домашних животных. До недавнего времени местные жители ещё предпочитали использовать для питья воду именно из реки Режи, считали, что она лучше *опóшной*, то есть сильно минерализованной колодезной воды.

Гидроним *Режа* в этимологическом отношении не вполне ясен специалистам [Мурзаев; Фасмер; Чайкина]. В топонимическом словаре Ю.И. Чайкиной «Географические названия Вологодской области» он вообще не интерпретируется, хотя косвенное суждение о нём всё же содержится: название села *Сямжа* возводится к названию реки *Сямжены*, хотя этимология последнего также неясна. «Но если предположить, – пишет Ю.И. Чайкина, – что топооснова *сям-* родственна по происхождению вепс. *sam//au, sam//al* – ‘мох’, то *Сямжена* – ‘моховая река’» [Чайкина]. Тогда не исключено, что *Режа* – это тоже ‘река’, возможно, ‘болотистая река’. Это предположение входит в противоречие с вошедшим в учебники по топонимике обобщением, согласно которому «в бассейне Северной Двины значительные гидронимы имеют субстратное происхождение, а малые реки – славянское» [Басик 2006: 137]. Важно, однако, учитывать, что понятие о размере и значении реки даже в географии весьма относительно, поэтому вопрос о происхождении гидронима *Режа* остаётся для нас пока нерешённым.

Местность по течению реки Режи также называется *Режей* – в этом видится обычный метонимический перенос названия с гидрообъекта на прилежащую к нему местность. Не без доли юмора на автостанции в Сямже приезжими воспринимается ответ на вопрос «Куда едете?» Обычно звучит: «В Режу, в Режу!»

В исторических источниках Режа и её центр, деревня Монастырская, упоминаются с XVI века [Колесников 1990]. Историки полагают, что славянское население в этих местах проживало уже в XIV веке: *Вага, Северная Двина* – таков был путь древних новгородских насельников края. В XVI веке здесь уже существует *Леванидова пустынь* [Колесников 1971: 101–102] Угрешского монастыря (*угор* – ‘холм, возвышенность; высокий берег’). Он впоследствии приписывается к тотемскому Спасо-Суморину монастырю. Со временем на крутом режском берегу возводятся деревянные зимняя и летняя церкви. В самом начале XX века, в 1904 году, заканчивается роспись пятиглавого каменного храма, стоящего на высоком правом берегу реки Режи. Храм Преображения Господня был повреждён в пресловутые 30-е годы, но в настоящее время последовательно восстанавливается жителями близлежащих деревень (*Бурниха, Гридино, Колтыриха, Копылово, Коробицыно, Марково, Монастырская, Рассохино* и др.) и выходцами из этих деревень [Режа ВКонтакте].

Жителей местности по течению реки Режи в 80-е годы XX века называли *режаками* или *режичами*. Здесь проживало около 6 тысяч человек. В настоящее время в поселении постоянно проживает немногим более 440 человек, что составляет 7,3 % от бывшего населения местности (сравне-

ние ведётся с 80-ми годами XX века) и 5 % от общей численности современного населения всего Сямженского района [Сайт администрации].

До недавнего времени все вышеперечисленные деревни входили в состав Режского сельсовета. В настоящее время эта территория образует Режское сельское поселение. В 30-е годы XX века в каждой деревне было по колхозу, а в деревне Гридино, по воспоминаниям наших старших информантов, даже три колхоза. В конце XX века в этой местности существовало успешное, передовое хозяйство – колхоз «Первое Мая».

В 1983 году в личной беседе с автором этой работы секретарь по идеологии Сямженского района КПСС Т.И. Козлова констатировала: *«Всё идёт на истух»*. Тогда этот оборот речи воспринимался как сямженский фразеологизм, построенный на основе художественного преувеличения. Действительность же убедила в том, что процесс затухания экономической жизни действительно происходил и последствия его оказались катастрофичными. В настоящее время экономическая и культурная жизнь сосредоточилась вокруг районного центра, села Сямжи, а режское хозяйство пришло, как нам представляется, в глубокий упадок. Все хозяйственные объекты распроданы. Новые владельцы многим местным жителям даже неизвестны. Характеризуя ситуацию в животноводстве и болея душой за страдающую на ферме скотину, местный ветеринар Н.М. Черепанов в интервью областному радио предлагал: *«Отдали бы скотину людям, люди бы прокормили...»* Сейчас поселение живо за счёт рубки леса и первичной его обработки, самую стабильную категорию жителей составляют пенсионеры. Местная школа находится под угрозой закрытия.

Режское поселение, расположенное на северо-востоке Сямженского района, находилось прежде на окраине Тотемского уезда Вологодской губернии. Это была действительно окраина, очень удалённое от районных и областного центров место, самая настоящая российская глубинка. Достаточно вспомнить, что распределение выпускников областного педагогического института в Режу или в соседнюю с ней Двиницу в шестидесятых годах XX века представлялось катастрофичным. В силу значительной удалённости, а также по причине отсутствия вплоть до 90-х годов прошлого века приемлемого транспортного сообщения сельские жители обитали практически в изоляции от центров культуры и поэтому сохраняли в речевой практике традиционные особенности местного говора.

С 1983 года вплоть до 2015 года диалектологами Педагогического института ВоГУ проводится обследование особенностей говора Режи. В конце XX века, в 80-е его годы, когда диалектологи ВГПУ начинали проводить свои наблюдения над говором, местность была ещё густонаселённой, значительную часть её населения составляли люди, родившиеся в конце XIX – начале XX века. В связи с этим ценность собранных диалектологами материалов представляется очень высокой.

Покажем особенности режского говора фрагментом записи:

*Бацяру́хой ра́ньше-то называ́ли, ра́ньше не куфа́рка. Бацяру́ха обряжа́-
ецце, всё цы́сто де́лает. Ёй то́лькэ бега́й бе́гом да обряжа́йся. Вста́ну в*

пять цѣсов да всё время бацѣрницаю. Цѣю вѣплю. Мнѣ некогда, я не хочу разъѣдѣца. Устанѣшь. Увѣрице суп-то, дак там как закипѣло, возьму да в блюдецкѣ накрошу крошеніны да нахлебѣюсь. И пекѣт, и варит, и скотѣ обряжѣет – всё бацѣруха. Бацѣрухи, говорѣют. Ой, христовы жѣнишыны! Берѣт такѣм кочѣм, наперѣд кладѣт ношу!

На основе подобных записей составляется словарь диалектных слов и устойчивых выражений режского говора. Словарные статьи в нём содержат обильные материалы как по характеристике самой реки Режи, так и по описанию особенностей жизни людей на её берегах. Сосредоточимся далее на высказываниях информантов, которыми в этом словаре создаѣтся образ реки Режи.

Реку, ручей старшие жители называли словом с обобщѣнным значением *потѣчина*: *Пѣжни Комарѣця, Попѣвскіе Берѣзовки у мостѣ. Идѣт по одной потѣчине, одна по-за другой. По одной потѣчине пѣжни, говорѣют, если онѣ все по одной рѣчке. Сямж. Монаст.* Устойчивое выражение *идти по потѣчине* означает 'идти, передвигаясь вдоль реки, ручья'. Ты как придѣшь к Попѣвской Берѣзовке, дак иди по этой потѣчине, дак и придѣшь к черепановским пѣжням. Сямж. Монаст. *Спрашивают: «Как пришлѣ?» Я грю: «А всё шла по этой потѣчине».* Сямж. Монаст.

Река Режа характеризуется в словаре с разных сторон: 1) по наличію топких мест – *По Рѣже-то нет ключевѣн, а по Вѣге дак есь. Сямж. Монаст. Ключевѣна* – 'топкое место, где бьют ключи'. *Как по Вѣге-то идѣшь, в Вѣгу-то впадѣют ключѣ. Настѣлькѣ тѣпкое мѣсто, что не пройдѣшь. Корѣвы-то дѣже садѣцѣ, вынимѣть их ѣздѣт.* Сямж. Монаст; 2) по наличію опасных, скрытых водой включений в русле реки: *Есть мѣстѣ, где рекѣ колѣдники вымывѣет, ѣдак дѣрѣвья под грунтом.* Сямж. Монаст. *Колѣдник* – 'дѣрѣвья, поваленные ледником и оказавшіеся под грунтом'; 3) по характеру течения: *Рѣжа-то тѣтока у нас перебѣристѣя, а дѣльше впадѣет в Вѣгу.* Сямж. Монаст. *Перебѣристѣй* – 'бурный, стремительный, изобилующий донными перепадами (о реке)'.

Жители Режи не без гордости говорят о том, что их река впадает в большую и важную в экономическом отношеніи реку Вагу, часто говорят о характере Ваги: *Рѣжа пѣла в Вѣгу.* Сямж. Монаст. *Пастѣ* – 'впасть, влиться'. *По Рѣже-то нет ключевѣн, а по Вѣге дак есь.* Сямж. Монаст. *Вѣга Вель перешибла да и дѣлее потеклѣ.* Сямж. Монаст. *Вѣга много рек перебивѣет и дѣлее течѣт, много рек онѣ перебила.* Сямж. Монаст.

Разными словами в местном говоре обозначаются излучины в русле Режи: *Кривѣулина* – 'изгиб, поворот русла реки': *Вот как рѣз у криѣулины-то егѣ и завелѣ в реку-то. Хоть и неглубокѣ, да свѣлился.* Сямж. Монаст. *Кривѣун* – 'изгиб, поворот русла реки': *Где рекѣ поворачивѣет, говорѣют: какѣй здѣсь криѣун. Вон у нас Рѣжа повернула, чѣтыре дѣма прошлѣ и опѣть повернула.* Сямж. Монаст. *Вон кривѣун рекѣ. Видишь из-за ѣтого кривунѣ дѣрѣвню? Ѵто Бурнѣха. Кривунѣв на нѣшей рекѣ мѣло.* Сямж. Монаст. *Если дойдѣшь до Рассѣхина, там стѣлько криунѣв!* Сямж. Монаст. *Дойдѣшь до криунѣ – там и косѣли.* Сямж. Монаст.

Обычно внимание жителей привлекает к себе глубокое место в русле реки. Для обозначения такого места в режском говоре служат также разные слова: *Котёл* – ‘глубокое место в реке’: *Котёл-от называется место, где купаются*. Сямж. Рассох. *Курыя* – ‘глубокое место в реке, омут’: *Пойдём рыбу ловить, где курья*. Сямж. Монаст. *Курыя такая, а вокруг курья-то эдака пластина есь, это и есь рёлка*. Сямж. Грид.

Место, где бьют ключи, также находит ряд обозначений в местном говоре: *Ключ* – ‘поток, начинающийся из бьющего из-под земли родника’: *Как по Ваге-то идёшь, в Вагу-то впадают ключи*. Сямж. Монаст.; ‘топкое место на берегу реки, озера, где из-под земли бьёт много ключей’: *Каждый день раньше ходили телят выволакали из ключей-то. На них трава-то растёт, вот телята и идут*. Сямж. Рассох. *Ключевина* – *Как по Ваге-то идёшь, в Вагу-то впадают ключи. Настолькё топкое место, что не пройдёшь. Корёвы-то даже садяце, вынимать их ёздыт. По Рёже-то нет ключевин, а по Ваге дак есь*. Сямж. Монаст. *Ключевде место* – ‘место, где бьёт родник, ключ’: *Если из земли вода бьёт, это ключевое место, не замерзает*. Сямж. Монаст.

Водовороты в этой местности обозначаются по-разному: *Котёлик* – ‘водоворот в реке, омут’: *Котелок всё говорят, котёлик мало кто скажет*. Сямж. Монаст. *У котёлика купаться страшно, уташишит*. Сямж. Монаст. *Котелок* – ‘водоворот в реке, омут’: *Котелок – когда вьёт, тонут там. Побежим купаться в котелок, котелки в реке есть, да не тут*. Сямж. Монаст. *Кто посмелей, дак у котелка купаются, а кто и поднырнёт*. Сямж. Монаст. *Курыя* – ‘глубокое место в реке, омут’: *Пойдём рыбу ловить, где курья*. Сямж. Монаст. *Курыя такая, а вокруг курья-то эдака пластина есь, это и есь рёлка*. Сямж. Грид.

Во время весеннего половодья река преображалась, по ней даже был возможен лесосплав: *Тогда эдакая водополь была – ужас просто! Вся Рёжа разлилась*. Сямж. Монаст. В последние годы – по-видимому, в связи с осушением прилежащих болот – такого уже не случается. Однако жители всегда обращают внимание на эстетическую сторону поведения родной реки.

Летнее обмеление реки в режском говоре характеризуется устойчивыми, фразеологическими выражениями: *Күрице до хёлки, свиньё до лодыги* – ‘о низком уровне воды в реке’: *Когда в реке мало воды, то говорят, что күрице до хёлки, свиньё до лодыги*. Сямж. Монаст. *Хёлка* в этой местности – это ‘место сочленения ступни с ногой’. *Воробью до колёна* – ‘о низком уровне воды в реке’: *КоУда весна али после дожжя, дак рйчка-то разливается, а сейчас дак воробью до колёна*. Сямж. Монаст. Таким образом, в менталитете жителей актуально сравнение глубины реки с близкими сердцу реалиями животного мира.

Во время летнего обмеления реки обнажаются обычно скрытые водой островки, рёлки: *Рёлка* – ‘островок, намытый рекой’: *Серёдь реки, на рё-Уке, трава растёт*. Сямж. Монаст. // ‘возвышенное место в русле реки, отмель’: *Рекá наносила много камнён, песку, мелко стало, трава торчит*

из воды — это рѣУка. У нас вот у Колтырихи рѣУки есть, их надо объезжать, а то лодка на мель съедет. Сямж. Монаст.; ‘небольшой участок покоса около реки, леса’: С одной рѣУки скосим, пойдём на другую рѣУку. Сямж. Монаст. У нашей-то рикѣ рѣУки небольшойё. Сямж. Монаст. Курья́ такая, а вокруг курьѣ-то эдака пла́стина есь, это и есь рѣлка. Сямж. Грид. Есь ма́ленькие такие рѣУочки, а вон копна́ сѣна на́косице, дак это уж рѣУка. Сямж. Монаст. Рѣлочка — ‘отмель’: Ка́мушки ви́дять, как река́ их перебира́ет на рѣУочке. Сямж. Монаст. Ох, если б ты ви́дел, как мы вчера́ на рѣУочку се́ли! Сямж. Монаст. Сейча́с-то уж нет у нас рѣУочек, одна́, поди, то́лько и встрѣтится по всей реке́, всё́ прямо река́ течёт. Сямж. Монаст.; ‘небольшой участок покоса около реки, леса’: Есь ма́ленькие та́кие рѣУочки, а вон копна́ сѣна на́косице, дак это уж рѣУка. Сямж. Монаст.

В хозяйственном использовании речных угодий существенную роль играет видовой состав рыб. Здесь водятся елец, сорога, окунь, щука, ёрш, пескарь, подъязок, голавль, налим, заходит в реку и хариус. Некоторые виды рыб имеют местные названия: *Пара́ня* — ‘пескарь’: Кто ша́ра́ней зо́вет, кто па́ра́ней. Из ша́ра́ни-па́ра́ни уха́. Сямж. Монаст. *Нали́мье* и *Нали́мьё* — ‘налимы’: Ра́ньше мнѣго нали́мья́ бы́ло в ри́чке. Сямж. Монаст. Ве́дь уха́ из нали́мья́ о́чень хоро́шая. Сямж. Монаст. Ле́д замерза́ет то́ро-сами, не́чего ходи́ть ту́да. Нали́мье уж не уви́дишь, если то́ро́сы. Сямж. Грид. *Ко́рюх*, *Ко́рюжье* — ‘корюшка’: В э́той ре́чке да́же ко́рюха не на́й-дёшь. Ко́рюхи-то мы испо́льзуем для на́жйвы. Сямж. Монаст. В *Терѣ́ньевке*-то бы́ло полно́ ко́рюжся́, а э́то ко́рюх та́ко́й. Сямж. Грид. *Красо́тка* — ‘рыба (какая?)’: Да вот в на́шей ре́чке красо́тки во́дятся, красо́тка — э́то ры́ба ме́евка. У ме́евки пла́внички́ кра́сные, са́ма она́ разноче́тная, пото́му и на́звали́ красо́ткой. Сямж. Монаст. *Ме́евка* — ‘любая маленькая по размеру, мелкая рыба’: Кто на че́рвячко́в ло́вит, а кто, как Па́ша, на ме́евки. Ме́евки ма́ленькие. О́ни все́ бли́же к берега́м пла́вают. О́днѣ сви́тленькиѣ, дру́гие красно́пы́рые. Как шу́ка ме́евок уви́дит, так побли́же и подпла́ывает, подождѣ́т да и схва́тит её. Из ме́евок тиро́ги пеку́т, маля́вошником на́зывают. Сямж. Монаст. Ме́евка — э́то ры́бка ме́лкая, она́ на крю́чке бе́гает. Шу́ка на неё и клю́ет. А че́го еши́о-то из ме́евки сде́лаешь? Э́дакая ма́ленькая, куда́ её? То́лько на́жйвкой и по́йде́т. Сямж. Монаст. *Ме́ево* — ‘мальки рыб’: Ме́ево — ма́льки рыб, лю́бой ры́бы, ка́кая в реке́ есь. Из ме́ева то́жю уху́ ва́рят. Все ма́льки — ме́ево. Сямж. Монаст.

В словаре этой местности представлены названия орудий ловли рыбы, их частей и наименования действий. *Ез* — ‘рыболовецкая запруда из досок, веток или др., куда вставляются конусообразные ловушки’. Слово нами зафиксировано только в составе фразеологического выражения *Как на езу́ бы́ет* (кого) — ‘о сильном страхе, волнении’: Ме́ня́ как на езу́ бы́ет. Сямж. Монаст. Мотивировочная основа фразеологизма — сравнение: как по речной запруде идти опасно, страшно, так и какое-то действие вызывает у человека подобную реакцию. *Тройни́к*, *Фити́ль* — ‘рыболовная снасть, состоящая из треугольной сетки, устанавливаемой с помощью трёх шестов;

внутри сетки находится ещё одна сетка с узким горлом, в которое заходит рыба': *Фитиль у нас ещё тройником называют*. Сямж. Монаст. *Флажбк* – 'рыболовная снасть в виде сетки, прикреплённой к палке; используется одним человеком': *Николáй, ты ведь в этот раз ходил за рыбой с флажком?* Сямж. Монаст. *Хвост* – 'узкий конец конусообразных рыболовных снарядов: верши, морды': *Ставят морду хвостом-то против течения. Как поднимается рыба, в неё и заходит*. Сямж. Монаст. *Хвостить* – 'ловить рыбу бреднем': *Как запруду-ту сделают, подведут её к берегу, батогги-те выроют внизу, дак вот уж и хвостят эту рыбу. А где батогги-то поднимут высоко, чтоб она не выскочила*. Сямж. Монаст.

Пойманная рыба издревле была ценной составляющей в местном рационе питания. Пироги с рыбой были различными и назывались по-разному: *Малявошник* – 'пирог с мелкой рыбой': *Из меевок пироги пекут, малявошником называют*. Сямж. Монаст. *Вчера́сь Ко́ля наловил рыбёшки, дак я малявошник испекла. Малявошника-то пошто́ не попробовали? Малявошники-то ставьте на стол*. Сямж. Монаст. *Меёвочник* – 'пирог с мелкой рыбой': *Другие дак и очень любят меёвочник. Да раньше ёсти было не́чего, дак всё хоро́шо*. Сямж. Монаст. *Ба́ба Та́ня давно́ уж не пекла меёвочника, не ловят меёвки-то*. Сямж. Монаст. *Ты, поди́, и меёвочников не ешь*. Сямж. Монаст. *Ры́бник* – 'пирог с запечённой цельной рыбой': *В рыбник све́жую ры́бу посо́лят или соле́ную поло́жат, кла́дут це́лую*. Сямж. Грид. *У меня́ рыбник за́гнён, дава́йте ись горя́ченький*. Сямж. Грид. *Ры́бничек* – ласк. к *ры́бник*: *Во! А два рыбака́, на́ре, зайдливы! А рыбничек за́гнели!* Сямж. Грид.

Некоторые иные реалии деревенской жизни именуются также через представления о реке. Так, *речни́ца* – это 'трава, которая растёт по берегу реки или на её островках': *Пойду́ речни́цу окошу́*. Сямж. Монаст.

Через призму речных реалий в говоре могла осуществляться и характеристика человека: *Ры́бница* – 'любительница есть рыбу': *Я ры́бница, люблю́ всякую ры́бу*. Сямж. Монаст. *Не знаю, кто ры́бница. Вы е́ли, а Анто́н не докүшал*. Сямж. Монаст.

Итак, представления о малой вологодской реке *Реже* и её особенностях пронизывают всю жизнь людей, проживающих по её берегам, и отпечатываются в их сознании как разноплановые представления о реке большой и значительной.

Литература

Басик С.Н. Общая топонимика: учебное пособие для студентов географического факультета. – Минск: БГУ, 2006. – 200 с.

Колесников П.А. Родословие вологодской деревни: Список древнейших деревень-памятников истории культуры / сост. Т.М. Димони. – Вологда: ВГПИ, 1990. – 265 с.

Колесников П.А. Северная Русь: Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII века. – Вологда, 1971. – 208 с.

Режа ВКонтакте [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/club1701738>. Дата обращения: 04.08.2015.

Реки Сямженского района Вологодской области // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. Дата обращения: 01.08.2015.

Официальный сайт администрации Сямженского района Вологодской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.сямженский-район.рф>. Дата обращения: 01.09.2015.

Список сокращений

ВЭ – Вологодская энциклопедия / гл. ред. Г.В. Судаков. – Вологда: Русь, 2006. – 608 с.

Мурзаев – Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. Т. 1–4. – М., 1986–1987.

Чайкина – Чайкина Ю.И. Географические названия Вологодской области: топонимический словарь. – Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1988. – 268 с.

Список сокращений географических названий

Грид. – Гридино

Рассох. – Рассохино

Монаст. – Монастырская

Сямж. – Сямженский

1.1.3. Пословицы и поговорки в режском дискурсе как отражение системы ценностей сельских жителей¹

Многoletнее исследование говора Режского поселения Сямженского района Вологодской области (деревни Гридино, Монастырская, Рассохино и др.) позволило составить обширную картотеку диалектных материалов. В ней нашли отражение сохраняющиеся в сознании жителей этой местности единицы малых жанров фольклора, в частности, пословицы и поговорки. Целенаправленный сбор паремий во время экспедиций не производился, но такие единицы, если они заключали в себе какие-то отличия от фактов литературного языка, фиксировались попутно с другими диалектными материалами.

Обращение к единицам такого рода совершенно необходимо, поскольку, во-первых, именно они в концентрированном виде отражают константы деревенской культуры, ментальные ценности диалектоносителей, а во-вторых, в сознании человека XXI века многие такие факты отражаются лишь минимально, что по меньшей мере грозит углублением разрыва в цепи поколений.

Попытаемся для начала определиться с признаками паремий, то есть тех единиц, которые составляют предмет рассмотрения в данном разделе.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режакн: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

Пословица – это ‘краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение дидактического характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения’ [ЛЭС 1990: 389]. *Поговорка* – ‘краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от пословицы, только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение’ [ЛЭС 1990: 379]. Впрочем, число признаков пословиц и поговорок может выделяться и иначе, например, часто говорят о том, что поговорка может являть собой и незаконченное предложение. Чёткую грань между пословицами и поговорками, а также между пословицами, поговорками и фразеологизмами провести возможно не всегда. Поэтому иногда разными исследователями одно и то же выражение относится к разным упомянутым категориям [Аникин 1985; Вавилова 2010; Гришанова 2014; Пермяков 1970 и др.].

Сгруппируем далее зафиксированные в режском дискурсе паремнологические единицы по семантическому признаку, приводя их сначала в орфографическом варианте, воспроизводя затем в реальном звучании фразы, комментируя с точки зрения содержания и, где это оказывается возможным, приводя в качестве соответствия единицы литературного языка.

Частотным в режских паремиях является упоминание Бога, апелляция к нему как к защитнику, как к высшей силе:

У Бога дней не решётó – говорится о том, что существует большое, не ограниченное количество времени, поэтому не следует спешить, торопиться: *Дней-то ештё не решётó – напíшешь ештё*.

Бог увидит, кто когó обíдит – не следует обижать людей, нанесённая обида обязательно станет явной, поскольку безнаказанным не останется никто, обидчика накажет Бог.

Нáша гóрница с Бóгом не спóритсá – говорится о жилище, в котором плохо сохраняется тепло, в котором в жаркую погоду жарко, а в мороз – холодно. Интересно, что в вологодских говорах *горницей* называют разные помещения. Это может быть лучшая, парадная комната; может быть маленькая комната в пятистенном доме, предназначенная для сна; может быть рубленая комната на чердаке дома, используемая для хранения вещей, а также для сна в летнее время. В приведённой фразе слово *горница* используется в обобщённом смысле, в значении ‘жилое помещение’.

В целом ряде случаев употребляются поговорки, свидетельствующие о том, что в местном социуме сильны центростремительные, а не центробежные настроения:

Одíн горюёт, а артёль воюет – говорится о том, что группа, коллектив людей быстро выполнит ту работу, выполнение которой одному человеку не по силам: *Одíн горюёт, а артíль воюет. Ишь, пóженку-то как окружáли*. Ср.: *один в поле не воин*.

В артíли не без удáлого. Считается, что в коллективе, в группе людей всегда найдётся лидер.

Многочисленные паремии характеризуют сложившиеся семейные отношения:

Брат брату сосед, сноха снохе – коромысло. Речь, думается, идёт об отношениях в большой крестьянской семье. В ней брат брату – друг, помощник, сосед (а близкий сосед, как говорится, даже ближе дальнего родственника). А кем приходится сноха снохе – это возможно толковать двояко. *Сноха* – жена сына; жена брата; снохи – жёны братьев. *Коромысло* – предмет для ношения ведер, ушатов с водой, то есть предмет для удобства, для облегчения труда. Может быть, речь тоже идёт о взаимопомощи? Однако женщины в одном доме часто соперничали, коромысло могло использоваться и как орудие для нанесения ударов друг другу.

Первая нύжа, как нет мύжа – незамужняя женщина и, тем более, женщина, потерявшая мужа, оказывалась в очень трудном положении, так как семья оставалась без основного работника, без кормильца. *Нύжа* – это простонародный вариант лексемы *нужда*, использование его диктуется необходимостью рифмовки слов *нύжа* и *мύжа*.

Не уродись, дерево, на сковородник, а парень на живётника. *Не уродись, дерево, на сковородник, а парень на живётника. У тя три парня, дак не отдавай никого в живётники. Живётник, подживётник, подшестóчник* – этими и многими другими обидными словами называют на Вологодчине мужчину, перешедшего на жительство в дом жены, *примака*. Считалось, что мужчина должен привести жену в свой дом, отсутствие дома в деревенской жизни не одобрялось, оценивалось резко отрицательно, а положение такого мужа в доме жены оказывалось заведомо унижительным. *Сковородник* как предмет кухонного обихода быстро обгорает, изнашивается – так и мужчина, которого используют преимущественно в качестве работника, может быстро растратить силы, потерять здоровье, то есть положение *живётника* (от слова *живёт* ‘имущество’) незавидное, быть хозяином в собственном доме лучше.

Дёвушку (жену, невесту) надо выбирать в мятьё да в мытьё. *Дёвушку* ведь надо выбирать в мятьё да в мытьё. Если девушка во время выполнения тяжёлой, грязной работы (мять лён, мыть избу перед Пасхой) вынослива, энергична, улыбчива, значит, из неё получится отличная жена. Ср. шекнинское: *Невесту выбирают в баёнке да в трепáленке.*

Шító-крýто, спокóй дорогóй – всё хорошо; всё так, как надо; нет беспокойства, тишина, покой. Говорится, в частности, о том, что семейные отношения не должны быть достоянием чужих людей. Слово *спокóй* в режском диалекте отличается от литературного *поко́й* наличием приставки.

Свáтья мой, уважítельная. *Свáтья мой, уважítельная. Бúду свáтью любítь, бúду в гóсти ходítь.* В Режском поселении ещё ощущаются отголоски большой старой семьи. В ней есть *родня*, т.е. *природа*, есть *свои*, есть *присвои* – существует детальная градация степеней родства. Старшие женщины, особенно, если брак детей удачен, поддерживают близкие, дружеские отношения со сватами. Правда, не исключено, что в момент записи цитировалась частушка, и тогда это уже единица другого жанра.

С пёрвым сча́стья нет, так и со второ́м не́чего иска́ть. С пёрвым сча́стья нет, дак и со второ́м не́чего иска́ть. Речь идёт о замужестве: если первый брак неудачен, то и второй будет таким же. Поговорка обращает внимание на то, что первый брак должен быть сохранён, потому что человеку свойственно повторять свои ошибки.

Разумеется, средствами паремий нередко даются характеристики детям в разные периоды их жизни:

Вы́скочит с воробу́шка, а вы́растет с корбу́шку. В таких фразах запечатлевается крестьянская языковая картина мира. Птицы, животные — вот с чем обычно проводится параллель. Ср.: *маленькие детки — маленькие бедки.*

Ма́ленького роди́ть, а большо́го пои́ть да корми́ть — с маленьким ребёнком меньше хлопот, чем со взрослыми детьми: *Ма́ленького-то роди́ть, а большо́го-то пои́ть да корми́ть.* Ср.: *маленькие детки — маленькие бедки.*

Ряд пословиц и поговорок затрагивает сложившееся в социуме представление о противопоставлении мужского и женского начал. *Де́вка спит — до́м вы́спит, мужи́к спит — до́м проспи́т.* Формула была произнесена в ситуации, когда девушкам в праздничный день было позволено поспать чуть дольше. По представлениям наших собеседниц, старших женщин деревни, женщина остаётся в доме, и всё вокруг неё обустраивается; мужчина же как рачительный хозяин должен быть уже с раннего утра занят на работе. Но не исключено, что эта поговорка была употреблена как ироничная формула, извиняющая неподобающее поведение городских девушек в деревне.

Целый ряд паремий в режском говоре касается особенностей человека. Так, характеризуются внешние данные человека.

Кто вскочи́л, тот и вы́скочил. Говорится о сходстве отцов и детей. *В отця́ похо́жа. — А ве́дь кто вскочи́л, тот и вы́скочил.*

Отмечаются интеллектуальные особенности человека: *Голова́ ду́ра, дак нога́м споко́ю не даё́т.* Или: *Голова дура — и ногам покою нет.* Ср. в литературном языке: *дурная голова ногам покою не даёт.*

Косо́ повя́зана, да далеко́ ви́дит. Говорится о прозорливом человеке. Имеется в виду косая повязка, закрывающая глаз человека, который, тем не менее, всё видит, всё понимает, во всём разбирается.

Кто по́н, тот и ба́тько (у кого). Сказано о легковёрности, доверчивости человека, о его неумении отличить настоящее от вымышленного: *Да у неё кто по́н, то́т и ба́тько. Всех бомжэ́й к себе́ приговори́ла.*

Рядом паремий характеризуется поведение человека в жизни:

Жи́жу сызда́лэй ви́жу, гу́ща-то все́го пу́ще: Жи́жу-ту сызда́лэй ви́жу, гу́ща-то все́го пу́ще. Всё плохое притягивает издали, важно разглядеть хорошее. Ср.: *запретный плод сладок.*

Где кисе́ль, там и се́л, где пиро́г, там и лё́г. Говорится о человеке, легко поддающемся уговорам сесть за стол. В жизни деревенской глубинки часто случалась острая нехватка продовольствия, поэтому в будние дни в

чужом доме не принято было садиться за стол. Детей учили, что у соседей может быть мало еды, и не на всякое приглашение к столу следовало отвечать согласием. Если человек нарушал неписаное правило, это резко бросалось в глаза и оценивалось отрицательно.

По смёрть бы послать (кого). Говорится о медлительном человеке: *По смёрть бы послать, дак пострадали бы.* Ср.: *только за смертью посылать (кого).* В режском говоре широко употребляется предлог *по* с винительным падежом: не только *по грибы, по ягоды*, но и *по смерть*.

Укázчику прыщ (etc.) за щеку. Негативное, грубое выражение, решительный отказ сделать так, как советуют или приказывают. Так в деревенском социуме человек демонстрирует свою самостоятельность, даёт отпор советчику, тому, кто вмешивается в чужие дела.

Ведь я не солнышко, всех не обогрjú. Дак ведь я не солнышко, всiх не обогрjú. Использование этого образного выражения отражено на графическом листе народного художника России Джанны Тутунджан, а ею фиксировался говор деревни Сергиевской Нюксенского района, значит, поговорка на Вологодчине бытует достаточно широко.

Язык на простом месте (у кого) — о любителе говорить, болтать, пустословить: *Язык-то на простом месте. Мелí, Емеля, твой неделя!*

Неуча в попы не поставят — говорится о том, что человек, занимающий какую-либо должность или претендующий на неё, должен ей соответствовать по уровню образования: *Неуча в попы не поставят: Это раньше так: если человек не учился в семинарии, то его и не поставят в попы. А если про сегодняшние времена говорить, то я так скажу: если ты плохо или мало учился или не толковый, дак и нечего и в начальство лезти. Сиди да не высовывайся.*

Главная ценность крестьянина — труд и создаваемые трудом блага, поэтому в целом ряде пословиц и поговорок отражается отношение человека к труду:

Дождь дождёт — хозяин дрожит, а казак радуется. *Дождж дожджёт — хозяин дрожит, а казак радуется.* Казак в этом говоре — наёмный работник. Хозяину дорог каждый час работы, а наёмный работник рад возможности отдохнуть.

Лень добра не мыслит — от лени ничего хорошего не бывает: *Пóрано зшiшó. Подожду немножко. Косить надо. Лень добра не мыслит.* Это часть более широкой сентенции: *Пар костей не ломит, лень добра не мыслит и без соли ес(т).*

День длинный, а нитка коротка. Так говорят о весеннем дне, когда уже долг световой день, но человеку не работается, он в состоянии апатии, скорее всего, из-за весеннего авитаминоза. Даже зимой, в тёмные дни, работа могла идти лучше. Прилагательное *короткая* употреблено здесь в характерной для говора стяжённой форме *корóтка*.

Пар костей не ломит. Предполагаем, что это говорится о пользе напряжённого труда, труда «до седьмого пота». Тогда логично объединение

этого оборота с его продолжением: *Пар костей не ломит, лён добра не мыслит и без соли ес(т)*.

Людям на час, а мы днём свернём – говорится насмешливо о том, что работа, быстро выполняемая другими людьми, будет выполняться говорящими в течение длительного времени.

Летом бы соснуть, а зимой бы куснуть. Летом нужно напряжённо работать, ибо *летний день год кормит*. Если летом поленишься, то зимой будет тяжело, не удастся наверстать потерянного времени и возможности запастись продукты впрок. Ср.: *лето – припасиха, зима – подбериха*.

У плохого хозяина в телеге и два колеса захоботят. При разбалансировке колесо в телеге будет *хоботить*, т.е. совершать колебательные движения. Хозяин, заметив это, сразу исправляет дефект. У плохого же хозяина и два колеса разбалансируются – он это проигнорирует, не исправит.

Хоть стены чапай, а всё равно вставай – этими словами учат работать, действовать даже через силу, мобилизуя себя до последней возможности. Ср.: *хоть умирай, а рожь сеять надо*.

В режских паремиях нередко говорится об условиях успешной трудовой деятельности.

Жарок да мелок, дак испечёшь пирожок. *Жарок да мелок, дак испекёшь пирожок*. *Жар опустишь, дак тожо ницеб не сдёлаеть*. Если у хозяйки будут хорошие дрожжи (мел, мелок, закваска) и достаточный жар в печи, то пироги обязательно будут удачными. Ценится рачительность, умение вести домашнее хозяйство.

Катерина да Егор, сослужите службу! – говорят, надевая рабочие рукавицы и похлопывая одной о другую. Думается, само это действие и произносимые при нём слова позволяют человеку сосредоточиться, проверить свою готовность к началу серьёзной работы.

На травах роса – легче ходит коса. Во время сенокоса надо торопиться, пока солнце невысоко и роса не высохла. *В народе недаром говорится: на травах роса – легче ходит коса*. Ср.: *коси, коса, пока роса, роса долой, и мы домой*.

Иногда в паремиях проявляется упование человека на природные условия, стремление его жить в согласии с природой.

Была бы угода, так будет и погода. *Угода* – урожай, нарост грибов и ягод: *Была бы угода, дак будет и погода*.

Пришли по лето, уйдём по зиме – говорится о резкой перемене погоды, о похолодании: *Пришли по лето, уйдём по зиме*.

Многочисленны единицы малых форм фольклора, озвучиваемые за столом:

Паужна не важна, ужин не нужен – обед хорош. Здесь обыгрывается диалектное слово *паужна*. В разных говорах оно имеет разные значения: 'обед'; 'полдник'; 'ужин'; 'перекус между основными приёмами пищи'; 'приём пищи во время таких значительных работ, как сенокос, жатва или др.' и т.д. В режском говоре *паужна* – 1) 'приём пищи во время таких значительных работ, как сенокос': *Всё-то и паужны – стакан молока*;

2) 'приём пищи между обедом и ужином, полдник': *С па́ужины ходили по коров*; 3) 'ужин': *Хоро́шой обе́д, дак и па́ужны не на́дэ*. Полдник называется также словосочетанием *ра́нная па́ужна*: *Фа́инка приде́т да э́столькэ бу́дет на́ро́ду, дак до обе́да огребём да до ра́нней па́ужны*. Судя по анализируемой формуле, предпочтение в режиме питания отдаётся сытному обеду.

Без хлѣба никто́ ни жы́ть, ни бы́ть не мо́жет. Ср.: хлеб – всему голова.

Всѣ, что е́сть в печѣ, несѣ на плечѣ. Шутливое обращение хозяина или гостя к хозяйке, стимулирующее её проявить радушие, гостеприимство, выставить на стол всю имеющуюся в доме пищу. *В печѣ* рифмуется с *на плечѣ* неслучайно: в режском говоре существительные 3-го склонения испытывают влияние 1-го склонения.

Без верхосы́тки и стол не бога́т. *Верхосы́тка* в режском говоре – кушанье, которое подаётся на окончание трапезы, своего рода десерт. Слово чаще употребляется в сочетании с предлогом: *на верхосы́тку*. *Десерт* 'фрукты или сладкие блюда, подаваемые в конце обеда' – слово французского, позднего происхождения, для русской крестьянской культуры не свойственное. Но в русской традиции после съеденного обеда многие любят полакомиться чем-либо резко отличающимся по вкусу – солёеньким, например, после сладкого киселя. Это и будет кушанье *на верхосы́тку*, поскольку оно заметно освежит вкусовые ощущения.

За ку́с не секу́сь – лишь бы горячо́ было: *За укúс не беру́сь (не секу́сь), лишь бы горяце́ было сва́рено*. Эти слова о низком качестве приготовленной еды скромно говорит хозяйка, ожидая, впрочем, похвалы сидящих за столом.

Ма́ло че́стно, мно́го сы́тно. Да ма́ло поѣли-то! – Ма́ло че́стно, мно́го сы́тно! Формула выражает удовлетворение от съеденного, достаточность его для ощущения сытости.

В зи́му бы не пусти́ли (кого) – говорится о том, что животное должно иметь достаточный вес и упитанность, чтобы его оставили для разведения потомства. В нашем случае речь идёт о людях, стремящихся похудеть: *Ну, Олѣшка, вы с ма́ткой пло́хо ку́шаетѣ. Бы́ли бы бо́ра́нами, дак в зи́му бы не пусти́ли*.

Приём пищи обставляется ритуалом, оформляется шутливыми поговорками:

Ещё бы подбежа́ло, да дѣнышко помеша́ло. Шутливо говорится о быстро заканчивающемся вине.

Чай не пьѣшь – кака́я си́ла? Чай попи́л – совсе́м осла́б.

Чай пить – не дрова рубить.

Приём пищи, чаепитие располагает к неторопливой беседе, и людей учат воспользоваться такой возможностью: *Ско́лько за сто́лом посиди́шь, сто́лько и в ра́ю поживѣ́шь*.

Некоторые пословицы оценивают ту или иную житейскую ситуацию:

В сухую воду не слáзишь. О невозможности сделать что-либо без усилий и затрат: *Много надо ниток на половики. А их и нет. А и есть — дорогие. Без ниток и половиков не будет: в сухую воду не слáзишь.*

В людях и на усторóнье. О ситуации, когда чувствуешь себя и в безопасности, и в курсе дела. *Кошка съест колбасу и спит в швейной машинке. Никто не найдёт её: в людях и на усторóнье.*

В паремиях нередко проявляется философичность отношения людей к жизни:

Вék жítъ — не в пóле ёхать: *Дорога-то в поле не долгая, а всё может случиться. А жизнь-то длинная, всякие беды бывають. Бывало, и погорюешь, и порáдуешься, и посмеёшься, и поплáчешь. Ср.: жизнь прожить — не поле перейти.*

Где гóре обняло, тут и горюй — о покорности судьбе, о принятии случившегося как данности. Судя по этому обороту речи, человеку следует сдерживать себя, не проявлять прилюдно эмоций, не делать свои переживания достоянием посторонних.

В паремиях аккумулируются житейские наблюдения, практические советы:

За мýхой не с обúхом — говорится о том, что лёгкое дело нужно делать без особых усилий: *За мýхой не с обúхом. Ведь её топором не убьёшь.*

Кóсть да жýла — нагóльная сýла — о худощавом жилистом человеке, обладающем большей силой по сравнению с полным человеком. Считается, что лучше быть худым, но сильным, чем полным, но нездоровым: *Кóсть да жýла — нагóльная сýла.* Прилагательное *нагóльный* в числе своих значений в вологодских говорах имеет значение 'содержащийся в большом количестве, большой'.

Кто старóе помянет, тому́ гла́з вы́колют — для достижения мира и взаимопонимания людям необходимо забыть старые обиды. Ср.: *кто старое помянет, тому глаз вон.*

На ўмного не наживáй — сáм наживёт, а на дуракá не наживай — всё проживёт — фраза учит человека своевременно повзрослеть и научиться обеспечивать себя самостоятельно.

Рáнное теля́тко, а пóзднее ёгня́тко — телёнок должен родиться ранней весной, так как ему для взросления требуется больше времени, чем ягнёнку. Следовательно — всему своё время: *Рáнного телёночка уже весной выпускают здоровенького, чем того́, кото́рый родится пóзже. А ёгня́тко — дак то́т быстре́й растёт, хоть и пóзже родится, вот. Говора́т: Рáнное теля́тко, а пóзднее ёгня́тко.*

Режские паремии фиксируют право человека действовать по собственному плану, по своему оригинальному замыслу, и с этим должны считаться: *У ка́ждого по́пá сво́й уста́в. В ка́ждой це́ркви по́пы служи́ли по-ра́зному, ве́зде слúжбы отлича́лись друг от дру́га. А сейча́с так ска́жут вот в тако́м слúчае: мно́го люде́й, и ка́ждый своё говори́т. Или: кто ка́к говори́т — всё по-ра́зному. Ср.: в ка́ждом монасты́ре свой устав.*

Таким образом, режская паремиологическая система весьма богата. Наибольшим наполнением характеризуются такие группы её единиц, как «характеристика человека», «семейные отношения», «трудовая деятельность», «поведение за столом». Местная паремиология основана преимущественно на использовании общерусских смыслов (*жизнь – поле, Бог увидит, телятко – егнятко, летом – зимой* и др.). Способы организации паремиологических единиц в основном таковы же, как и в литературном языке. Их отличает краткость, лаконичность текста (*Дождь дождит – хозяин дрожит; Жижу сыздалей вижу* и др.); синтаксический и смысловой параллелизм (*Брат брату сосед, сноха снохе – коромысло; Не уродись, дерево на сковородник, а парень на животника; Девка спит – дом выступит, мужик спит – дом проспит* и др.); использование аллитерации (*Жижу сыздалей вижу, гуца того туце*), ассонанса (*в мятьё да в мытьё*) и рифмы (*днём свернём, ужин не нужен, есть в пече – неси на плече, угода – погода* и др.). Благодаря этим механизмам пословицы и поговорки становятся эквивалентами практически бесконечного числа жизненных ситуаций (*Век жить – не в поле ехать; Где горе обняло, тут и горюй* и др.).

Вместе с тем режская паремиология включает в себя и заметный региональный материал. Это местные фонетические особенности (*артіль, дёнышко, корóтка, сусёд*), диалектные грамматические формы (*ба́тько, в печё*), диалектные слова (*живо́тник, каза́к, кроёное, мятьё, наго́льная, ну́жа, па́ужна, сыздале́й, теля́тко, уго́да, ёгня́тко*), семантические отличия (*артіль* – ‘группа людей, компания’, а не ‘объединение лиц той или иной профессии’). Всё это придаёт паремиологической системе изучаемой местности неповторимое местное своеобразие.

Литература

Аникин В.П. Русский фольклор. – М.: Художественная литература, 1985. – 367 с.

Вавилова М.А. Семейно-бытовые обряды в контексте народной культуры // Словесность и культура как образ национальной ментальности. Юбилейный сборник трудов преподавателей филологического факультета ВГПУ. – Вологда: Изд-во ВГПУ, 2010. – С. 55–170.

Гришанова В.Н. Диалектные устойчивые выражения как отражение норм жизни носителей говора // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 231–237.

Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. – М.: Наука, 1970. – 240 с.

Список сокращений

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

1.1.4. Своеобразие фразеосемантической системы режского говора: этнолингвистический аспект¹

В современной русистике этнолингвистическое направление представлено в трудах Н.И. Толстого, С.М. Толстой, А.Ф. Журавлёва, В.Н. Топорова, О.А. Черепановой, Т.И. Вендиной, Е.Л. Березович, М.Э. Рут, А.В. Юдина и многих других. В последние десятилетия всё чаще внимание исследователей привлекают региональные факты, позволяющие судить о своеобразии диалектной картины мира. Заметим, что возрастает интерес и к изучению фразеологии вологодских говоров в лингвокультурологическом плане [Кондрашкина 2012; Андреева 2012; 2013], издан словарь устойчивых оборотов речи в вологодских говорах «Золотые россыпи» под редакцией Л.Ю. Зориной [ЗР].

Бесспорно, наиболее ярко национальная специфика фразеологии проявляется в ходе сопоставительного изучения, о чём свидетельствуют работы, объектом анализа которых являются фразеологизмы разных языков [Малыгин 2011]. Не меньший интерес представляет сравнение общерусской фразеологии с региональными фразеологическими подсистемами русского национального языка.

Предметом описания в настоящей работе является фразеология говора жителей Режи. Речь жителей Режского поселения Сямженского района Вологодской области изучалась под руководством проф. Л.Ю. Зориной в течение нескольких десятилетий. В настоящее время картотека Словаря режского говора представляет интерес не только для диалектологов, но и для историков, этнографов. Самостоятельную ценность имеет фразеологический фонд этой картотеки. Рамки настоящей работы не позволяют описать всё его богатство: фактический материал используется избирательно в соответствии с целями исследования. Следует подчеркнуть, что перед нами реальная фразеосемантическая система, функционирующая на микротерритории – в рамках одного поселения.

М.И. Михельсон в начале XX века отмечал: «Существует двойкий способ выражения мыслей: мы определяем понятие или облекаем мысль словами в прямом их смысле, или же иносказательно, обиняками, намеками, сравнениями с подходящими по смыслу образными словами или, даже, целыми изречениями, в виде отдельных фраз, пословичных поговорок, пословиц и общеизвестных цитат» [Михельсон I: с. VI]. Проиллюстрируем это утверждение примерами из картотеки словаря режского говора. Важные для крестьянина понятия могут быть номинированы словами в их прямом значении: *бережѣна* 'трава, растущая на берегу реки, *ва́жнѣй* 'помещение для хранения зерна, муки', *во́дополь* 'половодье', *доѣнка* 'дойная

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

корова' и т. п. В то же время для обозначения самого обычного, бытового предмета, например, головного убора, может быть использована образная номинация. Так, высокую мужскую шапку круглой формы без ушей назовут *крѣночка*, в основе семантического переноса лежит сравнение с крестьянской посудой – кринкой. Характеристика человека даётся при помощи таких слов, как *крутіло* 'человек, быстро выполняющий какое-либо действие' или *тихоброд* 'человек, который медленно ходит'. Показательны контексты: *Круто рабѣтает – и бѣдет крутіло. Хоть дѣвушка, хоть парнѣк, всё однѣ – крутіло*. Сямж. Монаст. *Крутіло и естѣ крутіло: идѣт бѣстро, а коль тихо, так и тихоброд*. Сямж. Монаст. Таким образом, анализ диалектной лексики показывает, что в говоре, как и в литературном языке, наряду с рациональным познанием мира отражается его чувственное восприятие. Приведѣнные примеры дают возможность судить об образной, эмоциональной речи режаков.

Ещё более ярко эти качества проявляются при использовании фразеологизмов: понятие, мысль выражаются при помощи устойчивого оборота. Так, в режском говоре о ленивом человеке скажут – *коромысло в спинѣ заросло*. *Коромысло в спинѣ заросло – это ужѣ больно о ленивом человеке говорят. У негѣ коромысло в спинѣ заросло*. Сямж. Монаст. *Вон как худо шевѣлится! Ой, Колька, Колька! У тя коромысло в спинѣ заросло! Нешевѣля такой был!* Сямж. Монаст. Описывая людей, очень похожих в каком-либо отношении, используют фразеологизм *как из одной плѣхи колоты*: *Как из одной плѣхи колоты, так похожи были – не разберѣшь!* Сямж. Монаст. *Серѣжа да отец – дак как из одной плѣхи колоты! А Колья совсем другой, всё умѣет*. Сямж. Монаст.

Будучи единицей вторичной номинации, фразеологизм обладает более сложной семантикой даже в сравнении с образными словами: понятие обозначается «иносказательно», важную роль при этом играют ассоциативно-образное представление носителей диалекта об окружающем мире, оценка какого-либо явления, ситуации. Так, при варке пива отмечают разные этапы этого действия при помощи устойчивых оборотов: *кѣсами заходило* скажут 'о сильном брожении сусла в процессе приготовления пива'. *Сусло хорѣшее бѣдет: кѣсами заходило*. Сямж. Монаст. При приготовлении пищи может быть использован оборот *ключи улягутся* 'о прекращении бурного кипения жидкости'. *Пусть постоит малѣнько, чтобы ключи-ти улеглись. Вот как кисель свѣришь, дай постоять: пусть ключи улягутся*. Сямж. Монаст. Фразеологизм *седой старик приѣхал* имеет значение 'о сильном утреннем инее осенью': *Как большой иней утром, так бабушка сказывала: «Вот уж, дѣушки, седой старик приѣхал. Видно, скоро холода»*. Сямж. Монаст. О старой, залатанной одежде, обуви говорится: *нет хозяина* (на чём-либо): *А она придѣт на вечеринку, дак у неѣ нѣт уж хозяина на рубашке, вся из мелѣких лоскутков*. Сямж. Монаст. Как видим, народная речь отличается оценочностью, образностью, экспрессивностью.

Описать ФСС говора в этнолингвистическом аспекте помогает идеографическая классификация, в основе которой описание семантики, анализ

внутренней формы фразеологизмов. Такой подход позволяет определить, какие фрагменты окружающей действительности наиболее значимы для диалектоносителей. В составе режской фразеологии прежде всего выделяются две большие группы: «Человек» и «Окружающий его мир», каждая из которых состоит из отдельных подгрупп.

В первой группе при помощи ФЕ оцениваются различные качества человека, особенности его поведения, характер действий, отношения в социуме, нравственные нормы, традиции, система оценок.

Положительно оценивались такие свойства человека, как решительность, умение настоять на своём: *режь, а кровь не канет* 'об очень решительном, твёрдом человеке'. Высоко ценилось трудолюбие (*наперёд класть нóшу* 'брать на себя тяжёлые виды работы'), ум, знание (*три арши́на в зéмлю вíдит* 'об умном, проницательном человеке'), скромность, миролюбивый характер (*травы́ не одёрнёт* 'о тихом, скромном человеке'). Как правило, контексты усиливают положительную оценку отмеченных фразеологизмов: *А внучáтка хоро́шенькие, травы́ не одёрнут. А ба́бка-та воспитáла их.* Сямж. Монаст.

О народном идеале позволяют судить и ФЕ, содержащие отрицательную оценку, поскольку именно они характеризуют те качества, которые не одобрялись в крестьянской среде, вызывали осуждение: глупость, лень, жадность, необщительность, неразговорчивость или же, напротив, излишняя болтливость. В качестве примеров приведём фразеологизмы как *бóжий бычóк, дýкая голова́ (мéсто), ни из носа ни изо рта* 'о глупом, бестолковом человеке', *трём соба́кам воды́ не разлítь* 'о неумелом, несообразительном человеке', *не на́ рúки кудéлька* 'о неумелом работнике', *в спине́ коромысло (лень) заросло́* 'о ленивом человеке', *к себе́ пáльцы гну́тся* 'о жадном человеке', *безъязы́кое мéсто* 'о неразговорчивом, молчаливом человеке', *язык на простом месте, язык незапертой* 'о болтливом человеке'.

Как правило, в контексте за счёт лексического окружения, синтагматики, грамматических конструкций возрастает экспрессивность высказывания: *Ой, боже мой! Такие некувяки девки-то! Ни спросить, ни сказать! Ни из носа, ни изо рта!* Сямж. Монаст. Иллюстративный материал показывает, в какой ситуации те или иные качества, свойства характера порицаются диалектоносителями: *А как э́тта приходíла ко мне сла́вница-то, де́ньги приноси́ла, то́лько зашла́ да и ушла́ – ну и безъязы́ко мéсто!* Сямж. Монаст.

Оценочный характер имеют фразеологизмы, обозначающие внешность человека. Положительная оценка окрашивает предметно-понятийное значение ФЕ *кость да жила – наугольная сила* 'о художавом жилистом человеке, обладающем большой силой', *со всего́ лёсу* 'очень высокий, крепкого телосложения'. Отрицательную окраску содержат ФЕ *о́дно костьё́* 'о похудевшем, худом человеке' (*У меня́ ниче́го уж не оста́лось, о́дно костьё́.* Сямж. Рассох.); *как из тени волокут* 'о чрезмерно худом, тощем человеке' (*Как из те́ни волоку́т – та́кая суха́я. Не мо́жет напра́виться, всё суха́я, ниче́го не подаётся. А дру́гой как на о́паре кúснет.* Сямж. Монаст.).

В составе первой группы выделяются также фразеологизмы, которые описывают физическое состояние человека, как правило, тяжёлое из-за напряжённой работы или преклонного возраста. Приведём примеры: *отстать от рук* 'о сильной усталости после напряжённого физического труда' (Так будешь грести, што отстанешь от рук, отстанешь от рук — до чего уж делается. Сямж. Монаст.); *с копылков упасть* 'упасть без сил, в изнеможении от тяжёлой, изнурительной работы' (Идите чай пить, а то все рабочие с копылков упадут. Сямж. Монаст.), *язык навыворот* 'о состоянии сильной усталости' (Хозяйство-то было больше, коровы да телёнок — бёгаешь, дак язык навыворот. Сямж. Монаст.), *здыху нет* (у кого) 'о затруднённом дыхании, сильной одышке' (Здыху-то нет, дак топёрь и петь-то не могу. Сямж. Грид.). Другие фразеологизмы характеризуют эмоциональное состояние человека: *в духах* 'в хорошем расположении духа', *сердце в брюхо упало* 'о внезапном ощущении тревоги, испуга', *полная шапка волос* 'о сильном испуге', *сердце заходит* 'о состоянии огорчения, душевной боли', *скука долит (одолит)* 'охватывать кого-либо, всецело овладевать кем-либо (о состоянии скуки)', *петь победные песни* 'горевать'. *У меня мама двадцати девяти лет вдовой осталась, дак всё и пела победные песни.* Сямж. Монаст.

Следующая подгруппа включает в свой состав фразеологизмы, описывающие трудовую деятельность человека, его основные занятия. Особый интерес в этнокультурном плане представляют архаичные ФЕ. Так, фразеологический оборот *катать (катить) новину (новинку, льнище)* 'расчищать участок леса под пашню, посев льна: после вырубki поваленный лес и выкорчеванные пни складывают в «валы», зажигают их и перекатывают по земле' позволяет судить о древнем подсечно-огневом земледелии: *Как начнут катать новину, так лес рубят, все камёнья уберут. Новину-то катят, дак много народу соберёцца.* Сямж. Монаст. Фразеологизм *ходить на чучалки (на чучалках)* 'охотиться с помощью чучела тетерева' связан с охотничьим промыслом: *Когда ток, птица-то токуёт, дак ходят на чучалках. Сошьют чучалку, пёрышек навтыкают, посадят на дерево. К этой-то чучалке прилетает тетерев. Это называют — ходить на чучалку. Иногда по две-три птицы принесут.* Сямж. Монаст. Во время сенокоса умелый хозяин должен правильно отбить и наточить косу. Фразеологизм *натянуть бухтин* имеет значение 'сделать несколько выбоин, вмятин на лезвии косы, неумело её отбивая': *Пузырь на косе такой, сюда колонишь — бухтина будет. Как натянул бухтин, так и всё, бросаю косу.* Сямж. Монаст.

Отметим фразеологические обороты, связанные с ведением домашнего хозяйства: *смотреть за всяким местом* 'следить за хозяйством, содержать всё в порядке' (У нас раньше за всяким местом дед смотрел, а теперь всё развалится. Сямж. Грид.); *отменку делать* 'наводить порядок, прибираться' (У меня ведь, деУки, всё не баско. А раньше робят полон дом быУ, дак какой уж порядок! Всё кверху дном. Токо в праздники отменку и делали. Сямж. Монаст.); *дома не знать* 'не заниматься ведением домашнего хозяй-

ства' (*Я управляла всё чисто, она дома не знала – встала да пошла*. Сямж. Монаст.). Судя по приведённым контекстам, в крестьянском доме должен быть порядок, нерадивые хозяйки подвергались общественному осуждению. Следует подчеркнуть, что для сельского жителя всегда было важно мнение окружающих, о чём косвенно свидетельствуют ФЕ *быть на славе* 'пользоваться уважением', *попасть в честь* 'получить признание, прославиться'.

Этнокультурный компонент фразеологического значения ярко проявляется в информации о традициях и обрядах носителей говора. Ритуальные формы народной культуры отражаются во фразеологизмах, связанных с обрядами, сопровождающими важные события в жизни крестьянина: жатва, строительство дома, сватовство, похороны. Анализ архаичных ФЕ позволяет реконструировать систему верований наших предков.

Приведём примеры устойчивых оборотов, связанных с окончанием жатвы: *дожинальный сноп* 'сноп, который жнецы ставили в передний угол дома в знак окончания жатвы' (*А коУдá кончáли жáть, дожинальный сно́п домо́й носíли – в сýтки поста́вят под ико́ну*. Сямж. Монаст.); *дожинальный саламат* 'блюдо из овсяной крупы, приготовляемое на празднование окончания жатвы' (*Ма́ть гото́вит дожинальный солома́т – пло́шку, о́чень вку́сное. Да вы́ бы тепе́рь и и́сь не ста́ли*. Сямж. Грид.).

По традиции отмечались важные этапы в строительстве крестьянского дома. Так, устойчивый оборот *пить закладное* имеет значение 'праздновать начало строительства', *пить матицу* 'праздновать закладку матицы, основной балки, поддерживающей потолочный настил в деревянных строениях': *Закладно́е бревно́ поло́жат – пьют закладно́е, кнечко́вое – кнечко́вую пра́зднуют, и ма́тицу дак пьют*. Сямж. Монаст. Соответственно составное наименование *матица-саламатица* обозначало 'веселое собрание с угощением, пирушка по поводу укладки матицы, сопровождающаяся приготовлением саламата': *Как ма́тицу-то в домо́у поло́жат, дак салама́т и де́лают. Вот и называ́ют: ма́тица–салама́тица*. Сямж. Монаст.

О старинном народном обычае свидетельствует ФЕ *показать тело до колена* 'в традиционной народной культуре – приподняв подол, продемонстрировать качество и чистоту нижнего белья девушки и её способность к рукоделию': *Подподольницы носíли. Девке нельзя́ было прийти́, чтобы́ виски́ какие-нибудь. Иишо́ па́рни говори́ли: «Покажи́ тело́ до колена́!» Де́сять раз ска́жут, не отсту́пятся от де́вки, если у неё худо́е бельё*. Сямж. Монаст.

Согласно крестьянским патриархальным взглядам, главное предназначение женщины – это семья, материнство, девушка должна вовремя выходить замуж, «не засиживаться в девках». Об этом свидетельствуют ФЕ *присаживать к месту* 'выдавать замуж' (*А ма́мка-то и говори́т: «Парнёк-то хоро́ший сва́тается, на́до к ме́сту тебя́ приса́живать»*). *Вот и пошла́ я за́муж, а уж пла́кала!* Сямж. Рассох.); *не в соль солить* (кого) 'о необходимости своевременно выдавать замуж' (*Де́душка сказа́л: на́до за́муж отдава́ть, де́вок-то ве́дь не в соль соли́ть*. Сямж. Монаст.).

С ситуацией сватовства связаны ФЕ *шѣло скováть* 'получить отказ при сватовстве' (*Шѣло скováл пáрень-то, впросáк попáл*. Сямж. Рассох.), *сáжсей обліть* 'отказать жениху при сватовстве' (*Он за ней полгóда бѣгал, а егó сáжсей обліли. Зря и бѣгал. Сáжсей обліли*. Сямж. Монаст.). Фразеологизм *мѣсто (мѣста) смóтрѣть* имел значение 'в свадебном обряде – осматривать хозяйство жениха или приданое невесты': *Сосватáют неvéсту, приéдут к ней мѣста смóтрѣть: корóву, подóушки*. Сямж. Монаст. Со следующим этапом свадьбы – самим свадебным торжеством связаны устойчивые обороты *подзывать к стакáну* 'угощать пришедших на свадьбу посторонних, но, как правило, знакомых людей, которым нет места за праздничным столом' (*У нас рáньше ведѣ подзывáли к стакáну – молодáя. Прихóдят посторóнные посмóтрѣть, дак приглашáет: «Фáйна Прокóпьевна! Подойдите сюдá!» Котóрые выпьют цѣлую стóлку, а на вѣлке пирóг да ковбасу́ подаю́т*. Сямж. Монаст.), *малые (маленькие) столы* 'праздничный обед для небольшого количества людей в первый день свадьбы' (*Сначáла мáленькие столы́ бѣли, сидѣли недóлго*. Сямж. Монаст.), *большие столы* 'в традиционном свадебном обряде – застолье на второй день свадьбы' (*На вторóй день больш́ие столы́ бѣли. Людѣй побóле, и сидѣли подóле, и наготóвлено побóле вся́кого*. Сямж. Монаст.), *отсидѣть стóлы* 'принять участие в свадебном торжестве' (*Сначáла у неvéсты столы́ отсидя́т, потóм у женихá*. Сямж. Монаст.).

О древних суевериях, распространённых в крестьянской среде, свидетельствует ФЕ *на опáшку бросить* 'бросить, кинуть за себя, в сторону (о записке, которая писалась в случае пропажи скотины)' *Мáло ли бывáет, овѣц закрóет, и стадовóдницы не слы́шно. Тогдá схóдим к Секлѣтии, онá канбалóу напíшет, брóсим на опáшку – овцы и прибежáли*. Сямж. Монаст. *Камбалóу напíшет на берёсте и брóсит на опáшку, за себá то́ есть*. Сямж. Рассох. В вологодских говорах слово *кабалá* (канбалá, кáмбалá) употребляется в значении 'по суеверным представлениям – записка с заговором, помогающая найти пропавшее животное'.

Выделяется подгруппа устойчивых оборотов, отражающих языческие верования русского народа. Так, ФЕ *нѣчисть бáннáя* имеет значение 'по суеверным представлениям – нечистая сила, которая обитает в бане': *Вот рúки-то неглáдкие бывáют из бáни, так это́ нѣчисть бáнная навелá*. Сямж. Монаст. Фразеологизм *слóвно бáнник унёс* 'о внезапной, неожиданной пропаже чего-либо' происходит, вероятно, из представления о свойствах нечистой силы, её способности появляться и исчезать мгновенно, всячески вредить человеку: *Ключ от бáни потеря́ла... Встрѣтила ба́бу, погово́рила. Тогó чáсу погово́рила – и потеря́ла. Ну, слóвно бáнник унёс*. Сямж. Грид. В говоре Режи лексема *банник* имеет значение 'по суеверным представлениям – злой (или добрый) дух, живущий в бане, вид домового': *А бáнник так всё и сид́ит в бáне за кáменкой. И когда мо́иссе, то́жсо там и сид́ит*. Сямж. Монаст. В сложной системе народной демонологии своё место занимают *бáтюшко-доброхóдушко, ма́тушка-доброхóтница*, обозначающие мифических персонажей, обитающих в конюшне: *Водворѣю́т скотíну, дак*

уж обязательно кланеются в три уголка подклёти, приговаривают: «Ба-тюшко-доброхóдушко, ма́тушка-доброхóтница, примите мою животинку в честь и радость. Сямж. Монаст. В говоре Режи глагол водворять имеет значение ‘совершать обряд введения новорождённого или нового животного в хлев’: *Коро́ва родит телёнка, надо его водворить*. Сямж. Монаст. Контекст свидетельствует ещё об одном народном обычае: приглашать с собой домовых при переезде в другой дом: *Ма́тица-доброхóтица, ба́тюшко-доброхóтушко! Пойдём со мной домой*. Так говорят, когда невеста переезжает в дом мужа. Или семья – в другой дом. Сямж. Монаст. Батюшко в народной речи имеет значение ‘отец’, исходное значение слова *матица* – ‘мать’, о чём свидетельствуют данные этимологических словарей [Фасмер II: 581] и наблюдения исследователей [Криницкая 2014]. Отмеченные устойчивые обороты не случайно включают помимо терминов родства второй компонент – *доброхóтушко, доброхóтица*: эти слова должны ‘задобрить’ мифического персонажа, установить с ним контакт. В противном случае он может причинить вред: так, *ба́тюшко-доброхóтушко* способен вселиться в человека и начать его душить. О.А. Черепанова отмечает: «Персонажи демонологии обнаруживают сходные с человеком черты в своём облике, поведении, отношениях, но всегда с какими-то ограничениями, отклонениями от норм реальности или вовсе с ‘обратным знаком’ [Черепанова 1996: 7].

Одним из древних компонентов, входящих в состав диалектных фразеологизмов, является лексема *прах*, обозначающая нечистую силу. Л. П. Якубинский в «Истории древнерусского языка», описывая распространение церковнославянизмов в говорах, рассматривает слово *прах* как эвфемизм чёрта [Якубинский 1953: 116]. В говоре Режи отметим следующие идиомы: *надава́ло ко праха́м* (кого) ‘о том, кто пришёл не вовремя, некстати’ (*Ко праха́м ещё тебя́ мне надава́ло! Видишь, и так некогда*. Сямж. Рассох.); *пойти́ ко праха́м* ‘полностью разрушиться, потерпеть неудачу, провал’ (*Я так стара́лась, рисова́ла, а ко праха́м всё и пошло́*. Сямж. Рассох.); *прах но́гу сло́мит* ‘о беспорядке, захламлённости в доме’ (*Грязно ли, што ли, дак ска́жут – хавáвно, прах но́гу сло́мит*. Сямж. Грид.). Факты современного говора подтверждают точку зрения Л.П. Якубинского: диалектные фразеологизмы строятся в основном по общерусским моделям с компонентом *чёрт*: ср. *пойти́ ко праха́м* – *пойти к чёрту* (ко всем чертям), *прах но́гу сло́мит* – *чёрт ногу сломит*. Однако заметим, что внутренняя форма диалектных ФЕ, на наш взгляд, может сохранять и более ранние (дохристианские) представления наших предков о мире. Производное значение старославянского слова *прах* ‘останки, то, что осталось от тела умершего’ даёт возможность предположить перенос значения на метонимической основе (‘останки’ → ‘сам умерший’). Это заставляет вспомнить культ умерших предков, распространённый у славян в глубокой древности, отчасти сохранившийся до наших дней (например, обрядовая еда на поминках). В этом случае ФЕ с компонентом *прах* отражают христианско-языческий синкретизм, свойственный народному мировосприятию.

Образ, положенный в основу значения фразеологизмов *душá короткá* (у кого) 'о человеке, у которого от физических усилий появляется одышка' (*Ой, скóро и у меня душá стáнет корóткой, ёле здышú.* Сямж. Монаст.); *души знатко* 'заметен, виден пар изо рта (при дыхании в холодном помещении)' (*В двúх-то кóмнатах не хóлодно, а в однóй дак душú знáтко: дых-нёшь, дак вíдно.* Сямж. Монаст.), связан с древними представлениями славян о душе, духе. Внутренняя форма этих ФЕ показывает, что древние народы отождествляли явления, названные словами *дух, душа, дыхание*, на что неоднократно обращали внимание лингвисты.

Многие ФЕ отражают православный взгляд русского человека на мир. Большинство из таких фразеологизмов выражает главную идею – всё в судьбе человека находится во власти Божьей: *у Бога дней не решето* 'о большом количестве времени'. В ситуации, когда необходимо подтвердить истинность своих слов, используется фразеологизм *на то Бог: На то Бог, я его вíдяла: вчерá в магазín приходíл.* Сямж. Монаст. Внутренняя форма фразеологизма *вкру́те Бóга не умо́лишь* 'о попытках в последний момент перед чем-либо наверстать упущенное, не сделанное своевременно' свидетельствует о правилах христианского поведения: Бог должен быть постоянно в сердце человека, нельзя обращаться к нему только в трудной ситуации. *Перестáнь, А́нна! Вкру́те Бóга не умо́лишь.* Сямж. Монаст. О необходимости соблюдения христианских таинств говорит устойчивый оборот *грехи сдавать* 'исповедаться'. *Что, нагрешíла? Дак náдо к бáтюшке идтí грехú сдава́ть.* Сямж. Монаст. Фразеологизм *летя́чий оgoнь* имеет значение 'огонь, высекаемый трением в Чистый четверг в обрядовых целях': *Её спрóсишь: «Чего́ секёшь?» – «Литéчьёй оgoнь». А когда́ вы́секёт, дак и ска́жёт.* Сямж. Монаст.

О православном отношении к смерти можно судить по внутренней форме ФЕ *на пра́вом пути́* (кто) 'об умершем человеке': *О поко́йниках плóхо не говоря́т, а она́ тепе́рь уж на пра́вом пути́, как говоря́т.* Сямж. Монаст. Внутренняя форма фразеологизма связана с представлением о том, что после смерти душа человека покидает *грешную землю*, переходит в *лучший мир, горний мир*, к которому ведёт *правый путь*.

Внутренняя форма фразеологизма *отдать плати́це* 'умереть' требует этнокультурного комментария, поскольку отражает, по-видимому, древний обряд: отдавать вещи покойника тем, кто провожает его в последний путь: *Она́ и деветí ме́сецей по́сле его́ не прожи́ла, то́жо плати́це отда́ла.* Сямж. Монаст. Об этой ритуальной традиции свидетельствует и фразеологический оборот, зафиксированный в Междуреченском районе Вологодской области: *дары покойника* 'вещи покойника, которые на поминках дарили пришедшим' [ЗР: 55]. Как видим, сакральная идиоматика представляет собой один из самых важных пластов в составе ФСС диалекта.

Большой интерес представляют ФЕ, отражающие обиходно-эмпирический опыт народа: *в сухúю во́ду не сла́зишь* 'о невозможности что-либо сделать без усилий и затрат': *Много надо ниток на половики. А их и нет. А и есть – дорогие. Без ниток и половиков не будет: в сухую воду не*

слазишь. Сямж. Монаст. В русском литературном языке значение многих фразеологизмов формируется, благодаря архетипу *вода*. Экспрессивность отмеченного регионального фразеологизма создаётся за счёт использования оксюморона – *сухая вода*.

В составе ТГ «Окружающий мир» можно выделить несколько подгрупп. В жизни крестьянина-земледельца большую роль играет погода. Ряд диалектных фразеологизмов ярко, образно характеризует её состояние: *чистая погода* ‘безветренная погода’, *до дождя ведро* ‘о кратковременности установившейся ясной погоды’, *прийти по лето, уйти по зиме* ‘о резкой перемене погоды’, *на семёре ехать* ‘быстро и резко меняться (об осенней погоде)’, *дождь с горы* ‘о непрерывном обильном дожде’. Контексты свидетельствуют о том, что от погодных условий зависят результаты труда крестьянина: *Нынче, видно, всё лето будет дождь с горы и сена не накопить хорошего*. Сямж. Монаст.

Отдельные фразеологические обороты служат для яркого, образного обозначения состояния почвы: *провалилась полоска* ‘о плохой, неплодородной земле’ (*У кого мало скотины, мало навозу, дак не родит, провалилась полоска*. Сямж. Монаст.); *песок-жорун* ‘крупный жёлтый песок’ (*Посажена картошка тут, а земля-то худая, один песок-жорун*. Сямж. Монаст.)

Важной в семантическом плане является и группа пространственных фразеологизмов, в их числе ФЕ *рука подать* ‘близко’, которая представляет собой грамматический вариант общерусской идиомы *рукой подать*: *Здесь-то рука подать от Вологды, а в Кич-Городок далеко ехать*. Сямж. Как утверждает В.В. Красных, в подобных фразеологизмах отражается древнее моделирование человеком мира: «В архетипических формах окультуренной человеком пространственной модели мира естественные границы человеческого тела человека разделяют внутреннее для него и внешнее. В телесно достижимой части окружающего мира руки очерчивают границу возможного непосредственного контакта человека с тем, что заполняет окружающий его мир» [БФС: 537]. В результате у компонента *рука* развивается символическое значение ‘близость’. Фразеологизм *на эдаком тору* имеет значение ‘вблизи от большой проезжей дороги’: *Там-то, у тёти Насти, дом-то лучше, а у нас на эдаком тору дак*. Сямж. Монаст. Устойчивый оборот *на устороннице* употребляется в значении ‘отдельно, обособленно от других, в стороне’: *Да она на устороннице живёт, несколько километров отсюда*. Сямж. Монаст. *Я ведь места-то много не займу, на устороннице постою – и всё*. Сямж. Монаст. *Я на устороннице сяду, не буду вам мешать*. Сямж. Грид.

Региональные фразеологизмы отражают народный эталон – крестьянскую меру вещей, явлений окружающего мира. Квантитативные ФЕ обозначают понятия ‘много’ – ‘мало’, обычно они отличаются ограниченной сочетаемостью: связаны с определённой предметной сферой, характеризуют конкретные действия. Так, фразеологизм *мышь бежит, дак видно* имеет значение ‘о редких посевах, траве’: *На моём покосе дак по волотинке в*

ряд, ничего нет. Спрóсят: «Каковá травá на пóжне?» — Ну и отвечаешь: «Мышь бежít, дак виднó». Сямж. Монаст. Количество времени оценивает такой фразеологизм, как много-мало 'время от времени, иногда': *Онá мнó-го-мáло, а крещáет детúшек. Прáвда, над ей смеются мнóгие, да всё-таки зовúт.* Сямж. Монаст.

Количественное значение выражают фразеологизмы *целый кузов* 'очень много, в большом количестве' (*Я пёсен-то знáю цéлый кúзов.* Сямж. Монаст.); *как из кузова валит* 'о большом количестве задаваемых вопросов' (*Онá за языкóм не стоúт. Онá нáтиск имéет. У неё как из кúзова вáлúт. Ой, колоколéц! Онá нáтиску дáёт!* Сямж. Грид.). Компонент *кузов* 'берестяной короб для семян, зерна' используется в символическом значении 'большой объём, много'. Сходная внутренняя форма у общерусского фразеологизма *с три короба* 'очень много, невесть сколько' [БФС: 609]. ФЕ *с кáжного самовáра* (пítь) характеризует действие: 'очень много и часто пить'. *Рыба-то солёная, я и поёла, с тогó и пью, поманю и попью, поманю и попью — дак с кáжного самовáра.* Сямж. Монаст.

Как видим, вторая группа значительно меньше по своему объёму, что объясняется, вероятно, антропоцентрическим характером фразеологии. Правда, следует отметить в составе этой группы большое количество составных наименований. Обладая такими признаками ФЕ, как устойчивость, воспроизводимость, они выполняют в языке диалекта, прежде всего, номинативную функцию. Однако следует заметить, что народные устойчивые обороты такого типа нередко сохраняют образность, отражают народное восприятие мира. Об этом в частности свидетельствуют составные фитонимы *мыший горох* 'растение *Vicia cracca* L., семейство мотыльковых, горошек мышиный', *мышья сосенка* 'растение *Equisetum arvense* L. полевой хвощ (летний)', *медвежье ушко* 'растение *Verbascum*, толоконница', *девичья красота* 'растение *Dianthus campestris* полевая гвоздика', зоонимы *травяная кобылка* 'кузнечик'.

Проведённый анализ подтверждает мысль Л.А. Ивашко: «Национальное своеобразие ФЕ проявляется прежде всего в специфике внутренней формы фразеологизмов, развитии тех или иных образных тем, образных стержней ФЕ на национальной основе в связи с конкретными реалиями, явлениями жизни народа, этнографическими особенностями, с использованием соответствующей лексики в составе ФЕ» [Ивашко 1994: 34]. Фразеосемантическая система режского говора отражает духовную и материальную культуру северного крестьянина, позволяет судить о его мировосприятии. Описание региональной фразеологии помогает представить диалектоносителя как языковую личность на её вербально-семантическом, когнитивном и прагматическом уровнях.

Продуктивным при описании диалектных ФЕ представляется диахронический подход, поскольку он позволяет раскрыть внутреннюю форму фразеологизмов. Культурно маркированными являются фразеологизмы, в составе которых находятся этнографизмы, собственно диалектная лексика. Описание фразеологического образа региональных ФЕ требует, как прави-

ло, лингвокультурологического комментария. Для носителей литературного языка внутренняя форма региональных идиом, как правило, затемнена, тогда как диалектоноситель чувствует их образность, экспрессивность – те коннотативные составляющие, которые формируют семантику фразеологических оборотов. Так, в составе диалектных фразеологизмов могут быть использованы архаичные лексические компоненты: *дожѣть до епанчи* ‘обноситься, оборваться’. *До епанчи, скажут, дожилá, в какой одежде худой ходит*. Сямж. Монаст. Для жителей Режи внутренняя форма ФЕ является прозрачной: в режском говоре *епанча* имеет значение ‘старая, изношенная рабочая одежда’. В современном русском языке это слово используется в значении ‘старинная верхняя одежда в виде широкого плаща’. Первая фиксация слова *епанча* ‘род накидки, плаща, широкое длинное верхнее платье без рукавов’, согласно данным Словаря русского языка XI–XVII вв., датируется XV в.

Локальный характер фразеологизмов, известных режскому говору, обусловлен разными причинами. Прежде всего, региональные ФЕ могут включать в свой состав диалектные компоненты: *мáтица-доброхóтица, травы не одёрнет, словно бáнник унёс, брать такими кочами*, устаревшие слова: *на пятах упечься*. Нередко такие фразеологизмы строятся по общерусским моделям (ср.: *на брилах молоко не обсохло – на губах молоко не обсохло*).

Различие между диалектными и общерусскими ФЕ может наблюдаться на грамматическом уровне (*с руку – с руки, рука подать – рукой подать*).

Компонентами региональных фразеологизмов могут быть семантические диалектизмы, совпадающие по форме с общерусскими словами и отличающиеся от них по своему значению: *петь (запеть) победные песни* ‘горевать (начать горевать)’: *У меня ма́ма двадцатѣи девѣти лет вдово́й оста́лась, дак всё и пѣла побѣдные пѣсни*. Сямж. Монаст. *Вот оте́ц-от у нас не верну́лся, и запе́ли мы с ма́мой побѣдные пѣсни, одніи оста́лись с шестерѣми робѣтами*. Сямж. Монаст.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть общность ассоциативно-образной основы общерусских и диалектных ФЕ (ср. *целый кузов – с три короба*). Анализ ФСС режского говора подтверждает точку зрения И.А. Подюкова: «Фразеосюжеты в народной речи чаще всего универсальны, совпадают не только в разных говорах русского языка, но и в разных языках» [Подюков 2010: 18]. Близость фразеосюжетов очевидна и при сопоставлении общерусских и диалектных фразеологизмов (ср. *травы не одёрнет – тише воды, ниже травы*).

Литература

Андреева Е.П. Культурная мотивация диалектных фразеологизмов (на материале «Словаря вологодских говоров») // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Ч. 10. – Вологда: Легия, 2012. – С. 167–172.

Андреева Е.П. Отражение народной культуры в диалектной фразеологии (на материале Словаря вологодских говоров) // Русское слово и Костромской край: сборник статей / отв. ред. Н.С. Ганцовская, О.Н. Крылова. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 89–94.

Ивашко Л.А. Диалектная фразеология и её формирование на базе лексики народной речи. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 1994. – 38 с.

Кондрашкина С.И. Фразеология вологодских говоров как объект лингвокраеведения // Филология в образовательном пространстве города Череповца: История и современность (к 85-летию со дня рождения Л.Я. Маловицкого). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Череповец, 2011 / отв. ред. Е.В. Грудева. – Череповец: ЧГУ, 2012. – С. 70–78.

Криничная Н.А. Матица – слово, образ, символ // Русская речь. – 2014. – № 4. – С. 116–121.

Малыгин В.Т. Национальное своеобразие русской и немецкой фразеологии в аспекте сопоставительной лингвокультурологии // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения): материалы Междунар. научн. симпоз. к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова: в 2 т. Т. 1. – Великий Новгород, 2011. – С. 23–27.

Подюков И.А. О локальных особенностях пермской диалектной фразеологии // Вестник Пермского университета. Русская и зарубежная фразеология. – 2010. – Вып. 5 (11). – С. 18–22.

Черепанова О.А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 212 с.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка / под ред. В.В. Виноградова. – М.: Учпедгиз, 1953. – 368 с.

Список сокращений

БФС – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / авт.-сост. И.С. Брилева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, И.В. Зыкова, С.В. Кабакова, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, В.Н. Телия; под ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006; 4-е изд. 2009. – 784 с.

Михельсон – Михельсон М.И. Русская речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. – М.: Терра, 1994.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. Т. 1–4. – М., 1986–1987.

ЗР – Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских говорах / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2014. – 304 с.

1.1.5. Характеристики детей в речи жителей Режского поселения¹

Исследование речи жителей Режского поселения даёт интересный материал, касающийся лексики, называющей детей. Пространство детства в традиционной культуре – это «особый феномен, изучая который можно увидеть мир “взрослой” культуры» [Белик 1999: 107]. Поэтому любые наблюдения локального характера имеют значимость для создания языковой картины мира вологодского и, шире, – русского крестьянина.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режахи: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

В изучении диалектной лексики детства мы исходим из положений современной лингвокультурологии, где прочтение в слове культурной информации обуславливает апеллирование к данным различных дисциплин, таких, как лингвистика, этнография, культурология, педагогика. Это, в свою очередь, позволяет создать надежную аналитическую основу, опираясь на которую, возможно близко подойти к сути исследуемого явления традиционной культуры.

В связи с этим особый интерес представляет этнопедагогика, обращение к которой становится всё более популярным, особенно с развитием в современной науке такого направления, как «культурная история повседневности» [Гавришина 2007: 205; Зорина 2014].

Этнопедагогика в культурной истории повседневности занимает большой пласт [Нездемковская 2009]. Термином *этнопедагогика* обозначают народное воспитание детей, воспитание в народной среде и народной средой.

Народное, или традиционное, воспитание происходит спонтанно, т. е. как бы само собой. Открытой дидактичности и морализаторству школьного обучения противостоят скрытая дидактика и нравственность живой разговорной речи, что неразрывно связано с традиционным семейным укладом, бытом, совместным трудом и пропитано особым духом.

Важнейшую роль в традиционном воспитании и образовании играет живая народная речь, ибо она отличается от «очищенного» и «фильтрованного» литературного языка большей силой, красочностью и свободой.

Именно эмоциональность и образность диалектных слов позволяют скрыть дидактизм, сделать ненавязчивой поучительность в живой народной речи. Ведь, как известно, диалектное слово в отличие от литературного всегда аксиологически значимо. Старшие члены деревенской семьи, как явствует из текстовых иллюстраций, интуитивно расценивают слово как один из способов самовыражения через возможность дать собственную оценку всему, что их окружает. В характеристиках детей, даваемых в народной традиции, проявляется поразительная образность народного мышления. Характеристика-сравнение, характеристика-метафора называют ребёнка на данный момент, в данной ситуации, и в то же время в них присутствует намёк на некий круг традиционных представлений, на фольклорный текст или на житейскую ситуацию. Ведь эпитеты часто восходят к древнейшим воззрениям и образам. Так, в вологодских говорах непоседливого, непослушного ребёнка могут назвать словом *кумоха*: *Меньшóй у меня такóй кумоха, на мёсте не усидíт* [СВГ 4: 19]. *Кумóха* – это, по суеверным представлениям северного крестьянина, одна из двенадцати мифических лихорадок, злой дух: *Будешь в холóдной водё купáться, кумоха зá ноги схвáтит, ни за чтó не вы́плывешь*.

В говоре Режского поселения представлены самые разные характеристики детей – по возрасту ребёнка, его статусу в семье, его характеру, по его физическим и поведенческим особенностям.

Обратимся к лексике, в которой представлены идеи, выражающие такие качества ребёнка, как непослушание, упрямство, баловство, шаловливость, плаксивость. В отличие от серьёзности, послушания они представлены большим количеством лексем. Такое словотворчество диалектоносителей, применимое к отрицательным характеристикам детей, не случайно и отражает народные представления о норме и антинорме в воспитании детей. То, что воспринимается как норма (послушание, серьёзность, выполнение родительских поручений и пр.), не требует особой эксплицированности в слове, тогда как отступление от нормы вызывает живую реакцию и закрепляется в оценочных номинациях.

Материал для данного исследования выбран из Словаря вологодских говоров и его обширной картотеки [СВГ]. Рассмотрим группу слов, называющих непослушного ребёнка.

В речи жителей Режского поселения есть такие характеристики, как *балун, вольница, самоволька*. Картотека содержит следующие высказывания информантов: *Вольница какáя, да не слúшает ни отцá, ни мать – никого!* Сямж. Монаст. *Ох уж éти ребя́та, самовольки такíе, хоть чего́ на-творя́т; самоволька – баловно́й éсли.* Сямж. Монаст. Внутренняя форма этих слов прозрачна, легко соотносится с литературными словами *баловать, вольничать, самовольничать*.

Номинация *лешачонок* является суффиксальным образованием от известного слова *леший*. Использование диминутива в речи режаков, безусловно, объясняется именно дискурсом детства: *Нань лешачонок по по-вítным вóротам барáхтается.* Сямж. Монаст. *Ох ты, лешачонок! Опя́ть де́вку квели́шь!* Сямж. Монаст.

Интерес представляют слова *опаздерёнок, опаздёрок, опащёнок*. Примеры записанных высказываний: *Опаштёнок-то вон у меня́ опя́ть нако-лесíл. Ушёл да и не сказа́Усё!* Сямж. Монаст. *Ну и опаздёрок! ВзяУ ро-га́тку да и вы́стегнул мне око́шко! То́лько сбры́кало!* Сямж. Монаст.

Изучение материалов других областных словарей [ОСВГ; СРГК; Селигер; ЯОС] убеждает в том, что такие лексемы характерны только для вологодских говоров, в частности для речи жителей Режи. Вместе с тем такие мотивирующие слова, как *пащёнок, паздера, паздерник*, отмечаются в областных словарях, например, в «Областном словаре вятских говоров» [ОСВГ 7: 216], в словаре В.И. Даля и в «Словаре русских народных говоров». Так, в словаре В.И. Даля слово *пащенко* имеет одно значение – ‘щенок, молокосос’ с пометой «бранное» [Даль 3: 27]. В говорах происходит развитие значения, и слово употребляют применительно к «негодному» мальчишке, как, например, в вятских и ярославских говорах [СРНГ 25: 309].

Изначально слово *паздира / паздера* употребляется для указания на наружный, корявый слой на мочале, сдираемый как негодный для лаптей. Об этом пишет В.И. Даль [Даль 3: 8]. Он приводит также глаголы *паздерить, паздирать* со значением ‘драть, сдирать, отдирать’. В «Словаре русских народных говоров» это явление представлено большим словообразова-

тельным гнездом – более 20 лексем. Здесь любопытно и развитие прямого значения, и появление переносных значений. Обратим внимание на два сделанных нами наблюдения, которые будут интересны для осмысления названий непослушных детей *опаздерёнок, опаздёрок* в вологодских говорах.

У глагола *паздернуть* появляется значение ‘бить, пороть, сечь’ [СРНГ 25: 144], что собственно объясняет использование этого мотивирующего слова в назывании непослушного ребёнка.

Среди прочих однокоренных слов есть слово *паздериха*, в словарной статье которого находим следующий комментарий: так прозвали чиновника, который когда-то приезжал в деревню, вероятно, разъяснять права сельских обществ. Это событие памятно в народе и сейчас, хотя бы даже тем, что *паздериха* до сих пор служит угрозою маленьким ребятишкам, когда они *у́росят*: *Будет вот ужó опять паздериха-то! Она́ вас, бесчу́вных, отпа́здерит* [СРНГ 25: 144].

Ско́лоток – ещё одно название непослушного ребёнка, зафиксированное в речи жителей Режи: *Вон На́дька како́й сколо́ток, всё фулига́нит*. Сямж. Монаст. *Никова́д не ви́дела еши́о тако́ва сколо́тка*. Сямж. Монаст. *По у́лице сколо́тки бе́гают, набалу́ют что́-нибудь*. Сямж. Монаст. Можно предположить, что значение ‘ребёнок, склонный к проказам, баловству’ у этого слова появляется только в вологодских говорах, так как данные других областных словарей, а также «Словаря русских народных говоров» и словаря В.И. Даля не указывают такого значения, а фиксируют только одно значение – ‘внебрачный ребёнок’ [СРНГ 38: 59; Даль 4: 201].

Особую группу слов в говоре Режского поселения составляют обозначения капризных, плаксивых детей. К ней относятся слова *вы́дрочек, вы́тешек, каню́к*.

Слова *вы́дрочек, вы́тешек* отражают традиционные народные представления об избалованном, капризном ребёнке. Они восходят к словам *дрочить* и *тешить*, которые непосредственно связаны с воспитанием, означают ‘нежить, баловать любя, холить, потакать’ [Даль 1: 495] и известны многим говорам, на чём свидетельствуют данные словарей. Приставка *вы-*помогла носителям говора выразить избыточность, сверхмеру в этом процессе, а значит, и определить отношение осуждения: *Вы́дрочек, ещё вы́тешек мо́жет быть. Избалова́ли тебя́, Вла́дик, вы́тешка. Тако́й вы́тешек-то!* Сямж. Монаст. *Ну у тебя́ и внук – вы́дрочек настоя́щей, тако́й ребёнок капри́зный!* Сямж. Монаст.

Народное словотворчество проявляется в использовании слова *каню́к*. Существительное *канюк* известно литературному языку в значении ‘хищная птица из семейства ястребиных, крик которой напоминает плач, мяуканье’ [МАС 2: 28]. Это существительное легло в основу просторечного глагола *канючить* – ‘надоедливо просить о чём-нибудь, жалуюсь на что-нибудь’ [МАС 2: 28]. Эмоциональность и образность в народном воспитании обуславливают появление метафоры, и тогда капризный ребёнок тоже

становится канюком: *Да не буду надевать! Хватит! Надоёл, канюк!* Сямж. Монаст. *Канюцит да канюцит...* Ну ты, Светка, канюк! Сямж. Монаст.

Взрослый человек, формируя у ребёнка понятия о том, «что такое хорошо и что такое плохо», оценивает различные жизненные ситуации и приучает ребёнка к определённым этическим и эстетическим установкам. Поэтому в народной речи обязательно найдут эмоциональный отклик нарушения, касающиеся приёма пищи, манеры одеваться, речевого поведения и др.

В заключение обратимся ещё к одной характеристике детей в речи режских жителей, которая также имеет внутренний воспитательный потенциал.

Ребёнка, нарушающего установленный порядок приёма пищи, назовут выразительным словом *безвытица*: *Ох, ты безвытица! Опять полный рот напexала.* Сямж. Монаст. В «Словаре русских народных говоров» содержится большая информация о слове *выть* и однокоренных с ним словах. Можно установить, что мотивирующим является слово *выть* в значении ‘количество пищи, которое человек может съесть в один приём, на завтрак, обед или ужин’. Примеры, приводимые в «Словаре русских народных говоров», указывают в том числе и на вологодские говоры: *Мы платили за каждую выть по гривеннику. Я по семи пудов хлеба к выти ем* [СРНГ 6: 44]. Нарушение нормы, а именно значение ‘есть больше, чем сможешь, есть набирая в рот пищи больше, чем надо, есть без меры’ носителю диалекта помогает выразить отрицательная приставка.

Таким образом, взрослый, выражая своё отношение к ребёнку, одновременно вводит его в метафорический мир, в мир традиций и мир общественных отношений. Поэтому ребёнок даже нелицеприятным эпитетом не «пригвождается», но получает свободу для осмысления своих поступков через обращение к культурным образцам («всё познаётся в сравнении»). Хвала и хула указывают на крайности человеческого поведения и определяют образ ребёнка, удовлетворяющий требованиям взрослых, требованиям семьи. Задача порицания – сравнением с отрицательным образом оттолкнуть ребёнка от нежелательных поступков. Задача похвалы – сравнением с положительным образом подтянуть к идеалу. В сопоставлении идеала и антиидеала у ребёнка формируется Образ Жизни. Слово, с которым обращаются к ребёнку, которым именуют его в различных ситуациях, становится для него ключом, открывающим тайны мироздания.

Литература

Белик А.А. Культурология: Антропоцентрические теории культур. – М.: Российский гос. гуманитар. ун-т., 1999. – 241 с.

Гавришина О.В. Повседневность // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 2. – М., 2007. – 1184 с.

Зорина Л.Ю. Этнопедагогический потенциал диалектных благопожеланий // Русский язык в школе. – 2014. – № 3. – С. 80–85, 107.

Нездемковская Г.В. Этнопедагогика о традиционных ценностях воспитания // Воспитание школьников. – 2009. – № 6. – С. 57–62.

Слепчина Н.Е. Традиционное воспитание в коми культуре второй половины XIX – первой трети XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Сыктывкар, 2005. – 32 с.

Угрюмова М.М. Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах Среднего Приобья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск: ТГУ, 2014. – 22 с.

Список сокращений

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М.: Терра, 2000.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – Изд. 2-е. – М., 1981–1984.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Вып. 1–7 – / под ред. З.В. Сметаниной. – Киров, 1996 – 2012 –.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

Селигер – Селигер: материалы по русской диалектологии: словарь Вып. 4 / под ред. А.С. Герда. – СПб., 2010. – 520 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А.С. Герд. – СПб., 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Соколов (вып. 24–46), С.А. Мызников (вып. 47). Вып. 1–47. – М.-Л.; СПб.: Наука, 1965–2014.

ЯОС – Ярославский областной словарь / Под ред. Г.Г. Мельниченко. – Вып. 1–12. – Ярославль, 1981–1991.

1.1.6. Лексика, связанная с приготовлением выпечных изделий, в режском говоре¹

Исследование многочисленных тематических групп диалектной лексики, успешно развивающееся на протяжении всей истории этнолингвистики, не может оставаться в стороне от тенденций изучения языка в целом. Полевой подход в изучении лексики и грамматики, лингвогеографические описания, анализ диалектного текста, изучение междисциплинарных связей, в частности лингвистики и культурологии, этнографии, когнитологии активно внедряются и на диалектном материале. Но по-прежнему актуальным остаётся описание лексики и фразеологии диалектов в традиционном плане. Особенно это касается введения в научный оборот новых данных, исследования не описанных до сих пор региональных особенностей говоров.

Интерес к изучению лексики и фразеологии, связанных с питанием, пищей русского народа, проявляется как в работах по истории русского

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского диалекта».

языка (В.А. Липинская, Г.Н. Лукина, И.С. Лутовинова, В.И. Невоит, Г.В. Судаков и мн. др.), так и в исследованиях, посвящённых его современному состоянию (Л.И. Балахонова, А.А. Брагина, И.М. Мальцева, К.В. Пьянкова, Л.И. Рудницкая, А.Д. Шмелёв и др.).

Диалектологи также описывают этот пласт лексики в разных регионах России. Среди современных исследований назовём работы К.И. Демидовой «Диалектная языковая картина мира», В.В. Губаревой «Лексика питания в говорах Тамбовской области», Л.И. Анохиной «Лексика питания: названия печёных кушаний из муки в орловских говорах», С.В. Дмитриевой «Глаголы со значением “принимать пищу” в псковских говорах», А.И. Ивановой «Лексико-семантическая характеристика некоторых названий пищи в смоленских говорах», Н.Г. Ильинской «Лексика, обозначающая выпеченные изделия (на материале архангельских говоров)», Ю.В. Зверевой «Лексика питания в Словаре русских говоров севера Пермского края» и целый ряд других.

Народная кулинария не столь богата и разнообразна, как современная городская, включающая в себя блюда, заимствованные из разных стран и из большого количества разных продуктов, незнакомых русскому крестьянину в прошлом.

Но это очень важная и вечная часть культуры народа. В ней сохраняются рецепты блюд и традиции их потребления, оценки и вкусовые пристрастия людей. В приготовлении блюд народной кухни проявляются умение и смекалка русских женщин, ведь именно они являются хранителями семейного очага и традиционной культуры.

Народный этикет сохраняет уважительное обращение к хозяйке, женщине, ведущей домашнее хозяйство. В говоре Режи её называют по-разному: диалектными словами *бачару́ха* и *бачеру́ха*, *обряжу́ха*, разговорными *стряпу́ха*, *хозяйка*: *И пе́кёт, и ва́рит, и скота́ обряжа́ёт – всё ба́черу́ха*. Сямж. Монаст. Подчёркивается её непростой, подчас непосильный труд: *Ба́черу́хи, гово́рят, ой, хри́стовы жэ́нишыны! Бе́рёт та́ким коча́м, напе́ред кла́дёт но́шу*. Сямж. Монаст. Корреспонденты говорят о разнообразии подходов и правил ведения домашнего хозяйства: *У ка́ждой ба́цяру́хи сво́й уста́в: кака́я рука́, так и де́лает. Как нау́чила́сь, так и де́лает. Вот я обряжа́юсь так*. Сямж. Монаст. В Режи существует устойчивое выражение *с па́льчиков нали́заться* со значением ‘стать сытым, имея доступ к продуктам питания’: *Ба́чару́ха с па́льчиков нали́жется*. Сямж. Монаст.

Планируемая автором серия очерков диалектной кулинарии на материале микрорегиона Режи начинается с рассмотрения самой распространённой и широко представленной в говоре группы лексики – названий выпечных изделий и слов, связанных с приготовлением выпечки.

Выпечные изделия – неременная часть народной культуры еды, причём не только праздничной, но и будничной, повседневной: испечённые хозяйкой хлеб, блины, оладьи, пироги – ежедневная еда сельского жителя и в прошлом, и в настоящем.

В говоре существуют и специальные слова, называющие того, кто занимается выпечкой: *печея, печёюшка*. Сохранились благопожелания, связанные с процессом приготовления теста: «*Споринá на квашню!*» – пожелание хозяйке, которая месит тесто. Сямж. Монаст. Говорят: «*Споринá на квашню!*» Так желáют удáчи в дéле. Сямж. Монаст. Ещё одно доброе пожелание тому, кто замешивает тесто – «*На хорóшие пироги!*»: *Печь собралась? Ну, на хорóшие пироги!* Сямж. Грид.

Благодарность за угощение пирогами может звучать и так: *Добрá и здорóвья (печея, печёюшке, стряпúхе, хозяйке): А пришлá вот однá жéнишьна. Я говорю: «Садись, Лиди́я, чайкю попей с нáм да пирожкá поешь». О́нá сéла: «Ну-ко, котóрая пеклá? Добрá и здорóвья пеце́юшке! Вот хорóши пирожкí-ти! Анна, ты́ пеклá?»* Сямж. Монаст. Фразой: *У печёюшки рúчки белы!* – выражают похвалу женщине, которая испекла удачные пироги: *У пеце́юшки рúцьки белы! Когда хорóшó пекёт, так и говорáт.* Сямж. Монаст.

В режском говоре нашли яркое и самобытное отражение названия муки и ёмкостей для её хранения, процесса изготовления теста и используемой при этом утвари, разновидностей выпечки, её достоинств и недостатков.

Обратимся к процессу приготовления теста. Мука для выпечки была разной, использовалась пшеничная и ржаная, ячная (из ячменя), гороховая, овсяная мука. Подготовка к обмолоту зерна, в частности овса, на мельнице начиналась с того, что его надо было очистить – *опихáть, пропихáть*: *Овёс опихáли на мёльнице, стúпы там бы́ли, в них пест большóй, им и опихивали овёс, пропихáют его́, просе́ют на ветру́, изве́ют э́тот овёс, мёлют – вот и получа́ется опíханная мука́.* Сямж. Монаст.

Особые названия существовали для муки, смешанной из зёрен различных злаков: ржи, пшеницы, овса, ячменя, гороха. Такая мука называлась *сúтолока* или *смеши́ца*: *Свой муку́ дéлали, смеши́чу: рóжь, овёс и ячмёнь мешáли.* Сямж. Монаст. Знакомо режскому говору в этом же значении и слово *сóра*: *Смешáют три сóрта муку́, ни рожь, ни ячмёнь, не пойми́ чегó – вот э́то сóрой и назывáют.* Сямж. Рассох. *Смесь ячменя́, пше́ницы, овса́, потóм опихáют ёго́, из зёрнышков-то э́тих меля́т муку́. Из сóры в гóлодот хорóши пироги́.* Сямж. Монаст.

Прилагательное *сбрный*, образованное от этого существительного, означало ‘смолотый из зёрен различных злаков (о муке)’: *Ячмёнь, пше́ница, ржи ма́ло, овёс – очёнь ма́ло, какими-то частя́ми смешáют, дак э́то назывáли сóрная мука́. Покáтыши из э́той сóрной муку́ пекли́. Сóрная мука́ са́мая хорóшая: всё там есть.* Сямж. Монаст. Как видим, омонимичным литературному словом *сбрный* характеризуют муку высокого качества, смолотую из разных злаков. Это подтверждает и другой контекст: *Рáньше объеда́ться бы́ло чем. Поёдут на мёльницу и горóховой муку́ намёлют, и сóрной.* Сямж. Монаст.

Достоинством отдельных видов муки являлось свойство быстро сделать тесто густым, или, выражаясь местным языком, *хрястнуть, захряст-*

нуть. Для характеристики гороховой муки использовалось прилагательное *хрястучий* – ‘такой, из которого можно быстро сделать густое тесто’. *Давали муку гороховую – она такая хрястучая, захрестнёт. Другую мешаешь, болтаешь, дак жидкая, а эта хрестнёт*. Сямж. Монаст.

Для приготовления теста необходимо было сначала просеять муку. Это связано в том числе и с тем, чтобы очистить её от мучного червя – *шобшня*: *Если муку намочит или лежит долго, шобшни заводятся, червяки такие разные. Для этого и просеивают*. Сямж. Монаст.

Муку просеивали над неглубоким деревянным корытцем с зауженной в виде горлышка частью. Такое корытце называется *сёльница* и *сёльница*: *Вот смотри – это сёльница и есть. А сёльница потому, что раньше над ней муку сýяли*. Сямж. Монаст. *А раньше сёльница была, дак вот на ей муку и сýяли*. Сямж. Монаст. Это корытце используют и для других целей: *В сёльницу муку сёют, а теперь все больше ягоды катают, клюкву да всё. Сёльница-то с рýлом, через рýло-то ягоды-ти скáтываюцце*. Сямж. Грид. *В этой сёльнице и кату́сту секли, и ягоды катали*. Сямж. Монаст.

Хорошего качества мука, пригодная для выпечки, считалась *стойной*, т.е. подходящей, качественной. В противном случае встречались и такие оценки: *А мука-то совсём не стойная, а обряжуха того́ хýже*. Сямж. Грид.

Упомянем некоторые ёмкости для хранения муки. Предмет посуды из берёсты для хранения муки, толокна и других сыпучих продуктов называется в Реже *дупелька*: *Дупелька – эдакие из берёсты сделаны. Мы всё толокно держали в ей. Она была берестяная, как туюски, но кругом оплетённая*. Сямж. Монаст. *Неси муку-ту! В дупельке!* Сямж. Монаст. Хранили муку и в *кадцах* – кадках: *Кадцы-ти дак и большие и маленькие – всё кадцами зовут*. Сямж. Монаст. *А вот кадча. Не было ларей, дак в кадцах муку держали*. Сямж. Грид.

Выдолбленная из осины или плетёная ёмкость типа бочонка для хранения жидкостей и сыпучих продуктов носит в говоре названия *стуетня́*, *стоетня́*, *стуетенька*: *В стоетне-то муку хранили*. Сямж. Грид. *Соль высыпи в стуетню*. Сямж. Грид. *У нас в стуетеньке-то молоко хранится и мука*. Сямж. Грид. *А ведь муку хранят да воду носят в стуетеньках-то*. Сямж. Грид. Вот как описывается процесс изготовления таких бочонков: *Стуетеньки были плетёные, так плотно плели, что воду чёрпали – не текала. А были долблёные, из осины только делали. Найдут трухлявую, выдолбят, разрежут, в горячую воду опустят, дно вставят – готова стуетенька. Кадцю-то не каждый может сделать, а стуетеньку делает каждый, только найди осину трухлявую*. Сямж. Грид.

Посуда для приготовления теста называется в режском говоре по-разному. Большой глиняный горшок для теста, квашня, назван словами *разлёв*, *разлёва*, *квашонка*, *квашончка*: *Полный разлёв хлеба натворила*. Сямж. Монаст. *Испеки пирожки, тесто в разлёве. В разлёве тесто ставили – большая крынка*. Сямж. Грид. *Разлёвы – крынки, пироги печь, они глиняные*. Сямж. Монаст. *Была разлёва-то, тесто месила, да разломалась*.

Сямж. Грид. Квашня могла быть и не глиняной: *Розлёвы-то б́ыли дужё-ные*. Сямж. Грид. При отсутствии такой кринки месили тесто в других ёмкостях: *А Ма́рфешна без разлёва пиро́ги пекёт, в ведре́ творит, ве́дь его́ не купи́шь нигде́*. Сямж. Монаст.

Готовое для выпечки тесто катали в специально предназначенной для этого посуде. Выдолбленная из дерева овальная чаша с ручками, предназначенная для придания тесту формы перед выпечкой, называется *долбу́шка*. *Деревя́нная долбу́шка была́, в ней ката́ли пше́нишные покáтыши. Вот та́к потрясу́т да в пе́чь поста́вят*. Сямж. Грид. Как видим, слово образовано по действию, которое производилось при изготовлении чаши. А действие, производимое с тестом, легло в основу наименования другого вида посуды – *пока́тушки, пока́тушечки* – деревянной продолговатой посуды типа корытца, в котором в муке катали тесто, придавая ему круглую форму: *Замеси́шь погу́ще и пока́тушкой ката́ешь. В пока́тушке вот ра́ньше ката́ли хлеб, сы́пнешь в пока́тушку му́ки, комо́к те́ста бро́сишь и ката́ешь*. Сямж. Монаст. *Эта пока́тушечка уж ста́рая ста́ла, и я ста́рая ста́ла, не могу́ без неё*. Сямж. Монаст. *Му́чки поло́жишь в пока́тушечку-то и прятё́ники ката́ешь*. Сямж. Монаст.

Как известно, для приготовления ходелого, дрожжевого теста необходимы дрожжи. Если не было покупных дрожжей, режаки использовали мел – дрожжи домашнего приготовления: *Мел – это дро́жжи самоде́льные. Мел де́лают: ски́пятят во́ду с хме́лем, через реше́то проце́дят, заме́шают муку́ ржану́ю, захо́дит – вот и мел. По́том на заква́су шло, в пиро́ги поло́жат ло́жки три*. Сямж. Монаст.

Заква́са – это вещество, вызывающее кислое брожение, закваска. В качестве такой закваски использовалось специально оставленное небольшое количество теста от предыдущей выпечки хлеба или пирогов: *Вот э́то я всё очисти́шу, туда́ опу́шу, э́то бу́дет заква́са. А хле́б я не люблю́ на дро́жжах. Мне на́до заква́са*. Сямж. Монаст. Такой остаток теста, который клали в новое тесто, чтобы оно поднялось, называется в говоре и словом *наква́са*: *Хо́чет пиро́ги печь, так на наква́се, наве́рно. Тако́е же́ те́сто и е́сть наква́са. Мы наква́сы ве́дь ма́ло оста́вля́ем*. Сямж. Рассох. *На наква́се хле́б уж на́до пекчи́, дро́жжсе́й не́т дак*. Сямж. Монаст. Для закваски теста, а также пива, кваса, браги применяли и осадок в пиве, квасе домашнего приготовления, называемый *наква́ска*: *Ква́с-то в ведро́ наставля́ю и ещё наква́ски лену́, что после прё́жнего-то оста́лось на дне́*. Сямж. Монаст.

С таким же значением известно и слово *навесе́лка*: *Блины́-то печь бу́дете, так навесе́лку-то возьми́те*. Сямж. Рассох. *Навесе́лку-то с моста́ принеси́, мо́жет, не испóртилась*. Сямж. Рассох. *Когда навесе́лывают мел, дак э́то навесе́лка*. Сямж. Монаст. Образовано оно от глагола *навесели́ть*, который известен в говоре с двумя значениями: 'замесить (о тесте)'. *Мел ла́дила в ведре́, дак и навесели́ла в ведре́*. Сямж. Грид. и 'усилить брожение пива, кваса, теста путём добавления дрожжей, хмеля и т.п.' *Глы́бок-то в те́сте мно́го. Ну, да ла́дно: ста́нет ходи́ть, когда навесели́шь дак, разо́дётся*. Сямж. Грид. Как видим, большое количество комочков муки исчеза-

ет при брожении теста, в которое добавлена закваска. Встречается и глагол несовершенного вида *нанавесёловать* с двойной приставкой *на-*: *Пíва-то вáрят, дак то́жо нанавесёлывали. Потóм эту навесёлку выливáешь, когдá пíво выхóдит, друз́ги отожмёшь, выкинешь.* Сямж. Грид.

Небольшой деревянный или берестяной сосуд типа бочонка с крышкой и ручками, предназначенный для хранения хлебной закваски, а также простокваши, кваса, называется *ручénька*: *Она́ крúглая, два ободка́ на нёй, две ру́чки у нёй, закрывáют её и там храня́т этот мел. Тёсто оста́нется, так потóм онó в ручénьке и леж́ит. Мнóго ручéнок было.* Сямж. Монаст.

Примеры свидетельствуют о том, что разные хозяйки – *бачерúхи, об-ряжсúхи, печей, печёюшки* – выбирают для себя тот или иной вид закваски для теста, сравним: *Пирогí ешó с наkwáсой пекúт. А я дак не люблю́, я без наkwáсы.* Сямж. Монаст. *А хлéb я не люблю́ на дрожсáх. Мне нáдо квáса.* Сямж. Монаст.

Процесс замешивания теста описывается в режском диалекте глаголом несовершенного вида *ботáть*: *Давáли муки горóховыё – она́ такáя хрястúчая, захрéснёт. Другúю мешáешь, ботáешь, дак жидkáя, а ésta хрéснёт.* Сямж. Монаст. Приставочные глаголы *набóтать, добóтать, побóтать*, образованные от данного бесприставочного, характеризовали процесс как законченный, достигший своего предела: *Я наботáю сегóдня тéста, бúду пирогí печь.* Сямж. Монаст. Это же действие касалось приготовления и других блюд, требующих смешивания, размешивания ингредиентов: *Киселá наботáла. Как? Как пирогí ботáю, так и киселá наботáла мутóвоцкёй.* Сямж. Грид. В значении ‘замесить небольшое количество теста’ используется и глагол *потворíть*: *Нáдо тéсто потворíть.* Сямж. Короб.

Продукты, которые делают пищу, в том числе и тесто, питательной, полезной, вкусной, называются в говоре словом *добрóта*. *Яйца набíть да молока́ налíть – и в тéсто лóжили. Хорóшее на добрóте тéсто. Да ешó и песóчку кладúт.* Сямж. Монаст. *Как добрóты не полóжишь, дак пирогá не испечёшь.* Сямж. Монаст. К такой *добрóте* относятся и яйца, которые следует *убивáть*, то есть, раскалывая скорлупу, выливать в посуду или добавлять в кушанье: *Хозя́йки как пирогí дéлают, так яйц по шесть убивáют.* Сямж. Монаст. В этом же значении существует и парный глагол совершенного вида *убíть*: *Яйцó-то в тéсто убéй, воденéй бúдет.* Сямж. Грид.

В «Словаре вологодских говоров» [СВГ 2: 96] отмечено слово *забрe-стí* в значении ‘начать подниматься (о тесте)’. В режском говоре с этим значением известен глагол *загулáть*: *Ведь за тéстом не посмóтришь, дак онó не загулáет. Нóчью встáла, два рáза поботáла, дак стáло ходíть.* Сямж. Монаст. Зафиксированное «Словарём русского языка» [МАС 4: 611] в качестве областного значение слова *ходíть* ‘закисая, бродить, подниматься’ широко известно в севернорусских говорах, как видим, встречается оно и в Реже. С результативным значением отмечен приставочный глагол *выхóдить*: *Хлеб тю́чковатый, не упёксё и не выхóдиУ.* Сямж. Монаст. От глагола образовано и прилагательное *ходкóй* со значением «быстродейст-

вующий (о дрожжах)»: *Ой-ё-ёй! Дро́жжи-то побежа́ли! Я и не ду́мала, что о́ни та́кие ходи́е!* Сямж. Монаст. Как видим, интенсивность действия дрожжей подчеркнута и глаголом *побежа́ть* в несвойственном литературному языку метафорическом значении.

Если тесто начинает быстро, хорошо подниматься, режаки используют устойчивое сочетание: *пу́хом заходи́ть: В те́сто ме́лу поло́жишь, ло́жки три, дак оно́ пу́хом захо́дит.* Сямж. Монаст.

Со значением 'увеличиться в объёме, подняться при дрожжевом брожении' отмечен глагол *вы́зняться*, он характеризует и тесто, и выпечные изделия: *Напекла́ налиту́шочок. А э́то загибе́ньки: с лу́ком позагиба́ла да с ягодами позагиба́ла. Ешь неуда́цю-ту. Если бы уда́ця, дак о́ни бы во́н ка́кие вы́знялись.* Сямж. Грид. Эти же значения известны у безличного глагола *содра́ть: А как соде́рёт пиро́г-то, поды́мутся* – «О, как их со́драло!» – ска́жешь. Сямж. Монаст.

Для выпечки необходимо тесто определённой степени густоты. При желании его можно сделать более жидким, разведя жидкостью – молоком или водой, тогда используется переходный глагол *разжи́дить: Разжи́дь те́сто, густо́е бо́льно.* Сямж. Монаст. Непереходный глагол совершенного вида *разжи́днуть* встречается с двумя значениями: 'стать жидким (о тесте)'. *Как те́сто-то у меня́ всё разжи́дло!* Сямж. Монаст. и 'расплыться, потерять форму (о пирогах)'. *Погу́ите. Иштё кака́я мука́. Нет заме́сишь гу́сто, а о́ни так розжи́днут, дак не собе́рёшь и в печь.* Сямж. Монаст. Как видим из последнего примера, даже из густо замешанного теста при плохом качестве муки могут получиться расплывшиеся пироги. Другой пример интересен тем, что в шутку потерявшие форму пироги предвещают долгую жизнь их создателю: *Ну, верно, пиро́г-то у меня́ к жи́тью: розжи́дли дак.* Сямж. Монаст.

Но вот тесто поднялось, *загуля́ло, вы́ходило*, пришло время вынимать его из квашни. Делалось это при помощи *квашо́нной лопáтки* – 'деревянной лопатки для выкладывания густого теста из квашни'. *Ру́цька у неё, так ёю опе́хают те́сто с краё́й-то вниз. Э́то квашо́нная лопáтка. Ма́ма дак но́жиком опу́скала, а слы́хала, что лопáткой зди́сь де́лали.* Сямж. Монаст. Для соскабливания остатков теста со стенок квашни использовали *кваше́нник* – 'кухонный нож (обычно старый, тупой)': *У нас кваше́нник дак зва́ли но́жик, кото́рым кваши́ю очи́щают. Он уж как коса́рь – тупо́й ли, носо́к ли отло́ман. Хто чем чи́стил, мо́жет, хто и без кваше́нника обо́йдётся. У нас у ба́бушки у ты́ё не́ было кваше́нника, бы́ла лопáтка.* Сямж. Монаст. Для называния действия по очистке квашни существует глагол *кы́ркать*, имеющий значение 'скоблить, чистить, отскребая что-либо': *Я кваши́ю кы́ркаю: те́сто присо́хло.* Сямж. Монаст. Применяется он и в других ситуациях: *Лáвки да столéшницы старо́прéжние у меня́, их кы́ркаю да кы́ркаю, ну, но́не ска́жут, скоблю́.* Сямж. Монаст. *На реку́ ходи́ла скворо́ду кы́ркать, ве́дь вся запале́на бы́ла.* Сямж. Монаст.

Важной является и температура, при которой пекутся хлеб или пироги. Для характеристики недостаточного жара в топленой печи использу-

ется фразеологизм: *цыган в печи: Ишь, сегодня потопила, что и цыган в печи, нежарко. Надо, когда много пирогов, чтобы прогрелось.* Сямж. Монаст. Если жара недостаточно и жаристость выпекаемого в печи изделия мала, т.е. *закал* недостаточен, то хлеб или пироги получатся незажаристыми, их назовут *завялышами*: *Всё равно нет закалу, всё завялыши. Онй не попекутсе ничегó, всё такіе.* Сямж. Монаст.

Охарактеризуем сначала выпечку хлеба, ведь не зря говорится: *Хлеб – всему голова*. Еда без него воспринимается большинством русских как отклонение от нормы. Вот и режаки еду *гольём* или *голью* осуждают: *Не ешь гольём-то – живёт заболит. На вот хоть немножко хлёбца-то кусай, а не то не наешься гольём-то!* Сямж. Монаст. *Часто оговариваю: «Чегó голью ешь?»* Сямж. Монаст. А суп, съедаемый без хлеба, называется *пустым*: *Дёвки, вы что́ пустой суп едите?* Сямж. Монаст.

Оставлять недоеденными куски хлеба всегда считалось неправильным, осуждалось русскими, об этом говорят и жители Режи, используя глагол *кусничать*: *Что кусничаете, куски оставляете?* Сямж. Монаст. *Если ребёнок кусок не доест, а за другой берётся, а этот бросит, говорят: «Не кусничай!»* Сямж. Монаст.

В говоре существует несколько наименований для разных видов хлеба. По типу муки выделяется хлеб из пшеничной муки – *каравáшек, каравáшка, пшенічник*: *Когда начнут сиять, коровáшку пеклі, а то и много коровáшек.* Сямж. Монаст. Пышность, воздушность пшеничного хлеба оказалась важным признаком, позволяющим использовать слово *каравáшек* при описании рыхлой (*рóхлой*) земли, которую взрыли птицы, например голуби: *Где онй пóрхаются, дак рóвно коровáшек, земля-то рóхлая.* Сямж. Монаст. А прилагательное *рóхлый* со значением 'мягкий, воздушный' непосредственно характеризует качество теста: *Тёсто-то какóе пышное и рóхлое, пироги́, поди́, бу́дут добры́е.* Сямж. Монаст.

Приготовленный из раздробленных или смолотых зёрен ячменя ячневый хлеб называется *ячным*. Это же определение используется для названия пирогов: *ячные пироги́ (пирожки́): Яшны́е пироги́ из ячмённой муки́ пеклі. Яшны́е-ти пирожки́ только́ богáтыё ёли́ рáньше.* Сямж. Грид.

Хлеб, испеченный из двух сортов муки, называют *половйни́чик*: *Половй́нчик – хлеб из рáзные муки́, это уж не наголо́.* Сямж. Монаст. Со словом мука непосредственно связан *му́чник* – хлебное изделие, представляющее собой тонкую пресную лепешку, на которую накладывается дрожжевое тесто из ячменной или гороховой муки: *На со́чень те́ста накла́дут, дак это́ бу́дет му́чник. Му́чники пеклі: со́чень разотку́т и те́сто я́чное поло́жат и за́щиплю́т. Мел хоро́ший, дак и пиро́г хоро́ший. А я́чное те́сто э́дак ходе́лое.* Сямж. Монаст.

По действию с тестом названы следующие разновидности хлебных изделий. *Намя́тыш* – выпечное изделие из очень плотного теста, посыпанное сахаром, колобок. Образовано слово суффиксальным способом от глагола *намя́ть*: *Угощу́ вас еши́ш пирожко́м. Намя́тыши бо́льно хорошо́ получи́лись.* Сямж. Монаст. *Покáтанец* – это булка, форма которой придается в

процессе катания теста в деревянном блюде, «*покатѹхе, покатѹшке*»: *Ой, покáтанцы всѣкие пекѹт: и большіе, и малѣнькие. Мука́-то хоро́шая, дак и покáтанцы мя́ккие, хоро́шие. Я ве́дь пекѹ ка́ждо воскресе́нье. Сямж. Монаст. Однокоренным и синонимичным данному является слово покáтыш: Деревя́нная долбу́шка бы́ла, в ней ката́ли пше́нічные покáтыши, вот так потрясу́т да в печь поса́дят. А покáтыши пше́нічные вку́сные, запашо́к-от тако́й, де́лали их на мелѹ. Сямж. Монаст. За́месишь погу́ще и покатѹш-кой ката́ешь. Пекѹт на подѹ безо́ всего. Сямж. Монаст. Покáтыш-от об-ка́тывали в дере́вянной ча́шке с двумя́ ручка́ми. Сямж. Монаст. Покáтыши до́лго сто́ят, позасо́хнут совсе́м, доеда́ть ну́жно. Сямж. Монаст.*

Из слов, характеризующих форму хлебных изделий, отметим два: *ко-лобо́к* и *колобу́шка*. Лексема *колобо́к*, зафиксированная «Словарём русского языка» с пометой «областное» [МАС 2: 74], имеет в говоре несколько значений, одно из них связано с хлебом: «выпечное изделие, булочка круглой формы». *Колобо́к на пе́не с ма́сла пекли́. Крупу́ овся́ную в пе́не за-ме́шивали, а пото́м в пе́чке на сковоро́дке пекли́. Сямж. Монаст. Ещё́ одно значение этого слова имеет отношение к тесту, но называет плотно сжатый комок, шарик из теста, используемый для приготовления кваса: Для́ ква́са колобо́ков на́делаешь, колобо́ки нака́дешь из те́ста. Сямж. Монаст.*

Булочка круглой формы называется в говоре и словом *колобу́шка*: *Ко-лобу́шки-ти бо́льно сла́дкие получи́лись. Сямж. Монаст. Это же слово имеет и другое значение, называя уже открытый пирог, лепёшку из круто замешенного теста. Дialeктоносители отмечают другой вариант слова – колоба́шка: Ма́ть бы сказа́ла, что это колоба́шка, а о́ни говорѹт: колобу́шка, а это о́дно и то же. Сямж. Монаст. Напекѣшь алялю́шек и колобу́шек, пи-рожки́ такие́ малѣнькие. Колобу́шки-то у нас сла́дкие, прия́тные. Сямж. Грид. На вѣд-то колоба́шки некра́сивы, да и тве́рдые, а то́лько на вкус не хѹже дру́гих пиро́гов бу́дет. Сямж. Монаст.*

По способу выпечки выделяется *налисто́чник* – хлеб, испечённый на капустном листе: *Налисто́чник – хлеб са́дят в печь на капу́стном листе, пото́м лист отдира́ют. Сямж. Монаст. Я сегóдня вам налисто́чник испек-ла́. Сямж. Монаст. Ты до э́того-то не ви́дала налисто́чника? Тепе́рь вот зна́ть бу́дешь. Сямж. Монаст.*

Нельзя не упомянуть целую группу диалектных слов, образованных в говоре с корнем *-хлеб-*. Скатерть из домотканого полотна, на которую клали и которой покрывали свежее испечённый хлеб, режаки называли *хле́бни-цей*: *Хлеб покрыва́ли – так это хле́бница; на го́лый стол ни пиро́ги, ни хлеб не кла́ли, так это скате́роцки бы́ли, хле́бницы. Сямж. Монаст. Нож для резки хлеба имел название хлеборез́ник: Хлеборез́ник-то ра́ньше звали, а тепе́рь-то все́ «нож» говорѹт. Сямж. Грид. Другие сложные слова с этим же значением – хлеборѹ́шич и хлеборѹ́шник: Совсе́м у нас хлеборѹ́шич за-тупи́лся, на́до поточи́ть бы. А то смотре́й-ко, тако́й хлеб мя́гкий, а ре́жет пло́хо. Сямж. Монаст. А че́го хлеборѹ́шича-то не прине́сла? Чем я хлибе́ц-то поре́жу? Сямж. Монаст. Возьми́ друго́й, у э́того хлеборѹ́шника ручка́ сло́-*

мана. Сямж. Монаст. Образованы они от диалектного же глагола *рушати*, имеющего в говоре значение 'разделять ножом на части, резать'.

Как видим, диалектные слова, называющие хлеб, именуют специфические, особенные виды выпечных изделий, оставляя литературное слово *хлеб* для традиционной, в том числе и покупной хлебной продукции.

Обратимся к наиболее широко представленной в говоре лексико-семантической группе «названия пирогов». Известно, что для русского крестьянина это была не только праздничная, но и повседневная выпечка. В Реже говорят: *Худая бацяруха, если нет пирогов*. Сямж. Монаст. Обычно их пекут много, это понимают и сами хозяйки, вот один пример с глаголом *навесті* в значении: 'состряпать, приготовить (пищу)': *Я вот тоже не умею мало. Наведу всегда много, а старик говорит: «Ты два пирога пеки, а не десять, не съись ведь»*. Сямж. Грид. Антонимичным этому является глагол *погнүть*, имеющий значение 'испечь некоторое количество, в небольшом количестве (о пирогах)': *Праздник – Петров день, да и мед готов, надо пирогов погнүть*. Сямж. Грид. Используется и глагол *наляпати* – 'налепив из теста, напечь': *Вот эдакого мама-то натолчёт да лепёшок наляпает*. Сямж. Монаст. Любопытен пример с глаголом совершенного вида *упекчи* в значении 'выпечь до надлежащей степени, как следует': *Надо ведь упекчи пироги-то. Не упечь, а упекчи*. Сямж. Монаст. Как видим, металингвистическая оценка собственной речи достаточно характерна для носителей режского говора.

Для раскатывания теста, придания ему круглой формы обычно используется деревянный валик, скалка. В режском говоре его называют существительным среднего рода *скало*: *Подай скало. Скало-то ещё с Сондуги принесла. Скала берёзовые, лёгкие*. Сямж. Монаст. Существует и ласкательная форма этого слова *скальце*: *Вот так скальцом будешь скать, и хорошие соченьки выйдут. Сделаешь огибку, скальцем и скешь сочень. Теперь-то и в хозяйственных магазинах есть скальцы. Одна ску, одного скальца и хватает*. Сямж. Монаст.

Действие по раскатыванию теста с помощью скалки называет глагол *скать* и производный от него приставочный глагол *расскати*: *Перво надо сочень раскати*. Сямж. Монаст. Приставочный же глагол *наскати* имеет значение: 'раскатывая тесто скалкой, изготовить много заготовок для выпечных изделий': *Надо каждому по преснику испекчи. Где мне эстоль-то наскати?* Сямж. Монаст. *Наску с утра сочень, дак напекү пресников*. Сямж. Монаст.

Словом *сочень* в говоре называют тонко раскатанный пласт пресного теста: *Сочень делают – тесто разоскут, тесто бездрожжевое*. Сямж. Монаст. *Гостей-то у меня сегодня много приезжает, дак сочень гору наскат*. Сямж. Монаст. *Раньше семья-то большая была, дак наску сочень-то полный стол, а теперь муки нет, ничего не делаю*. Сямж. Монаст. *Из муки сделаем огибки, сочни наскём*. Сямж. Монаст. «Словарь русского языка» отмечает это слов как областное, но имеющее значение 'пресная лепёшка с творогом, кашей, ягодами и т. д.' [МАС 4: 214]. Как видим, го-

вор сохраняет старое значение слова – ‘заготовка для пирога из пресного теста’. Широко используется и ласкательная форма *соченьёк*: *Соченько́в наскёт, пиро́гов напекёт. Соченьки́ надо́ то́же уме́ючи катáть. Вот у́тром вас разбуди́м, да́к и бу́дете учи́ться соченьки́ скать*. Сямж. Монаст.

В говоре существует большое количество слов, называющих виды пирогов с различными начинками, и достойно удивления и уважения искусство русских женщин из не столь уж богатого набора продуктов делать такие разнообразные изделия.

Назовём сначала разновидности пирогов, выпекаемых из теста, которое предназначалось для выпечки хлеба. Такие пироги из ржаной муки называются устойчивым сочетанием *пирогí от хлéба*: *Квáшенниками у нас не зову́т. Зову́т «пирогí от хлéба». Ишь, онí у меня́ как хлеб, только с начинко́й, налива́хи*. Сямж. Монаст. Это же сочетание называет и пироги, испечённые, как и хлеб, из смеси разных видов муки: *От хлéба пирогí-то, да́к не наго́ло бе́лые*. Сямж. Монаст. *Сóрником* называли пирог из муки, смолотой из зёрен разных хлебных злаков – ячменя, ржи, овса: *Сóрник-от мой любíмый пирóг*. Сямж. Грид. *Сóрники-то пекли́ ча́сто: е́сть-то не́чего бы́ло*. Сямж. Грид. Из *со́ры, сóрной му́ки* пекли, таким образом, не только хлеб, но и пироги: *Пирогí пекли́, де́лали все́го бо́льше покáтыши, мучники́. Из со́ры в го́лод-от хоро́ши пирогí*. Сямж. Монаст.

Словом *кваше́льник* называют открытый пирог, лепёшку из ржаной муки с начинкой из толчёного варёного картофеля: *Из квашни́-то после бухáнок отбавля́ют те́ста, наля́пают на сковоро́дки и полью́т карто́шкой. Это уж кваше́льник, квáшенный пирóг*. Сямж. Монаст. Закрытый пирог из ржаной муки с начинкой из толчёного варёного картофеля, посыпанной солью, называется *солони́к*: *Солони́к се́дни пекла́, да́к робя́та бо́льно до́бро съели. Это пеку́т хлеб, а из э́того те́ста испеку́т пирóг: сло́й те́ста, туда́ карто́шку, посо́лят, сно́ва те́стом закро́ют. Вот и солони́к*. Сямж. Монаст.

По внешнему виду и расположению начинки пироги традиционно делятся на открытые и закрытые. Жидкая начинка для открытых пирогов делается из сметаны, простокваши или молока, смешанных с мукой, творогом, толчёным картофелем, яйцами, крупой, называется в Реже по-разному: *нали́ва, нали́вка, поли́ва*. *На пирогí все́ нали́ву кла́ли из карто́шки – налива́шками называ́ли*. Сямж. Монаст. *Ма́слиця поло́жю, прости́киши доба́влю да яи́цкё убью́. На́до ма́нные крупы́ немно́жко поботáть. Вот и бу́дет нали́вка, сейча́с полье́м пирóг*. Сямж. Грид. *Ша́ньги на соч-нях, полью́т поли́вой, наботáют сме́таны с прости́кишей и полью́т соч-ень-от*. Сямж. Монаст. *Покáтыши безо́ вся́кой поли́вы Замеси́шь погу́ще и покату́шкой катáешь. Пеку́т на поду́ безо́ все́го*. Сямж. Монаст. Все три названия связаны с глаголом *лить*, в говоре зафиксированы приставочные глаголы *нали́ть* / *налива́ть* и *поли́ть* / *полива́ть* в значении ‘класть сверху на пироги какую-либо жидкую начинку’: *Это нали́вка така́я для пирогá: крупá овся́ная в протоква́ше. Ра́ньше все́ таки́м налива́ли*. Сямж. Монаст. *Ма́слиця поло́жю, прости́киши доба́влю да яи́цкё убью́. На́до ма́нные*

крупы́ немно́жко побота́ть – вот и бу́дет нали́вка, сейча́с полье́м пиро́г. Сямж. Монаст.

От глагола *налива́ть* образовано слово *налива́ха* – название одного из видов открытого пирога из пресного или дрожжевого теста, сверху политого жидкой картофельной, творожной, ягодной или крупяной начинкой: *Истолкёшь толчко́м <'небольшим пестом'>. карто́шку и налива́ешь пиро́г – это уж налива́ха.* Сямж. Монаст. *Раската́ем те́сто, карто́шку вот налье́м, дак налива́ха и бу́дет.* Сямж. Монаст. Выпекался он обычно на сковородах, называемых в говоре *розле́вы*: *Налива́хи пекли́: я́блошницей нама́жут или крупо́й, в розле́вы поло́жат и пеку́т.* Сямж. Монаст. Для *налива́х* дак мо́жно брать крупу́ с моло́зько́м да яйце́ками. Сямж. Рассох. Диалектоносители отмечают, что такой открытый пирог чаще пекли из ржаной муки: *Налива́хи-то ра́ньше из ржа́ного те́ста пеку́т. Бе́лые-то му́ки не́ было. Из бе́лые му́ки ра́ньше то́лько в Петро́в день да в Христо́в день пекли́.* Сямж. Монаст

Часто начинкой служил толчёный картофель, предварительно сваренный, растолчённый пестиком («толчко́м») до состояния пюре и сдобренный молоком и маслом: *Налива́хи е́сть е́щё у нас с карто́шкой. На те́сто карто́шки поло́жат и зациплю́т по кра́ю – налива́ха и полу́чится.* Сямж. Грид. Клубни картофеля здесь называют *я́блоками*, потому открытый пирог с картофелем называется *я́блочная налива́ха*: *Пиро́ги полью́т карто́шкой – это и зва́ли налива́хой или ишо́ говори́ли, что это я́блочная налива́ха.* Сямж. Монаст. От слова *налива́ха* образовано другое название такого пирога – *налива́шка*: *На пиро́ги все́ нали́ву кла́ли из карто́шки – налива́шками называ́ли.* Сямж. Монаст.

От глагола *полива́ть* суффиксальным способом образовано существительное *поливу́шка* с тем же значением: *Поливу́шка дак знач́ит полита́ когда чем, ино́гда быва́ет яйцо́м с карто́шкой, друго́й раз с крупо́й.* Сямж. Монаст. Зафиксированы и прилагательные *поливно́й* или *наливно́й*, образованные от этих глаголов и называющие пирог, покрытый сверху начинкой: *Вы́нут из печа́ на сто́л-то, дак то́лько каки́х пиро́гов и нет: и нали́вные, и поли́вные, и пресну́шки.* Сямж. Монаст.

Лепёшка из жидкого теста, испечённая на капустном листе, называется в Реже *налисто́вник* или *налисто́чник*: *Как у капу́сты ли́ст-от большо́й ста́нет, так и пеку́т налисто́вники: на ли́ст капу́стный те́сто ло́жат и в пе́ць ста́вят – вот тебе́ и налисто́вник.* Сямж. Монаст. *Я сегóдня вам налисто́шник испекла́, у меня́ налисто́шники все́гда́ вку́сные полу́чаются.* Сямж. Монаст. *Листы́ уж худы́е, прома́слились, на́до для но́вых налисто́шников друго́е взять.* Сямж. Монаст.

По начинке в говоре названа *карто́фельная ватру́шка* – ‘лепёшка с начинкой из картофеля’: *Мам, дава́й, чем пресну́шок-то, дак карто́фельных ватру́шек напе́ки.* Сямж. Монаст. Мы уже видели, что синонимичным данному сочетанию является другое – *я́блочная налива́ха*: *Пиро́ги полью́т карто́шкой – это и зва́ли налива́хой или ишо́ говори́ли, что это я́блочная налива́ха.* Сямж. Монаст. Открытый пирог с начинкой из творога носит в

говоре название *творѡжник*. Пирог с начинкой из манной крупы называется *мáнник*: *Мáнника тевелѣк и остáлся, доѣшь. Кому́ оставлѣть?* Сямж. Грид. Здесь встретилось диалектное слово *тевелѣк* – маленький кусок чего-либо. Зафиксирована и его ласкательная форма – *тевелѣчек*: *Отломѣ мне тевелѣчек пирождá.* Сямж. Грид. Кстати, треугольный кусок пирога назван в говоре словом *клѣнчик*: *Пирогѣ нарѣзаны клѣнчикам.* Сямж. Мо-наст.

От диалектного слова *яблоко* в значении ‘клубень картофеля’ (*Кар-тошку-то яблоками зовѣт.* Сямж. Грид.) образовано существительное *яблочник*, имеющее два значения: ‘очень тонкая лепёшка из пресного теста с загнутыми краями, на которую кладётся начинка из толчёного варёного картофеля, яиц, молока, сметаны’: *Сегѡдня нѣт яблочника на столѣ. Яблочников-то я сегѡдня не напеклá.* Сямж. Рассох. и ‘пирог с начинкой из сырого картофеля, нарезанного ломтиками’: *Яблочник-то сегѡдня на слáву удáУсѣ.* Сямж. Рассох.

По внешнему сходству картофельного пюре с кашей его называют *яблочной кáшей*: *КоУда пироги́-то соберѣшься печь, дак сдѣлаешь из карто́шки кáшу – то вѡт тебѣ и начинка. Да и яйцѡ ещё розобьѣшь – вѡт и яблочная кáша.* Сямж. Мо-наст. С этим же значением известно и сочетание *яблочковая кáша*: *Хѡже яблочковой кáши. Яблочковая – из карто́шки. Карто́шку-то яблоками зовѣт.* Сямж. Грид. Как видим, диалектное слово *яблоко* образует целое гнездо однокоренных слов.

Гораздо шире в Реже представлены названия *закрытых* пирогов. Сам процесс изготовления пирога, при котором начинку, положенную на одну половину тонкой лепёшки теста, закрывают сверху другой её половиной и защипывают края по овальной стороне, описывается в говоре глаголами *загибáть / загнѣть*: *Пирогѣ-те не защипывают, а загибáют у нáс.* Сямж. Грид. *С чернѣйчѣй ешѣ пирождѡк одѣн загнѣ.* Верх. Якун. *Тоже эдакие пироги́ загнѣт да и пекѣт.* Сямж. Мо-наст. Своеобразно звучит форма страдательного причастия, образованного от глагола совершенного вида: *У менѣ рыбник загнѣн, давáйте исъ, горяченький.* Сямж. Грид.

Эта видовая пара глаголов имеет и второе значение, связанное с пер-вым: ‘класть, использовать в качестве начинки’: *Вчерá луковѣшники напеклá. Тáк-то и есть загибѣньки: загнѣла лук. Хто твѡрог загнѣт – хоть итѣ загнѣть мѡжно.* Сямж. Мо-наст. *Ягодники загибáли из сушѣных ягод. Онѣ выпреют в пѣчке – налѡжат и загибáли.* Сямж. Грид. *А в пироги́-то у нáс и рыбу загибáют.* Сямж. Грид. *Мѡжно бы загибнѣй напѣчь, загнѣшь чернѣки-то – уж до чегѡ скѣсно!* Сямж. Рассох. Любопытен и такой пример, когда при отсутствии другой начинки в ход идут *«ропустѣвшиеся»* конфеты явно не «первой свежести»: *В э́тот что́ загнѣть? Ешѣ конфѣты ропустѣлись, дак загнѣ конфѣты.* Сямж. Грид.

Со значением ‘изготовить несколько пирогов с какой-либо начинкой’ известны глаголы *позагибáть, назагибáть*: *Напеклá налитѣшоцѣк, а э́то загибѣньки, с лу́ком позагибáла.* Сямж. Грид. *Ягодники бѣду сѣдни пекѣй. Э́то ковды я́год рáзных назагибáешь.* Сямж. Мо-наст. В значении ‘запечь,

испечь' встретился и глагол *загнестй*: *Во! А два рыбака, паре, зайдливы! А рыбничек загнели!* Сямж. Грид.

Слой теста, на который кладут начинку и которым её закрывают, называется *огибка*: *Из муки сделаем огибки, сочни наскём.* Сямж. Монаст. Особенно ценится *огибка* рыбных пирогов: *Хорошей рыбы загнёшь – палтус или зубатка – так огибку-ту съешь лучше рыбки. Она пропитается жиром-то, вкусная станет.* Сямж. Грид. *«Ешь рыбку, наплёвать на огибку», – говорят, дак смешно.* Сямж. Грид. *Хороша рыбка. Да и огибка тоже просолёла.* Сямж. Грид. В последнем примере встретилась форма прошедшего времени глагола *просолеть*, имеющего значение: 'пропитаться солью, просолиться'.

По действию с тестом и начинкой выделяется целая группа слов, называющих разновидности закрытых пирогов. Это существительные, образованные от глагола *загибать* при помощи разных суффиксов: *загибáха, загибёнъ, загибёня, загибёнъка, загибёшка* и *загибушка*. Они называют как большие закрытые пироги (обычно с рыбой, нередко целой, не разрезанной на куски), так и удлинённой формы маленькие пирожки. Вот несколько примеров: *Загибáх напекúт и с яйцóm, и с ягодами.* Сямж. Монаст. *Вкусные всё пироги раньше пекли: загибáхи, наливáхи, сырники.* Сямж. Монаст. *Можно бы загибнён напечь. Загнёшь черники-то – уж до чего скúсно!* Сямж. Рассох. *Загибёнъки – дак это начинка внутри, загибают, значит, тесто.* Сямж. Монаст. *Напекла налитушецёк, а это загибёнъки, с луком позагибáла да с ягодами позагибáла.* Сямж. Грид. *Если начинку в пирог положишь да закрёшь её тестом – вот загибёня и получится.* Сямж. Монаст. *Вот я вам загибёней напекла с яйцам да с луком.* Сямж. Монаст. *Рыбник-то – загибёнъка.* Сямж. Грид. *Сегодня загибёшек с творогом поёшь. Вчера с рыбой пекла.* Сямж. Монаст. *Вкусные нонче загибушки.* Сямж. Монаст. Эти же два значения имеет и слово *заворотень*: *Заворотня бы попробовать охота. Принеси-ко с поличи.* Сямж. Монаст. *Этот заворотень с творогом – попробуй.* Сямж. Монаст.

Выделяется большая группа слов, называющих закрытые пироги по виду начинки. Все они образованы суффиксальным способом от слов – названий начинки. *Зáспенник* – это 'пирог с начинкой из зáспы – ячневой или овсяной крупы домашнего приготовления'. *Капúстник* – 'пирог продолговатой формы с начинкой из капусты, загнутой внутрь сочня': *Капúсты нарубят, в печь запáрят, потом на сочни разложат и загибают – вот и капúстник.* Сямж. Монаст. *Капúсты с дёдом накупили и засолили. И капúстников я напекла.* Сямж. Монаст. *Луковатик и луковичник* – 'пирог с луком': *Пирог испекí с луком, дак «луковатик» скажут. Редко «луковатик», чаще «луковишник».* Сямж. Монаст. *Вчера луковишники напекла, так то и есть загибёнъки. Загнула лук, хто и творог загнёт. Хоть что загнуть можно.* Сямж. Монаст. *У нас на Петрови дни много было напечено луковишников. Раньше мы луковишники цýсто пекли, лук любили.* Сямж. Монаст.

Ры́бник — это ‘пирог с запечённой цельной рыбой’: *В ры́бник све́жую ры́бу посо́лят или соле́ную поло́жат, кла́дут це́лую.* Сямж. Грид. А **ры́бни-цей** называют любительницу есть рыбу: *Я ры́бница, люблю́ всякую ры́бу.* Сямж. Монаст. Пирог с мелкой рыбой называется в говоре **маля́вочник** или **меёвочник**, потому что мелкая рыба — **маля́вка** или **меёвка**: *Вчера́сь Ко́ля наловил ры́бёшки, да́к я маля́вошник испекла́. Маля́вошника-то по-што́ не попро́бовали? Маля́вошники-то ста́вьте на стол.* Сямж. Монаст. *Други́е да́к и о́чень лю́бят меёвошник. Да ра́ньше е́сти бы́ло не́чего, да́к всё хоро́шо. Ба́ба Та́ня да́вно́ уж не пекла́ меёвошника, не ло́вят меёвки-то. Ты, поди́, и меёвошников не ешь?* Сямж. Монаст.

Словом **я́годник** называют в Реже закрытый пирог или лепёшку из дрожжевого теста с начинкой из ягод: *Я́годники загиба́ли из суше́ных яго́д. О́ни вы́преют в пе́чке — нало́жат и загиба́ли.* Сямж. Грид.

Репни́к или **репня́к** — это ‘пирог с начинкой из пареной репы или брюквы’. *Репни́к пекли́, как си́ченики из брю́квы, ре́пу на́рили, кто в пе́чке, кто в ка́дке, и в со́чени заворáчивали.* Сямж. Монаст. *А рипни́к-то, На́дя, пекла́ ма́мка у тебя́? Рипни́к-ти? Насе́ёт гала́нки-то да на́рили — вот рипни́к!* *Соче́нье наске́шь и загиба́ешь. Хоро́шо, вку́сно.* Сямж. Монаст. **Гала́нкой** в говоре называют брюкву, а пирог с ней называется так же, как и с репой: *Вот ужó ре́па с брю́квой выра́стет, надела́ю репня́ка.* Сямж. Монаст. **Яй́чник** — ‘пирожок с зелёным луком и яйцом’: *Ра́ньше ча́сто яйи́шники де́лала: лучку́ туда́ да с яй́чком. А топе́рь уж и неохо́та.* Сямж. Рассох. А пирожки с картофелем называются **я́блочными**: *Э́то что́? Я́б-лашных пиро́гов напекла́?* Сямж. Монаст.

При отсутствии другой начинки пекли пироги с солью, они назывались **солони́к**: *Солони́к пекли́, е́ли. Све́крово́шка у ме́ня лю́била солони́к. Раз-ля́пает со́чень, насо́лит, насо́лит и за́гнёт и в пе́ць. Все́ испекёт солони́к-два, да и е́ст, как ры́бник, и нахва́ливает.* Сямж. Монаст. Это слово много-значно, имеет в говоре и другое значение — ‘солонка с крышкой, обычно сплетённая из берёсты’: *В солони́к-от накла́дем со́ли, крй́пче закрóем про́б-кой и понесе́м на по́жню.* Сямж. Монаст.

Отдельно следует назвать выпечные изделия из недрожжевого, пресного (безопарного) теста. Режаки называют их **скоро́спелыми пиро́гами**: *Пиро́г у нас сегóдня скоро́спелые: как твори́ла, так срáзу месила́.* Сямж. Монаст. К ним относятся также **пресни́к**, **пресня́к** и **пресну́шка**. Это небольшие тонкие лепёшки чаще всего из пресного ржаного теста с защи-панными краями, начинкой служат толчёный картофель, пшённая или дру-гая каша, творог, варёные яйца со сметаной: *На́до ка́ждому по пресни́ку испекци́. Где́ мне э́толь-то наскáть?* Сямж. Монаст. *Наску́ с утра́ сочнёй, да́к напеку́ пресни́ков.* Сямж. Монаст. *Не е́дали, поди́, пресня́ков-то с кар-то́шкой или крупóй? Загибу́льки э́дакие. Их де́лают из неходёлого те́ста — загиба́ют, а наверху́ кла́дут крупóу или карто́шку толчёную.* Сямж. Монаст.

Этот же вид небольшого пирога круглой формы из пресного теста на-зывается в говоре широко распространённым на Русском Севере и в Сибир-и словом **ши́ньга**: *Ша́ньги на сочня́х, по́люют поли́вой, набота́ют сме-*

таны с простокішей и польют сочень-от. Сямж. Монаст. Закрытый или открытый пирог из пресного теста с начинкой из измельчённых овощей (капусты, репы, брюквы, моркови, картофеля, лука), свежих грибов, реже ливера, мяса, иногда ягод называют в говоре словами *сэченик* и *сэченник*: *Из галанки-ти сичинники бывають. Галанку секёшь в сцяльнице, разрубшь топором мелко-мелко, потом сметанкой полёшь, посолишь и на сочень положишь, загнёшь да и в пець*. Сямж. Монаст.

Отметим некоторые выпечные изделия, названные в говоре известными литературному языку словами, но с другим значением.

Выпечное изделие, представляющее собой очень тонкую лепёшку, намазанную маслом, посыпанную сахаром и сложенную пополам; по овальному её краю делаются четыре надреза, называется такой сладкий пирожок без начинки словом *пальчик* – по внешнему сходству с ладонью: *Сейчас пекём пальчики. Маслом намажем, песком посыпем, загнём – вот и готов пальчик. Какой пальчик вкусной, сладкой пиро-от. Дай-ко и мне пальчика попробовать*. Сямж. Монаст. *Пальчика не хотите? Это пирожок без начинки. Пальчик-от не все умели выпекать*. Сямж. Грид. Сливочное масло перед тем, как смазывать им пироги, надо было сначала *оттопить*, то есть ‘нагревая, превратить из твёрдого состояния в жидкое, растопить’: *Сначала надо масло оттопить*. Сямж. Короб. А потом *издушнить* – ‘проветрить, подержав открытым’: *Издушнить надо масло на окне, чтобы оно пахучее было, и мазать*. Сямж. Монаст.

Любое выпечное изделие (чаще пирог), которое пекут перед отъездом кого-либо, – это *подорожник*: *Подорожник-от полбжь сёдни, а то завтра забудешь*. Сямж. Грид. *Провожала гостей, напекла подорожников*. Сямж. Монаст.

Нами уже упоминались слова *сор*, *сёрный*, характеризующие смесь муки из разных злаков. Назовём ещё несколько слов, также известных литературному языку, но в говоре Режи имеющих другие значения. *Пénка* – это ‘жидкая начинка из сметаны, которой сверху покрывают лепёшки’: *Сметаны-то у меня малёнько оставалось, дак пирогов с пёнкой напекла*. Сямж. Монаст. *Сёрник* – ‘пирог с начинкой из творога’ *Рассыкають сочень и защипывают сочень с творогом, это сырником зовут*. Сямж. Грид. *Вот творог наладим, наскём сочнэй да и напекём сырников*. Сямж. Монаст. А *творогом* могут назвать и начинку для открытого пирога из толчёного картофеля, яиц, молока: *Наварят картошки, яйца, разведут молоком и этот творог накладывают на тесто*. Сямж. Монаст.

Словом *оладья*, закреплённым в литературном языке за названием небольших круглых пышных блинчиков, выпекаемых на сковороде, режаки назовут пышный круглый пирог, лепёшку: *Поёшь моих-то пирогов. Вот мяконькие оладьи, только что из печи выняла*. Сямж. Грид. *Поёшь-тё, девки, оладьи*. Сямж. Рассох. Используется и диминутив от этого слова – *олашка*: *На этих сковородках пеку олашки. Эти пироги у нас олашками называются. Я сегодня олашек напекла, больно и добры*. Сямж.

Грид. А блины из ячменной муки называются в говоре *ячными пирожками*: *Все и ждали, пока напекү яшных-то пирожков*. Сямж. Грид.

Даже если нет соотносительности с литературным языком, семантика многих названий вполне прозрачна. Так, пирожок из остатков теста традиционно называют *заскрёбыш*. Сдобное выпечное изделие в общем виде называется *сдобник*: *Напекү завтра сдобников*. Сямж. Монаст. Домашнее печенье круглой формы из сдобного теста режаки зовут словом *колобок*, так называют, как мы уже видели, и круглой формы небольшой хлебец из пшеничной муки: *Колобки-то называют сдобное печево. Колобков-то, бывало, напечём, дак разом и съедят*. Сямж. Монаст. Пряник, тесто для которого замешивали на сусле, называется *суслёнником*. А небольшие лепёшки без начинки из сдобного теста, испечённые на сковороде, называются *алялюшки*: *Напекёшь алялюшек и колобушек, пирожекү такие маленькие*. Сямж. Грид.

Любопытным, на наш взгляд, оказывается неразличение режаками видов некоторых изделий, в результате одни и те же слова называют разные виды выпечки. Так, *катанец* — это небольшой круглой формы пшеничный хлеб, булка, форма которой придаётся в процессе катания теста в «каталенке» («покатушке»), а в одном из примеров он назван пирогом: *Называли покатушка, а пирог, который катали, называли катанец*. Сямж. Монаст.

Охарактеризуем некоторые изделия без начинки, выпекаемые на сковороде. Традиционно к ним относятся блины, оладьи. В режском говоре собственно блин называется словом *блинец*: *Мы с дедом хоть блинцү напекём, хоть шанежски*. Сямж. Грид. Блины из ячменной муки называются, как мы уже отметили, *ячными пирожками*: *Все и ждали, пока напекү яшных-то пирожков*. Сямж. Грид.

Оладья называется в говоре словом *шаньга, шанежка*: *Шаньги творят, как и пироги, только на пироги погуще, а на шаньги — как тебе нужно*. Сямж. Монаст. Блины так у нас блинами и зовут, а маленькие блины — дак шанежски. *Завтра я вам шанежек напекү*. Сямж. Монаст. Сковорода для выпечки блинов и оладий — *шанежник*: *Шанежник у меня удобный. На шанежнике больно и добро пекчи-то, руки не жгёт*. Сямж. Грид.

Продолговатая оладья, в два раза больше обычной, носит название *двоёнка* или *двойнка*: *На сковороду положишь длинные такие — вот и двоёнки получились*. Сямж. Монаст. Диалектоносители так объясняют изготовление таких оладий: *Пекүт двоёнки. Я пекү толькё двоёнками: быстрее*. Сямж. Монаст. *Двойнок-то быстрее напекёшь да и съешь помёньше: оні ведь в два раза больше обычной*. Сямж. Грид.

Упомянем некоторые виды праздничной и обрядовой выпечки. Слова *хлебина* и *хлебины* использовались в Реже с двумя значениями, имеющими отношение к свадебному обряду: «блины, которыми угощали в доме невесты на второй или третий день свадьбы»: *Хлебины мазаны были, мамки хлебина пекли. Это уж на третий день свадьбы*. Сямж. Монаст. и «прошальное угощение у родителей новобрачной на второй или третий день

свадьбы': На трéтий день оставляли своих родных на хлiбена, пекли блины, деУку смотрели. Сямж. Монаст. Свадьбу второй день играли, называли хлiбина, невеста дарит дары. А дары сама невеста делала, у которой мать есть – помогает. Сямж. Монаст.

Большое выпечное изделие прямоугольной формы без начинки, которым угощали людей, не приглашённых на свадьбу, но пришедших поздравить жениха и невесту, называется в говоре словом **кроёное**: Бáбы-ти с ёлочки пришли, там ведь ешио давали кроёное, а кроёное дадут тóже, крёсная встанет, грйт: «Вóт вам, бабоньки!» Сямж. Монаст. Подождём, пока подадут кроёного. Сямж. Монаст. Изделие из подсушенного теста, раскатанного тонким слоем, которое подавали в Рождественский или Крещенский сочельник, носит в Реже название **сочево** и **сочиво**: Сочево-то на сочельник делали. Сямж. Короб. Сочиво делают на Крещениё. Сямж. Короб.

Назовём лишь несколько покупных изделий из муки, их выбор в сельских магазинах был невелик. Баранка, сушка носят в говоре название **крендэль**: Кренделя не хочешь? – Кренделя мне не розгрызть. Сямж. Монаст. С этим же значением отмечены и собирательные существительные **кренделье** и **крендельё**: Ещё тут лавка была, крендельё да пряники продавали. Хозяин лавки из гóрода приедет, витушек, ломпасья, кренделья привезёт. Сямж. Монаст. Раньше такóе крендельё было приятное, не четá топéрежнему. Сямж. Монаст.

Глазированный пряник в Реже называется **зачвэликом**: Раньше едý-то особó не было. Привезут зачвэликов, дак уж робятйшки кричат: «Мáма, купи зачвэликов!» Сямж. Монаст. Пейте чай с сухарями да зачвэликами. Сямж. Монаст. Пряники удлинённой формы назывались по-особому – **сурóп**: А то ешó пряники такiе были дóУгие – сурóпы. Сямж. Монаст. Сурóпами торговали, это пряники были такiми резунчиками, дóУгонькиё. Сямж. Монаст.

Хочется остановиться на оценочной лексике, связанной с выпечкой. Удачно испечённые хлеб или пироги называются в говоре словом **удáча**: Пирогi-то сегоднá удáча, дак хоть дево́к хоро́шими пирога́ми накормлю, а то уж бо́льно э́тот-то хлiб кiслой. Сямж. Монаст. О таких же пирогах скажут – **дóбрые пироги**: Тесто-то како́е пы́шное и ро́хлое, пироги, подi, бóдут дóбрыё. Сямж. Монаст. Положительная оценка вкуса чего-либо, в том числе и выпечки, передаётся безличным предикативом **скýсно** – вкусно: Мо́жно бы загибéней-то напéчь. Загнёшь черни́чки-то – уж до чегó скýсно! Сямж. Рассох. О чём-либо необыкновенно вкусном скажут и **объедáнье**: Ой, до чегó пироги-то хоро́ши! Прямо объедáнье! Сямж. Монаст.

Но гораздо больше оказывается в говоре слов, характеризующих неудачно, плохо пропечённые пироги или хлеб. Выражается это и при помощи антонимичного слову **удáча** существительного **неудáча**: Сегоднá пироги́ неудáча, дак ша́ньги испеку́. Сямж. Монаст. Неудачно, плохо испечённый пирог, хлеб назовут и словом **неупё́ка**: Хлéб-от худóй, непропечённый, к рукам липнет – неупё́ка. Сямж. Грид. Такая оценка касается и домашней

выпечки, и покупных изделий: *Пеку́т плохой хлеб. В понеде́льник в магази́не выходно́й, а во второ́ник неупе́ка и быва́ет. Неупе́ка ча́сто быва́ет.* Сямж. Монаст. *Вчера́сь на пека́рне-то весь хле́б – неупе́ка, и́сти нельзя́.* Сямж. Грид.

У слова *укла́дник* в говоре отмечаются два значения: 'неудавшийся пирог или хлеб, выпеченный из неподнявшегося теста': *Укла́дники – дак знач́ит, пло́хо подня́лись. Как не поды́мется, дак ко́рка. К ко́рке при́липнут – ра́зве вку́сно?* Сямж. Монаст. и 'непропечённая сторона, часть пирога, хлеба': *А у меня́ ни с ко́ю сто́рону укла́дника нет, ска́жешь то́же!* Сямж. Монаст.

Прилагательное *тю́чковатый* характеризует тесто, не поднявшееся, не увеличившееся в объёме при брожении: *Тесто́ худбе́, тю́чковой – худой́ и хлеб бу́дет.* Сямж. Монаст. Этим же словом оценят и изделие, не доведённое до состояния должной готовности при варке, печении: *Хлеб се́дни тю́чковатый. Хлеб тю́чковатый, не упе́ксё и не вы́ходи.* Сямж. Монаст. Сямж. Монаст. *А ба́ба На́стя всё говори́т: «Ка́ша тю́чковатая».* Сямж. Монаст. Как видим, применяется слово не только для оценки выпечных изделий.

Непропечённый или плохо пропечённый хлеб в Реже назовут *недопе́кой*: *Быва́ет, печь осты́нет, хлеб и не допече́тся, недопе́ка полу́чится. Недопе́ки, поди́, и не бу́дете ись? Недопе́ка – это уж не хлеб, коне́чно.* Сямж. Монаст. Не поднявшийся при выпечке пирог назовут *прися́дышем*, да ещё и скажут: *Бро́сь прися́дыш в сте́нку – к друго́й отско́чит.* Сямж. Монаст.

Не зарумянившееся при выпечке изделие (хлеб, пирог или др.) получает название *завя́лыш*: *Все́ равно́ нет зака́лу, все́ завя́лыши. Оны́ не попеку́тсе ниче́го, все́ такие.* Сямж. Монаст. Пирог с подгоревшей нижней коркой называется *опале́ныш*, и хозяйка с огорчением говорит: *Какие́ опале́ныши у меня́ се́дни полу́чи́лись! Ве́к свой не пека́ла э́даких опале́нышей!* Сямж. Грид. Но и подгоревшая при выпечке хлебная корка – *запале́шка* – будет пущена на дело, её не выбросят: *Запале́шка — жа́рко поса́дишь, дак сгори́т она́ <ко́рка>. На ква́с ло́жим э́ти запале́шки.* Сямж. Монаст. Словом *паль* называют не только подгоревшее место на выпечном изделии: *Хле́б-то се́дня хоро́ший, без па́ли, ко́рочка рума́ная.* Сямж. Монаст., но и запах палёного, горелого: *Запале́нный хлеб па́лью то́лько и па́хнет.* Сямж. Монаст.

Как видим, самокритичность режской *печей*, *пече́юшки* достаточно высока, хотя усердия, старания и опыта в домашних делах у русских женщин не занимать. Потому в ответ на замечание о том, что съеденные выпечные изделия были недопечёнными, хозяйка оптимистично скажет, используя устойчивые выражения *на пята́х (в желу́дке) упеку́тся*: *Говори́те, что пиро́ги не упе́клись? Ниче́го, на пята́х упеку́тся. А ещё говори́т: «В желу́дке упеку́тся».* Сямж. Монаст. *Упекли́сь ли пиро́ги? Ну, не упе́клись, дак на пята́х упеку́тся.* Сямж. Монаст.

В результате проведённого исследования мы убедились в богатстве и разнообразии лексики и фразеологии, называющих в режском говоре выпечные изделия и процессы их приготовления. Широко представлены системные отношения в лексике: многие слова являются многозначными (*солоник, шáньга, хлébина и хлéбины*), развита синонимия (*сúтолока – смешийца, разлév – разлéва – квашdнка, малявочник – меёвочник, недопёка – неупёка – присядыш – завялыш*). Нами отмечены антонимы (*удáча – не-удáча, тючковатый – рóхлый*). Разнообразны словообразовательные модели, объединённые в гнезда (*загибáха, загибéнь, загибéня, загибéнька, загибёшка и загибушка; преснiк, преснiяк и преснiушка* и др.).

Перспективными в изучении этой лексико-семантической группы являются, на наш взгляд, наблюдения над развитием семантики, соотношением прямых и переносных значений слов, в том числе над использованием их для характеристики человека, описание словообразовательных возможностей говора.

Список сокращений

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – Изд. 2-е. – М., 1981–1984.

1.1.7. Микротопонимия Режского поселения в ономаσιологическом и структурном аспектах¹

Микротопонимы являются неотъемлемой частью культурного ландшафта региона, поэтому их изучение представляется особенно значимым. В работе предпринята попытка описать микротопонию Режского сельского поселения в ономаσιологическом и структурном аспектах. Материалом для исследования послужили полевые данные, собранные в ходе диалектологических экспедиций под руководством Л.Ю. Зориной. Также использовались записи микротопонимов, сделанные учителем русского языка и литературы Режской средней школы М.Н. Одинцовой. Ономаσιологическое описание русской топонимии представлено в работах Е.Н. Варниковой [Варникова 1988], И.А. Воробьёвой [Воробьёва 1973], Л.П. Матей [Матей 1987], А.В. Приображенского [Приображенский 2003], М.Э. Рут [Рут 1992] и др. В рамках ономаσιологического подхода обычно рассматриваются принципы и способы обозначения географического объекта.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского диалекта».

Центральным понятием, используемым при структурном анализе географических названий, является понятие топонимического типа. В современной ономастике структурный топонимический тип – это «группа топонимов, объединённых единством структуры, топонимической моделью, связанной с характером их возникновения» [Подольская 1978: 150]. Одной из основных особенностей микротопонимов является их структурная близость к именам нарицательным. Учитывая структурную специфику микротопонимов, исследователи указывают на существование в микротопонимии двух групп географических названий, формальные различия между которыми касаются, прежде всего, вхождения или невхождения географического термина в состав топонима. В работе для обозначения данных групп географических названий мы будем использовать термины «топонимы» и «топонимы-словосочетания».

Все микротопонимы Режи можно разделить две группы: названия географических объектов, созданных человеком, и названия объектов естественно-географического характера.

Микротопонимы первой группы представлены названиями пашенных и сенокосных угодий: *Комарица Виссарионова, Авенирова шалюга, Анашкина полоса, Андреевка, Афонина полянка, Белоусная пожня, Берёзовки, Билёвая полянка, Большой пласт, Долгуша, Доровины, Дуброва, Егоровы пенники, Лёвин бревенник, Лисицына пожня, Лодейки, Рябинник, Сахарница, Слуда, Собачёво* и т. д. Также отмечены названия пастбищ: *Яблуха, Кшог, Коробицыно, Культурное, Низовые, Солодихино, Сондога, Яшники*.

К микротопонимам первой группы также относятся названия частей населённых пунктов: *У Рассохинской лавы* (место встреч молодёжи у моста в д. Рассохино), *Тараканово* (часть д. Гридино), *Раменье* (часть д. Гридино), *Выползово* (часть д. Гридино); мест, расположенных вблизи населённых пунктов: *Розлука / Розлуки* (место близ д. Монастырская), *Заводы* (место близ д. Монастырская), *Запригорода* (место близ д. Монастырская).

Названия объектов естественно-географического характера представлены наименованиями небольших рек: *Кремлёвка, Комарица, Вытлевка, Ивашковица, Крутая, Медведка, Пендуска, Рассоховка, Слуда, Берёзовка, Бороуха*, речных извилин: *Захоловины*. Многочисленны названия болот: *Великая чисть, Верхотинное болото, Долгое болото, Железково болото, Зимнишное болото, Илезское болото, Кикиморово болото, Комариное болото, Кошачье болото, Красное болото, Кремлёво болото, Кругловское болото, Струбное болото, Сухое болото, Талецкое болото*. Также зафиксированы названия возвышенностей: *Середняя гора*; лесных массивов: *Худая дуброва, Хорошая дуброва*; участков леса: *Воротки, За Деяновым полем, За лымью*.

Более подробно рассмотрим микротопонимы первой группы (агронимы). В структуру агронима могут включаться географические термины, которые в ряде случаев являются диалектными словами: *Ратинцева пожня, пожня* ‘покос, луг’ [СВГ 7: 122]; *Марковские полянки, полянка* ‘участок пахотной земли, находящейся в чьем-л. пользовании’, ‘участок зем-

ли, отведенный кому-л. для сенокоса' [СВГ 7: 149]; *Долгие полосы, Анашкина полоса, полоса* 'земельный надел' [СВГ 7: 142]; *Володина ляга, ляга* 'низкое, сырое место; широкая впадина с отлогими краями, обычно заполненная водой' [СВГ 4: 61]; *Егоровы пенники, пенник* 'поляна, небольшое ровное пространство среди леса на месте вырубki, которое может использоваться под пашню или для сенокосения' [СВГ 7: 24]; *Большой пласт, пласт* 'участок сенокоса на одного человека' [СВГ 7: 63].

Охарактеризуем основные принципы номинации земельных угодий. В составе агронимов продуктивными являются посессивные топонимы, т. е. географические названия, отражающие связь именуемого объекта с человеком: *поле Маровичей, Богданиха, Филатовщина, Рыжкова полянка, Рябовская половина, Тимониha, Бухарева пожня, Данилиха, Пономарёвская пожня*. В основе таких именований может лежать личное имя крестьянина, разрабатывавшего или возделывавшего земельный участок: *Данилково / Данилкова пожня, Деяново поле, Фотина полянка, Анашкина полоса, Афонина пожня, Виссарионова полянка, Андреевка / Андреевкино*, прозвище: *Чижихинская пожня* (*Чижихинец*, прозвище), фамилия: *Бухарева пожня, Иванцева пожня, Лисицына пожня*.

Посессивные именования представлены однословными топонимами и топонимами-словосочетаниями. Однословные топонимы имеют в своём составе специализированные топонимические суффиксы *-ово / -ево, -ино* (*Колобово, Красавино, Кукуево, Сверчково, Быково*), *-иха* (*Лобаниха, Богданиха, Тимониha*). Топонимы-словосочетания строятся по нескольким моделям. Наиболее распространённой является двухкомпонентная модель, представляющая собой сочетание географического термина и притяжательного прилагательного с суффиксами *-ов / -ев, -ин*, образованного от личного имени: *Деяново поле, Афонина полянка, Офонина пожня, Виссарионова полянка, Данилково пожня, Фотина полянка*. Название географического объекта в ряде случаев представляют собой сочетание географического термина и фамилии в форме родительного падежа: *Рыжкова полянка, Бухарева пожня, Иванцева пожня, Лисицына пожня*. Подобные именования выражали значение индивидуальной принадлежности.

Для именования сельскохозяйственных угодий также использовались сочетания географического термина и притяжательного прилагательного с суффиксами *-овск- / -евск-, -инск-*: *Марковские полянки, Муравьевское поле*. С.Н. Смольников отмечает, что притяжательные прилагательные с данными суффиксами «не выражают значения собственно принадлежности (обладания), они указывают на относительность, условность посессивных отношений» [Смольников 2002: 12].

Микротопонимы, как правило, неустойчивы, легко подвергаются изменениям. В речи носителей диалекта посессивные именования сенокосных угодий могут варьироваться: *Марово / Маровы пожни, Андреевка / Андреевкино, Данилково / Данилкова пожня*.

Для обозначения географических объектов активно используются локативные топонимы (именования географического объекта по его связи с

другим объектом): *Крутые речки, Горушка, Дектярня, Подполянки, У Софьи тона*. Функцию локализатора могут выполнять как естественные, так и искусственные объекты. Сенокосные угодья обычно именуются по гидрографическим объектам (рекам, болотам): *Слуда, по р. Слуда; Медведка / Медведки, по р. Медведке; Берёзовка / Берёзовки, по р. Берёзовке; Ивашковицы, по р. Ивашковице; Комарица / Комарицы, по р. Комарице; Крутой ручей, на берегу Крутого ручья; Студеная Шейга, по р. Студеной Шейге, Тёплая Шейга, по р. Тёплой Шейге, Речки, расположена между реками; Наволоки, наволоки 'заливной луг' [СВГ 5: 28]; Сохра, сохра 'низкое, болотистое место, поросшее лесом' [СВГ 10: 91]; Патюки, рядом с Патюковским болотом. Деревни, находящиеся рядом с называемым земельным участком, также выполняют функцию локализатора: *Кругловское поле, рядом с д. Круглая*.*

Локализатором может являться геоботанический или орографический объект: *Перелесье, Бор, Малинник, Рябинник, Горушка, Дуброва, дуброва 'густой лес из деревьев разных пород' [СВГ 2: 18]*. Земельные угодья могли именоваться по церкви: *Спасское поле* (рядом с д. Монастырской, название связано с церковью Спаса Преображения, расположенной в деревне); по хозяйственным постройкам: *Дектярня, Сенопункт*; по транспортному объекту: *Мостовая пожня*.

Многочисленны ориентированные именованья: *Подболотная пожня, Подостровная пожня, У Софьи тона, У звезды пожня, За зерносушкой, Заручевна, За Чёрной речкой, За магазином, Запригорода, Надляги, Поле к болоту, Поле к мельнице, У Клопова дома, К Маркову лево, У Шавериной мельницы, У школы, Между деревнями* и т.д.

Локативные именованья в исследуемых текстах представлены однословными топонимами и топонимами-словосочетаниями. К однословным топонимам относятся географические названия, образованные в результате процессов трансонимизации: *Слуда* (р. Слуда), *Медведка* (р. Медведка), *Берёзовка* (р. Берёзовка), *Комарица* (р. Комарица), *Студеная Шейга* (р. Студеная Шейга), *Тёплая Шейга* (р. Тёплая Шейга), онимизации апеллятива: *Перелесье, Горушка, Бор, Дуброва, Малинник, Рябинник, Сохра, Сенопункт, Дектярня*. Отмечены суффиксальные образования: *Задорница, Подзапендусье* (ср.: пендус 'болото' [СВГ 7: 23–24]).

В ряде именованний топонимообразование сопровождается лексикализацией формы множественного числа: *Крутые речки, Речки, Ивашковицы, Медведки, Патюки, Подполянки, Берёзовки, Надляги, Комарицы*. В результате этого возникают варианты географических названий: *Берёзовка / Берёзовки, Комарица / Комарицы, Задорница / Задорницы, Медведка / Медведки*.

К составным топонимам относятся именованья, представляющие собой согласованные словосочетания: *Кругловское поле, Спасское поле, Подболотная пожня, Подостровная пожня, предложно-падежные конструкции: За зерносушкой, За Чёрной речкой, У Мишкина дома, У репных ям, У ручья, Над Синим*.

Многочисленными среди агронимов являются качественные именованья (названия географического объекта по его собственным признакам и свойствам). В составе именованний данной группы выделяются микротопонимы, указывающие на размер, протяжённость: *Маленькое поле, Большая поляна, Большой пласт*; форму: *Кривуши, Долгие полосы, Валы, Долгуша, Кругловка, Круглое поле, Согнутыха*; характер почвы: *Дресвянки, дресва* 'каменистая почва; каменистое дно водоема' [СГРС 4], *Пендуски, пендус* 'покос в сыром месте' [СВГ 7: 23–24], *Ляга / Ляги, Мокруша / Мокруши, Билевая полянка, билевой* 'серый (о почве)' [СГРС 1]; *Камешник, Сухая*.

Большую группу составляют географические названия, указывающие на способ подготовки, разработки земельного участка: *Чистенье, чистка* 'расчищенное от деревьев место в лесу, предназначенное для сенокоса', *Паль, паль* 'место среди леса, расчищенное под пашню, подсека' [СВГ 7: 4], *Доровины, доровина* 'участок земли, расчищенный из-под леса для пашни, покоса, пастбища' [СГРС 4], *Вытлевка / Вытлевки, вытлевка* 'участок земли, расчищенный корчеванием, сжиганием пней' [СГРС 2], *Непрядь, непряды* 'расчищенное для пашни место среди леса, подсека' [СВГ 5: 102], *Новеди, новь* 'расчищенное для пашни место среди леса, подсека' [СВГ 5: 110], *Новочисть, новочисть* 'расчищенное для пашни место среди леса, подсека' [СВГ 5: 110], *Опалиха, опалиха* 'место, на котором выкорчеван и сожжён лес под посевы' [СВГ 6: 57]. Качественные микротопонимы характеризуют географический объект по расположению: *Верхотина / Верхотины, верхотина* 'верховье реки' [СВГ 1: 33], *Зады, Дальняя полянка, Среднее поле*; по растительности: *Белоусная пожня / Белоусина, Осотливо поле, Сорница*. Среди качественных именованний встречаются и образные топонимы: *Кошелёво* (по форме похожа на кошелёк), *Сахарница* (с хорошей травой).

Качественные топонимы по структуре обычно являются топонимическими сочетаниями: *Билевая полянка, Маленькое поле*. Также представлены однословные топонимы: *Опалиха, Чистенье, Белоусина*.

В основе микротопонима может лежать несколько принципов номинации: *Лисья гора левая, Деминчей Медведка, Августина Берёзовка, Комарица Виссарионова, Комарица Тихонова, Платошина ляга, Ляжска Кулижонка, Медведка Воронят, Поповские Берёзовки*.

Таким образом, агронимы Режи отличается структурным и семантическим разнообразием. Микротопонимы отражают культурный ландшафт Режского поселения, являются источником сведений о видении мира, быте носителей режского говора.

Литература

- Варникова Е.Н. Русская топонимия Среднего Посухонья в ономаσιнологическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Свердловск, 1988.
Воробьёва И.А. Русская топонимия в средней части Оби. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – 246 с.

Матей Л.П. Русская ойконимия с точки зрения семантической и структурной эволюции // Формирование и развитие топонимии. – Свердловск: УрГУ, 1987. – С. 44–59.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 198 с.

Приображенский А.В. Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Петрозаводск, 2003. – 20 с.

Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 148 с.

Смольников С.Н. Категория посессивности в старорусском языке и проблемы исторической ономастики. // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. – Вологда: ВГПУ, 2002. – С. 5–28.

Список сокращений

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Т. 1–6. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2014.

1.1.8. Неофициальная антропонимия Режи¹

*Не в óчь, конéчно, назывáют по про́звищям,
мóжет, позабóчь так и назывáют...* Сямж. Монаст.

В современном диалектном социуме по-прежнему в достаточно большом количестве присутствуют прозвищные номинации, являющиеся специфическим средством идентификации отдельной личности или группы лиц в рамках диалектного сообщества. Прозвище противопоставлено основному именованию человека по своему происхождению и условиям употребления: имя даётся в семье, прозвище – на «улице» и может перерасти в уличную фамилию.

В ономастике остаётся открытым вопрос о наиболее оптимальной семантической классификации прозвищ. В последнее десятилетие появилось довольно много работ, посвящённых изучению такого разряда антропонимов, как прозвища, особенно прозвищ в диалектной среде, коллективных прозвищ. Так, например, большая работа в этом направлении проводится в Уральском государственном университете, где подготовлен «Словарь русских коллективных прозвищ» [Воронцова 2009: 52].

Интересным представляется подход к классификации неофициальных антропонимов, предложенный в работе белорусской исследовательницы И.А. Лисовой, основанный на разграничении интралингвистически и экстралингвистически мотивированных единиц. Ведущим для появления не-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

официальных антропонимов *интралингвистической мотивации* является внутрilingвистическое основание, т. е. другие официальные и неофициальные антропонимы: это всевозможные словообразовательные модификаты, деминутивы и гипокористики личных имён, отличающиеся от официальной формы имени не только в структурном отношении, но и с точки зрения наличия коннотативной окраски и различных социальных характеристик коммуникантов. Неофициальные антропонимы *экстралингвистической мотивации* возникают по нелингвистическим причинам: реальная или желаемая черта характера, внешний признак, событие и т. п. [Лисова 2014: 227–228].

Рассмотрим неофициальные антропонимы, зафиксированные на территории Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области. Общее число анализируемых онимов – 280, они были собраны в результате диалектологических экспедиций Вологодского государственного педагогического института / университета (теперь ВоГУ) под руководством доцента Л.Ю. Зориной в основном в 80-е и 90-е годы XX века [КСРГ]. В их составе могут быть выделены следующие группы: 1) индивидуальные прозвища; 2) релятивные прозвища, образованные от различных именований родителей (и других родственников), которые приобрели (могут приобрести) статус уличной фамилии; 3) коллективные прозвища жителей отдельных деревень Режского сельсовета. В конце раздела приводится полный алфавитный список всех неофициальных антропонимов Режи, анализу подвергаются антропонимы с установленным мотивом номинации, реальные имена людей – носителей прозвищ не указываются по этическим соображениям.

1. Индивидуальные прозвища составляют обширную группу – 134 прозвища, практически половина от общего количества изучаемых антропонимов. В основном они представляют собой разновидность неязыковой мотивированной номинации. Чаще всего мотив для возникновения прозвища создаёт *внешность именуемого или приметная черта его характера, манера поведения*.

Во внешности человека традиционно обращает на себя внимание чрезмерно высокий – *Кобыш*, *Долби́ло* или, наоборот, низкий рост – *Воробьёнок*; особенности телосложения: чрезмерная полнота – *Кваши́я*, *Корча́га* (полные женщины), *Песте́рь* (полный мужчина); различные физические недостатки: *Косты́ль* (хромой мужчина, ходящий с костылём); *Коско* (человек, страдающий косоглазием); *Ключи́ха* (женщина, у которой была сломана ключица); *Кривонóжка*; *Коря́вишна* (женщина с повреждённым оспой лицом).

Прозвище могло быть дано по какой-либо *характерной внешней примете человека*: толстая и отвислая нижняя губа – *Бри́д*; постоянно открытый рот – *Ворона́*; необычная форма головы, лба – *Колу́н* (заострённая кверху голова), *Поваре́нка* (крутой лоб); привлекающий внимание цвет глаз, волос или кожи: *Лу́на* (мужчина с чёрными, пронзительными глазами), *Би́ля* (> белый, т.е. светловолосый человек), *Бро́nzeвый котелóк* (ры-

жеволосая девочка), **Рак** (мальчик, который был всегда красный, как рак), **Смолёвая** (пожилая женщина, которую сравнивали со старым деревом за смуглый цвет кожи); форма носа: «картошкой» – **Картóхишна** (Танька **Картóхишна**), **Картóшка** (прозвище мужчины); **Кляпоно́сый** (с приплюснутым носом): *Он упал на дугу и это место переломил. Нос-то у него стал такой нелóвкой, да гнуси́л, дак всё и зва́ли кляпоно́сым.*

Мотивом номинации по чертам внешности человека могли стать и какие-либо временные, уже исчезнувшие характеристики именуемого, закрепившиеся в памяти односельчан: **Му́дик** (в детстве была мошоночная грыжа); **Сопленóсик** (у мальчика в раннем детском возрасте почти всегда было мокро под носом); **Седу́н** (не ходил до семилетнего возраста).

Обширную группу составляют прозвища, обращающие внимание на какую-либо *черту характера* или *манеру поведения* именуемого. Специфика мотивов номинации, участвующих в создании этих прозвищ, позволяет говорить о двух подгруппах.

1. Прозвища, дающие оценку характеру человека или особенностям его поведения в целом: **Богомо́лка** (очень набожная старушка); **Загля́дка** – **Васька Загля́дка** (постоянно вертел головой, «заглядывал»); **Ку́лес** (любивший наряжаться мужчина); **Лиси́ца** (хитрая, сообразительная женщина); **Лита́вка** (непокойная женщина, непоседа); **Маслу́ха** (хитрая, «скользкая» женщина); **Матю́га** (часто использующий нецензурную брань мужчина); **Ока́зия** (нехороший человек); **Пулемёт** (девушка-лгунья); **Розно́тёпый** (скромный, тихий и стеснительный человек); **Соломо́н** (мудрый человек); **Мйёв ханды́рь** (мужеподобная девушка): *Мйёв ханды́рь – де́вка, а не па́рень. Она брю́ки носи́ла, на гармо́ни игра́ла. Нога́ на но́гу поло́жит да папри́осу ку́рит.*

2. Прозвища, полученные человеком за какой-либо отдельный его поступок или вследствие какой-либо отдельной регулярно повторяющейся особенности поведения: **Волк** – прозвище мужчины, который в период раскулачивания отобрал у хозяйки овцу и бросил её на двор через голову; **Кы́ка** (**Ондри́ха Кы́ка**) – прозвище старика, который очень не любил перешёптывания в церкви и ударял шепчущихся по лбу согнутыми фалангами пальцев; **Ма́ру** – прозвище мужчины, который вместо ругательства говорил: «У, ма́ру!»; **Советская** (**Татьяна Советская**) – женщина в первые годы Советской власти не венчалась, как все, а «расписалась» по новым законам, впоследствии и её дети тоже были прозваны **Советскими**.

Такие прозвища рассказывают о различных событиях в жизни взрослых людей: **Москви́ч** – прозвище мужчины, которого на 10 лет выслали из Москвы; **Сумёрзлый** (**Митя Сумёрзлый**): *Был не здéшний, приéхал, получи́л про́звище. То́чно не извёстно почему́, но вся изба́ у него́ была́ залóжена дёрном.*

Три прозвища заключают в себе характеристику человека по особенностям его речи, голоса: **Пау́т** (визгливый голос); **Хны́ло** – **Ванька Хны́ло** (гнусавый голос); **Широкорóтая** – прозвище женщины: *Её широкорóтой*

прозывают: больно громко кричит. Говорят: «Идёт Широко́ротая», значит, Юля!

Следующее прозвище относится к группе релятивных, но мотивом его создания послужила также характеристика речевых особенностей, но не самого именуемого, а его матери: *У её́ мать то́же врёде э́той Валенти́ны – тъяв-тъяв. Пони́маешь, тъякает, говори́т – тъякает. Так и по́мер Тья-тёнком. Тьятёнок* – прозвище мужчины, речь матери которого была отрывистой, похожей на собачий лай.

Отдельную группу составляют прозвища *по роду занятий* или *профессии* именуемого.

Как правило, прозвищем становится или редкая для села профессия: *Кино́* – *Ко́ля-Кино́* (работал киномехаником); или типичная для села профессия, но не массовая, иначе такое прозвище не выполняло бы функцию идентификации лица: *Пе́карка* – *По́ля-Пе́карка* (женщина много лет работала на пекарне); *Горш́док* (мужчина, изготавливавший горшки, гончар). Прозвище *Хле́бный* дано человеку, который всю войну был кладовщиком; оно напоминает о голоде военных и послевоенных лет.

Человек мог получить прозвище на всю жизнь благодаря какому-нибудь занятию, имевшему место в его детском возрасте: *Афи́ша* – *Па́влик-Афи́ша* (ребёнком по просьбе киномеханика расклеивал киноафиши).

Довольно большое количество прозвищ может быть объединено в группу под общим мотивом номинации – полученные при *необычных обстоятельствах*.

Такое прозвище могло «пристать» к человеку с раннего детства в самых разных, иногда комичных, ситуациях. Например, ребёнок не выговаривал какое-то слово, и именно оно становилось прозвищем: *Кабу́й* (*Па́ша Кабу́й*) – в детстве не выговаривал слово «обуй», говорил: «Ма́мка, кабу́й!». Прозвище не только сопровождало этого человека всю его жизнь, но и послужило основой для образования семейного прозвища – *Кабуні́хи* (дочери Паши Кабу́я): *Кабуні́хи-ти одна на Рё́жу вы́шла, дру́гая – на Дви́ни́цу*. Ср. также: *Карапы́ш* (Митя Карапы́ш) – прозвище мальчика, который однажды на уроке сказал: «У меня́ карапы́ш (карандаш) слома́лся»; *Чу́мачь* – прозвище мужчины: *Говора́т, что па́рень одна́жды попроси́л у ма́тери: «Ма́ма, дай мне молока́ с чу́мачью». А что́ тако́е «чу́мачь» – ни́кто не зна́ет*.

Ребёнок мог сказать что-нибудь запомнившееся всем: *Колхо́зник* – прозвище мужчины – когда вступали в колхоз, он был ещё ребёнком и крикнул: «Я то́же пойду́ в колхоз!». *Челю́скин* – узнав о полёте Челюскина, мальчик на уроке встал и сказал: «Я то́же буду́ Челю́скиным».

Взрослые могли дать прозвище ребёнку сразу после его рождения: *Галаве́с* – прозвище мужчины по имени *Иван*. В день его рождения умер мужчина по прозвищу Галаве́с (а имя тоже *Иван*). Кто-то воскликнул: «Ну вот, второ́й Галаве́с роди́лся!» *Ока́т* – прозвище мужчины: *Поп хоте́л его́ Ока́том назва́ть, да роди́тели отка́зались, да́ли дру́го́е и́мя, а всё равно́ Ока́том прозывают*.

Прозвище могло навсегда запечатлеть как радостное событие в жизни ребёнка: *Чапаёнок* – отец сшил мальчику папаху с красной звездой, он пришёл в ней в школу, где в это время учили стихотворение о Чапаеве; так и трагическое событие: *Недорёзок / Недорёзонец* – прозвище мужчины, которого в молодости сумасшедший отец пытался резать.

Единичными примерами прозвищ представлены такие мотивы номинации, как *порядок рождения*: *Пятитённый* и *Пятый* – пятые по порядку рождения дети; *долголетие*: *Стогодёвик*.

Как можно видеть из приведённых примеров, все прозвища, кроме идентифицирующей функции, обладают функцией характеристики лица, т.к. имеют коннотативную окраску на лексическом или словообразовательном уровне. Ср.: *Медвёдица* – прозвище очень мощной, сильной и косялой женщины (метафорический перенос создаёт яркую образность). Совмещение сразу нескольких принципов номинации также способствует возникновению прозвищ с яркой внутренней формой: *Квасник* – прозвище мужчины, любившего пить квас и похожего на квасник; *Шаньгин* – прозвище мужчины, который очень любил есть *шаньги* и был маленького роста; *Голья* – прозвище мужчины, который был маленьким ростом и воспитывался без матери. Экспрессия и оценочность (чувство жалости) в семантике этой лексемы поддерживается и способом словообразования: флексийная мена на базе основы прилагательного *голый*.

Следующее прозвище тоже совмещает в себе несколько мотивов номинации: не только бросающаяся в глаза внешняя черта, но и свойство характера, манера поведения именуемого – *Вовка Сосок*: *У Вовки у Соски не хватает товку, бёгает – только бёлые соски трясу́що*. Номинация возникает на основе метонимического переноса (часть тела – человек), вследствие чего создаётся яркая образность и экспрессия.

Как известно, большинство экспрессивов в диалектной речи характеризуются пейоративной оценкой, акцентирует внимание на различных оцениваемых негативно отклонениях от нормы. Прозвища в этом отношении не являются исключением из правила. Лексемы с ярко выраженной положительной оценкой встречаются крайне редко, ср.: *Красёвко* – прозвище мужчины с привлекательной внешностью.

Не всегда представляется возможным однозначно определить характер оценки (положительная или отрицательная). Сравните два контекста употребления одного и того же прозвища *Модёна*: 1) *Модёна была́ у нас одна́ – ходит модно, жёница была́ хоро́шая, модная, вот и прозвали́ Модёной*. 2) *Модёна её прозвали́, люби́ла губы вот та́к скла́дывать*. Если речь идёт об одной и той же женщине, то первый контекст вроде бы свидетельствует о положительной оценке, второй ставит её под сомнение – в нём читается, по меньшей мере, ирония в адрес жеманницы. Что-то необычное, не как у всех, всегда привлекает к себе внимание: *Шляпочница* – прозвище женщины, носившей соломенную шляпу.

Существует определённая проблема: как разграничить прозвище (имя собственное) и обычный экспрессив (имя нарицательное), выступающий

ситуативной номинацией лица. Решение находим, во-первых, в утверждении самими информантами прозвищного статуса у данных единиц, во-вторых, в наличии факта передачи прозвища «по наследству» другому лицу, и необязательно родственнику. Ср.: *Манёфа* – прозвище женщины по имени Александра, которая, как и некая Манефа (прозвище умершей женщины), была косоглазой.

Кроме того, одна и та же лексема может явиться отправной точкой для возникновения на основе метафорического переноса сразу нескольких прозвищ. Ср.: *Копёйка* – прозвище скупого мужчины (д. Рассохино, 1983 г.) и *Копёйка* – прозвище мужчины маленького роста и слабого телосложения (д. Монастырская, 1984 г.). В этой же деревне (Монастырская) в 1990 г. зафиксировано прозвище *Копёйка* у человека мелкого телосложения, которому предыдущий Копейка приходился родным братом (к 1990 году уже умершим), а в 1991 году сделана запись прозвища *Копеёнок* – сына *Копейки*. Таким образом, индивидуальное прозвище становится родовым, коллективным, ср.: *Вот, Маруся-то и копейт провозжёт*.

Следующий пример можно, вероятно, интерпретировать как переходный случай: от прозвища (имени собственного) к локальному экспрессиву (имени нарицательному): *В деревне жила у нас женщина, она была очень высокая. Прозывали её Кантáлихой. Тепéрь всех кантáлихами зовут, если женщина высокая*. Прозвище *Кантáлиха* изначально не было связано с высоким ростом человека, оно было, вероятно, именованием женщины по мужу или отцу.

Все рассмотренные индивидуальные прозвища являются неофициальными антропонимами *экстралингвистической* мотивации (в терминологии И.А. Лисовой), однако отмечено несколько прозвищ, имеющих *внутрилингвистическое* основание – это прозвища, образованные на базе других антропонимов (официальных и неофициальных).

Встречаются прозвища, образованные от фамилии самого именуемого: *Кўстик* (Кўстов), *Черепáнко* (Черепанов), *Фатиёнок* (Фатиев), *Фати́ха* (Фатиева). Одно прозвище возникло от отчества: *Поля́к* (Аполлинарьевич).

Отфамильные прозвища, в свою очередь, становятся основой для возникновения коллективных прозвищ жителей одной из деревень Режского сельсовета, ср.: *Фатья́та* – коллективное прозвище всех жителей с фамилией Фатиевы, живущих в д. Колтыриха.

II. Другой разряд неофициальных антропонимов Режи – это *релятивные* прозвища (123 лексемы), т.е. образованные от различных именовании родственников, следовательно, имеющие в основном *интралингвистическую* мотивацию. Прозвищная идентификация по гендерному семейному статусу достаточно разнообразна, подобные прозвища образуются от личного имени ближайшего родственника, от его прозвища, профессии, социального положения.

Самая значительная по объёму группа представлена прозвищами, возникшими на основе *личных имён ближайших родственников* именуемого.

Чаще всего производящей базой для создания релятивного прозвища выступает основа *личного имени отца* именуемого. Это может быть личное имя в полной (официальной) форме: *Абрамёнок* < Абрам, *Борисёта* < Борис, *Евграшёнок* < Евграф, *Иринёхонцы* < Ириней, *Кирилёнок* < Кирилл, *Куприныч* < Куприян, *Орсинец* < Орсений (Арсений), *Филатёнок* / *Филатёта* < Филат, *Фирстёнок* < Фирс, *Сёргишина* < Сергей, *Сиволóтиха* (Всеволотиха) < Всеволод.

Нередко производящей основой выступает деминутив личного имени отца: *Афóнькишина* (*Танька Афóнькишина*) < Афонька (Афанасий), она же – *Офóнина* (*Танька Офóнина*) < Офóня (Афанасий), *Ёсинец* < Еся (Евстигней), *Лазунёнок* < Лазуня (Лазарь), *Лазу́нкинец* < Лазунька (Лазарь), *Ми́шинец* / *Мишиня́та* < Миша (Михаил), *Мй́шкин* < Мишка (Михаил), *Она́шкинец* / *Она́шкинцы* < Онашка (Ананий), *Прóбнишина* / *Прóбнинцы* < Проня (Прокопий), *Полашóнок* < Полоня (Аполлинарий), *Полóнсков* (*Яра́ня Полóнсков*) < Полоня (Аполлинарий), *Сима́к* < Сима (Серафим), *То́линцы* < Толя (Анатолий), *Федю́нинец* < Федю́ня (Федор).

Зафиксированы прозвища, возникшие от основы *личного имени матери* именуемого – от его полной формы: *Марфёнок* < Марфа, *Фай́нинец* < Фаина и от деминутивов: *Катюшóнок* < Катя (Екатерина), *Лй́синец* < Лй́са (Елизавета), *Настю́хинец* < Настюха (Анастасия), *Овдю́хинец* < Овдюха (Авдотья), *Парáнинец* < Параня (Прасковья), *Па́хины* < Паша (Прасковья), *Сй́менец* < Сима (Серафима).

Отмечены случаи образования прозвищ от различных форм личных имён *деда* – *Ванчелёта* < Ванчýло (Иван), *Вáсинец* < Василий, *Лаверёнок* < Лáвер (Лавр), и даже *бабушки* именуемого: *Платóшина* (*Галина Платошина*) < *Платоша* (Платонида), *Мау́рин* < Маура.

Многочисленны релятивы, образованные от *прозвища отца* именуемого: *Балаёнок* < Балáй, *Бй́линец* < Бй́ля, *Волча́та* < Волк, *Гóлинец* < Гóля, *Горшй́ха* / *Горшй́хины* / *Горшóнок* < Горшóк, *Кабунй́ха* < Кабу́й, *Калабанёнок* / *Калаба́ниха* < Калаба́н, *Квашникй́* < Квашня́, *Копеёнок* / *Копейта́* < Копейка, *Комлячй́ха* (*Авдотья Комлячй́ха*) / *Комлячóнок* < Комля́к, *Кулижóнок* < Ку́лес, *Маслушóнок* < Маслу́ха и др.

Зафиксирован пример образования релятива непосредственно от *отчества отца* именуемого: *Панфилёнок* < Панфилыч: *Всё Панфй́лыч да Панфй́лыч! Эдак и на сы́на пошлó* – *Панфилёнок!*

Среди релятивных прозвищ Режи большую группу составляют номинации женщин. На протяжении многих столетий женщина, в основном, играла второстепенную роль при мужчине, из-за чего многие женские онимы возникали с отсылкой к мужскому антропониму. Выше уже были перечислены некоторые женские прозвища, восходящие к личным именам отца и матери именуемой, а также к прозвищу отца.

Отмечено несколько номинаций, созданных и на базе *прозвища матери*: *Корча́жкишина* (*Людмила Корчажкишина*) < Корча́га, *Тя́пишина* (*Настя Тя́пишина*) < Тя́па, *Язы́ниха* < Язы́ня: *У нас стару́шка со Слобóдки, её всё зва́ли Язы́ниха, а мать её всё зва́ли Язы́ня. Всё и потыка́ли – Язы́ниха.*

Среди женских релятивов преобладают прозвища, отсылающие к различным номинациям мужа: в этом случае могли актуализироваться имя мужа, его прозвище, профессия.

Самыми частотными оказываются прозвища, образованные от различных форм *личного имени мужа* или его *прозвища* в процессе суффиксации с использованием «женского» форманта *-их(а)*: *Дея́ниха* < Дея́н, *Мани́лиха* < Мани́л (Эммануил), *Обра́миха* < Абра́м, *Обро́сиha* < Оброс (Абросим), *Фи́рстиha* < Фирс, *Седу́ниha* < Седун, *Кондучи́ha* < Кондúk, *Косты́лиha* < Косты́ль.

Такие прозвища могут употребляться как самостоятельные, но чаще выступают как вторая часть личного женского имени, идентифицируя «замужнюю женщину»: *Картóшкина* (*Танька Картóшкина*) – прозвище женщины от прозвища мужа – *Картóшка*. Второй раз была замужем за человеком по прозвищу *Седу́н* и звалась *Танька Седу́ниha*.

Прозвища женщин на *-их(а)* восходят ещё к старорусскому периоду развития языка и отмечены в памятниках официально-деловой письменности, ср.: «*Се яз ѿедосья прозвищем Шумиха Лазарева дочь Юрьевская жена Вологодцого каменщика*» [Купчая 1629, ГАВО, ф. 1260, оп. 1, № 10].

Отдельные женские релятивные прозвища образуются по модели прилагательных – *Офо́нина* < Офоня (Афанасий), *Картóшкина* < Картóшка, *Матю́гина* < Матю́га, *Валёткова* < Валетко; создаются по типу отчества, но отсылают не к имени отца, а к *имени мужа*: *Куприя́новна* < Куприя́н, *Лазу́нькишна* < Лазу́нька (Лазарь) или к *фамилии мужа*: *Луза́новна* < Луза́нов, *Ожиги́шна* < Ожигин.

Прозвища детей, образованные от обозначений профессионального или социального статуса родителей, отмечаются значительно реже. Удалось зафиксировать два релятива от профессии одного из родителей: *Урядни́чóнок* / *Урядни́чáта* – прозвище детей по должности отца (урядник); *Пекарёнок* – сын *Пóли-Пéкарки* – в этом случае релятивное прозвище сына возникло на основе отпрофессионального прозвища матери. Одно прозвище характеризует социальный статус матери именуемых детей: *Водви́ны* < вдова.

В диалектном онимическом пространстве существуют неофициальные, так называемые *уличные* фамилии. Употребление этого вида антропонимов в качестве именованья в говорах – очень живучая в сельской местности речевая традиция. Социально-различительная функция современных уличных фамилий диктуется общественно-бытовыми условиями сельской жизни, тем, что часто в пределах одного населённого пункта встречаются семьи-однофамильцы, сохранившие родственные связи, в том числе и имеющие отдалённое родство. В Режском сельсовете функционирует небольшое количество фамилий (*Вахрушевы*, *Востряковы*, *Игнашевы*, *Ратушины*, *Стариковы* и др.). Индивидуальные прозвища, конечно, способствуют облегчению процесса идентификации лица, но более всего эту функцию реализуют релятивные прозвища, которые, появившись вначале

как номинация одного члена семьи (или всех родственников одного поколения семьи), распространяются на многие последующие поколения данной семьи, т.е. становятся уличными фамилиями.

О том, что какой-либо неофициальный антропоним релятивного типа вполне вероятно может функционировать в качестве уличной фамилии (т. е. передаётся от поколения к поколению в рамках одной семьи), свидетельствует его структура – словообразовательный тип с антропоформантами *-ов-* (*-ев-*), *-ин-*, по которому чаще всего образуются уличные фамилии от личных имён или прозвищ: *Отёц был Федóсом – вот и говорят: Ванюха Федóсов.*

Первостепенное значение в определении для антропонима статуса уличной фамилии имеют, безусловно, свидетельства информантов. Например, зафиксировано объяснение возникновения коллективного антропонима *Ласакóвы* для детей и всех потомков мужчины по прозвищу *Лáсточка*. Он не был местным жителем, приехал в деревню. Детей его стали называть прозвищем – *Ласакóвы (Ласточкины)*. Его сын – Егор *Ласточкин* (настоящая фамилия – Прокофьев), внук этого Егора – Васька *Ласаков*, жена которого получает прозвище *Ласакóвна*.

Однако уличной фамилией может стать антропоним и другого, не менее распространённого в вологодских говорах словообразовательного типа с антропоформантами *-ёнок-* / *-ят(а)* и *-еу-* / *-(ин)цы*: *Егоря́та* – коллективное прозвище всех детей и внуков *Старикова Егора*; *Сороча́та* – семейное прозвище *Вахрушовых*; *Чи́жйхинцы* – прозвище семьи от их фамилии *Чи́жóвы*; *Бíлинец (Женька Бíлинец)*: *Женька-то то́лстой Бíлинец-то. Дед – Бíля. Бíлинцем звали и зятя, и внука.*

III. Незначительную по количеству компонентов (23 номинации) группу неофициальных антропонимов составляют **коллективные прозвища жителей отдельных деревень** Режского сельсовета. Выявление мотивов создания данных антропонимов позволяет воссоздать исторически сложившийся коллективный «образ» жителей того или иного населённого пункта, характеристику их по доминирующим чертам поведения, внешнему виду и т.д.

Например, приметная особенность внешнего облика жителей д. Коробйцыно запечатлена в их коллективном прозвище *коробйцынцы-брюха́ны* (информатор говорит, что жители этой деревни были «брюхатые», «толстобрюхие»). Весёлый нрав жителей д. Рассóхино отражает прозвище *рассо́хинцы-зубоска́лы*: они любят подшучивать, подсмеиваться.

Следующие номинации содержат в себе характеристику односельчан по доминирующим чертам поведения, обычаям и привычкам: *Налива́шники* – жители д. Лукавино (Монастырская): в деревне была церковь, и жители часто ходили на венчание, где им наливали вина. *Чернотро́пики* – жители д. Ма́рково: избы раньше топили по-чёрному, поэтому в домах было грязно, а хозяйки ещё и редко мыли. Когда люди зимой выходили на улицу в той обуви, в которой ходили по избе, то тропинка от их следов чернела.

Коллективные прозвища, как и индивидуальные, представляют собой в основном лексемы с отрицательной коннотацией, они нередко высмеивают какие-либо человеческие пороки (пьянство, нечистоплотность), а иногда и прямо указывают на преступный характер поведения именуемых: *Гри́динцы-живорёзы* – жители д. Гри́дино – прозваны так за большое количество драк и убийств в деревне. И конечно, такие прозвища – это не самоназвания жителей того или иного населённого пункта, это всегда взгляд со стороны, глазами жителей соседних деревень: *Магазе́йники / магазе́яны* – жители д. Монасты́рская. В деревне был казе́нный амбар – магазе́я: *Магазе́я-то была очень вы́сокая, больша́я. Потолка́ в ней не́ было, стоя́ли сусе́ки. А в оди́н сусе́ке хлѣба не́ было; оди́н мужи́к забра́лся туда́, ду́мал, чтобы́ из-под ни́за выпуска́ть зерно́. А зерна́-то не́ было. Он упал и слома́л но́гу – вот поче́му их ста́ли звать магазе́йниками: что во́ры они́!*

Нейтральные обозначения жителей деревень Режи создаются по продуктивным как в литературном языке, так и в вологодских говорах словообразовательным моделям.

Названия одного жителя (жительницы) населённого пункта образуются с помощью суффиксов *-к-, -(ан)к-, -ак-, -ах-, -ѣх-, -(уш)к-*: *Рубцо́вка (Настя Рубцо́вка)* – родом из д. Рубцо́во; *Бурни́янка* – жительница д. Бурни́ха; *Тафти́нка* – по названию сельсовета (Тафта́); *Режѣ́к* – житель Режи; *Сондожа́ха* – родом из Сондуги; *Ратѣ́ха* – из д. Ра́тино; *Маркову́шка / Маркову́шечка* – жительница д. Ма́рково.

Используются поссесивные модели с суффиксами *-ск-, -(ин)ск-, -(ов)ск-*: *Гри́динская* – родом из д. Гри́дино; *Рѣ́жская* – жительница Режи; *Колобо́вский* – прозвище мужчины, который последним переехал из д. Ко́лобово в д. Колты́риху; *Кругло́вская* – жительница д. Кру́глая; *Ку́ловская* – женщина, приехавшая из д. Ку́лово.

В незначительном количестве случаев обозначение жителей во множественном числе представляет собой бессуффиксную грамматическую форму от существительного в единственном числе: *режа́к – режаки́ / ре́жачи / ре́жичи* – название всех жителей Режского сельсовета Сямженского района; *фо́фан – фофаны́ / фо́фанец – фо́фанцы* (д. Фофанец).

Коллективные названия всех жителей населённого пункта используют суффиксы форм существительных множественного числа *-и(ы): гри́динцы* (д. Гри́дино), *короби́цынцы* (д. Короби́цыно), *рассо́хинцы* (д. Рассо́хино), *колобовцы́* (д. Ко́лобово), *копы́ловцы* (д. Копы́лово), *кругло́вцы* (д. Кру́глая), *лука́винцы* (д. Лука́вино), *ма́рковцы* (д. Ма́рково); *-ан(е): двини́чане* (местность Двини́ца), *колты́ряне* (д. Колты́риха), *луки́няне* (д. Луки́нская); и характерные как раз для морфологической системы севернорусских говоров формы на *-ан(а): двини́чана, колты́ряна, копы́ловча́на, бурни́яна, короби́цына, лука́винца, луки́няна, монасты́ряна*.

Рассмотрение неофициальной антропонимии Режи позволяет сделать следующие выводы:

1. В диалектном языковом пространстве Режского сельского поселения Сямженского района Вологодской области функционируют прозвищные

номинации, являющиеся средством идентификации отдельной личности (индивидуальные прозвища); группы лиц – членов одной семьи, рода (релятивные прозвища, уличные фамилии); а также жителей отдельных населённых пунктов (коллективные прозвища) в рамках диалектного сообщества.

2. Индивидуальные прозвища, составляющие половину от общего количества неофициальных антропонимов Режи, возникают на основе *экстралингвистической мотивации*. Кроме идентифицирующей функции, они обладают функцией характеристики лица, т.к. имеют коннотативную окраску на лексическом или словообразовательном уровне. Апеллятивные основы индивидуальных прозвищ представляют собой лексику как общерусскую, так и локальную, фиксируемую в вологодской группе говоров (*брила, бухарь, долбило, колобан, колыш, комель, кулес, литовка, пестерь, смолёвый, сумёрзлый* и др.).

3. В говоре Режи достаточно высокой активностью характеризуются релятивные прозвища, образованные от личного имени или прозвища матери (иногда и бабушки), что в принципе не является типичным для антропонимов данного типа. Релятивы служили основой для создания семейных прозваний, которые, в свою очередь, отправной точкой стремились иметь мужское именование, и только особые обстоятельства ставили во главу семьи женщину. Возникновение в массовом количестве релятивных прозвищ и, тем более, уличных фамилий от женских антропонимов говорит о неблагополучии внутри семьи – отсутствии в ней по разным причинам хозяина, кормильца. Объяснение этого явления, вероятно, следует усматривать в сложившейся в России конца 80-х – начала 90-х гг. социально-экономической и демографической ситуации.

4. Все виды неофициальных режских антропонимов создаются в основном по продуктивным как в литературном языке, так и в вологодских говорах словообразовательным моделям. Формант *-ёнок / -ят(а)* (восходящий к праславянскому **-ent* со значением детёнышей живых существ), в антропонимах патронимического типа реализует разрядное значение принадлежности / происхождения. Следы этого, новгородского по происхождению, структурного типа в говорах некоторых районов Вологодской области свидетельствуют о бывшей миграции ильменских славян на территорию Вологодского края.

Изучение неофициальных антропонимов режского говора, дополненное изучением его лексической системы в целом, позволяет описать один из важнейших фрагментов народной культуры, связанный с представлениями о человеке с точки зрения его оценки самим собой.

Литература

Воронцова Ю.Б. Из наблюдений над территориальным распределением русских коллективных прозвищ // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / под ред. Е.Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 52–53.

Список сокращений

КСРГ – Картотека словаря режского говора.

Алфавитный указатель неофициальных антропонимов Режи

1. Абрамёнок	35. Горшо́к
2. Афй́ша	36. Горшо́нок
3. Афóнькишна	37. Грй́динцы
4. Балаё́нок	38. Двини́чана
5. Бала́й	39. Двини́чане
6. Белу́ха	40. Де́минчи
7. Би́линец	41. Дея́ниха
8. Би́ля	42. Долби́ло
9. Блоха́	43. Дунаё́нок
10. Богомо́лка	44. Дуна́шиха
11. Бори́сята	45. Дыра́
12. Бри́ла	46. Евграшо́нок
13. Бро́нзовый котелóк	47. Егоря́та
14. Бурни́яна	48. Ёсине́ц
15. Бурни́янка	49. Загля́дка
16. Бу́харь	50. Зе́ма
17. Ванчеля́та	51. Зырё́нок
18. Валёткова	52. Иринёхонцы
19. Валётко	53. Кабу́й
20. Ванчи́ло	54. Кабунíха
21. Ва́синец	55. Калабан
22. Вдо́вины	56. Калабанёнок
23. Ве́на	57. Калаба́ниха
24. Волк	58. Канта́лиха
25. Волоща́не	59. Карапы́ш
26. Волча́та	60. Картóхишна
27. Воробье́нок	61. Картóшина
28. Воро́на	62. Картóшка
29. Галавёс	63. Картóшкина
30. Га́рный	64. Каря́вшна
31. Го́линец	65. Катюшо́нок
32. Го́ля	66. Квасни́к
33. Горши́ха	67. Квашни́кí
34. Горши́хшины	68. Квашня́

69. Келѣйщик.
70. Кѣленца
71. Кинѡ
72. Кирилѣнок 2
73. Ключѣха
74. Клѡшка
75. Кляпонѡсый
76. Колобѡвскій
77. Колобовцы
78. Колтыряна
79. Колтыряне
80. Колун
81. Колхѡзник 2
82. Кѡлыш
83. Комляк
84. Комлячѣха
85. Комлячѡнок
86. Кондук
87. Кондучѣха
88. Копеѣнок
89. Копеята
90. Копѣйка 2
91. Копыловчана
92. Копыловцы
93. Корѡбицына
94. Корѡбицынцы-брюханы
95. Корѡвкинец
96. Корчага
97. Корчажкишна
98. Кѡско
99. Костылѣнок
100. Костыліха
101. Костыль
102. Краѣнчане
103. Красѣвко
104. Кривонѡжка
105. Круглѡвская
106. Круглѡвцы
107. Крыса
108. Кудряш
109. Кулес
110. Кулижѡнок
111. Кѡловская
112. Кѡприныч
113. Куприяновна
114. Кѡрко
115. Кѡстик
116. Кѣка
117. Лаверѣнок
118. Лазунѣнок
119. Лазункинец
120. Лазунька
121. Лазунькишна
122. Ласакѡв
123. Ласакѡвич
124. Ласакѡвна
125. Ласакѡвы
126. Ластѡчка
127. Лѣсинец
128. Лисѣца
129. Литавка
130. Лузановна
131. Лукавинца
132. Лукавинцы
133. Лукѣняна
134. Лукинѣне
135. Лѡпа
136. Магазѣйники
137. Магазѣяны
138. Манѣфа
139. Манѣлиха
140. Марковѣшечка /
Марковѣшка
141. Марковцы
142. Мару
143. Маруш
144. Марфѣнок
145. Марфѣта
146. Маслѣха
147. Маслушѡнок
148. Матѡга
149. Матѡгина
150. Маурин
151. Машарыга
152. Медвѣдица
153. Мѣѣв хандырь
154. Мѣтькин
155. Мѣшенец
156. Мѣшинец
157. Мишинѣта

158. Мѣшкін
159. Модѣна
160. Монастырѣнки
161. Монастыряна
162. Москвѣч
163. Москвичѣнок
164. Мѣдик
165. Надѣжка
166. Наливѣшники
167. Настѣхинец
168. Недорѣзанец
169. Недорѣзок
170. Некувѣяка
171. Обрѣмиха
172. Обрѣсѣха
173. Овдѣхинец
174. Ожѣгишна
175. Окѣзия
176. Окѣт
177. Окѣтиха
178. Олѣяк
179. Онѣшкинец
180. Онѣшкинцы
181. Орѣсѣнец
182. Офѣнина
183. Панфѣлѣнок
184. Парѣнинец
185. Парѣпушкинцы
186. Паѣт
187. Пѣхины
188. Пекарѣнок
189. Пѣкарка
190. Пестѣрь
191. Пѣлигѣнчик
192. Платѣшина
193. Поварѣнка
194. Полашѣнок
195. Полѣнок
196. Полѣнсков
197. Поляк
198. Прѣнинцы
199. Прѣнишна
200. Пулемѣт
201. Пѣтитѣнтѣй
202. Пѣтый
203. Рак
204. Рассѣхинцы
205. Рассѣхинцы-зубоскалы
206. Ратѣха
207. Рѣтник
208. Рѣха
209. Рѣшка
210. Режѣак
211. Рѣжачи
212. Рѣжичи
213. Режѣки
214. Рѣжская
215. Рознотѣплѣй
216. Рубѣѣвка
217. Сѣвка
218. Сѣвкинец
219. Салазѣн
220. Сарапѣгинцы
221. Седѣн
222. Седунѣва
223. Седунѣха
224. Сѣргишна
225. Сѣверко
226. Сиволѣтиха (Всеволотиха)
227. Симѣак
228. Сѣменец
229. Смолѣвая
230. Совѣтская
231. Соломѣн
232. Сондожѣха
233. Сопленѣсик
234. Сорѣчѣта
235. Сосѣк
236. Стогодѣвик
237. Стѣпень
238. Сумѣрзлѣй
239. Тафтѣянка
240. Тепляк
241. Тѣлинцы
242. Трѣха
243. Тявтѣнок
244. Тяпа
245. Тяпшина
246. Урядничѣта
247. Урядничѣнок

248. Файнинец
 249. Фатиёнок
 250. Фати́ха
 251. Фатьята
 252. Федо́сков
 253. Федю́нинец
 254. Федю́ншина
 255. Феку́стишна
 256. Филатёнок
 257. Филатята
 258. Фи́ля
 259. Фирсте́нок
 260. Фи́рстиха
 261. Фля́ченка
 262. Фо́фанцы
 263. Фофа́ны
 264. Хаву́я

265. Ха́мко
 266. Хле́бный
 267. Хны́ло
 268. Чапаёнок
 269. Челю́скин
 270. Черепáнко
 271. Черно́тропики
 272. Че́хишна
 273. Чижи́хинцы
 274. Чу́мачь
 275. Ша́ньгин
 276. Ши́ло
 277. Широко́рбтая
 278. Шля́почница
 279. Язы́ниха
 280. Язы́ня

1.1.9. Дневники студенческих диалектологических экспедиций в Сямженский район Вологодской области¹

Заметное внимание филологической общественности привлекла инициатива профессора СПбГУ О.А. Черепановой записать воспоминания участников студенческих диалектологических экспедиций. В традиционно издаваемом под редакцией профессора А.С. Герда сборнике научных трудов «Севернорусские говоры» появилась новая рубрика – «Воспоминания об экспедициях». В этой рубрике уже опубликованы материалы А.И. Лебедевой, И.С. Лутовиновой, О.А. Черепановой, Л.А. Ивашко, М.А. Тарасовой, Л.В. Зубовой, Ю.Ф. Денисенко, Ю.С. Веховой и К.А. Гавриловой [Воспоминания 2008: 263–334].

Почему столь востребованы воспоминания такого рода? Думается, они востребованы, во-первых, потому, что диалектологами старшего поколения обследовались говоры старой, ещё не реформированной в условиях XX века деревни, а современным наблюдателям приходится довольствоваться наблюдениями над уже изменёнными языковыми идиомами. Во-вторых, потому, что студенты прежних лет, вслед за своими многоуважаемыми преподавателями, придерживались классических приёмов сбора материала по русской диалектологии и могут теперь говорить о высокой степени их информативности. В-третьих, помимо чувства глубокого удовлетворения, воспоминания дают диалектологам старшего поколения воз-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205а «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

возможность обобщить опыт и выработать для идущих следом советы методического и методологического характера и т. д.

Плодотворная идея петербургских диалектологов дала стимул к обобщению воспоминаний диалектологов в других регионах [Экспедиционные заметки 2013: 90–108]. Особое внимание в интересующем нас плане вызвал дневник воронежской экспедиции 2012 года под руководством А.Д. Черенковой и И.И. Исаева [Колесникова 2013: 96–102]. В компактном дневнике экспедиции многое нашло своё отражение: выбор информантов, особенности работы с ними, их впечатляющие студентов рассказы о прошлом, некоторые курьёзные случаи, описание экспонатов местного музея, возможности использования специализированной программы *Praat*, предварительные итоги экспедиции и др.

Применительно к диалектологической науке как лингвистический источник недавнего времени весьма заметен дневник М.П. Сусловой, опубликованный и исследованный коллективом авторов под руководством И.И. Русиновой в Пермском государственном университете [Дневник М.П. Сусловой 2007]. Этот дневник авторский, написанный одним человеком и отражающий в лаконичных записях события, комментарии к ним, оценки и лексикон информанта.

Каждый из нынешних специалистов «по бабушкам и дедушкам» – так иногда в шутку называют диалектологов – мог бы создать свою серию воспоминаний о поездках в дальние российские деревни, о многочасовых беседах с информантами, об открытиях и находках, сделанных в той или иной местности.

Студентами и преподавателями Вологодского государственного педагогического университета, участвовавшими в диалектологических экспедициях, с 80-х годов велись так называемые «экспедиционные дневники». Из них можно и сейчас, по прошествии многих лет, черпать живые картины, актуализируя реалистичные, не искажённые временем воспоминания. За истекшие 40 лет накопилось большое количество диалектологических дневников. До сего дня они хранятся на кафедре русского языка, отличаются высокой степенью сохранности и радуют своей информативностью. Ряд из них уже переведён в цифровой формат, фрагменты некоторых дневников опубликованы [Зорина 2008: 130–135]. Задача данной работы – осмыслить особенности этих дневников с точки зрения их жанра, содержания и особенностей сделанных в них записей.

В обобщённом виде дневник – это ‘ведущиеся изо дня в день записи каких-либо фактов, событий, наблюдений и т. п. во время путешествия, экспедиции или каких-либо занятий, какой-либо деятельности’ [МАС I: 406]. Существуют путевые, судовые, педагогические, литературные, девичьи и прочие дневники [Егоров 2003]. Обстоятельно изучена специфика дневника как литературного жанра [Егоров 2003]. Структура дневников со временем заметно менялась, но сущность их оставалась неизменной: дневник был и остаётся разговором его автора с самим собой, монологом, об-

ращением не к слушателю или читателю, а к себе, в расчёте на чтение в будущем.

В экспедициях, работавших под нашим руководством, наряду с ведением рабочих блокнотов студенты всегда оформляли и экспедиционные дневники. Чтение их восстанавливает в памяти участников поездок яркие эпизоды путевой жизни, оживляет лица собеседников, активизирует в сознании встретившиеся местные слова и выражения.

Дневники диалектологических экспедиций обычно представляют собой стандартные альбомы для рисования или фотографий, заполненные записями членов экспедиционного отряда. Чаще он и создаётся именно всем коллективом студентов, иллюстрируя тем самым коллективное творчество участников экспедиции. Названия дневникам в разные годы давались разные, обычно соответствующие названиям отрядов: *Глаголь*, *Летописец*, *Логос*, *Словесник*, *Сямжа-91* и др. По объёму дневники получались также различными, поскольку и экспедиции организовывались в разное время различной длительности – от 10 дней до 4 недель. В дневниках используются рисунки, шаржи, фотографии, аппликации и другие приёмы оформления журналов.

В экспедиционных дневниках в основном день за днём описываются события и впечатления членов отряда. Делается это не только «для последующего чтения» самими авторами (дневник после возвращения отряда из экспедиции сдаётся на кафедру), но и для того, чтобы увиденное было запечатлено и стало доступным для чтения другим заинтересованным лицам.

При составлении дневника у членов экспедиционного отряда обычно возникало разделение обязанностей: один или несколько студентов придумывают сюжет и соответствующий ему текст, другой рисует, третий, обладая приличным почерком, пишет. Иногда студенты по очереди описывают день за днём, иногда – сами распределяются для написания заметок по тематическому принципу. В итоге получается весьма содержательный источник. В дневники нередко включаются материалы с особой, шутливой стилистикой: студенты стараются показать себя, проявить чувство юмора, собственную оригинальность.

Географически дневники сямженских экспедиций отображают работу студентов в деревнях Гридино, Монастырская, Раменье, Рассохино Сямженского района Вологодской области. Хронологически охватывается время с 1983 по 2009 года, правда, не без некоторых перерывов.

Диалектологические путевые заметки, составляющие описываемые дневники, впоследствии находят разноплановое применение: из них вырастают тексты выступлений на областном вологодском радио (передача вологодского журналиста Н.А. Коробова «Родное слово»), публикации в литературно-художественном журнале «Вологодский ЛАД» [Зорина 2015: 232–239], части текста публикуемых монографий [Зорина 2008: 130–135] и др.

Итак, мы попытались, обобщая, показать особенности созданных под нашим руководством диалектологических путевых заметок, т. е. студенче-

ских экспедиционных дневников. Далее представим два таких текста в ином ракурсе – в рамках жизни двух конкретных студенческих отрядов.

Первоначально наш выбор падет на дневник отряда «Глаголь», воспроизводимый ниже, потому что именно он знаменует собой начало многолетнего обследования режского говора в Сямженском районе Вологодской области.

Дневник режской диалектологической экспедиции 1983 года

4 июля. Едем в Режу

Наш отряд «Глаголь» направлен в Сямженский район, в *Режу*. *Режа* – удивительный край с неприхотливой русской природой, незамысловатыми деревянными строениями, сохранившимися древними обычаями.

Автобус *Сямжа* – *Режа* был полностью забит скудными студенческими пожитками, так что местным жителям пришлось потесниться. Дорога была живописной. Наш маленький автобус весело подпрыгивал на каждом бугорке.

Молодые мамы крепко прижимали к груди ребятшек. Наташа Соловьева с нежностью оберегала от тягот дороги пушистого серого котёнка, а Марина и Галя, дыша в унисон с автобусом, изгибаясь, как баядерки в ритуальном танце, везли самый ценный груз – 12 десятков яиц. Наши страдания не прошли даром: потери были минимальными – лишь одно яйцо!

В дороге мы познакомились с очень словоохотливой бабушкой. Обратили внимание, что она вещала на весь автобус: «*Врежу, врежу!*» Кому и что она собиралась *врезать*, поначалу мы не поняли. А бабушка просто просила билет *до Режи*, до Режского сельсовета, куда направлялся и наш отряд.

Приехав в Режу, мы сразу заметили размеренную, спокойную, плавную речь, иногда отмеченную простой деревенской ироничностью.

Наш отряд был прекрасно обеспечен, главное – был интерес, желание работать. Но не всё оказалось так гладко, как мы думали. Отнеслись к нам сначала очень недоверчиво: авторитет нужно было заработать! А это было не так-то просто.

Расположились мы в двух деревнях – Гридино и Рассохино. В этом деревенском мире такие тяжёлые вопросы, например, как, где жить? что есть? где спать? на чём ездить? – решаются легко и быстро. Всё, что есть в доме, – ваше, а недостаток комфорта искупается настоящей доброй заботой со стороны тех, чьим гостеприимством вы пользуетесь.

Постепенно мы начали понимать, что у жителей появился к нам определённый интерес, позднее мы не раз замечали, сколько душевной благожелательности проявляли эти чужие люди, которым мы ничего не давали, а только мешали работать.

Особенно нас поразила меткость речи режаков, умение вовремя и с доброй улыбкой пошутить. Слышали мы и рассказы о том, как нелегко

жилось «под барином», и «как землю делили», и как многие не вернулись с войны.

Жизнь деревни неразрывно связана с землёй, и режаки гордятся своим краем. Действительно, каким красивым показалось нам льняное поле — голубое с зелёным, с синими огоньками васильков! Здесь ещё не трудно разыскать образцы старинных одежд, головных уборов. Сколько радостных рассказов связано со всем этим!

Сохранились в этих местах и старинные сказки, песни, заговоры. Во время нашей экспедиции мы провели концерт, который, полагаем, надолго останется в памяти жителей окрестных деревень; запомнятся им и лекции о диалектах, прочитанные Наташей Шишовой.

5 июля. Дикие люди

Первый наш поход — в деревню Копылово. Тщетно пытаемся разговаривать разомлевших в солнечном зное старушек. Наташа Соловьёва кинулась в ближайший дом, где в окне мелькнуло живое человеческое лицо: «Выйдите к нам, поговорите!»

Вернулась из дома Наташа с виноватой улыбкой. Женщина категорически отказалась выйти к нам, мотивируя тем, что она... *дикая*. Мы переглянулись. Потом в недоумении мы даже удалились.

В этот же день хозяйка сказала мне: «*Ну и дикая же ты!*» Тут уж было чего испугаться! Неужели вдали от шума городского я так быстро стала *дикой*? Но дело решилось просто: *дикая* в этом говоре означает 'непонятливая, глупая'. Слово употребляется широко, имеет ещё значение 'необразованный, тёмный'. Так, рассказывая нам об этом слове, информатор вспомнил, что ещё его тёща, не желая что-либо делать, всегда скороговоркой выпаливала: «*Не умею! Дикая, дикая, дикая я старушка!*» «*А вот если сейчас про жену сказать, — добавил собеседник, — обидится!*»

5 июля. Переселение

Наконец-то мы все живём у наших дорогих информаторов! Лена Леонова, Абдулхаева Леночка и Наташа Соловьёва попали в избушку ласковой бабушки Марьи, которая живёт в Козлюхине, на самой окраине деревни Рассохино. Сразу же, для установления контакта, мы взялись перебирать картошку в её «*ямне*».

Людмилу Юрьевну устроили у симпатичных старичков Николая Кирилловича и Александры Фёдоровны Игнашевых в деревне Гридино. Их не надо было вызывать на разговор, они сами, без лишних просьб, охотно рассказывали всё, что угодно. Вторая тройка девочек поселилась в большом светлом доме в Гридине, где им выделили отдельную комнату.

На новом месте сразу же стали искать информаторов. Молва народная указала нам на Раизу Ардалионовну Соколову как на песенницу и очень общительную женщину. Второй была названа *Лазунькишна*. Этим прозвищем нарекли строгого вида старушку, которая не терпела непонятливых.

Когда её попросили повторить какое-то слово, а потом сделать это ещё раз, она вскричала: «*Экая ты дикая! Вот возьму батог, дак сразу всё поймёшь!*» Информатор она, конечно, хороший, диалектизмов в её речи много, но вся соль в том, что норму-то свою мы ещё не выполнили и рисковать собственной жизнью не имели права.

6 июля. Переселение второе

Основная трудность в первые дни экспедиции – это «наведение мостов», установление контакта с собеседниками. Просишь человека уделить приезжим немного внимания, поговорить с тройкой студентов, но слышишь в ответ строгое: «*А чьи вы будете?*» Начинаем издали: «*Я учительница, а это мои студенты. Зовут меня Людмила Юрьевна*». – «*Юрковна, говоришь? Копыловского Юрка что ли?*» Ну а уж если «*не своих*» и «*не присвоих*», чужой то есть, то и беседовать с тобой не будут.

Пришлось нам от Лазуныкишны отказаться: уж больно внушительным был у неё батог! А прозвище *Юрковна* надолго закрепляется за руководителем...

7 июля. Заговорили!

Выглянув однажды вечером в окно, мы увидели Людмилу Юрьевну и Алёшку, устало бредущих вдоль улицы. Выскочили из дома, желая пригласить их к нам на беседу. Но Людмила Юрьевна испуганно замахала руками: «Что вы, у меня и так голова болит!» Выяснилось, что они с Алёшкой отдыхают... от разговоров. Настолько говорливым оказался их хозяин, что у такого бывшего человека, как наш руководитель, голова заболела!

Режаки-то – люди самостоятельные. Уж построят дом – так как крепость: *с пёредом* и *с задом*, а между ними ещё *серёдка* есть, там хлев находится. Изба срублена *в лату* или *в угол*. А чтоб дом-то стоял долго и не гнил, *потошник* привешивают.

Половина-то в доме бывает светлая, самая лучшая комната – *гórница*. Окна большие, стекла чистые, и *поперёченья* крепко сколочены. Потолок держит *мáтица*, а *мóст-от* выкрашен масляной краской и блестит. В общем, трудно проникнуть чужаку в дом режака.

В полутьме пыльных чердаков можно обнаружить различную мелкую хозяйственную утварь – *мутóвки*, *корча́ги*. Нередко посуду выдалбливали из дерева. Наиболее архаичны по форме огромные, метровой высоты *стуети́и*. Более тщательно и из более ценных пород дерева выдалбливалась столовая посуда: *ковши́*, *ендовы́*, *солони́цы*. Есть изделия и из берёсты: *пестерí*, *туесá*, *зобни́* и др.

Алёшка в экспедиции

Шестилетний Алёша Зорин отправился уже во вторую в своей жизни диалектологическую экспедицию (первой была поездка в предыдущем году в деревню Наволок Кичменгско-Городецкого района). К поездке в де-

ревни Сямженского района готовились заранее. Алёша получил два задания: от мамы, доцента Л.Ю. Зориной, – узнать клички кошек и собак, от профессора Ю.И. Чайкиной – запомнить 3 самых интересных слова.

Алёша очень звал с собой в поездку отца, рассуждал при этом так: «Папа, ты тоже сможешь собирать клички. Ну что тут трудного? Спросишь, как зовут кошечку, и скажешь девочкам, чтобы записали». Поехали, конечно, без папы, но ребёнок был снаряжён для экспедиции подходящим образом: Наташа Соловьева снабдила его самым настоящим рюкзаком!

В деревне Алёша быстро освоился, научился не отвлекать нас от работы. Более того, Алёша сам стал работать! Он запоминал по нашей просьбе некоторые слова и выражения, произносил их: *видко* – ‘видно’; *фультикультяпистый* – ‘причудливый, затейливый’; *погода замокропогóдилась* – ‘погода становится дождливой’; *зовёт зовуткой* – *величают уткой* и т.д.

Ребёнок по-своему понимал многое из услышанного. Так, увидев в деревне бани *по-чёрному* (а они действительно тёмные, мрачные, закопчённые внутри и снаружи), всё чёрное стал называть *по-чёрному*, всё светлое – *по-свётлому*. Так у нас появился даже *петух по-свётлому*!

Мы спали в *другóзбе*, в летней избе. Там было много всякого крестьянского инвентаря, лежали связки веников, предназначенных для еды козам. Однажды, рассердившись на Алёшу за непослушание, мать воскликнула, что возьмёт берёзовую вицу и выпорот его. В ответ услышала невозмутимое: «*Вицы* ведь не для того, мамуленька, а для того, чтобы козы ели!»

К концу экспедиции Алёша вник в нашу методику, заметил, что мы с Гапиной Александровной Дружининой часто говорим студенткам: «*Диалектное! Запишите!*» или «*Литературное! Записывать не надо!*» И уже от шестилетнего Алёши мы иногда слышали: «*Это литературное!*»

PS: Даже через месяц после возвращения из поездки ребёнок просил дома *глыбку*, т. е. ‘кусочек’ сахара и говорил *поужалуйста* с сильно огубленным гласным [o].

Сенокос

В июле начинается сенокосная страда. Время забот, волнений и напряжённого труда. Колхозники поднимаются рано – едва забрезжит рассвет. Ещё слоистый липкий туман покрывает поле и серебрится капельками росы на траве. Вступишь в неё – и она обдаёт тебя веером янтарных брызг. Смотришь – ноги сырые по колено.

От остывшего за ночь воздуха подёргивает плечи, шея покрывается пупырышками, хочется глубже спрятать руки в карманы и дремать, зажмурив глаза, с наслаждением вспоминая о тёплой постели.

Но едва лучик солнца выглянет из-за туч, приласкает лицо, руки, обогреет своим теплом, сон как рукой снимает. С жадностью начинаешь вдыхать свежий, пахучий воздух и с упоением замечаешь, как на глазах меня-

ется картина утра. Тебя поражают и травы, и оранжевые, белые, синие пятна цветов, и звон кузнечиков, и прятный ветер.

Это самое лучшее время, потому что на самом сенокосе этого не увидишь: будут мучить жара, несносные оводы, сырая, прилипшая к телу рубашка, белые пятна в глазах от ослепительного солнца, ломота во всём теле и желание скорейшего отдыха.

Надо торопиться, пока солнце невысоко и роса не высохла. В народе недаром говорится: *на травах роса – легче ходит коса*.

Пройдёшь «*волок да ещё волок*», а там и *пóжня*, либо *чи́щенье* – место, освобождённое от леса под сенокос. *Чи́щенье* представляет собой огромный квадрат. Рядом – низина, после дождя в ней вечно стоит вода. Это *ля́га*.

Работы на пожне много, трава по пояс, нельзя ей дать перестояться, иначе такая трава – не сено, не труха. А рабочих рук не хватает. Хоть дело и спорится, оставляют *кули́жку* – недокошенное место. С каждым днём она всё меньше и меньше. Зато растут стога, навитые вокруг крепких стожаров (*сено о́гребу́т да и бато́г до́лгий ста́вят, то и есть стожа́р*). Иногда стожар *остро́вью* зовут.

Прежде чем стог ставить, делают настил из веток и жердей, *подтон*. Чем выше *подто́н*, тем лучше: при *сле́че* – осеннем ненастье – вода не подмочит сено. Удобно и практично.

8 июля. Вот так сказала!

Карточек уже много. Материала больше во много раз. Мы сидели и отупело глядели на нескончаемые записи в блокнотах. В голову лезли такие вот стишки:

*Я за столиком сижу
И всё карточки пишу,
Всё пишу и пишу,
А на время не гляжу.*

Но посмотреть на время всё-таки пришлось. Решили лечь спать, так как был уже первый час. Тщетно пытаемся выключить свет – замкнуло выключатель. Получилось что-то вроде пульсирующей цветомузыки. И тогда Света сонным голосом говорит: «*Не му́чайте выжигáтель!*» По инерции пытаемся записать новый «диалектизм», но потом, посмотрев друг на друга, разражаемся дружным хохотом. Вот так сказала!

В этот же день я поймала себя на том, что пыталась транскрипцией написать письмо своей бабушке!

7 июля. Окатом крыть

Во время нашего первого и последнего разговора с *Лазу́нькишной* она поведала нам о старухе *Ока́тихе*, которая после смерти мужа лишилась рассудка. Говоря о муже этой старушки, Лазуныкишна называла его имя –

Ока́т – и долго распространялась об этой семье, вообще о деревенской жизни, в частности о том, что её избу ещё *Ока́т* крыл.

По окончании рассказа Наташа, пребывавшая раньше в задумчивости, спросила собеседницу: «А как же всё-таки избу *ока́том* кро́ют?» В ответ последовало недоуменное молчание... Ведь *Ока́т* – это собственное мужское имя!!! Хотя и старинное, но всё же имя! А мы за лихорадочным поиском диалектизмов этого и не заметили, приняв за очередное «старопрженое слово».

5–7 июля. Гроза

Возвращаясь из Копылова, «учёные-диалектологи» попали под сильнейший ливень с громом и молниями. Огромная туча зловеще посмеивалась над студентами, которые, словно мокрые воробьи, стояли под стрехой какой-то добротной баньки. «А хорошо бы в бане поселиться!» – мечтательно заметил кто-то. Да, в нашем положении и баня – хорошо.

А ужас нашего положения заключался в том, что жители деревни Рассохино, прежде обещавшие разместить нас в своих домах, вдруг решительно отказались от своих обещаний. Ни приветливый вид юных девушек, ни лстивые слова руководителя Л.Ю. Зориной, ни протекция местных жителей, семьи Копыловых, не помогали. Выручили нас всё же родители нашего квартирьера Гали Копыловой: нам в распоряжение предоставили 2 класса старой школы. Шикарные апартаменты! Но информаторы-то живут в своих собственных домах!

А дождь всё лил и лил. Не выдержав ожидания, Наташа и Марина понесли под крышу гостеприимной школы. Преодолев дистанцию за сравнительно короткий срок, вымокнув при этом до нитки, замёрзнув, у самого крыльца они выясняют, что ключ остался под стрехой баньки. Что ж, в родном доме и стены греют! Стучать зубами на пороге «своего» дома всё же лучше, чем где-то в ином месте...

Кончилось всё благополучно. Мокрые и усталые, мы всё же не унывали: в нашей копилке слов уже кое-что было!

9 июля. Жить хорошо!

Отто́ле уже недели две будет, как мы приехали в Гридино. Деревня-то здесь хорошая, старушек много. Только вот *ха́ются*, что народ нынче всё *выходно́й*, не хотят понять того, что мы работать сюда приехали, слова собираем, да все прежние.

Гостей-то уж, как водится, встречают *загибе́нками*. Но хозяйка наша осерчала: у неё сковорододержатель сломался, *дак* пришлось без пирогов *обряжа́ться*. Нарезали хлеба *хлеборэ́зником* да *за́место* пирогов *скúсно* поели. Хозяйка, глядя на нас, всё приговаривала: «*Ко́щье-то ка́кие прие́хали! За́мретье тут, ця́й оди́н пьетё! Глянь – одне́ крьльця́ торча́т!*»

А мы-то всё бегаем по бабушкам, а они от нас будто в *межсерёдку* прячутся! А ещё есть у них тут палка такая, *батог* называется. У неё такое широкое применение, что узнаешь, *почём фунт баранок!*

На *корóбочку-то* (магнитофон то есть) все записаться хотят, но ведь и говорят многие, как в книжках писано.

Зашли в дом к старушке. Сама-то она хлипкая, *коревáтая*. Сказали ей, что поговорить пришли. Она и *бáет*: «*Ничегó не чую. Гласíна-то у вас не бóльно шумкáя, да вы не рóбкайтё! Дверíну-то закрóйте, а то холодокóв-то, так и побормотáем*».

С разговорами-то и время быстрее *коротáется*.

Обратно шли, так такая слякоть сделалась, дождь как ливанул, так пришлось юбки-то *подболокнуть* да рысцой до дома! Домой-то прибежали да на *мосту́* так и хлопнулись! *От* было *дивьё!*

Хозяйка опять нас *тйторила*: «*Почтб не поёвши отверну́ли? Видáть, хорошó побéгали – весь ўжин в одíн присéст опростáли!*»

День *коротáется*, солнце *закатáется*, а у нас ещё *ухом не махнi*, дел не впроворот, и на *вечерíну* успеть *надóть*. Наладили *грибóчки* да *полётч-ки*, чтобы местным *парнекам* *погленуться*. А те *бáют*: «*Дёвки-то какiе из гóроду приéхали баскiе, и похáять-то нé за что!*»

Так день и пройдёт, и подумаешь, на ночь гляючи: и жизнь хороша, и жить хорошо!

10 июля. Пишем стихи

Диалектологам уже хорошо понятен ещё недавно совершенно неизвестный диалект. Мы уже сами можем говорить почти *по-режски!* И в часы вдохновения у нас рождаются стихи. Пусть безыскусные, но такие искренние! В них запечатлеваются ситуации деревенской жизни и обороты местной речи. Так, как в стихах горожанки Наташи Шишовой:

*Зазвенела коса,
Прошлась по траве.
Ты коси, коса,
Не тупись, родимая!*

*Дорог каждый день,
Было б солнышко,
А то, гляди,
Размокропогóдится –
Сгинет травушка,
А потом уж некому плакаться.*

*Я тебя оселком наточу,
Чтоб блестела серебром,
Чтоб ни бухтiнки,
Ни царатинки –
Словно зеркало.*

*А в деревне Гридино
В каждом дворе журавли.*

*Журавли-то не простые,
Деревянные, большие.
То колодцы водяные с кошкой,
Очапом, с крюком.*

11 июля. Баять не напостывает

Привернули мы на недельку в Рассохино, поселились в избушке на курьих ножках к бывшей ударнице, а теперь, по её мнению, *засра́нице*, славной восьмидесятишестилетней старушке – бабе Мане. И *обраде́ла* она нам, как *Христу́*. Ещё бы! Мы ведь навели порядок в избе, покрыли стол подобием салфетки и сразу же – для установления контакта – взялись перебирать картошку в *ямне*. Картошка-то *хрушка́я*, ядрёная, да вот в подполье лазать приходилось *карачу́ном*, а когда наверх выползали, волосы *обороня́ть* пришлось: полная голова была *ша́му*!

Снова открыли *западню́*, второй раз полезли в погреб, хотя и голова у всех *кружа́ется*, и бабушка чуть не *тюкается* от усталости. Говорим ей: «Идите отдохните!» Ушла, да вдруг влетела в избу, как *молоды́жка*, и как *забо́ркает*, *забо́ркает*: «*Дёвки*, вы не бойтесь, когда с *моста́* *выходи́ть* будете, там *поли́ца* обломилась. А дверь-то открыва́ть ста́нете – так с кры́ши *потошник* упал, не ушибётесь, а то изба́ ста́рая, а ме́дпункт-то да́леко».

Сидим мы, *усе́рдницы до́шлые*, и думаем: а что, если ночью и матица обвалится и зашибёт? Но успокоились: не зря же бабушка по ночам за нас молится! А ещё иногда она вдруг посреди ночи как запоёт:

*Золотого-то колечика
Не буду стаивать,
Не буду милого любить,
Сама себя расстраивать.*

И спрашивает: «*Дёвки!* Этого-то в *ящик* <т. е. на магнитофон> не записывали? Ну ладно, я ещё *зду́маю*. Слушайте, сейчас *зачну́* с краю и на *го́лос* спою!» И так наша бабушка поёт час или два, недаром говорят про неё, что *торовата́я* была.

Утром хозяйка встанет часа в четыре и самовар ставит, печь топит, чтобы напечь *неудач*. А нас спрашивает: «*Дёвки!* Вы *встаните́*, *поедите́* и *пойдите́* или *пома́ните́*?»

Да, думаем, бабушка у нас клад: не только песни поёт, но и стихи сочиняет! И никакая она не *балабо́шка*, ведь без нас неделю-то вообще не говорит. Живя с приезжими, их не *подтыка́ет*, указывать не любит. Её любимое выражение – *ука́зчику пры́щ за́ щеку*. Подумаешь, если скажет, где и что вымыть, как *воро́нчики* обтереть и *тенету́* с *потоло́ки* убрать, и таз на *мост* вынести, и в самовар воды принести, да лучше с дальнего *ко́лодчика*. Так какие же это указы? «*Мне*, – говорит, – *да́ром: делайте, что хо́чите́!*»

Если наша бабуся придёт из магазина, то уж принесёт *всякого мёста*: и *дошшечек* вафельных, и красненьких *яблочков* – помидоров, и конфет без бумажек, и *стеклянку* с закуской и т. д. А потом чай горячий станем пить, да так, что *куфтырь* чуть не лопнет! Нас она очень любит, с нами-то ей *бáять не напостывáет*, да и нам жаль уезжать: больно хорошая бабушка: и знает много, и видела и слышала немало. Очень жаль, что сейчас она плохо *чúет* и ноги у неё *тосковáть* начали. Но вот как разулыбит свой беззубый рот, так нам кажется, что нет на свете лучше места, чем эта избушка на курьих ножках с обвалившимся *потошником*...

12 июля. Подведём итоги

Участниками экспедиции в Режский сельсовет Сямженского района Вологодской области оформлено 2400 словарных карточек, составлен 1 гербарий, заполнен 1 блокнот с фонетико-морфологической характеристикой говора, записаны 4 кассеты общей продолжительностью звучания около 2 часов, заснято 60 кадров фото пленки, заполнена 1 анкета, прочитаны 2 лекции для населения, выпущены 2 стенных газеты, оформлены 2 альбома, привезены 4 предмета материальной культуры с диалектными наименованиями.

Участниками Режской экспедиции в 1983 году, то есть авторами приведённых дневниковых заметок, были студентки ВГПИ Абдулхаева Елена, Копылова Галина, Леонова Елена, Максименко Марина, Пукайчук Светлана, Соловьева Наталья, Шишова Наталья.

Дневник режской диалектологической экспедиции 1984 года

Этот дневник отражает закономерное продолжение работы в Режском сельсовете Сямженского района. Однако, в отличие от условий предыдущего года, весь экспедиционный отряд проживал уже в одной деревне Монастырской.

Деревня Монастырская

Диалектологическая практика сямженского отряда проходила в деревнях живописного Режского сельсовета Сямженского района. История этих деревень отражена в экспозициях и материалах колхозного музея. Используя эти данные, а также рассказы местных жителей, студенты собрали сведения по истории деревни Монастырская.

Впервые эти места – окраинные территории бывшего Тотемского уезда – упоминаются в памятниках письменности XVII века. Название деревни, где работали диалектологи, неслучайно. Здесь раньше хотели построить монастырь, но ввиду того, что речка Режа маленькая, несудоходная, земли в округе неплодородные, монастырь построен не был. Впоследствии большое значение имела постройка церкви, украшение этих мест. Любопытно, что колокола были привезены из Тотмы, они были очень тяжёлыми, поэтому поднимали их мужики со всех окрестных деревень. Звон колоколов в

праздничные дни был слышен на всю округу. Молиться в церковь приходили со всех окрестных деревень. В связи со строительством церкви сама деревня Монастырская значительно расширилась.

В Монастырской раньше была церковно-приходская школа, велась довольно бойкая торговля. Однако деньги были только у тех, кто «сумел продать корову или лошадь». По деревне ходили коробейники, продавали разную мелкую утварь. В праздники со всех волостей собиралось очень много народу. Любили гулянье на реке, катание на большой качуле, стоявшей в самом центре деревни. Из одного конца деревни в другой неслись залиvistые мелодии гармошки.

Деревня делилась на несколько «концов»: *Горушка* – возвышенное место, где стоял поповский дом; *Поповка* – на самом берегу реки; *Монастырская* и *Лукавино*.

Коренными фамилиями считались *Игнашевы*, *Вахрушевы*, *Кочевы*, *Поповы*.

Главной была дорога на Тотьму, которая проходила через деревню *Колтыриху*. Оживлённой была также дорога на *Коробицыно*. Сямженский край считали нищим, называли его *Бельдяевой слободой*.

С приходом советской власти жизнь значительно изменилась. Началась коллективизация, она в этом крае проходила довольно сложно. В 30-е годы люди стали уезжать на станцию Харовская для строительства железной дороги.

В 1957 году Режа, т.е. местность по течению реки Режи, насчитывала 1200 домов. Население составляло 6500 жителей. В 80-е годы XX века здесь проживало всего около 800 человек. К настоящему времени численность населения резко сократилась.

Деревня Монастырская больше года была центром сельсовета. Здесь находились почта, изба-читальня, клуб, функционировали пекарня и маслозавод, работала восьмилетняя школа. В настоящее время центр сельсовета перенесён в деревню Коробицыно.

Ирина Попова, Елена Боброва

Жизнь отряда

В наш отряд входило 11 человек. Ещё в Вологде студенты разделились на рабочие группы. В каждую группу входило по 3 человека. Но первоначальные группы пришлось реформировать. У нас получилось две «тройки» и одна «четвёрка». Люба Копылова работала у себя дома, в деревне *Рассохино*. А мы, десять человек, расположились в деревне Монастырская. В каждой «тройке» был выбран командир. В отряде назначили казначея, физорга, выбрали редколлегия.

В деревне Монастырская диалектологическая экспедиция работает уже не первый год. Поэтому наш приезд для местных жителей был не в диковинку. Они очень хорошо нас приняли. Жили мы на квартирах у бабушек, старались записывать каждое их слово. Блокнот и ручка всегда были под рукой.

Вскоре после приезда мы посетили маслозавод. С интересом смотрели, как изготавливают сливочное масло, рассматривали оборудование. Побывали мы и на центральной усадьбе, где посетили местный музей. В нём собрано много материалов по истории Режи, начиная с предметов старинного быта, утвари и кончая днём сегодняшним: чем живут сегодня режские жители, как трудятся.

С первых дней мы стали готовить концерт. Было очень много споров: что показать, какие номера художественной самодеятельности выбрать. Мы очень много репетировали, но всё равно сильно волновались. В разных клубах сельсовета нами были показаны два концерта и прочитаны две лекции.

Очень интересным оказалось наше путешествие в деревню Гридино. Там мы увидели старинный дом – в таком виде, в каком их раньше строили в этой местности. Дом был зарисован, подписаны его основные части. Рисунков было сделано много.

Но всё же основной была работа по сбору диалектных слов. Для этого мы даже смотрели, как стригут овец! Всего нами было оформлено 3400 карточек.

Нам нужны были образцы живой речи, т. е. необходимо было записать образцы говора на магнитофонную пленку. Нас интересовала не только речь бабушек, хотя именно ею мы и занимались в первую очередь. Но интересна была и деловая речь, поэтому студентки с магнитофонами ходили даже на партийное собрание. Там они попытались записать выступления людей, обсуждавших интересовавшие их вопросы. Кроме того, девочки побывали в детском саду, где сделали запись детской речи, но, к сожалению, неудачно. Всего нами было записано 4 кассеты.

Очень много мы фотографировали жителей деревни, наших информантов, уделяли внимание предметам быта, строениям. Сделано свыше 100 кадров.

Много интересных диалектизмов мы узнали, когда ходили смотреть, как ткут половики. Бабушки всё охотно показывали и объясняли. Домашний ткацкий станок студенты видели впервые.

Одним из мест, где мы черпали информацию, был магазин. Уже в первые дни мы посетили его и узнали много новых слов. В очереди женщины обсуждают новости, не замечая, что рядом кто-то стоит с блокнотом.

Попытались мы попасть и на пасеку, но, к сожалению, неудачно.

<Автор не зафиксирован>

Концерт

О концерте думали ещё до поездки, а готовиться начали за три дня до него. Вспоминали старые, готовые номера, придумывали новые. Готовились обстоятельно, знали, что концерты здесь любят. Репетировали два дня подряд, подбирали костюмы, продумывали декорации.

И вот наступил день выступления. Зал заполнился удивительно быстро. Были здесь и старушки, и молодёжь, и, конечно же, дети. От нас зависело многое. Как-то нас оценят? Поймут ли нас?

Вначале Катя Спирина познакомила зрителей с тем, чем мы занимаемся на диалектологической практике, поблагодарила наших информантов за помощь. Концерт начали с музыкально-поэтической композиции о мире. Задумчиво прозвучали песни «Над полями дремлет голубое небо», «Деревенское детство моё», «Гляжу в озёра синие». Вспомнили мы и старинную кадрили. В программе концерта хорошо была отражена и наша студенческая жизнь. Это и стихотворение Э. Асадова «Студенты», и студенческие песни и частушки.

Юмор всегда был с нами. Чтение рассказов А.П. Чехова научило радоваться жизни. Вместе с «эскимосами» зрители побывали на Севере, с «цыганочками» – в цыганском таборе. Прошёл по сцене и «взвод Васи Крючкина».

В перерывах между номерами зал развлекали играми. Зрители воспринимали их с большим удовольствием.

И вот концерт окончен. Наблюдаем за публикой. Первые впечатления, первые обсуждения. Кажется, одобрили. Вот дедушка старательно объясняет внуку нашу игру «треугольный мой колпак», бабушка Алполинария Николаевна Попова выясняет, кто же её облил водой, а завуч местной школы Зинаида Александровна Попова говорит, что на «смертельном номере» ожидала полёта артистов в зал. «Настоящий цирк был!» – говорят дети. Тётя Фаина похвалила, сказав: «Молодцы девки, от души выступали! Могут из вас и артисты получиться!» «Вот бы много девки заработали, если бы за деньги выступали!» – слышим от других бабушек.

Что ж, значит, приняли, оценили нас местные жители!

Елена Боброва

Банька по-чёрному

Итак, приехали мы в деревню Монастырская. Это Режа, местность по реке Реже в Сямженском районе. Нам здесь сразу сказали, что «нужно отмыть вологодскую грязь». Правда, прежде чем помыться, следует хорошо поработать. Как говорится, любишь кататься – люби и саночки возить. Мы повезли... Но не саночки- *чуночки*, а огромную *волокушу* дров.

Дрова привезены, а котлы-то в бане пусты. И пошли мы *по воду* всей *артилью*. *Артиль-то* наша не больно большая – четыре человека, одна экспедиционная группа.

Однако такое ответственное дело, как топка бани, нам не доверили. Главным истопщиком был дядя Коля. Дело кончилось тем, что баня истопилась, пора её *скутывать*. Пошевелили *клюкой* угли, чтобы головёшек не было, плеснули на каменку воды – *пыль* (т.е. копоть) осела. Теперь можно мыть лавки, полки. Большинство бань топится в этом крае *по-чёрному*, печь сложена без трубы. Считается, что это самый гигиеничный способ: обеззараживается всё.

Бабушка посоветовала нам пол *голикóм* *пошóркать*, чтобы грязь лучше отстала. «А *тряпичу-то* на *предбанье* возьмите», – сказала она. Городские девочки рты пораскрывали: что, где брать? Но всё же нашли *тряпичу*. Баня

скутана, через некоторое время она выстоялась: угар вышел, жар настоялся, — и вот уже можно мыться. Взяли мы *хвóстанцы*, залезли на самую верхнюю полку, *бздану́ли* на каменку и стали *хвостáться*.

Но это удовольствие длилось недолго. Жарко. Тяжело дышать. Наскоро *пошóркая* друг дружке спины, еле двигаясь, мы *на корóвках* ползём к выходу. Появляется бабушка и участливым тоном произносит общепринятое пожелание: «*Жар в ба́ньку!*» Как, ещё жару? С горьким воплем вылетаем мы *на предба́нье*. И только окунувшись в реке, блаженно оживаем.

С новыми силами, с победоносным криком «Ура!» вновь мы заскочили в баню, атаковали шайки и, окатившись уже прохладной водой, довольные, покинули *ба́нюшку-па́рушку*. Чистенькие, румяные, весёлые, шли мы домой с песней: *То́пится, то́пится в огоро́де ба́ня...*

Ирина Попова

Что есть в пече

Наступил Петров день. В этом году он выдался неласковым, дождливым. Но праздник в доме всё равно чувствуется: пахнет свежими пирогами. Вдруг слышим добрый голос — это бабушка Настя увидела, что мы просыпаемся, и начинает с поговорки: «*Де́вка спит — дом вы́спит, мужи́к спит — дом проспíт*». Этим она хочет сказать, что сегодня, в праздник, городским гостям можно подольше поваляться, понежиться в постели. Но запах пирогов уже зовёт подняться: «*Хоть стéны чапа́й, а всё равно́ вставáй*».

Бежим на реку, умываемся, и нам открывается вся прелесть наступившего дня.

На столе стоит чайник. Бабушка Настя, неся свежие пироги, приговаривает: «*Что есть в пече, всё неси на плече!*» И снова: «*Жарок да мелок, дак испечёшь пирожок*». У нашего словоохотливого информанта хорошее настроение, поговорки сыплются как из решета:

Картошка, картошка, какая тебе честь!

Кабы не было картошки, чего бы стали есть?

Это посередине стола появляется жареная картошка. «*Свой хлеб да соль, дак хоть у попа стой*», — радуется достатку хозяйка.

Пироги получились вкусные, румяные, пышные, не «*укла́дники*», и звучит следующая приговорка: «*Меньше медве́да бу́дете боя́ться: внизу́ подгорéло*».

Из-за стола выйти не спешим. Мы доверяем народной мудрости: *Ско́лько за столóм посиди́шь, сто́лько и в раю́ поживёшь*.

Бабушка Настя считает, что завтрак мог быть и лучше, уточняет: «*Из худы́х-то вы́валиУсё, а до хорóших не дошёУ*». Наша собеседница вспоминает, как в старые времена люди любили после еды и отдохнуть немножко — *чтобы жирок завязался*. И снова звучит украшение речи: «*Отчего казак гладок? Поел да и набок*».

Галина Мартюкова

Чай на верховытку

Много интересных слов и выражений режского говора связано с процессом еды.

Обедаем мы всегда *артілью*, едим дружно, *ладом*. За столом узнаём много нового. Как говорится, *лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*. А вот здесь мы и слышим, и видим, и пробуем.

Новыми для нас были *налива́хи*. Мы спешим их попробовать и не успеваем *пятерикі* облизовать. Узнали, что *глібки*, т. е. творог, делаются из *простокіши*, а молоко может *жа́риться* в печи. За обедом мы *неодіна* учуём: *«Дёвки, ёшьтё шйбче, а то замретё! Почто́ худо́ хамае́т? Ну и хлёба взяла́ – на оді́н хамо́к!»*

На *верхосытку* мы обычно пьём *жы́рный* чай или едим *нажбо́ристый* овсяный кисель. Бабушка *ба́ет*, что *наго́лд* кисель вкуснее, а она *ло́жит* муки: больно хлопьев <овсяных, геркулесовых> мало. Сказывала нам хозяйка и *присказу́льки* про кисель: *Кі́сни, кісе́ль, и не переки́сни, кісе́ль, и укі́сни, кісе́ль! Кисе́лю сла́ва добра́, да ве́к ко́роток!*

Киселя наварили *э́столькё*, что, думаем, и не съесть. Он, когда остывает, *сади́тся*, т. е. становится гуще. Кисель с молоком хлебаем из общей миски, и *каждый сам себе доро́гу* молоком *нака́пит*. Последний у нас *дово́зт*. Бабушка подзадоривает: *Дово́зі – все женихи́ тво́й бу́дут!*

Часто на *верхосытку* вместо киселя ча́ем *пригнетáем*.

Недавно мы удивились новому блюду – окрошке с *оба́бками*: *«Думае-те, чем накормлю? А вот чем. Вся́ко место́ здесь есть: оба́бки, лук, яйцо, сметана, маслу́хи и чиликі́»*. Окрошку едят с хлебом, правда, хлеб бывает то *неупёка*, то *шйбко* чёрствый, какой бабушкам и не *добы́ть* – *от ко́рки до ко́рки мя́киша ниско́лкё!*

Засидишься за столом – пригрозят, что *засло́нкой* *обнесу́т*.

Закончена трапеза. Мы говорим: «Спасибо!» – «*Не́ за чего́!*» – любезно звучит в ответ.

Ольга Бубякина, Виктория Бузина

В экспедиционных дневниках вологодских студентов, помимо приведённых выше текстов, содержится ещё много интересных материалов. Более того, эти путевые журналы иллюстрируют использование студентами приёмов популяризации знаний об исчезающих русских народных говорах. Следовательно, такие дневники небезынтересны для региональной диалектологии. Полагаем также, что они могут быть весьма интересны и широкому читателю, что, вероятно, сподвигнет нас на публикацию и материалов последующих лет.

Литература

Вознесенская И.М. Дневник: особенности семантической структуры и речевой организации // Мир русского слова. – 2006. – № 3. – С. 41–48.

Воспоминания об экспедициях // Севернорусские говоры: межвузовский сборник / отв. ред. А.С. Герд. – Вып. 9. – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 263–334.

Дневник М.П. Сусловой: публикация и исследование текста / отв. ред. И.И. Русинова. – Пермь, 2007. – 264 с.

Егоров О.Г. Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. – 280 с.

Зорина Л.Ю. Диалектная лексика говоров Вологодского края: методические материалы и научно-популярные очерки. – Вологда: ВГПУ, 2008.

Зорина Л.Ю. О чём говорят на Хомоськской стороне // Вологодский ЛАД. Литературно-художественный журнал. – 2015. – № 1. – С. 232–239.

Колесникова А.П. Диалектологический дневник (о совместной диалектологической экспедиции в с. Краснолипы Репьёвского района Вологодской области в июне 2012 г.) // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Вып. 1 / научн. ред. А.Д. Черенкова. – Воронеж: ВГПУ, 2013. – С. 93–102.

Экспедиционные заметки: воспоминания, впечатления, интересные события, дневники // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Вып. 1 / научн. ред. А.Д. Черенкова. – Воронеж: ВГПУ, 2013. – С. 90–108.

Список сокращений

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – Изд. 2-е. – М., 1981–1984.

1.2. Речевой портрет никольчанки Н.Д. Шиловской в контексте изучения проблем диалектной языковой личности

Предлагаемый речевой портрет Н.Д. Шиловской, соотносимый с говором Никольского района Вологодской области, выполнен в рамках актуального для современной лингвистики лингвоперсонологического подхода (разрабатываемого в трудах В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, Г.И. Богина, С.Г. Воркачёва, В.А. Масловой, А.Н. Баранова, К.Ф. Седова, В.В. Красных, А.М. Шахнаровича и мн. др.). Этот подход к изучению языковой личности предполагает изучение индивидуальных речевых, коммуникативных и когнитивных особенностей конкретного носителя языка (например, словарь языка писателя как элитарной языковой личности) или представителя какого-либо сообщества (например, словарь языка филолога, подростка, школьника, русского интеллигента).

В этом разделе рассматривается *диалектная языковая личность*, которая изучается как языковое явление и как носитель региональной духовной и бытовой культуры. Изучение диалектной языковой личности относится к числу актуальных проблем современной диалектологии (см. работы В.Е. Гольдина, О.И. Блиновой, А.С. Герда, В.И. Трубинского), а моделирование языковой личности носителя диалекта является одним из продуктивных направлений регионалистики и, как правило, включает в себя полное описание выбранной диалектной языковой личности и / или словарь носителя диалекта. Так, например, существуют монографические исследования диалектной личности носительницы говора с. Кодского Шатровского района Курганской области Валентины Михайловны Петуховой (в работе В.Д. Лютиковой), носителей сибирских старожильческих говоров Веры

Прокофьевны Вершининой (работа Е.В. Иванцовой) и Анны Васильевны Медведевой (работа Е.В. Прокофьевой), словари языка диалектной личности Евдокии Михайловны Тимофеевой («Диалектный словарь личности» В.П. Тимофеева), Агафьи Карповны Лыковой («Словарь языка Агафьи Лыковой» Г.А. Толстой) и др.

В этом разделе представлен речевой портрет диалектной языковой личности Нины Дмитриевны Шиловской как носительницы никольского говора, относящегося к вологодской группе говоров севернорусского наречия. Центральное место в речевом портрете занимает описание лингвокогнитивного уровня языковой личности Н.Д. Шиловской, на котором представлены основные концепты языковой картины мира, в целом соответствующие картине мира обобщённого образа жителя Русского Севера. На вербально-семантическом уровне подробно охарактеризована реализация никольского говора в речи его носительницы: представлены диалектные фонетические, лексические, грамматические черты, сохранившиеся в речи информанта, а также описаны некоторые индивидуальные речевые особенности. Выполнен анализ мотивационного, или прагматического, уровня языковой личности, то есть коммуникативного поведения информанта. Н.Д. Шиловская выступает на этом уровне как старшая родственница (мать, бабушка), требующая от родных и знакомых подчинения этическим нормам, сложившимся в её окружении.

Нина Дмитриевна Шиловская родилась 4 ноября 1938 г. в д. Липово Никольского района Вологодской области), сейчас же проживает в административном центре района – в г. Никольске, который находится в 442 км к востоку от г. Вологды. В семье было семеро детей, Нина – младшая. Их отец погиб на войне, когда ей было три года. Мать работала скотницей и одна воспитывала детей в тяжёлые послевоенные годы. Сама Н.Д. Шиловская с детства занималась крестьянским трудом: с трёх лет ходила за цыплятами, потом ухаживала за телятами, после окончания семилетки – работала в коровнике. После замужества Н.Д. Шиловская работала истопником, санитаркой, после переезда в Никольск – на кирпичном заводе, а также на маслозаводе. Н.Д. Шиловская и В.В. Шиловский воспитали шестерых детей. Сейчас у Нины Дмитриевны четырнадцать внуков и пять правнуков.

Для описания диалектной языковой личности Н.Д. Шиловской использовалась методика речевого портретирования, а также методы включённого наблюдения (для создания ситуации естественного общения на протяжении достаточно долгого времени), прямого опроса, лингвистического интервьюирования, что привело к созданию корпуса источников – диалектных текстов в фонетической записи, предлагаемых как часть данного исследования. Записи бесед с Н.Д. Шиловской, её рассказов и частушек приоткрывают наивную картину мира севернорусского крестьянства и особенности сочетания и взаимодействия деревенского миропонимания с агрессивным наступлением новой, современной системы ценностей «городского» типа.

1.2.1. Шиловская Нина Дмитриевна как диалектная языковая личность

Лингвоперсонология – это область научного знания, в центре внимания которой находится *языковая личность*, то есть устойчивая система свойств человека, формирующаяся в процессе его взаимодействия с социумом и находящая своё выражение в языке [Караулов 2010: 3]. Относясь к сфере наиболее сложных психологических феноменов, личность проявляет себя в языке весьма разнообразно: в этом отношении существенны тематические и проблемные предпочтения говорящего субъекта, специфика вербально-семантической репрезентации личности, особенности вербализации субъективного отношения к предмету речи и многое другое.

Феномен диалектной языковой личности представляет собой сложное единство общерусских и собственно диалектных, общеязыковых и индивидуальных черт. Общерусские элементы составляют основу системы речевых средств любой русской языковой личности, диалектные особенности выявляются на фоне литературных, а индивидуальные – при сравнении с другими говорящими. Исследование диалектной языковой личности ведётся на изучении устной речи (т. к. диалект – устная форма языка). Это могут быть либо записи звучащей речи на диктофон, либо записи, сделанные исследователем вручную. Речевая деятельность диалектоносителя обнаруживает очевидные локальные черты. Эти черты проявляются в когнитивной сфере, на вербально-семантическом уровне, в области речевого поведения, а также в процессе выражения эмоций и реализации речи на артикуляционно-акустическом уровнях.

Обратимся непосредственно к характеристике диалектной языковой личности. Отметим, что наиболее продуктивным является описание речи близких родственников. Поэтому нам показалось уместным продолжить серию подобных наблюдений и охарактеризовать языковую личность своего родственника (бабушки) – Шиловской Нины Дмитриевны, 1938 г. р., уроженки д. Липово Никольского р-на Вологодской области. Материалом для исследования служат записи звучащей речи Н.Д. Шиловской, расшифровки которых даны в конце данного раздела монографии.

Особенности когнитивной составляющей языковой личности

При характеристике когнитивного уровня следует обратить особое внимание на темы, интересующие нашего информанта; базовые концепты её картины мира, особенности описания разных жизненных ситуаций.

По нашим наблюдениям, самыми интересными для Н.Д. Шиловской являются беседы о домашнем хозяйстве, о приготовлении пищи, разговоры о самочувствии, биографические рассказы, истории из жизни родственников. Куда менее интересными женщина считает рассказы о голодном воен-

ном детстве; не помнит детских сказок, обрядов и заговоров, хотя охотно включается в обсуждение сновидений.

В речи нашего информанта наиболее ярко репрезентируются такие ментальные объекты, как *дом, труд, дети, здоровье*. На фоне общерусского их содержания весьма заметны специфические свойства этих объектов, репрезентируемые в речи нашего информанта.

Ментальный объект *дом* занимает особое место в русской языковой картине мира, он относится к числу архетипических образов [Байбурин 1983; Басова 2004; др.]. Основным средством выражения содержания этого концепта является слово *дом* «жилое здание, строение, жилое пространство человека» [БАС 5: 425]. *Дом* – жилое пространство человека, символ семейного благополучия и богатства, локус многих календарных и семейных обрядов. Дом противопоставляется внешнему миру, входя в бинарную оппозицию ‘свой – чужой’ [ТС 1: 13]. Национальное своеобразие концепта *дом* проявляется во внешнем облике (типе постройки, места постройки, соблюдении обычаев при строительстве) и внутреннем убранстве русских домов, в ведении домашнего хозяйства, в отношении к своему собственному и чужому дому, в восприятии своего Дома – Отечества. В русской культуре приоритетными являются такие когнитивные признаки концепта *дом*, как «уют», «очаг», «душевность», «семейность». Идиллия «дома» связана с теплом домашнего очага, любящей семьёй, дружественной атмосферой.

Анализ речи Нины Дмитриевны Шиловской свидетельствует о том, что в концептосфере этой языковой личности концепт «дом» занимает одно из центральных мест. О доме она говорит при описании учёбы в школе (*А все ходили пешком домой. А вечером школу кончили – опять домой бежать*), в рассказе о чужом доме (*А хоть куда идите! Куда, ихней дом. Сказали уй-ти, так идите хоть куда!; Она в йонный дом перешла, на Советскую улицу*), при описании работы в колхозе (*Все дни гоняешь, вечером напоишь, накормишь, в загородки розгонишь их и домой*), при разговоре о переездах (*Мы-то? Мы на Володарской-то, в том доме*). Обращает на себя внимание относительная неприхотливость нашего информанта в отношении дома. Описывая хороший дом, Нина Дмитриевна привела в пример свой: *Да вот хороший наш дом; С виду хорошо сделано, например. Выкрашен хорошо. Крыша не течёт. И считается хорошей дом*. В рассказе о путешествии в санаторий Нина Дмитриевна вспоминает *дома-дворцы* южных здравниц как нечто чужое, незнакомое, непривычное, не свойственное простому человеку. Ей неуютно среди блеска зеркал, нарядно одетых праздных людей, живущих непонятной, праздной, суетливой санаторной жизнью. Важно отметить, что *своим домом* Нина Дмитриевна считает либо дом своих родителей, либо дом, полученный в пользование, построенный, приобретённый вместе с мужем для совместного проживания, рождения и воспитания детей. Дом свёкра со свекровью, куда муж привёл её жить после свадьбы, «своим» так и не стал. Показателен в этом отношении рассказ, где Нина Дмитриевна вспоминает слова нотариуса о том, что «по документам» часть

того дома принадлежит молодой семье: перегораживать избу и жить с недружелюбными родственниками она так и не стала.

Существен тот факт, что в представлении нашего информанта приобретение (покупка, постройка) дома является одной из самых важных вех в жизни молодой семьи. Рассказы о прошлом, воспоминания о своих скитаниях по съёмным углам, леспромхозовским баракам и закуткам свёкровой избы Нина Дмитриевна Шиловская перемежает с описаниями своего нынешнего дома, расспросами внучек относительно выплат ипотечных кредитов, восторженными рассказами о домах и дачах крепких хозяев из числа родственников и знакомых. Этим она, как нам кажется, утверждает один из постулатов крестьянской картины мира: приобретение *дома* даётся большим трудом и сопряжено с огромной личной ответственностью за судьбы своей семьи, детей, хозяйства.

Концепт *труд* также является одним из базовых концептов национальной картины мира [Байбурин 1983; Басова 2004; др.]. Осмысление труда как главенствующего начала жизни весьма важно для мировосприятия сельского жителя, физический труд которого «...призван обеспечить не только его биологическую, но и его социальную жизнь» [Караулов 2010: 92]. Концепт *труд* в лингвокультурологическом понимании представляет собой глобальную многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны исторический детерминизм, актуальность, признание общечеловеческой ценностью, широкое распространение в народной культуре (в пословицах и поговорках) [Басова 2004].

Вербализация концепта *труд* в речи нашего информанта, как правило, связана с употреблением слов с корнем *-раб-* // *-роб-* (*робить, работать* и их производные), а также с наименованием конкретных трудовых действий (*топить* печи, *обихаживать* скот, *рубить* лес и пр.) или профессий (*истопщик, санитарка, скотница* и пр.). Нина Дмитриевна Шиловская, как и многие сельские женщины её возраста, с детства и до старости выполняла тяжёлую крестьянскую работу: *Мисяц я не робила, а через мисяц устроилася в больницу санитаркой, истопишыком ошшо перво, истопишыком – печки топили, ак дрова носили, воду носили тожо. А потом уж в летний период санитаркой стала робить. Да дом-то весь ремонтировали да... Ой, у нас тут было роботы-то куча с ним.* Поэтому *труд* в понимании нашего информанта – это, как правило, физическая работа. В диалогах Нины Дмитриевны со взрослыми внучками, которые заняты умственным трудом, речь о работе в основном касается места трудоустройства (*Где работаешь, далеко ли от дома, на старом или новом месте?*), оплаты труда (*Платят больше, меньше или по-старому?*), возможности одновременно работать и учиться. В суть такой работы Нина Дмитриевна не стремится вникнуть, однако принимает во внимание, что если внучки работают старательно, получают регулярный доход и не ругают свою работу, то можно считать их трудоустройство успешным. На этом фоне обращает на себя внимание неодобрительная реакция нашей информантки по отношению к родственникам, постоянно меняющим место трудоустройства или позво-

ляющим себе долго искать работу, живя на доходы других членов семьи. Нина Дмитриевна считает, что это разрушает трудовое единство семьи, является причиной эмоционального разлада, дурным примером для детей, большим позором и финансовой обузой для стареющих родителей.

Обращает на себя внимание ещё один ментальный объект, весьма важный для нашего информанта – это *дети*. В русской языковой картине мира концепт *ребёнок / дети* также привлекает пристальное внимание учёных [Кряжева 2009; Маслова 2005]. Он находит своё выражение посредством репрезентации, прежде всего, значения его ключевого слова *ребёнок* «человек в детском возрасте», а также его стилистических синонимов: *дитя, чадо, детище* и др. По наблюдению исследователей, среди номинаций ребёнка преобладают языковые средства с положительной эмоционально-экспрессивной окраской [Коган 1963: 12]. Ядро концепта *ребёнок*, по мнению О.И. Масловой [Маслова 2005: 23], образуют три семантических компонента: 1) малолетний возраст; 2) степень родства; 3) особенности поведения.

В речи нашего информанта концепт *ребёнок / дети* вербализуется как общерусскими лексемами (нарицательными – *ребёнок, дочь*, собственными – *Галя, Вася*), так и локально ограниченными (*ребятёшка, ребёнчик* и др.). Многие записи речи нашего информанта свидетельствуют о том, что жизнь детей, внуков занимает значительное место в её рассуждениях, бабушка стремится вникнуть в обстоятельства их детских игр и взрослых проблем. Заметно, что Нина Дмитриевна не вполне включает в число «своих» детей тех, кто пришёл в семью «со стороны» (мужей дочерей и внушек, детей от предыдущих браков и пр.): для неё очень значим признак кровного родства.

Наконец, весьма значительное место в сознании нашего информанта занимают представления о *здоровье* и *болезни*. Это сложно структурированные ментальные образования, включающие понятийные, образные и ценностные признаки. Основное содержание концептов «Здоровье» и «Болезнь» в русском сознании, по мнению исследователей [Архипова 2002; Тюленинова 2008], сводится к следующим базисным признакам: а) понятийную сторону этих концептов составляют такие оппозиционные характеристики, как «целостность организма» – «нарушение целостности организма», «устойчивость функционирования организма человека» – «неустойчивость функционирования организма человека», «сила человека» – «слабость человека»; б) образную сторону концепта «здоровье» формируют устойчивые ассоциации здоровья с природными явлениями (в частности, с деревом, камнем, солнцем, светом, огнём, водой, землёй), с артефактами культуры, которым приписаны человеком признаки целостности и красоты; образная сторона концепта «болезнь» представляет собой ассоциации болезни с природными явлениями (стихийными бедствиями), мифологемой «демон», чёрным цветом, врагом, с артефактами культуры, обладающими признаками нецелостности и безобразия; в) ценностная сторона обоих концептов заключается в признании физиолого-психологического состояния человека важнейшим аспектом его жизни и вытекающей отсюда

системы приоритетов его поведения (соблюдение норм гигиены, здорового образа жизни) [Архипова 2002: 83].

Среди записей речи нашего информанта записано более десяти значительных по объёму диалогов о здоровье и болезни, посвящённых описанию самочувствия Нины Дмитриевны, симптоматики её хронических заболеваний, способов диагностики ухудшения или улучшения течения болезней, размышлений о средствах лечения и пр. Остеохондроз, операции на глазах, сахарный диабет II типа, гипертония – это самые любимые темы Нины Дмитриевны. Особенностью их обсуждения является то, что она предпочитает говорить об этом с «товарищами по несчастью», обладателями тех же диагнозов, что и она сама. В таких разговорах заметна эгоцентричность рассуждений нашего информанта: Нине Дмитриевне 76 лет, она считает, что остеохондроз в её возрасте точно такой же, как и у дочери в 44 года; операция на глазах у зятя в 50 лет из-за тромбоза абсолютно не отличалась от катаракты в 73 года; диабет I типа у внучки (24 г.) и соседки Сани (51 г.) должен точно так же проявляться, как и диабет II типа у неё. Эти размышления очень интересны в плане наблюдения за реакцией собеседников. Каждому хочется думать, что его заболевание протекает в более лёгкой форме. На эти доводы Нина Дмитриевна охотно приводит свои примеры. В диалогах о здоровье Нина Дмитриевна неизменно концентрируется на своих ощущениях, толкует состояние здоровья или болезни, исходя из своих представлений о том, насколько то или иное заболевание может быть опасно для жизни.

Специфическую форму репрезентации когнитивной сферы нашего информанта составляют рассказы о снах. Нина Дмитриевна Шиловская очень внимательно относится к своим снам, считает сновидения частью своей жизни. Женщина очень часто видит во снах детей, умерших родственников, мужа, строительство домов – яркие моменты своей жизни, наиболее переломные этапы биографии. Часть снов информантка толкует как вещие, тяжело переживает такие сны, поэтому считает необходимым поделиться их содержанием с близкими людьми. Раскрывая содержание своих сновидений, Н.Д. Шиловская повторно переживает все произошедшие события, так или иначе повлиявшие на её жизненный путь: первый ребёнок, которого потеряла Нина Дмитриевна, выполняя тяжёлую работу, приходит к ней среди голубей (умерших детей, как трактует сама информантка); умершие родственники и знакомые часто видятся ей в разговорах по телефону, бытовых ситуациях; среди которых неизменно повторяется строительство домов. Очень часто женщина видит во снах умершего в 56 лет мужа, которого она очень любила.

Таким образом, тематика разговоров нашей информантки, особенности осмысления ею содержания бесед с родственниками, односельчанами, знакомыми людьми, содержание сновидений свидетельствуют о том, что круг её ближайших интересов – *дом, семья, дети, сельский труд, здоровье* – всё то, что входит в диалектную картину мира. Мировосприятию Нины Дмитриевны Шиловской свойственны такие черты диалектного мировидения,

как парцеллированность, сфокусированность в сфере своих непосредственных интересов, прагматичность, направленная на выживание крестьянской семьи в сложных природных и социальных условиях, традиционность и стереотипность восприятия действительности, тяготение к узואально закреплённой этической и эстетической норме, эмоциональность и экспрессивность [Караулов 2010; Вендина 1998; Демидова 2008].

Особенности вербально-семантической составляющей языковой личности

В речи нашего информанта сочетаются общерусские и локальные явления различных языковых ярусов. Кратко охарактеризуем наиболее выразительные из этих явлений.

На фонетическом уровне обращает на себя внимание устойчивое сочетание черт, свойственных восточным севернорусским говорам. В области ударного вокализма это типичные переходы гласных между мягкими согласными (*м[и]сяц, гон[е]ть*), в безударных слогах – полное оканье (*М[о]сква-то, н[о]шла*), предударное и заударное ёканье (*вёзите, трёпак, густоё, колодёц*), произношение перед мягким согласным гласного [и] в соответствии с фонемой [ѣ] как под ударением, так и в предударном слоге (*ч[и]во, гл[и]ди-ко*). Консонантные локальные черты проявляются менее явно: это долгий твёрдый шипящий (*истопишыком, большушыые*), чередование [в] // [w] (*тра[в]а – тра[w]*) и др. Дialeктные черты соседствуют с общерусскими – например, рядом с типичным для беглой речи стяжением (*гоорю* «говорю», *баслови, Христос!*) обнаруживаются фонетические упрощения в заударной части слова, свойственные вологодским говорам (*на-кошь, заборанивает*) [Русская диалектология 2005].

Лексический уровень является весьма показательным для описания диалектной языковой личности: именно здесь сосредоточено наибольшее число локализмов. Большинство из них имеет севернорусский ареал распространения (*беседка, волос, жнилка, кролиха, вздумать, затюкаться*, др.), некоторые слова характерны только для вологодских говоров (*божатка, загородка, заложка, поперёшка, уписаться, ссулиться*, др.). Среди употребляемых информантом диалектизмов подавляющее большинство составляют наименования человека (*божатка* ‘крёстная мать’ [СВГ 1: 35], *истопщик* ‘истопник’ [СРНГ 12: 260], *молодица* ‘новобрачная; женщина в первый год после свадьбы’ [СВГ 4: 88], *свекровка* ‘свекровь’ [СВГ 8: 102], *товарочка* ‘подружка’ [СРНГ 44: 163], *паре* ‘обращение к собеседнику’ [СРНГ 25: 219]) и животных (*козлуха* ‘коза’ [СВГ 3: 77], *кролиха* ‘крольчиха’ [СВГ 3: 126], *волос* ‘по суеверным представлениям, водяной червь, волосатик, который забирается под кожу людям и животным во время купания и причиняет болезнь’ [СРНГ 5: 57]), названия частей дома и домашней утвари (*загородка* ‘огороженное место для мелкого скота (овец, свиней) или домашней птицы в хлеву или во дворе’ [СРНГ 10: 23], *зыбка* ‘колыбель, люлька, которая подвешивается к потолку’ [СВГ 2: 180], *мост* ‘се-

ни' [СРНГ 18: 287], *перед* 'передняя часть крестьянского дома' [СРНГ 26: 76]), сельскохозяйственных орудий (*жнилка* 'жница' [СРНГ 9: 209], *заложни* 'участок пахотной земли, оставленный под покос или пастбище скота' [СРНГ 10: 217]), элементов ландшафта (*угор* 'возвышенное место, высокий холм' [СРНГ 46: 241]), предметов одежды (*лопоть* 'одежда, бельё' [СВГ 4: 49]), объектов сферы крестьянской кухни (*простокиша* 'закисшее молоко, простокваша' [СВГ 7: 96], *скорлуша* 'твёрдая оболочка яйца, скорлупа' [СВГ 9: 28]) и др.

В речи Нины Дмитриевны встречаются также локализмы более позднего образования (*кадра* 'лесопункт' [СВГ 3: 30]), а также новообразования, возникшие в результате переосмысления слов сегодняшнего дня (*тиссон* 'кессон', *зюдо* 'дзюдо', *инкубаторки* 'цыплята, куры из инкубатора'). Характерной языковой особенностью Нины Дмитриевны является использование в речи лексических повторов с целью привлечения внимания к собеседнику: *Давай, на колени возьму. Иди на колени; Ай, Аня, Аня...; Ане-то улыбнись, Ане-то...; Иди, помещать, и ты помещаешь. Полижешь, хоть меньше. Помешают, потом налижуца, и всё: «Мама, надоело, не будем!»*

Диалектные особенности весьма ярко проявляются на грамматическом уровне речи нашего информанта. В сфере словообразования активно проявляется тенденция к образованию более «регулярных» в грамматическом отношении слов на базе местоимений (*ихний, ёйный*), существительных третьего склонения (*свекровка, матка, церква*). Отмечается варьирование основ наречий, образованных на базе древних местоименных корней *къ- (*ко, ку*), *тъ- (*то, ту*), *сь- (*се, сю*), *вьс: *куда/ы, туда/ы, сюда/ы* и др. Используются существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *Господи, сколько народушку там!; А она оболочечку ему высовваает*. В области морфологии имён существительных наблюдается унификация форм дательного и творительного падежей во мн.ч. (*рукам, босым ножкам, с двум классам*); активный переход существительных третьего склонения в первое (*на лошаде, в пече*); употребление устаревшей формы им. п. ж. р. мн.ч. местоимения *он (оне)*, числ. *один (одне)* в отношении группы, включающей объекты лишь женского рода: *Потом уш пошли девочки: Манька да, Галинка да. Оне стали роботать да. Потом стали выходить замуш*. В сфере морфологии глагола заметно использование глагольных форм многократного действия (*дом не живан* «в доме давно никто не жил»); формы инфинитива на *-чи* (*испечи*) в сочетании с выравниванием основы при спряжении *испекёт* (*Она не в пече пекёт, вот жарит на сковородке*); использование страдательно-безличного оборота с субъектом действия, выраженным сочетанием предлога *у* с именем в родительном падеже единственном числе (*у меня воды принесёно*) и др. В области синтаксиса обращает на себя внимание употребление предлога *по* с неодушевлёнными и одушевлёнными существительными в винительном падеже в конструкции с целевым значением (*пошла по грибы*), а также активное использование частиц: частицы и союза *дак* севернорус-

ского ареала употребления (*А где, не в Сочах-то дак?*; *Там не жили, ретко, буди ковада холодно, дак ночуёшь ночь одну*), грамматически уподобляющихся постпозитивных частиц: *-от* (*комочков-от, рейс-от, это-от*), *-то* (*масло-то, себя-то*), *-та* (*Зоя-та, церква-та*), *-ти* (*кроссовки-ти*), *-ту* (*в дивеню-ту, свадьбу-ту*) и др.), а также локально не ограниченных (*Надо смётану, надо её пихать в грилку да, пехать в печку да*). Характеризуя синтаксические особенности речи информанта, следует отметить, что преобладают неполные или односоставные предложения (*Дала ночлег; На море ходим; Смешно как*), а также частотным является употребление предложений с однородными членами (*А скодили договорились с Васькой-то, бежали с роботы да, переоделись бутто в город пошли гулять; Токо рано надо было вставать, двенадцать коров подоить, всех накормить, напоить, воды наносить им на всех, нагрить ошо котёл, вот*). Это в целом типично для синтаксиса устной речи, реализующей стремление к экономии словесных знаков в коммуникативной ситуации [Земская 1981].

Стоит отметить, что речь Нины Дмитриевны богата фразеологизмами (*всю дорогу 'постоянно'*) и диалектными словами: *заскребать* 'сгребать сено'; *эдакий* 'такой'; *загородка* 'стойло для скота'; *форсить* 'хвастаться, важничать'; *канитель* 'тревога, беспокойство'; *лино* 'даже'. Можно выделить также индивидуальные особенности стиля, прежде всего, частый повтор слов, словосочетаний: *одна робота, робота; а потом коров взяла, коров; коров стила кормить дак коров свой, в своей деревне*. Часто употребляются слова *вот, дак*, частицы: *всево-то, дак вот, ну-ко, быки-то* и др.

Таким образом, на фоне общерусских черт, свойственных разговорной речи (фонетические стяжения, просторечные унификации немодельных образований по образцу регулярных склонений и спряжений, ситуативная неполнота синтаксических конструкций и пр.), в речи Нины Дмитриевны Шиловской весьма устойчиво реализуются типичные черты восточных севернорусских говоров в области фонетики, лексики и грамматики. Это свидетельствует о том, что наш информант весьма органично существует в системе местного говора, активно используя локальную форму речи в своём бытовом общении.

Мотивационная специфика диалектной языковой личности

Прагматический уровень языковой личности характеризуется при помощи описания целей, мотивов, интересов, установок информанта. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок её речевой деятельности к «осмыслению реальной деятельности в мире» [Караулов 1987]. При этом имеет значение спектр эмоций и набор речевых средств, используемых для их выражения (эмотивный уровень), а также акустико-артикуляционная партитура речи (репрезентационный уровень), определяющая речевую индивидуальность говорящего.

Описывая психологическую сторону речи Нины Дмитриевны, следует обратить внимание на следующие особенности. Женщина обращается с речью в том случае, если чувствует интерес собеседника к своим высказываниям. Бывают случаи, когда информантка осознанно контролирует поведение внуков (*А ты куда собралась? А Никита где? А куда он пошел? А с кем это он идет? А что у него в руках?*), детей (*Люда дом продает, зачем и покупала; А Надя в гости пошла. А к кому? А Коля с ней?*), соседей (*Смотри, куда пошла; Опять он идет с ведром. Зачем оно?; А они часто в церкву-то ходят?; Саня и вечерам сахар не мерит*). Это выражается с помощью вопросительных предложений и использования глаголов повелительного наклонения (*смотри, иди, возьми, открой*). Нина Дмитриевна считает, что всем необходимо строить планы на будущее (*А, вот летом, когда отпуск будет? А, может, в мае вам лучше сделать?*), она старается обратиться ко всем родственникам и знакомым с вопросами о будущем, её интересуют все последующие события (например, кто, когда и на ком женится, сколько будет гостей на свадьбе и пр.). Все известные информантке события и изменения она пытается контролировать и влиять на ход событий, задавая вопросы (*А почему вы переносите свадьбу? А зачем? А чево? Нельзя в этот-то день? А кто сказал?*), предлагая свои варианты (*Роботай лучше тут, там тебе негде; Живи пока здесь*), советуя, как правильно, на её взгляд, нужно поступить (*Сначала надо работать, а уж потом рожать; Не тратьте много-то денег; Ты сначала отучись, а потом о свадьбе думай*).

В беседе Нина Дмитриевна чаще всего использует повествовательную интонацию, отчётливо выделяя самое значимое, на её взгляд, слово в реплике (*Нельзя в этот-то день? А кто сказал?*). В конце предложения информантка использует завершающуюся тональность. Женщина очень часто любит задавать вопросы, проверяя и контролируя поведение собеседника (*А ты уходишь? А надолго?*). Если ответы не устраивают Нину Дмитриевну, она рассказывает все подробности возникшей ситуации тем, кто может на неё повлиять. В качестве примера можно привести историю о том, как бабушка долго не могла успокоить внука, а потом позвонила дочери и пожаловалась.

Говоря о темпе речи, следует отметить неторопливость высказываний информантки, использование вводных конструкций (*Видно, ведро завтра будет*). Снижение темпа речи нашей информантки происходит путём увеличения длительности гласных звуков и замедлительным темпом выделения синтагм. В речи Нины Дмитриевны присутствуют длительные паузы: женщина неторопливо обдумывает услышанное и сказанное (*Я гоорю: «Вон, я буди сколь-нибудь дам денег и всё, я гоорю»* (Молчание). *Путь оне сами орудут* (Молчание). *Надо бы окошка выкрасить, вот никак, видишь, 'нихто. Не выкрасили у меня сегогоды летом окошка*). В этом примере можно проследить тщательный подбор слов, обдумывание реплик и при этом ясное высказывание своих мыслей.

Под влиянием эмоций (радость, грусть, отчаяние, страх, печаль, восхищение) отчётливо прослеживаются синтаксические изменения.

1. Нарушение грамматической структуры предложения: *Им будет всё это житьё тут, огород хорошей, всё хорошое...*

2. Сдвиг грамматически времён (женщина описывает действия, происходящие за неделю до беседы: *Не знаю... Я... Мы чё-то заговорили. Я говорю: «Нина сёдня смиряла у меня днём четырнадцать и три». Миша говорит: «У неё двадцать пять», гоорит. Вот она сидит и всё вытирает и вчера была эдак, сидит и всё вытирает.* Глаголы, описывающие действия, происходящие в прошлом, употреблены в настоящем времени: *сказал – говорит, сидела – сидит, вытирала – вытирает* и др.).

3. Употребление однородных членов предложения, преимущественно дополнений и сказуемых: *И бумаги настриги мелче-мелче – они склюют, и скорлуши яишные клюют, и песку им надо давать, и корма какие вот куриные есь, надо покупать. Всё-всё идят! Курица, веть, что!*

4. Частое употребление лексических повторов: *Хлеба намни – съидят, и картошки намни – съидят, и крупы брось любую... Каша вот останется – они всю съидят, хоть какую кашу.*

Э.А. Нушикян указывает, что «эмоциональные коннотации обнаруживаются и распознаются в тексте благодаря эмоционально-оценочным прилагательным, существительным, глаголам, содержащим оценку в своей семантике» [Нукишян 1984]. Нина Дмитриевна активно использует оценочные прилагательные (*бойкий, хороший парень; баская каша*) и существительные (*Баушка всё ошо бранила меня: «Кобыла и не носит и робят, кобыла и не носит». Потом как начала с одново-то ей. Как на: кобыла-то!*).

Эмоциональное и неосознанное воздействует также на невербальные компоненты коммуникации, включённые в речь (мимику, жесты, фонации типа междометий и т. п.). Нина Дмитриевна активно использует невербальный компонент в своих рассказах. Говоря о внуках и правнуках, она улыбается, тон становится более доброжелательным и приветливым (*Давай, на колени возьму. Иди на колени; Ай, Федя-то как умеет!*); рассказывая о свёкре и свекрови, информантка волнуется, переживает, тон речи становится более нервным, напряжённым (*Первую-то Гальку-то лечила бабушка, любила, Васька-то рёвун был, так они ево не любили. Один раз я пришла как-то на минуту пришла, думала, где чё-то забыла, воротюся, а она высовывает... Нет, первый рас ещё не высовывает, он ешо маленькой был дак. В зыбке штё думаю, забежала скорее в комнату, а оне подушку на нево положили. Эй, на робёнка! Сами оба сидят, курят*). В разговоре о молодости и работе в колхозе Нина Дмитриевна очень активно жестикулирует, ей нравится рассказывать о прошлом.

Нина Дмитриевна очень любит находиться в центре внимания. Характеризуя свойственные информантке способы привлечения внимания собеседника, отметим следующие.

1. Употребление неизменяемых частиц, призывающих к действию: *Давай на колени возьму.*

2. Употребление глаголов второго спряжения: *Торопится, видишь?*

3. Употребление неизменяемых частиц, выражающих просьбу подтвердить, вызвать одобрение собеседника: *Видишь, какое красивое, да?*

4. Употребление глаголов повелительного наклонения: *А мы идём обе-то, да с чемоданам-то, да ночью-то, да тёмно-то, слушай.*

5. Употребление междометия, выражающего ненастойчивый призыв или побуждение к действию: *Всё, видно, вычерпали, ну-ко.*

6. Приведение ярких примеров. Говоря о жене внука, родившейся в деревне Байдарово, Нина Дмитриевна весело пропела частушки непристойного содержания: *Я сама-то из Байдарова / И дорога у меня, / Подберителко товарочки, / Штобы я не померла.*

Говоря о речевом поведении информанта, следует отметить интерес Нины Дмитриевны к беседе (*беседки были нормально, вот приехали мы в Сочи, др.*), готовность поддержать разговор (*ну-ко давай разберёмся; что я могу ещё сказать; др.*), высказать свою точку зрения по любому вопросу (*я думаю; тут будет лучше, если...*), стремление подробно ответить на открытые вопросы (см. примеры в текстах расшифрованных записей). Характерной особенностью речи Нины Дмитриевны являются её неторопливые, наполненные примерами из жизненного опыта ответы на вопросы, выбор темы для рассуждения, стремление к диалогу, отзывчивость и открытость.

Большую роль играет тот факт, что любое непонятное слово, интересующее саму информантку, описывается и объясняется. Таков, например, следующий рассказ: *А прибежим, да ещё молоденькие-ти да на Угоры. Мы раньше ходили на Угор вот летом-то. Это, знаешь, под окошком у ково-нинабуть красивое место. И вот тут плясали, тут и всё под окошком. Зимой-то наймовали бисетку окупать: с каждого человека по... для биседочки. Ну, ково дома матка не пускает ак, дак придёшь, у старухи какой пол вымоешь – она пустит. Биседочки сидели... А вот летом-то Угоры. Ой, так весело было! И гармонь, и пляски, и никто не пьяной! Утром все опеть на роботу, вечером опеть на гулянье. Слушай, и как вот всё хватало энергии, я не знаю! Питание у нас веть было, колхозное питание: хлеб да, вода да, ну корова есь, ак молоко, супу наварит (суп-то варила она). Сначала-то худо жили, а потом-то стало лучше и в колхозе стали давать кое-чё; Бисетки были нормально. Вот придут... Окупили вот эдак (показывает рукой) дом на день, вот например. Я свидни вечером отпросилась у бабушки, у какой-нибудь... У её большая изба, ничево в избе нетока. Ну, вот она меня пустила за то штё я вот ей то вымою полы, то потом чё-нибудь сделаю, заработаю эти-ти деньги. Ну, вот и собираюца парни, девки, собираюца, сидят, пляшут. Весь вечер проводят тутока. Ну, кадрили попляшут, да кружка попляшут, парни трёпака попляшут.*

Говоря о детях, она акцентирует внимание на проблемах, которые происходят «здесь и сейчас», не повествуя об их детстве: *А у неё и все роботают и Таня выскочила, скорей робёнка надо. Сама-то медик, дак могла*

бы и подзадержавца годик-два, покамест. Правда, ведь? Робёнок-то успеет. А тут пошло всё на робёнка; Дак у неё свекровка ешо в гостях. Досук ей? Вот приезжали нарядные, так вчера токо уехала. Да они тожо с ссудой-то связались дак, да с домом-то да. Валька, вишь, торопит, а ссуду ешо не дают. Дак они ошо...; Ира у нас вон с Серёжой выложились все с этой с Катёй, с этой Танёй, с этой Анёй. Все выложились: ни копыа, наверно, ни стало. То одна придумвает одно, то вторая придумвает другое. Ане давали скоко денек на квартиру! Смотри, думали, хоть всё-таки жись будет, а ничево и жизни нетока. Тане свадьбу зделали, да тожо купила ей квартиру однокомнатную. Да мужик-от, Аня говорит: там мисиц поробит, да тут мисяц поробит-да. Токо с роботы на роботу, говорит. Так десить тысяч только дали дак. Это, может, врёт Тане-то! Таня и просит каждый мисиц у матки денек, а matka бегаёт заработает, батько работает и все им посылают. Кате надо за квартиру там оддать, ну-ко. Эт-та пришла пьяная, с Колей выпили, дак ревёт: «Мама, поштё так-то, поштё так-то?»

Самые страшные воспоминания, связанные с первыми детьми (Галиной и Василием), информантка рассказывает, повторно переживая все негативные эмоции: *Один раз я пришла как-то на минуту пришла, думала, где чё-то забыла, воротяся, а она высовваает... Нет, первый рас ещё не высовваает, он ешо маленькой был дак. В зыбке штё думаю, забежала скорей в комнату, а оне подушку на нево положили. Эй, на робёнка! Сами оба сидят, курят. Я поглядела, он уш... Всё уш, сейчас бы удушился. Ой, я заревела, схватила ево, откачала, слушай. Я гоорю: «Я отхожу на роботу, если чиво сделаеця с робёнком... Я там Васе сичас скажу, он придёт, проверит». Вот так первый раз спасла. Потом забоелися боле. Второй рас уш он заходил. И чево-то видно старуха-то осердилася на нево... Вот тоже я эдак: дошла до Саньки опеть чё-то забыла. А она оболочечку ему высовваает. Я гоорю: «А где Васька-та?» Всё сама убежала, опеть со стариком сидят, курят. Ходь бы штё, слушай!*

Годы, совместно прожитые с мужем, строительство нового дома, хлопоты, счастливые переезды упоминаются лишь несколькими словами: *Да дам-то весь ремонтировали да... Ой, у нас тут было роботы-то куча с ним... А потом проробили, у меня Галька родилася, в Козловке-то... Токо мы... Я в Козловке и родила в феврале. Приехали с робёнком, бабушка любила Гальку. Нормально водились, она ничего, спокойная была. Потом я забеременила да, Ваську родила. Васька-то беспокойной был, рёвун таковой... Им опеть не пондравилось... А у меня робёнок за робёнком покатали ошо (смеётся). Опеть в декрете, опеть рожаяю. Пять штук нарожала, в маслозаводе-то долго я работала, годов шессть, наерно.*

На прагматическом уровне языковой личности важна характеристика мотивов и целей, движущих развитием языковой личности, её поведением, созданием её текстов и собственно формированием иерархии смыслов и мировоззрения в целом.

«Мотив – динамический процесс физиологического и психологического плана, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость. В российской науке часто определяется как “опредмеченная потребность”» [Леонтьев 1969]. Основными мотивами Нины Дмитриевны являются: индивидуальная мотивация (поддержание гомеостаза: голод, жажда, избегание боли, поддержка оптимального уровня сахара в крови и артериального давления), групповая (забота о родных и близких). Мотив самоутверждения – стремление утвердить себя в социуме, ярко представлен в поведении Нины Дмитриевны: ей нравится чувствовать себя самостоятельным человеком (*Сама всё пошла, сама кормила, сама и гоняла*), заботливой мамой (*Ой, берите, берите! Ничего не жалко!*), хозяйкой дома (*Нет, я сама всё... Тут же ни хватит...*), доброй бабушкой (*Чорнишник... Вот тожсо увидишь. Всё покажу сразу. Только там тесто надо на дрожжах...*), хозяйственной женой (*Хто? Вася хлопотать никогда и не мог, всё сама я, всё сама. Сама пошла*). Воспитание шестерых детей сформировало в информантке мотив власти: стремление контролировать сложившуюся ситуацию, влиять и изменять ход (*А ты куда? А надолго? А зачем? А не ходи!*). Таким образом, в процессе становления личности у Нины Дмитриевны отчётливо сформировалась внешняя мотивация (мотив власти, самоутверждения, индивидуальные мотивы).

При характеристике речевого поведения информанта обращает на себя внимание классификация личности и ролевого поведения в ситуациях общения. Речь идёт о так называемых типах ДИТЯ, РОДИТЕЛЬ, ВЗРОСЛЫЙ (по [Караулов 2010: 212]). Нина Дмитриевна в разных коммуникативных ситуациях демонстрирует разный тип поведения. В общении с внуками и внучками информантка ведёт себя как заботливая бабушка, РОДИТЕЛЬ: *Давай на колени возьми. Иди на колени; Нет, я сама всё...; Там всё делали делали, потом этот дом стали делать. Это столько работы! И всю жись так в работе*. В разговоре со сверстниками женщина проявляет себя как ВЗРОСЛЫЙ (контролирует свои эмоции, опирается на логический анализ): *А где будите косить? Там ещё не скошено?; Дождь-от льет, так сено-то намокнет*. Во время тяжёлого состояния, болезни, высокого давления Нина Дмитриевна проявляет некоторые черты, которые характеризуют ДИТЯ: *Не хочу пить молоко! Дайте мне этот пирожок!*

При характеристике языковой личности интересным представляется приведение аргументов в диалоге. Приведём пример:

– Ну дык веть. Я вот не гляжу, дак хорошо. А она токо сидит, вытираеца, у её пот градом. Нина, пот градом, это сахар большой, да? Она гоорит: «Двацать пять сахар».

– Бабушка, это плохо.

– Конечно, плохо.

– А чего, ей укол не поставить что ли?

– Ак она гоорит: «Мне-ка токо сказали два раза в день: утром да вечером уколы ставить».

– Так может надо побольше ей ставить?

– *Так итак, гоорит, чё-то четырнадцать единиц ставит.*

– За один раз?

– *Так видно, за один. А ты сколь единиц ставишь?*

– Как поела, так и ставлю. То по два, то два, то три.

– *Ак тебе как эдак велено, али ты сама это? Сама? Ну-ко...*

– Нет, мне сказали...

(Перебивает.)

– *Там ведь тебе дали, она гоорит. Мне-ка ведь дали, сначала говорит, десять выписали, ну-ко единиц, потом гоорит, две прибавили, потом еще гоорит две прибавили. «Теперь, – гоорит, – четырнадцать ставлю». Я не знаю, какие еденицы-то там бывают.*

– Мне как врач научила, так я так и ставлю. Там, ведь, бабушка из расчёта: 1 хлебная единица – 1 кусочек хлеба.

– *Ак, ведь, ты али считаёшь хлебные еденицы? Считаёшь?*

– Да.

– *Ну вот ты чаво поела, хлебных едениц скоко тутока? Яйца, да помидоры да, да блины, да и сгушонка!*

– Сгущёнка – это больше, то есть..

– *И скоко ты насчитала?*

– Блин – это одна хлебная еденица, то есть, считай, три хлебных еденицы. Поставила укол.

– *Три еденицы ставиш? Интересно... А у них вот эдак, Санька гоорит. А Маня Шушкова гоорит тоже болела, но она уже умерла. Тридцать нараз стаила.*

– Что-то, бабушка, не то здесь.

– *Как она Санька правильно гоорит. Её привезли, она уже всё, это... Потом, гоорит, откололи в больнице. Потом она, видно, выписали из больницы-то её, видно, опеть што-нибудь наелась, ли што ли, ак. По тридцать гоорит, она едениц становила.*

– Так в кому можно, если так много ставить сразу...

(Бабушка смеётся.)

– *Не знаю... Я... Мы чё-то заговорили. Я гоорю: «Нина сёдня смиряла у меня днём четырнадцать и три. Миша гоорит: «У неё двадцать пять», гоорит. Вот она сидит и всё вытирает и вчера была эдак, сидит и всё вытирает.*

– Ей надо двигаться.

– *У её всё слушай потом, всё потом...*

– Побежала бы по стадиону – пять кругов! Сразу бы десять...

(Бабушка перебивает.)

– *Ак у её ноги болят. Ходила, гоорит, сёдня в Энерго-то, далёко ведь. Так пешком ходили, гоорит. Посылала его (мужа), гоорит, не идёт один дак. Коё-как, гоорит, сходила, у её нога болит тоже этак. Вот и сидит тутока на диване. Я пришла, посидили малёнешко с ней.*

В данном диалоге представлено описание протекания сахарного диабета у подруги нашей информантки Александры.

Прокомментируем степени аргументации обеих сторон:

I (0) – исходный тезис Нины Дмитриевны. Констатация факта: у Александры высокий уровень сахара в крови.

II (А) – Ответ собеседника, констатация факта: «Это плохо».

III (Б) – Информантка соглашается с собеседником.

IV (А) – Вопрос собеседника: «В чём проблема?»

V (Б) – Оправдание подруги: «Следует рекомендации врача».

VI (А) – Вопрос: «Может, следует изменить ход лечения?»

VII (Б) – Ответ информантки: защита подруги. Переключение внимания на ход заболевания собеседника. Беседа о подсчёте хлебных единиц.

VIII (Б) – Оправдание подруги. Физические упражнения противопоказаны, к врачу обращались, а показатели не меняются.

Таким образом, при характеристике этой полемики следует обратить внимание на упрощённость конструкции: приведение логических доводов Нины Дмитриевны не меняют ход конструкции, каждый остался при своём мнении.

Характеризуя индивидуальные проявления языковой личности Нины Дмитриевны, хотелось бы отметить на следующие черты:

1. Увеличение числа пауз.

2. Сокращение длины и упрощение структуры предложения: *Она там кому-то позвонила, ли чево ли. Повела нас: «Подъёмте». Дала ночлек. А мы после дорожки-то устали. Я гоорю: «Пойдём вымоемся». А время-то было позно. Галя-то, видно, успела, помылася ешо и тёплая вода шла. А мне одна холодная пошла (смеётся). Всё, видно, вычерпали, ну-ко.*

3. Частое употребление диалектных слов.

Нина Дмитриевна – прекрасная мать, хорошая хозяйка, добрая и заботливая бабушка и прабабушка. Её очень любят родные и близкие. У информантки есть подруги, часто навещающие её, рассказывающие о своей жизни и слушающие её. Движущей силой, способной дать надежду на светлое будущее является православие и вера в Бога. Очень часто в своих высказываниях Нина Дмитриевна, сама того не замечая, упоминает Бога: *Ну, вот видишь, и всё, Баслови Христос; Господи, гоорю, как мы с тобой насмилились, потом-то уш, когда пожили маленько. Галька, как мы и насмилились ехать с тобой!; Мама всё думала, штё я последняя, дак меня бог приберёт. А я не умёрла! Гли-ко, ещё своих потомков, робят нарожала и внуков у меня полно! Вот как. А вот уш правнуки идут! Слава богу! Господь не обижает; И тебя, ведь, тоже с праздником! Севодня праздник-от обший! Севодня не для одних матерей, для всех. Это Рождество Пресвятой Богородицы дак. Пресвятая Богородица, наверно, родилась в этот день дак. Это всеобщий праздник так-то. Божественный. Великий; Ой, Господи, помилуй!*

В комнате Нины Дмитриевны есть красный угол, в котором представлены иконы. Информантка молится утром и перед сном, перед каждым и

после каждого приёма пищи, благословляет внуков на долгую дорогу, снимает «переполохи» с испугавшихся внуков, рассказывает им о боге. Нина Дмитриевна, несмотря на заболевание поджелудочной железы, строго соблюдает пост, соблюдает все традиции православных праздников. Дети и внуки Нины Дмитриевны тоже солидарны с ней в вопросе веры.

При характеристике движущих сил языковой личности Шиловской Нины Дмитриевны следует обратить внимание на «Сон об умерших детях»: *На всю жизнь запомню... Очень он интересный... Мама три дня перемирала... И увидела сон такой. Будто, как она на том свете, ходит и видела своего мужа, будто он сидит, читает книгу... И потом говорит, будто идёт, а поляна баская, а на ней ребятишки бегают... Много ребятишек, ну-ко они умирают, дак тоже там... Вот я, говорит, подложу и говорю: «Нет ли моих-то ребят у меня?» А у неё, ведь, умерло тоже два ребёнка, маленьких... А её заведущая говорит, в белом халате: «А вон, там тоже поляна, там тоже бегают»; На этой моих нетока, пошла дальше. Иду, говорит, на вторую поляну. Ой, говорит, вот, кто, говорит, одет, в носочки одни, либо в тряпочки другие. Ну-ко раньше в тряпочки закутывали. Они все, говорит, и разлохматились штучки-то. А кто, говорит, в ботиночках, тот в ботиночках и бегают. Я, говорит, взяла своих ребятишек: одново на одну руку, другова на другую. И пошла. Как только, говорит, первые двери прошла, вторые двери, говорит, стала проходить. Они, говорит, у меня голупкам зделались. И улетели. Оба. Осталась одна, проснулась. Замечательный сон. Голубям нужно всё бросать. Это дети наши маленькие. Выкидыши делают, абортуют. Голупки – это эти-вот, всё. Хороший сон («Сон об умерших детях»).*

В этом тексте отражено мировоззрение Нины Дмитриевны. Она часто любит повторять: *Голуби – это наши дети.* Это влияет на поведение информантки: в Череповце Нина Дмитриевна каждое утро ходила кормить голубей, в Никольске информантка подкармливает голодных животных, помогает бедным, защищает обездоленных. Такое поведение подтверждает православное воспитание, веру в Бога и высшие силы справедливости на земле. Рассказывая сны, Нина Дмитриевна обозначала, что среди них есть правдивые, вещие, которые полностью исполнились: *Вот всё гадали, да гадали: то кольцо пехнем, то это пехнем. Вдруг суженый к нам придёт. И вот. Я хожу, будто, в лесу. И с ёлки какой-то звук. Я остановилась, смотрю на ёлку. Вот, тоже не забыть его в век. И вдруг с ёлки спускается молодой юноша. Во всём чёрном, в костюме. В тиджачке, красивый такой, хорошенький. «Ну, – говорит, – я твоя судьба». А я испугалась и говорю: «Так как это? С ёлки-то?» А он мне: «У меня в лесу дом». Ну, што? Вышла за рабочего, за лесоруба. Видишь, сон-то какой. Также хороший сон, не забываю никогда («Сон о лесорубе»).* Муж Нины Дмитриевны Василий Васильевич всю свою жизнь занимался лесом.

Приведём ещё примеры рассказов о сбывшихся снах: *А на днях я маму видела. Идём мы от Жиганихи-то. Только выходим: мама располагаеца на кушетке. Кушетка на улице. И мама лежит. Я говорю: «Мама, ты пошто*

тут-то лежишь? Пошли домой-то!» Она кушетку забирает, я, будто, тюфяк забираю. А Вася встречается и говорит: «Ой, Дмитриевна, проходи, проходи!» Мама осталась на улице и Вася на улице. А я одна дома. А на-завтра брат умер. Это меня-то в дом пустили, а мама и Вася там оста-лись. А наавтра Толька умер. Сон в руку оказался («Сон о маме и брате»); Вбегают и говорят: «Дмитревна, тебя к телефону!» А я: «А кто, басло-вень?» А звонили к Жигановым, к Рыковановым раньше звонили-то... Я бегу к ней на телефон. Я прихожу. «Нина Дмитриевна?..» Я говорю: «Да». – «Это с Пермаса, с почты говорят...» Я: «А чево надо-то?» Мне: «А у тебя брат умер...» Я: «Как умер? Толька-то? Как брат-то должен уме-реть, он здоровый и никто никогда не говорил, што он болеет?» Мне: «А ево машина сбила.. Дорогой.. И до смерти...» Я иду домой-то Витя и бежит. А сон оказался правдивым... («Сон о роковом звонке»).

Таким образом, в жизни Нины Дмитриевны происходили события, от-разившиеся в её снах.

Ещё одной интересной особенностью информантки является вера в приметы:

- *Тепере уже не купаюца.*
- *А мы сегодня пойдём.*
- *А?*
- *Сегодня пойдём с Никитой.*
- *Севодни?*
- *Да.*
- *Так август! Теперь конский волос плывёт!*
- *Какой конский волос?*
- *Ну, говорица, что какой конский волос какой-то. Всё раньше нас тоже стращали.*
- *Так это чево такое-то?*
- *Не знаю я чево и сама!*
- *Откуда, бабушка, конский волос?*
- *Я и сама не знаю. То говорят, штё нельзя купаца. После второго ав-густа, после Ильина дня нельзя купаца. Написано в численнике.*
- *Почему?*
- *Не знаю вот, почему. Потому штё вода тепере холоднее стала. Но-чи холодные и вода долго нагреваеця.*

Нина Дмитриевна искренне верит, что «*в озерах (прудах и реках) оби-тает конский волос. То есть, существо, среднее между червяком и пияв-кой. Он, если кусал человека, то сразу попадал в вену и добирался до серд-ца. Никакая медицинская помощь, кроме самой экстренной не могла спа-сти человека от неминуемой смерти*».

Нина Дмитриевна как коммуникативная личность использует в речи свой спокойный, уравновешенный коммуникативный стиль. В качестве доказательства можно привлечь расшифровки аудиозаписей бесед с ин-форманткой; видео- и аудиозаписи.

*Профессор Людмила Юрьевна Зорина с участниками Резжеской
диалектологической экспедиции 2009 г.
(фотография из архива Л.Ю. Зориной)*

*Дорога в Резже по-прежнему ведет к храму
(фотография из архива Алексея Зорина)*

*Бани на берегу реки Режи
(фотография из архива Л.Ю. Зориной)*

*Предметы народного быта из режской музейной экспозиции
(фотография из архива Л.Ю. Зориной)*

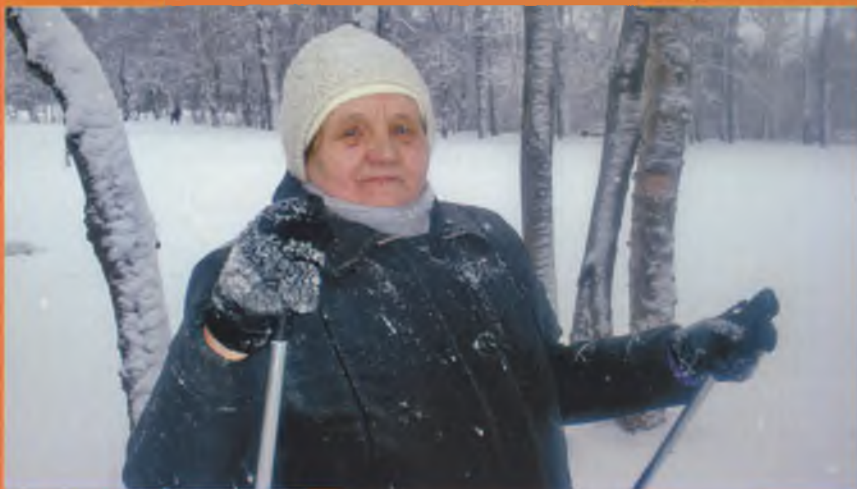
*Калиственья Павловна Черепанова с внуком
(фотография из архива Л.Ю. Зориной)*

*К приходу гостей у режаков всегда накрыт стол
(фотография из архива Алексея Зорина)*

*Нина Дмитриевна Шиловская
с мужем Василием Васильевичем (Шиловским) и детьми
(слева направо: Раиса, Галина, Василий, Ирина). 1967 г.
(фотография из семейного архива Н. П. Шиловской)*

*Нина Дмитриевна Шиловская во время лыжной прогулки, 2007 г.
(фотография из семейного архива Н. Н. Зубовой)*

Marydina Guss. 1862

[illegible]

Фрагмент письма вологодского землемера

*Актриса Марина Алексеевна Ладынина
в роли вологодской свинарки Глаши Новиковой
(кадр из фильма реж. И.А. Пырьева «Свинарка и пастух», 1941 г.)*

Домашнее застолье, 1950-е гг. (из семейного архива Е.Г. Ильиной)

*Новогодняя ёлка, 1987 г.
(фотография из семейного архива Ю.Н. Драчёвой)*

*Письмо Деду Морозу в Великий Устюг, 2015 г.
(фотография из семейного архива Ю.Н. Драчёвой)*

*В гостях у Деда Мороза > Великий Устюг> 2006 >
(фотография из семейного архива Ю.Н. Дрячёвой)*

*В гостях у Санта-Клауса > Рованиеми, Финляндия, 2015 г.
(фотография из семейного архива Ю.Н. Дрячёвой)*

Нина Дмитриевна владеет индивидуальным запасом вербальных и невербальных средств для актуализации информационной, экспрессивной и прагматической функций коммуникации (лексика, мимика, жесты); умеет варьировать коммуникативные средства в процессе коммуникации в связи с изменением ситуативных условий общения (с родственниками из деревни чаще использует в речи диалектизмы; с внуками, приезжающими из Череповца, Санкт-Петербурга, старается избегать употребления диалектной лексики); строит высказывания в соответствии с нормами избранного коммуникативного кода и правилами «речевого этикета» (повествовательные и вопросительные конструкции, рассказы о событиях в прошлом, оценивающие и осуждающие рассказы).

Таким образом, на прагматическом уровне Нина Дмитриевна реализует себя как мать и бабушка, проявляющая заботу о своих родных и близких людях, стремящаяся соблюдать сложившиеся в обществе нравственно-этические нормы, в том числе и узуальные нормы речевого поведения.

Литература

- Архипова Н.Г. Концепт болезнь в русских говорах Приамурья // Вестник АмГУ. – 2002. – № 16. – С. 83–88.
- Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян: монография. – Л.: Наука, 1983. – 192 с.
- Басова Л.В. Концепт «Труд» в русском языке (на материале пословиц и поговорок): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тюмень: ТюмГУ, 2004. – 19 с.
- Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макроросм): монография. – М.: Индрик, 1998. – 236 с.
- Демидова К.И. Диалектная языковая картина мира и особенности её репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. – СПб.: Наука, 2008 – С. 68–76.
- Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис: учебник для вузов. – М.: Наука, 1981. – 464 с.
- Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности: монография. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. – 312 с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: монография. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: монография. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
- Карачева Н.Н. Речевой портрет Нины Дмитриевны Шиловской // Вестник НСО. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 12. – Вологда, ВоГУ, 2014 – С. 21–25.
- Карачева Н.Н. Особенности вербализации диалектной языковой личности Нины Дмитриевны Шиловской // Материалы VIII ежегодной научной сессии аспирантов и молодых учёных по отраслям наук. – Том 2. Педагогические науки. Гуманитарные науки. – Вологда, 2014. – С. 320–323.
- Козан Л.А. Народное миропонимание как составная часть истории общественной мысли // Вопросы философии. – 1963. – № 2. – С. 92–94.
- Кряжева А.Л. Особенности вербализации понятия «child / ребёнок» (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М.: МГУ, 2009. – 21 с.
- Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность: монография. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

Маслова О.И. Концепт детства в научной и художественной традициях XX века: дис. ... канд. филол. наук: 24.00.01. – Ярославль: ЯГПУ, 2005. – 206 с.

Нушикян Э.А. О сопоставительном исследовании акустических характеристик эмоциональной речи // Актуальные вопросы интонации. – М. – 1984. – С. 29–43.

Русская диалектология: учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / под ред. Л.Л. Касаткина. – М.: Академия, 2005. – 288 с.

Тюленинова Л.В. Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Волгоград: ВГПУ, 2008. – 248 с.

Список сокращений

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Сороколетов (вып. 24–46), С.А. Мызников (вып. 47). Вып. 1–47. – М.-Л.; СПб.: Наука, 1965–2014.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

ТС – Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия. – 1935–1940.

1.2.2. Расшифровки аудиозаписей бесед с Ниной Дмитриевной Шиловской

Представленные расшифровки бесед с Ниной Дмитриевной Шиловской были выполнены Н.Н. Зубовой в течение 2013–2015 гг. Записи делятся на три тематические группы: «Биографические рассказы» (6 текстов), куда вошли воспоминания информанта о детских и юношеских годах, семейной жизни, поездках и пр., «Беседы и диалоги» (24 текста), отражающие отдельные аспекты коммуникативного поведения Н.Д. Шиловской, и, наконец, «Рассказы о снах» (10 текстов). Последняя группа текстов представляет собой реализацию фольклорного жанра «рассказ о сне», исследование которого на материале диалектной речи весьма актуально в последнее время (например, фольклорные и диалектные тексты о сноведениях изучают М.Л. Лурье, А.В. Черешня, Е.В. Сафронов, Г.В. Юлдыбаева и др.), сам же сюжет «вещего сна» является одним из архетипических в мировой культуре.

Тексты расшифрованных аудиозаписей оформлены следующим образом. Речь информанта представляет собой упрощённую фонетическую транскрипцию, отражающую особенности диалектного произношения Н.Д. Шиловской. Для выделения речи Н.Д. Шиловской используется курсив, в скобках указывается комментарий невербального поведения информанта. Реплики собирателя (в данном случае собеседником выступает Н.Н. Зубова) даны в литературной записи, прямым шрифтом.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

О детстве

Деревня наша большая была, хорошая была, роботали все хорошо. Как запомню с детства, дак всё одно: одна робота, робота. Маленькие ошо, отучимся только штё, и скорие уш навоз возить, да на лошадях, да борошить вот летом, да сено заскребать. Всё это пацаны вот эдакие делали. А я и всево-то кончала семь классов. Дак вот. Подумай-ко.

О работе в колхозе

А отучилась семь-то классов, стали... Уж год отработала так-то, а тут стала телят маленьких набирать из-под матки. Набрала телят, двадцать один телёночек был. Сама всё поила, сама кормила, сама и гоняла. Все дни гоняешь, вечером напоишь, накормишь, в загородки розгонишь их и дамой. Отдохнёшь, а утром ранёхонько опеть надо всех напоить.

А семь классов вот кончила. А ты вот представь сама себя: велика ли ты была, например? Мы не с семи годов-то учились, а с девяти, наверно. Раньше, ну-ко, с девяти ходили.

Ну и вот, три года и вот эдак и кормила скота всё, а ошо от деревни-ту у нас двор-от был за километр. Надо ходить утром и зимой вот эдак, и зимой бегать надо, вот и дороги занесёт и всё, а километр целый надо идти до двора было. И всё вот ходили эдак. Я бы вот теперь вам всё показала тут: где был у нас скотный двор, где мы пасли телят, где мы чиво. Так видишь, сейчас уш некогда. Стара стала, не получаеца ничего.

Ну, а потом коров взяла, коров. Коров стала кормить дак коров свой, в своей деревне. Тут уш бегать-то не надо было, коровник был тут, рядом. Токо рано надо было вставать, двенадцать коров подоить, всех накормить, напоить, воды наносить им на всех, нагрить ошо котёл, вот. Да три скотницы у нас было во дворе, да тридцать шесть коров у нас было, да всем по быку. А быки-то, знаешь какие большушые были, временные. Временные, знаешь, большие-то такие, так лино страшно заходить в загородку-ту. Одну скотницу у нас и истолк бык-от один. А я-то маленькая дак, под если буди залезу, как он будет форсить-то или штё-ли, зухаю на него дак, сама под если. Ведь надо и выпрятать у них всё из загородок-то и всё сделать надо. Вот так. Потом зимой-то... Сколь я их кормила... Я гонеть-то коров не гоняла, я токо взяла осенью, а зимой-то вот у меня и приехал Василий-то мой.

О личной жизни

А зимой-то вот у меня и приехал Василий-то мой, да на машине, да и увёз. Сразу увёз, просто, сразу просто увёз. Два мужика да он. Троё. «Не подёшь, ак завяжем сейчас, да свяжем, да увезём» – говорит. Смеху было

тогда! А я токо со двора пришла. Мама говорит: «Какая-то машина идёт, Нинка, и по снегу, – говорит, – под окошко!» А он вездехода взял, машину-ту, грузовая, вездеход была, да и вот и подкатил. И увёз, так я коров и оставила, и больше я этого ничого и не получала. Не знаю. Дуня у меня всё тут, молодница-та тут. Она и за год всё, заработок мой получила и всё. Ничё мне-ка и не дала. А теперь вот зовёт в гости всю дорогу, а я как вздумаю дак и не охота. А бабушка-то да дедушко осердились оне, Васька-то, видно, насулил, что годовое будет, дак ей дадут чё-то, сена да всё. А Дуня нам ничё и не дала. Вот оне и заорали на меня, забранились. Да... Мисяц я не робила, а через мисяц устроилась в больницу санитаркой, истопишыком ошшо перво, истопишыком – печки топили, ак дрова носили, воду носили тожо. А потом уж в летний период санитаркой стала робить. Вот так. А после санитарки я год отробила и потом он тожо опеть... Я, когда оне бранились-то да всё дак, мы как разошлись с ним: я ушла на квартиру, к Насте Брызгаловой, оттуда роботать ходила, а он дома жил. А потом его направили в Козловку роботать, он опеть забегал, заходил, горит: «Пойдём, да пойдём опеть жить». И туды уехали. Ой, канители было... Потом сизон-то отроботали, зиму-то там на лошадях я ездила, и он на лошаде, лес возил. Длинный лес, шестиметровку лесу, сами и грузили на сани, на эдакие вот, знаешь, какие сани-те были, как называть-то их... сама не знаю как. Нагружали, да на рёку и возили, полтора рейса токо делали до реки-то, за Козловкой река-то туда, ну-ко на берег туды дак. А рейс-от увезём на рёку, а второй-от рейс до Козловки. Назавтра запрягаем да до реки довезём и ошо рейс делаем. В два дня у нас три рейса получалось. Вот так, роботали. Потом надо ему всё уш, поехали опеть к ним, к старикам, опеть к старикам поехали. Штё тамока у них... Летом-то на Кирпичку устроилась, на Сушильный завод мы устроились. Стали на Кирпишном роботать, кирпичи делать. За рёкой дом, так к Гале-то пойдёшь на угор дак, тут вот, кирпичной-то дом, передом стоит, построили. Вот и опеть ходили по сменам, по сменам всё ходили. Роботали, лето проробили, на козлуху им наготовили сена опеть...

– На чего наготовили?

– Сена.. Козлуха-то, они держали козлуху, так сена наготовили да, поросёночка выдержали да. Мы покупали, а бабушка кормила-то.

– А где вы, бабушка, жили? А где жили?

– Мы-то? Мы на Володарской-то, в том доме. Дом-то знаешь, ведь?

– Да, да...

– Ты-то там, ведь, не жила.

– Нет, я там не жила.

– Нет, не жила. Вот, на Володарской-то, в этом доме. Да дом-то весь ремонтировали да... Ой, у нас тут было роботы-то куча с ним... А потом проробили, у меня Галька родилась, в Козловке-то... Токо мы... Я в Козловке и родила в феврале. Приехали с робёнком, бабушка любила Гальку. Нормально водились, она ничего, спокойная была. Потом я забеременила да, Ваську родила. Васька-то беспокойной был, рёвун такой... Им опеть не

понравилось... Ну, старикам дак я понимаю, што теперь вот я токо поняла, што не ндравится. Конечно, дети.. им, ведь спокой нужен, а маленькиё дети... А дедко-то, Серёжа-то у её больной был тоже дак. Вот, опеть нас погнажи...

— Куда вы ушли?

— А хоть куда идите! Куда, ихней дом. Сказали уйти, так идите хоть куда! (Смеётся) Потом он в Высокинский лесопункт, на это, вальщиком леса... Там дали квартиру нам, а дали квартиру в бараке, под десять семей. Десять комнат: по той стороне пять комнат, коридор посередине и по этой стороне пять комнат. Вот так он расположен барак, десять семей ещё. Пять по той, пять по другой. Нам дали комнатку угловую... Приехали мы, привёз он. Он поработал мисяц один тамока это. Как дали комнату-то: он привёз миня (охаёт), ни дровины-то, ничё-то нет, да козлуха у мёня была, дак я свою козлуху купила для робят-то, молоко-то. Никуда нечё и девать, хоть куда... Я гоорю: ни хлеба, ничё не нашёл. Чё он нашёл? Потом кто-то нам, тётка одна хлеб дала. Мы туды козлуху пёхнули, дров одна охапку дала, печку натопили. Вот у нас ящик был ис-пот фанерной, мы в ящик, коё-чтё привезли вот в нём тожсо дак. Ящик, этот ящик, закрывался он фанерой, фанерной весь, сварили чугуничик картошки. Вот и стали всё равно жить, потом отошло опеть у её всё это. Дедко-то умер, дак и поумень маленько стала она, стала меньше ругацца-то.

(Молчание.)

— А у меня робёнок за робёнком покатижи ошо (смеётся). Опеть в декрете, опеть рожая. Пять штук нарожала, в маслозаводе-то долго я работала, годов шессть, наерно. Не отпускали оттуда-то, потом Павлов вызвал, в райто-то, сбыт-то стала организовывать; кладовщиком меня и вызвал, а Васю на машину, на семёрку вызвал. Туда и перешли. Там-то мы стали зарабатывать поболее. Вот стали всё исправлять: гараж построили, баню построили, дровеники построили, всё-всё там построили. Потом она уш как-то стала намириваца прописать Ваське, дескать, дом. «Вася, давай, ходи, хлопочи». Кто? Вася хлопотать никогда и не мог, всё сама я, всё сама. Сама пошла. Пришла в «Нотариус», да Зоя мне и гоорит (Зоя знакомая была хорошая, Зоя Медведева. Медведева или как фамилья-та? Арсеньева. Арсеньев её был этим, судьёй, а она была нотариус, наверху тут. Ну и, потом штё мы, этова... Стали уш получше жить...), она гоорит, нашла дела-ти и гоорит: «А у вас итак половина одна, — справки-ти принесла дак, — У вас половина итак дома-то на ём, на Васе». Я гоорю: «Как половина? Серёжина да йеённый дом, Васи нетока ничево!» А она гоорит, Зоя-та: «В документах никакова Серёжи нет, а только бабушка Анна да вот Василий. Так вот она вторую половину токо вам и прописывает, а одна итак была». Я гоорю: «А мы-то три раза уёзжали: она выгонит, опеть поехали». Она гоорит: «Надо было перегородить и жить во второй половине и всё. Чё, Нина, спать захотела? (Обращается к двоюродной сестре).

— Нет.

– Недосыпаешь ак.

(Нина, родственница, 20 лет, присоединяется к беседе.)

– Чё, Нина, ты, походу, в баню-то не успеешь?

– Сходитё, погодитё.

– Там ещё дядя Коля чё-то во дворе ходит дак.

– Чё она гоорит?

– Папа ушёл во двор.

Об отце

(Фон записи – караоке.)

– А на какие, бабушка, он до этого на две войны ходил?

Перебивая.

– А я не знаю, какие войны были. Мама гоорила, ак я не знаю. Я не помню... Я трёх годов, вот он ушёл на эту последнюю-то войну, дак была. Три года. Осталл трёх годов да и всё. И всё. Больше и не видывала...

Поездка в Сочи

– В Сочи поехали, обе ничево не знаем. Вечером сели тамока с самолёта на автобус это до самого Сочи. Едем жарко-то, а мы в шубах приехали, спотели-то, слушай. А дорога-то какая-то извилистая и долгая, долго ехали мы. Приехали: теметь там, темнушая, не знаем, куда и итти. Высадил автобус-от, а мы не знаем, куда и итти. Господи, гоорю, как мы с тобой насмилились, потом-то уш, когда пожили маленько. Галья, как мы и насмилились ехать с тобой! Ничево не знаем, нигде обе и поехали. А спросили тут ково-то, идёт: «Где вот тут ково-то это, санаторий «Москва?» Нам сказали: «Идитё этой тропинкой». А знаешь, там всё такие аллеи, а тут всё кусты, всё везде кусты. Вот эдак идёшь в аллее, ак всё везде кусты с обеих сторон. А мы идём обе-то, да с чемоданам-то, да ночью-то, да тёмно-то, слушай. Я гоорю: «Вот кто-нибудь бы в этих кустах застегнул и никто бы не узнал!» Например, хто откуда приехал, да? Токо бы потом по паспортам нашли, паспорта-ти у нас с собой. Идём тихонько, слушай, идём, идём, идём, идём. Штё-то далёко идём, всё по этим аллеикам. Потом видим: стоит дом такой (показывает руками), мы пошли, надпись: «Санаторий Москва». Я гоорю: «Это этот санаторий «Москва», мы приехали?» Как барак большой, слушай. Вот, заходим, сели, оддохнули. Всё эта туюка записвает.

Я гоорю: «Мы в санаторий приехали, дак нам бы ночевать где-то». – «Ак у вас с завтрашнева дня». – «Дак у тебя, вот эт-та и будем ночевать. С завтрашнева дня, дак штё мы, приехали в эдакую даль дак? Уш, увидем раньше на день».

Она там кому-то позвонила, ли чево ли. Повёла нас: «Подёмте». Дала ночлек. А мы после дорошки-то устали. Я гоорю: «Пойдём вымоемся». А время-то было позно. Галя-то, видно, успела, помылася ешо и тёплая вода

шла. А мне одна холодная пошла (смеётся). Всё, видно, вычерпали, ну-ко. Ну, я холодной окатилась, пришла, ой, как взбодрилась холодной-то водой. Выспались, а утром пошли на завтрак, знакомица тут пошла да, потом ко врачам, да на процедуры да. Вот так и жили, как. Все процедуры пройдут, а мы пойдём на море, сходи с ней. Мы всё вдвоём ходили. На море походим. Вот идёшь, слушай, смотря какая погода там тожсо. Вроде, идёшь сичас сонце, всё хорошо, зонти не взяли, ничё не взяли. Вдруг дорожкой пошёл дошь, слушай. То пошёл снec. Погода у их такая. Да, ну робята, батюшки! А я-то в шубе уехала, а Галя-то хоть пальто, ну-ко у её было эдакое. А мне куда я выйду-то шубе-то, пришлось итти покупать пальто. Вот и купила болоневое-то пальто. Пошли мы с ней к палаткам, в одной палатке: «Вот последнее пальто, дак, буди, это беритё!» Я померила, подошло. Дак надо в чём-то ходить. Купила это пальтишко за девяносто рублей. Ну-ко, раньше эти деньги-то были. Потом пошли на рынок, купили по шапке. У нас-то шапки эдакие тёплые, ну-ко были, а мы купили берет-ты. И стали хоть похожи на людей. Господи, сколько народушку там. Пришли на обед: полная столовая народушку. А мы, нам стол дали недалёко тут. Она развозила всё. Не знаю, хто у них развозит топерь. На тачках, тачечка такая. У нас, ведь, умные же все: хто орёт – напишет вот это, хто орёт... Гоорит: «Штё мы для кажного суп ещё оддельно изготавлять будем да всё?» Одна баба попалася такая: надо ей гороховой суп и всё. Они принесли ей полную тарелку: «Чё мне полную-то тарелку принесли?» Она гоорит: «Ешь». Смешно как. Один мужик пьяный, тожсо, видно, с похмелья пришёл. Не хватило кефиру ему видно вчера, слушай. А на вино деньги есь, а на кефир нет. Эй, не купишь кефиру, видно не хватило ак, да? Мы и не ходили. Она: «Идите хоть поешьте вы-то, нате ешьте! А вы ничево и не просите» А чё нам просить-то? Чё дадут, то едим, ну-ко. Наглый народ тамока, ой... Вот тепере там где-то война-то и идёт где-то на Украине. В Сочах где-то, да?

— Нет.

— А где, не в Сочах-то дак?

— На Западной Украине. Бабушка, а там красиво?

— Красиво. Город красивый. Мы ходили этова везде. Всё изъиздили. Ездили мы, этот, как, командировки-то такие... На день-то йиздят. А по морю я не смогла никак. Не пошла и Галя не пошла. По морю я боюсь, катца не пошла ни в какую. Приглашали нас ошо: «Пойдёмте, покатаем на море». Я плавать ни умию. Ходили в клуп там, ходили в этот, как у них зовёца-то... Галя-то ходила ещё в «Москву», а «Москва-то», название-то «Москва» одна, а дома-ти разные мы жили. Мы в одном доме, а «Москва» там оддельно. Галья гоорит, ходили, мама, туда. Скедила раз на танцы. «Мне, — гоорит, — там нечево делать, потому штё все такие роскошныё, а мы штё? Мы скодили у себя-то тутт какой-то клуб был. Один раз в кино ходили да один рас спектакль. Как в подземелье-то там, слушай. Вот и приехали наши ягодишки. Щас нам роботу принесут, да?

— И надо снопы идти вязать за жнилкой, надо боронить ехать. И всё вот вставляли ранёхонько и всё делали. Сенокос надо везде, заскребали за копнами, пацаны возили копна, слушай, а мы заскребали всё за копнами. Мётают ковада, ак пожилые женищины стоят на заложенных, мужики им подают. А мы всё заскребали, пока они считают, мы всё. А прибежим, да ещё молоденькие-ти да на Угоры. Мы раньше ходили на Угор вот летом-то. Это, знаешь, под окошком у ково-нинабуть красивое место. И вот тут плясали, тут и всё под окошком. Зимой-то наймовали бисетку окупать: с каждого человека по... для биседочки. Ну, ково дома матка не пускает ак, дак придёшь, у старухи какой пол вымоешь — она пустит. Биседочки сидели... А вот летом-то Угоры. Ой, так весело было! И гармонь, и пляски, и никто не пьяной! Утром все опять на роботу, вечером опять на гулянье. Слушай, и как вот всё хватало энергии, я не знаю! Питание у нас веть было, колхозное питание: хлеб да, вода да, ну корова ешь, ак молоко, супу наварит (суп-то варила она). Сначала-то худо жили, а потом-то стало лучше и в колхозе стали давать кое-чё. Вот и работали и учились, в школу бегали за пять километров! Там не жили, ретко, буди ковада холодно, дак ночуёшь ночь одну. А всё ходили пешком домой. Пять километров нужно пройти в школу с сумками: хоть по снегу, хоть по дождю, хоть по чёму. А вечером школу кончили — опять домой бежать. И ходили, учились, выучились. Конечно кто как учился: кто-то хорошо учился, кто-то худо...

— А ты, бабушка, как училась?

— А я всё училась всё на тройки, мало четвёрок было. (смеётся) Мало четвёрок было, всё троечки у меня, всё троечки. Как учителя говорят: «Крепкая троечка». Значит, она на четвёрку не тянет, а троечка, ну дак и ладно! Ковада учить-то, Нина? Придёшь, ещё с Толькой сходим в лес: берёзу спилим, на санки, дома распилим, да дров в печке надо приготовить, слушай. Всё на себе и таскали. Из лесу — это с километр, боле!

— Берёзу?

— А какое найдёшь? Зимой дак берёзу уш только, она токо растопишь, ак топича, а веть осина не затопича. А дров-то, лошадей-то не давали дак, ничево дров-то не было запасов-то. Растопим эдак-то да и топим. В выходной день, если не затопим, дак натаскаем на ниделю. Пилили с ним поперёшкой вот эдакой (показывает рукой) рукам, наколет, я наношу к маме этова опять. Не то, што в сарай, а на мост накладём, штёбы ближе брать. Вот эдак и жили. У нас одни дети только были, мама одна работала. Она скотницей была. Потом уш пошли девочки: Манька да, Галинка да. Она стали работать да. Потом стали выходить замуш.

— Бабушка, а как раньше свадьбу делали?

— Ой, свадьбу-ту, Нина, мне не рассказать, потому штё я маленькая была, дак забыла. Раньше чё-то причитали да, не знаю, не знаю. А тожко это же было: и сойдуца и разойдуца и всё. Это же всё самое, только обряды, вишь, раньше по-старинному токо делали, а тепере уж делают по-

новому. Вот так и жили. И все, ведь, выросли. Никто и не умёр. От голода не умёр. Мама всё думала, штё я последняя, дак меня бог приберёт. А я не умёрла! Гли-ко, ещё своих потомков, робят нарожала и внуков у меня полно! Вот как. А вот уш правнуки идут! Слава богу! Господь не обижает. А я маленькая-то часто болела, ак она всё: «Ходь бы умёрла, ходь бы умёрла! Хоть бы бог прибрал!» Всё гоорила, а потом, видишь вот бог не прибрал меня. Выросла, да и замуш вышла.

— Бабушка, а как у тебя свадьба проходила?

— Не было у меня свадьбы никакой!

— Вообще никакой?

— Не было.

— А как вы расписались?

— А скодили договорились с Васькой-то: бежали с роботы да, переоделись, бутто в город пошли гулять. В городе, ведь, родители. Они не давали ему расписавца-то, што Васю в армию возьмут. Ево не берут из-за нас, што мы оба старики, оба не имущие. А мы уписались с ним. Ой, они на меня потом как полезли, как полезли! Все ночи, Нина, меня выбранят, сидят тут, а я за загородкой, например. И всё-то про меня соберут, всё-то соберут. А я лёжу да слушаю, да и усну. Просплю, они всё сидят! Я скожу в туалет да опять спать. Ооой, вот так и жили. Первую-то Гальку-то лечила бабушка, любила, Васька-то рёвун был, так они ево не любили. Один раз я пришла как-то на минуту пришла, думала, где чё-то забыла, воротюся, а она высовваает... Нет, первый рас ещё не высовваает, он ешо маленькой был дак. В зыбке штё думаю, забежала скорей в комнату, а оне подушку на нево положили. Эй, на робёнка! Сами оба сидят, курят. Я поглядела, он уш... Всё уш, сейчас бы удушился. Ой, я заревела, схватила ево, откачала, слушай. Я гоорю: «Я отхожу на роботу, если чиво сделаеця с робёнком... Я там Васе сичас скажу, он придёт, проверит. Вот так первый раз спасла. Потом забоелися боле. Второй рас уш он заходил. И чевото видно старуха-то осердилася на нево... Вот тоже я эдак: дошла до Саньки опять чё-то забыла. А она оболочечку ему высовваает. Я гоорю: «А где Васька-та?» Всё сама убежала, опять со стариком сидят, курят. Ходь бы штё, слушай!

— А где, бабушка, он был?

— А где? Я побежала по слеткам, снежок был уш, а он босым-то ношкам к Насте пришёл, к Насте Ципилёвой. Ты-то знаешь Настю Ципилёву?

— Нет.

— Ну там, последний-то дом. Да и сидит, эдак скорчился да и сидит. Я схватила, да вокурат ещё Вася тоже не ушёл, тутока ждал меня. Я гоорю: «Вася, погледи! Прикажи, чтоб эдак ничево не зделали, выгонят вот эдак на улицу, выбросят, замёрзнет робёнок. Два раза ево спасла!

БЕСЕДЫ И ДИАЛОГИ

Бабушка позирует на видео

- Бабушка, на видео снимаю!
- (Бабушка позирует и смеётся.)
- *Штё это ты так спонтанно?*

Разговор по телефону

- Бабушка, привет!
- *Привет, Ниночка. Привет, милко.*
- Поздравляю тебя с христианским Днём Матери!
- *Ой, спасибо, милая. Спасибо. Приехал батько-то?*
- Да, приехал.
- *Вы ещё в этой квартире-то живёте?*
- Нет ещё пока, там же, там же пока живём.
- *А в этой же, да? Ак купили ту-то?*
- Да. Всё.
- *Всё? Молодцы!*
- Скоро уж будем переезжать.
- *Да?*
- Ага. Как, бабушка, ты живёшь, как здоровье?
- *Да лежу, вот, лежу. Спина шипко болит.*
- А чего такое? Почему у тебя всё болит?
- *А почему спина-то болит?*
- Да.
- *Так остехондроз, так он хоть когда схватит. Когда хочет, тогда и возьмёт меня.*
- А ты сегодня в гости к Марине ходила, да?
- *Да, батько возил меня, дак я потом позвонила, приехала.*
- Бабушка, как Марина живёт?
- *Так Марина ешо токо вся затюкалась с роботой, да робёнок ак опеть болеет у её. Насморк да, слёски идут, да всё да.*
- Федя-то?
- *Да Федя-то. В садике, видно, простывает, ли штё ли. Да, дак вот севодня на концерт ещё поведёт, видно, их обоих.*
- Да? На какой концерт?
- *Не на концерт, а ну-ко где зверей-то кажут?*
- В зоопарк?
- *В зоопарк ли, чево ли.*
- *Дома ешо пока ничево так не устроено. Всё, видишь, которой отдают, которой сами делают.*
- Понятно, бабушка. То есть ещё пока оно всё в процессе, да?

— Дак она да, вся в работе да, одно чё пока делаеца, второйё эдак вот всё. Знаешь, токо переехали, да дом не живан давно. Печки топят.

— Дом-то не обжитый?

— Да года два ли, три ли уш не жили здесь никто. Продавали да не могли продать оне дак.

— Ничего себе.

— Ак дом-то, печки топят да. Так-то ничево, тепло в избе-то. Да всё ешо кутузья везде ещё много всево надо опростать. На роботу, вишь, ходит да робят...

— А Лёша чем занимается у неё?

— А Лёша всё строит, бегаёт.

— Какой?

— А дом ссулился одному мужику дом построить, дак дом строит.

— Ну, хорошо так-то, заказы хоть, работает.

— Вот и работает, у ево машина изломалася, дак всё пешком бегаёт.

— Понятно, бабушка, понятно. Чем сейчас-то вы занимаетесь? Чем планируете заниматься?

— Мы-то? А батько где-то обряжаеца, матка где-то салаты опять делать хочет да. Чё-то цветы пересаживала, да весь день дома занимаю-ца оба. А я лежу, весь день ничево не делаю.

— Отдыхаешь ты, да?

— Да. Отдыхаю всё.

— Дак отдыхай, бабушка, правильно. Отдыхай.

— Спина болит, Нина, дак ничево не сделаешь.

— Не знаю. Из-за чего она всё болит, ведь раньше не болела летом сильно, ты ничего не жаловалась на неё.

— Дак ведь тепере вишь, осень. А осенью остехондрозы осенью и весной. А летом-то она ничево было, всё нормально, вроде, ну-ко.

— Так вот. Я чего и помню.

— Да. Ты севогоды мало была дак.

— Так вот, бабушка, так отпуск получился.

— Ак ты на работе на которой робишь, на этой же?

— Да.

— Не ушла с работы-то этой же?

— Нет, пока ещё там же, бабушка. Ещё целую зарплату не получала. Так подожду ещё. Видишь, я из отпуска-то вышла, мне и дали пока деньги. Сейчас посмотрим, сколько мне дадут за целый месяц. А потом буду уже соизмерять. Пока-то чего уходить, если не знаю, какая зарплата ещё?

— Дак видишь, надо где-то подыскать опять роботу-то.

— Да, конечно. Надо заранее, за две недели.

— Ну, ничево. Может, всё хорошо будет.

— Да, бабушка, надеюсь.

— Стипендию-то всё эдакую плотят?

— Да. Вот скоро должны заплатить уже. Двадцать третьего числа, завтра.

- Да?
- Послезавтра должны дать опять.
- А это за сентябрь мисец?
- Да, за сентябрь.
- Анюта-то к тебе йиздит?
- Да, Аня была, ночевала вот ночь.
- Да?
- Да. Вчера ночевала, сегоодня ушла домой утром. Ну как? Днём, получается. Вот так вот, бабушка, хорошо всё живём.
- *Всё хорошо. Слава богу! Пусть хорошо и живите хорошо. Слава тебе, Господи! Я рада очень, когда все живут хорошо.*
- Ладно, бабушка.
- *Всё кашляю. И кашлянуть не даёт всё, и кашлянуть не даёт.*
- Бабушка, может, тебе растереть чем-нибудь спину-то?
- *Дак растереть-то... Я уш растирала вчера в бане и намазваю каждой вечер: то мазью, то настойкой какой. Всё тру, да не знаю, штё, уш укол ставить токо.*
- Да, бабушка, попроси маму, она поставит тебе целебный.
- *Дак у неё есь вон лекарство-то, поставит долго ли она.*
- Вот, и мучиться не будешь сразу.
- *Думаешь? Тот раз много ставили, у Людки-то жила, много ставили уколов, а всё, всё равно болело, болело.*
- Ну, бабушка, всё нормально будет.
- *Ну как у тебя-то здоровье?*
- Так-то нормально.
- *Слава богу.*
- А у тебя как сахара?
- *Сахар-от? А я мерю ретко, так всякое.*
- А обычно какой?
- *А обычно девять, а обычно тут и семь и восемь. Мерю дак...*
- Дак ничего, бабушка, ещё.
- *Да. А так-то, шипче-то, больше-то, вроде, не встает.*
- Хорошо, бабушка.
- *А я, видишь, теперь только: то салат капустный, то картошку, то суп. Всё эдакое дак.*
- Молодец!
- *Всё держуся, Нина, всё держусь пока.*
- Ну дак и правильно.
- *А у тебя-то всё три?*
- Бабушка, с утра дак да: четыре, три. А в течение дня дак шесть. Нормально.
- Слава богу, когда хорошо.
- *Давай, всево хорошего, Ниночка.*
- Ладно, бабушка. Ещё раз тебя с праздником.

– И тебя, ведь, тоже с праздником! Сегодня праздник-от общий! Сегодня не для одних матерей, для всех. Это Рождество Пресвятой Богородицы дак. Пресвятая Богородица, наверно, родилась в этот день дак. Это всеобщий праздник так-то. Божественный. Великий. Ну, давай, Нинуша, всево тебе хорошева. До свиданья, милая.

– И тебе, бабушка, здоровья тебе крепкого.

– И тебе тоже.

– И тебе, бабушка, счастливо.

– Жить хорошо, не горевать ни о чём.

– Спасибо, бабушка, счастливо! Пока, пока.

С внуками и правнуками

Н.Д.: Давай на колени возьму. Иди на колени.

М.: Иди к бабушке.

Н.Д.: Я вот эдак привыкла-то, звона. А вон, смотри на Аню...

М.: Улыбайся.

Н.Д.: Ай, Аня, Аня...

М.: Улыбайся Ане.

Н.Д.: Ане-то улыбнись, Ане-то...

М.: Смотри, вон у Ани птичка сейчас вылетит! Ой!

А.: Феденька!

М.: Птичка вон полетела!

А.: Кирюшка!

С внучкой и правнуком

– Ой, хорошо! Видел какой! Бойкий, хороший парень, гледи-ко! Гледи-ко, зво, сам за Мариной вон бежит!

– Вставай, иди!

– Торопится, видишь.

– Вставай, не торопись, иди. Вставай, сюда иди. Вставай. Вставай, давай вставай. Кто встаёт?

– То на попу, то эдак? (смеётся и с любовью смотрит на правнука) Ай!

Беседа о приготовлении черничного пирога

– Хоть чорники вёзите, так и чорнишников испёком. С тобой вмисте.

– Бабушка, а черничник как печь?

– Чорнишник... Вот тоже увидишь. Всё покажу сразу. Только там тесто надо на дрожжах...

– Да?

– Да. Тесто на дрожжах, только намеси, Коля истолкот баско, тесто густое и испёком с тобою вот потом. У меня не как у Гали, ни варёные, ни на сале жарёные, а у меня будут пироги просто, пирог с этим...

- С черникой? Сверху, да?
- Нет, не сверху.
- Внутри?
- Да, внутри. Я тот раз пёкла, дак мы быстро съели. Сразу (смеется), долго ли съись! Вкусныё! Коля ел хорошо. И я три пирога съела. Три пирога съела, хоть бы штё!
- Бабушка, а тётя Галя как делает?
- Она тесто эдакое же сделает, но она жо жарит в масле, и шипко жирныё, в масле-то. Ну, в растительном масле. На сковороде жарит и...
- Она не печёт?
- Она не в пече пекёт, вот жарит на сковородке. Вот уж и всё, Нина. Видишь, оно загущает, манка-то густит, с мукой-то вмисте, так оно видишь... (мешает). Писок есть, всё есть у нас, вроде. Одна сода осталась, соду кладут в последнюю очередь и сразу выкладывают на этот, на противень (мешает).
- Хорошее, бабушка, тесто, без комочков.
- Видишь, какое красивое, да? Не надо комочков-то. Это-от комочки-то от сметаны, наверно. Вот всё теперь... (тщательно перемешивает). Тааак...
- Печку ставить?
- Печку ставить... Печку давай сюда поставим!
- Давай, бабушка, я вот этот ещё уберу. Надо убрать...
- Это ничево, это ни мешаёт!
- Давай, бабушка, я.
- Нет, я сама всё... Тут же ни хватит...
- Хватит, ещё останется. Ещё чуть-чуть...
- Нет, нет. Тут надо подставлять. Ну-ко этот вот туды убери, а этот поставь. Ни тот стул-от, вишь. Фуух.
- Вот это система! Вот так надо. Ага, всё работает. Противень?
- Ну-ко, давай, разберёмся. Какой, ты што ищёшь-то? Вот, ведь, противень-то.
- На этот?
- На этот. На этом всё. А может тем маслом? Этим?
- Я не знаю. Бабушка, тебе-то какое масло больше нравится: это или то?
- Я, ведь, не знаю. Я же то давно, ведь, не едала...
- А ты его пробовала?
- Раньше-то пробовала, раньше-то я ела эдакое, у меня корова была, так было же масло-то ак. А они, видишь лино, никто не ест у них...
- Бабушка, а как делают масло?
- Масло это, Нина, трудно рассказать.. Надо смётану, надо её пихать в грилку да, пехать в печку да. Потом остынет, дак сливать сыворотку да, и мешать, всё мешать, пока масло не получится сливочное, но оно будет не так вкусно, а потом его надо хранить. Баслови христос! Дай, Господи, пирожка испробовать, всё.

- Бабушка, а кто взбивает такое масло?
- *Иди, помешать, и ты помешаешь. Полижешь, хоть меньше. Помешают, потом налижуца, и всё: «Мама, надоело, не будем!» Оно долго шипко получаеца. Ну, вот видишь, и всё, Баслови Христос. Пирог готов!*

Беседа о маннике

- *Сверху помазал – вот будет какой.*
- Вкусный?
- Вкусный.
- Бабушка, а ты любишь манник?
- *А я хоть чево поем, мне всё равно. Коля и пирожокек купит, так я ем маленько пирожочка.*

Рецепт оладьев

- Что надо положить первое?
- *Первое... Набирай, чиво у тебя есь. Простокиша, простокваша, молочка маленько. Всё есь.*
- Кефир да?
- Кефир...
- А потом: молоко, кефир?
- *Пёсок, соль...*

О соседе по даче

– *Тисон-от, ли как ли называют, ну-ко. Кладут картовку. Вот этова накладите, вот этова накладите, вот этова. Луку накладите, картошки накладите мне, поштё ли накладите за это. Вот она приедет в этот тисон, опять попонакладывает дак. Картовку-то гоорит, всю вёсну покупаем, как посадили. Всё раздавала сама-то.*

– Зачем?

– *Зачем? Он деньги не берёт, видишь, а этим – продуктами берёт. За тисон-то. Штё? Лежит картовка-то, храница. Вот он и просит: вы положите вот этова, этова, этова, свёколки, морковочки, картошечки, лучку, чесночку привезите...*

Беседа о занятиях внуки

- *Зюдо или чё ли, зюдо ли...*
- Дзюдо?
- Да.
- Борьба такая есть.
- *Борьба такая. Так они ешо маленькие, дак не борьба, а катаюца чё-то и всё чё-то делают. Играют да. Ровно знаю. Она юлит, а он опеть*

собираеца. Надо заплатить... Воскресную школу токо не платят. А музыкальную платят и эту платят.

– А в музыкальной-то она на каком отделении, бабушка? Фортепьяно или?

– Не знаю я, не знаю я, куда они её водят. Музыкальную-то куда-то недалёко, тут школа. Дак водят тут. Дак не йздят, а без машины – пешком.

Беседа о глазах

– Дали справку: можно ли делать операцию мне на глаза. Высокий сахар. А здесь у Людки-то пожила маленько-то: шесь – сахар. Ковда делали операцию, так был шесь – сахар.

– Так и хорошо. Такой и нужно.

– Да, тут-то гоорят: для диабета ешо очень хороший. Мне и глаз-от, видишь, зделали лучше. В этом-то всё чиво-то муха какая-то. Муха какая-то всё. Хоть сколь-от гледишь, ну-ко, этот, всё она и скачет. А в этом-то нет мухи-то. Этот лучше зделан.

– Бабушка, а как ты смотришь так?

– А как смотрю? Вот она вот эдакая. А когда вот шипко заболит, ли чё ли, так вот эдак всё не отходят. Там бегают какие-то всё мошкара мелкая, там далёко, кажется, уже. Это когда тежило мне-ка бывает когда. Забегают, а она эта-то эдак всё и скачет туды-суды. Так глаз-от хорошо шипко-то и не видит. А этот-то хорошо видит. Но читать вот этим у меня лучше.

Беседа о Сане и высоком сахаре в крови

– Бабушка, нельзя, вообще нельзя размешивать воду с чем-то сладким?

– Да?

– Конечно. У тебя сразу в кровь.

– Вот у меня и сценило.

– Вообще сладких напитков никаких нельзя. Ты можешь, если очень хочешь, просто вприкуску: лошку съела мёда и запила чаем без сахара. Тогда, может быть, меньше он будет. А ты ещё размешала, так теперь до двадцати может так.

– Так, эво-то, видишь, и потсочило. Голова-то, она всё болит да, болит да. Как-то уже и привышно.

– Зачем к этому привыкать-то?

– Дак ведь она всю дорогу болит да. Вчера вот виски эти ломит. А Санька гоорит: «Это виски ломит от сахара». Сахар большой, гоорит, у тебя. Санька тоже всё знает: «Я, – гоорит, – тоже эдак, всё, – гоорит, – большой». Ну, она запивает и пива, и вина выпьёт.

– А у неё какой сахар, бабушка?

– А у неё тоже: и девятнадцать и двадцать и... А тамо-ка худо сделалось на похоронах-то у Андрюшки, да ошо, гоорит, какую-то таблетку мне-ка дали. Так от неё вообще, гоорит, стало худо. Скорая туда приехала в Кожасево, скорая. Сказали: «Надо в больницу тя», так она сказала: «Брата схороню так потом в больницу». Токо головой, гоорит, качают женщины-то на скорой: «Брата схороню, и самую, может быть, скоро тоже хоронить».

Беседа об уровне сахара в крови

– Там всё делали делали, потом этот дом стали делать. Это столько работы! И всю жись так в работе. Все деньги ушли вот на строительство да на детей. Вот и всё. А тепере вот: то одно болит, то другое болит. Так токо на лекарства да. Ой, Господи, помилуй! Сёдня чё-то вообще и сахарок и давление. Штё у меня сахарок-от отчиво? Вчера картошки-то, буди, ела ешо свежей. От картошки тоже сахар?

– Конфетку!

– Так али такой сахар от одной конфетки?

– Конечно.

– От одной конфетки сахар четырнадцать?

– Да.

– Ну, полно?

– Бабушка, именно так.

– Ну да рашков поела да картовину поела. Так тоже веть.

– Да чуть-чуть это-то всё поднимает. Вот сладкое – оно быстро, оно сразу в кровь. Это-то пока переваривается, так нормально. А вот сладкое, бабушка: варенье, кексы, виноград, конфеты – они сразу в кровь, сразу сахар поднимают, сразу же.

– Ну а ты чё тут поела, у тебя чё поднимет? Ты видишь как худо ешь, дак у тебя и не поднимает.

– Я съела пряник и уху – тарелочку. Мне хватит. Я утром, бабушка, встаю: у меня очень-очень низкий сахар.

– Да, поштё-то у тебя ниско.

– А у тебя, наоборот, высокий!

– А у меня – большой. А у меня – большой.

Беседа о Тане

– Дело ваше...

– А Таня-то, бабушка, платит ипотеку?

– Не знаю я чево. У них где-то тоже, видно, была комнатка где-то. Продали за шессот. А купили чё-то, видно, за миллион тоже. Эти шессот-то да...

– Они квартиру купили или комнату?

– Однокомнатную, однокомнатную где-то.

- У них ипотека.
- Я не знаю, чиво у них. Я ведь не знаю ничего.
- Каждый месяц платит, да, за неё?
- А как, наверно, не кажный-то? Да ошо и за машину оне платят. Ошо машину, ведь, в кредит взяли.
- Молодцы.
- Там да, тут да. Дак эдак молоуцы! Два кредита. Да и она не роботаёт, ей дают чё: шесть тысяч за уход за робёнком. Ну, дак. А он один: то тут скачёт, то тут скачёт. Где подороже, мало дадут – опять побежал на другую роботу.
- Так ведь не сразу же много дают работникам.
- Не говори! Ведь надо пороботать, может, узнают ешо. Видишь, меиц поробит, ак опять побезжит: мало дали дак побезжал! Он думает: сразу ему кучу дадут.
- Если бы, бабушка!
- Таня тожо: рылася, рылася, выбирала, выбирала. «Ай, этот-то хороший, хороший!» Аль узнаешь, хороший он или не хороший. Пока свадьбу делают да гуляют, дак он всегда хороший бывает. А потом тежёлые-то когда пойдут дни и увидишь сразу: какой он топерь. И вашим помогать сичас некак: Аню ешо учат.

Беседа о детях

- А у неё и все роботають и Таня выскочила, скорей робёнка надо. Сама-то медик, дак могла бы и подзадержаса годик-два, покамест. Правда, ведь? Робёнок-то успеца. А тут пошло всё на робёнка. Вон у Миши Игорь живёт, так, говорит: «Больно богатое удовольствие ему будет» (смеётся)
- Почему?
- Робёнка, говорит, родить – это больно богато. Ну, много на нево всево пойдёт. И жена родит – пока год не выйдет дак.
- Два года.
- Да, а он сейчас дачу тожо, за мильон землю купил да. Хочет дачу отстраивать да. Они тожо не делают робёнка пока. Я так считаю, што это умность.
- Дак, а бабушка, смотря до какого возраста. Потом, может, уже быть поздно сильно.
- К двадцати пяти родишь – и нормально. Двацать пять, под трицать, двацать семь – вот это родить и нормально будёт и всё. Ну, уш видишь у ково как: хто-то родит в девяти летах... У ково как получаеца. Я вот вышла замуш, ак у меня ошо гот не было. Баушка всё ошо бранила меня: «Кобыла и не носит и робят, кобыла и не носит». Потом как начала с одново-то ей. Как на: кобыла-то!
- (Смеёмся.)

– Сама говорила, штё не носит и робят, ак водись тепере! Ой, Господи, помилуй! Год, паре, не принесла робёнка дак. У меня годы не подошли, штобы рожать было.

– Бабушка, а сколько тебе было лет?

– Я на двацать третьем, наверно, родила. Вышла на двацать первом дак. Первый аборт у меня был, не аборт, а выкидыш. Я работала в лесу, когда с Васькой возили лес. А в лесу очень тяжело грузила, видно, да. А я и не заметила, штё была беременна. Прокопьевна мне: «Вот уш эта тепере тяжолоя-то робота! Не будешь и рожать!» Чиску мне-ка делала она.

– Ну, бабушка, ты потом зато как родила!

– А потом как начала, так у меня хоть упаду, хоть чево и всё, всё равно не выкидыш. А поштё ты бросила скрёпам-то?

– А куда их?

– А вон туда-то выброси.

– Сюда, да?

– Да.

Беседа о жизни близких

– Десять лет! Так эдак! Десять-то лет. Дак вы отдадите сколько?

– Да, ипотека на том и построена. Покупаешь одну квартиру... (перебивая)

– А платишь за две! Вот у нас Марина тожо если купит дак...

– Тоже будет за две платить.

– Мдаа...

– Так вот. На том, бабушка, всё и построено.

– Наверно, остыл ведь чай-от.

– Ничего.

– И прироботвать вам ещё негде, да? Нет?

– А где, бабушка? С восьми до пяти работаем, так, где подрабатывать-то?

– И ты будешь эдак работать дак

– Справимся. Бабушка, мы справимся.

– Те пошлют чево-нинабудь да, да эти пошлют чево-нинабудь. Дак пропитається...

– Бабушка, Марина что-то давно не заходила. Как она?

– Дак у неё свекровка ешо в гостях. Досук ёй? Вот приезжали нарядные, так вчера токо уехала. Да они тожо с ссудой-то связалися дак, да с домом-то да. Валька, вишь, торопит, а ссуду ешо не дают. Дак они ошо...

– Кто торопит?

– Хозяйка-то, которая продаёт-то. Спирина-то Валя на берегу-то. Сыновья приезжают: скитки не делай нисколь больше. Девятьсот пятьдесят тысяч и всё. Этова, не дают скитку делать. Баня, говорит, худенькая, за линолиум зделала писят тысяч скитку. Линолеум худой, так новый надо слать уш. Да они, говорит, оба приехали на выходные. Ошо скодили,

всё погледели: сказали никаких скидок. И нам тожко деньги надо на чё-то. Одному-то как-то сбилися купили, второму покупают дак. Тожко деньги надо.

— А где будет сама жить Спирина?

— Матка умёрла, батько первый умёр. Она в йонный дом перешла, на Советскую улицу. Они уш там и живут давно. Юрка баской дом-то веть строил на Советской. Банька баская, всё баское. Вот она туда и покатила. У них дочка ещё была, невестой умёрла. Болела-то.

— А из-за чего?

— А вот эти-то два парня уехали, в Вологде где-то живут дак. Им надо по квартире, вишь, купить. Теперь веть родителям надо, видишь, помогать, а. Ира у нас вон с Серёжшой выложились все с этой с Катёй, с этой Танёй, с этой Анёй. Все выложились: ни копыа, наверно, ни стало. То одна придумвает одно, то вторая придумвает другое. Ане давали скоко денек на квартиру! Смотри, думали, хоть всё-таки жись будет, а ничево и жизни нетока. Тане свадьбу зделали, да тожко купила ей квартиру однокомнатную. Да мужик-от, Аня говорит: там мисиц поробит, да тут мисьяц поробит-да. Токо с роботы на роботу, говорит. Так десить тысяч только дали дак. Это, может, врёт Тане-то! Таня и просит каждый мисиц у матки денек, а матка бегаёт зарабатывает, батько работает и все им посылают. Кате надо за квартиру там оддать, ну-ко. Эт-та пришла пьяная, с Колей выпили, дак ревьт: «Мама, поштё так-то, поштё так-то?»

О соседке и диабете

— Потом она гоорит... Стала собирать, он несёт книгу: «На! Это, Дмитриевна, читай!» Я гоорю: «Ну, дауай! Мне всё равно чёто-нибудь читать-то надо...»

— А это, бабушка, которой Сани-то?

— К Сане-то хожу я. Ой, у неё так-то, с ним-то посидиш хоть, поговориш, видиш. А эти-то севодня шалят, пацаны-ти. Ой, гоорит, тожко надоело, когда и увидет эта. Шалят все, ходят да, пацанов-то куча-то, да. Наведёт этот парень-от... Это Иркин один, а один Маринкин, с Череповца одна девка-та, восемь класов кончила, кобыла (Бабушка смеётся). Вчера гоорит, сама полы тожко моёт. Я гоорю: «Ак она-то штё?» Она гоорит: «Ну-ко вот, её заставишь штё-то». Она сама, Санька, гоорит, вымыла, выпылесосила всё, да баню истопила, да. Сёдня, гоорит, ходили у нас чё-то из-за света, недоплату какую-то считают, тысячу с лишним ну-ко, недоплата.

— Ничего себе! Как это?

— Я гоорю: «У нас Коля всё плотит. Не знаю, у него, вроде, всё норма..., в порядке. Я гоорю: «Я теперь ничево не знаю». Я гоорю: «Коля за свет, Коля — газ. Вот и всё у нас чё». Я гоорю: «Вон, я буди сколь-нибудь дам денег и всё я гоорю (Молчание). Путь оне сами орудуют (Молчание).

Надо бы окошка выкрасить, вот никак, видишь, никто. Не выкрасили у меня сегогоды летом окошка.

— Мама говорила, что собираются они окна красить.

— С той-то стороны, ведь, можно бы выкрасить и вам бы (смеётся).

Да?

— Да. Краска-то есть?

— Долго ли? Съиздит Коля, привизёт краски-то. Да. Сам хочёт. Не знаю, выкрасят али нет. Как хотят. Им жить, мне доживать.

— Ну, бабушка. Что такое говоришь-то?

— Ак чёво? (молчание). Им будет всё это житьё тут, огород хорошей, всё хорошей...

— Ну, бабушка, не говори так.

— Как не говори-то? Мне-то чёво надо? Ничё не надо: только накормите меня!

— Бабушка, хватит опять ерунду говорить.

— Всё это ладно говорю, никакая не ерунда.

— Ерунда.

— Неет. Вот эта восемьдесят пять годов, ну-ко, живёт Мокиевская-то, сичас сын приехал опеть к ней. Ходят к ней эти, ну-ко ходят, носят воду-то да. Да продукты ходят да. Сын изведывает её тут, да дочка, да. Она живёт всё на заложке, гоорит. Никово не пускает. Пойдёт, гоорит, в огорог парники открывать, так и то на замки всё везде заложит (смеётся).

— Телевизора, может, насмотрелась.

— Не знаю, чиво, она насмотрелась.

— Боится, всякие счас програмы-то по НТВ-то посмотришь так, с ума сойти...

— Ну дык веть. Я вот не гляжу, дак хорошо. А у Саньки всё включён телевизор, всё включён. Я гоорю: «Санька, тут пацаны орут, тут телевизор орёт, у тебя и отдыха нет». А она токо сидит, вытираеца, у её пот градом. Нина, пот градом, это сахар большой, да? Она гоорит: «Двацать пять сахар».

— Бабушка, это плохо.

— Конечно, плохо.

— А чего, ей укол не поставить что ли?

— Ак она гоорит: «Мне-ка токо сказали два раза в день: утром да вечером уколы ставить».

— Так может надо побольше ей ставить?

— Так итак, гоорит, чё-то четырнадцать единиц ставит.

— За один раз?

— Так видно, за один. А ты сколь единиц ставишь?

— Как поела, так и ставлю. То по два, то два, то три.

— Ак тебе как эдак велено, али ты сама это? Сама? Ну-ко...

— Нет, мне сказали...

(Перебивает.)

– Там ведь тебе дали, она гоорит. Мне-ка ведь дали, сначала говорит, десять выписали, ну-ко единицу, потом гоорит, две прибавили, потом еще гоорит две прибавили. «Теперь, – гоорит – четырнадцать ставлю». Я не знаю, какие еденицы-то там бывают.

– Мне как врач научила, так я так и ставлю. Там, ведь, бабушка из расчёта: 1 хлебная единица – 1 кусочек хлеба.

– Ак, ведь, ты али считаёшь хлебные еденицы? Считаёшь?

– Да.

– Ну вот ты чаво поела, хлебных едениц скоко тутока? Яйца, да помидоры да, да блины, да и сгущонка!

– Сгущёнка – это больше, то есть..

– И скоко ты насчитала?

– Блин – это одна хлебная единица, то есть, считай, три хлебных еденицы. Поставила укол.

– Три еденицы ставиш? Интересно... А у них вот эдак, Санька гоорит.

– Сразу четырнадцать – это ведь наедаться надо! Столько ведь не съесть! Не знаю, как она так ставит?

– А Маня Шушкова гоорит тоже болела, но она уже умерла. Тридцать нараз стаила.

– Что-то, бабушка, не то здесь.

– Как она Санька правильно гоорит. Её привезли, она уже всё, это... Потом, гоорит, откололи в больнице. Потом она, видно, выписали из больницы-то её, видно, опеть што-нибудь наелась, ли што ли, ак. По тридцать гоорит, она едениц становила.

– В день-то это одно. Вот, например, поела – сразу поставила укол, и тогда оно нормализуется все. А если сразу тридцать, так это, бабушка надо наестись на тридцать... Я даже не знаю. Один кусочек хлеба, то есть, тридцать кусков хлеба сразу, подряд, чтобы сахар нормализовался. У неё же он упадёт.

– Я не знаю, штё за еденицы, как оне становят...

– Так в кому можно, если так много ставить сразу...

(Бабушка смеётся.)

– Не знаю... Я... Мы чё-то заговорили. Я гоорю: «Нина сёдня смиряла у меня днём четырнадцать и три. Миша гоорит: «У неё двадцать пять», гоорит. Вот она сидит и всё вытирает и вчера была эдак, сидит и всё вытирает.

– Ей надо двигаться.

– У её всё слушай потом, всё потом...

– Побежала бы по стадиону – пять кругов! Сразу бы десять...

(Бабушка перебивает.)

– Ак у её ноги болят. Ходила, гоорит, сёдня в Энерго-то, далёко ведь. Так пешком ходили, гоорит. Посылала его (мужа), гоорит, не идёт один дак. Коё-как, гоорит, сходила, у её нога болит тоже этак. Вот и сидит тутока на диване. Я пришла, посидили малёнешко с ней.

– Надо что-нибудь делать, бабушка, чтоб не повторялось: либо физические упражнения, либо зарядку какую-нибудь, чтобы сахар-то понизить, либо что-нибудь для снижения сахара пить, тот же чай...

– Чиво?

– Чай бывает для снижения сахара. Нормализует, типа, сахар.

(Бабушка зевает.)

– У матки огурцы-то, наверно, в воде ночуют.

– Приедет – будет с папой делать засолки.

– Они и ночью сделают?

– Да, конечно. Они же могут и всю ночь делать.

– Ишь тогда скоко банок-то наделали, ведь, накипятили соков. Ошо с яблокам, гоорит, наделать. А я гоорю: «Ашо этот у миня йись, этот-то я соберала, да и Коля соберал..

(Пытается вспомнить.)

– Крыжовник?

– Да. Ишо-от надо брусники принести, клюквы сё-годы и не принесём. По клюкву далёко, Колю не надо напрягать, и так жалко... Всю дорогу он сам всё везде делает, всё хозяйство, гли-ко он ведёт ведь.

(Молчание.)

– Бабушка, а чем куриц кормят?

– Куриц-то?

– Угу.

– Всем! Хлеба намни – съидят, и картошки намни – съидят, и крупы брось любую... Каша вот останется – они всю съидят, хоть какую кашу...

– Так-то нормально, можно держать.

(Перебивая.)

– Да. Курици... И бумази настризи мелче-мелче – они склюют, и скорлуши яишные клюют, и песку им надо давать, и корма какие вот куриные есь, надо покупать. Всё-всё идят! Курица, веть, что! Токо солёного нельзя курицам.

– Да?

– Соли надо.. Соли токо, если где нахлебаеца и всё – умрёт.

– А где, бабушка, жить они будут? Во дворе?

– Во дворе он хочёт место сделать, тот ряд клеток убрать, видно, хочёт...

– Там где у нас были... свинья, да?

– Нет, в том углу, ну-ко, в том-то углу? Эдак вот...

– Отгородить?

– Отгородить. Гоорит, это, этот купить эти, ну-ко, сетки-то. Сеткой. Отгородит сеткой...

– И петуха...

– А не знаю, петуха ли... Надо ли, не надо...

– А как без петуха-то? Они будут ведь... как плодиться-то?

– Они ведь и так, инкубаторки-то, без петухов.

– Да?

– Три года токо несутся, а тут уж худо будут. Надо всё, через три года опять менять... А три года опять...

– Можно просто с петухом. Если с петухом так будет больше, периодически будут цыпляток выводить.

– Нет, надо. Цыплята? Да нет, цыплят Коля не хочет. Сам будет весной покупать.

– У Жени-то, наверное, шесть куриц и петух или семь куриц...

– Да?

– Да.

– У нас, ведь, возят этта и цыпнят и всех, токо покупай! Паре, вон часто возят, и куриц возят, и останки несушек и всякое написано. Молодых несушечек таких взять, попробовать надо... Писят рублей, гоорит, яички-ти ведь! А мы, гли-ко как едим их, яйца-то. По десять штук нараз ак надо, так писят рублей на день. Дисяток – писят рублей дак, сто писят – ришотка! Это ведь...

(Молчание.)

– Ой, Санька, гоорит: «Божатка сколь всё дорогуцёё-то! – гоорит, – Всё дорогое», – гоорит, – зайду в магазин, ак. Господи! Ничево дишовенькова нет!» Дороговизна (Вздыхает).

– А в какой магазин, бабушка, заходила?

– Не знаю я, в какой, в дорогой какой-то, видно. Чё-то сказали колбаски купили, да ошо чево-то, так пятьсот рублей.

– Так она палку колбасы-то купила?

– Нет, не палку, гоорит, немного колбасы купила, да каши, ну-ко, быстро-то варятся, такие в пакетиках, да гоорит, да ишо чё-то, специев каких-то пакетиков. Вот за это, гоорит, за всё.

– Видимо много купила так-то ведь! Недорогое это всё. Пятьсот рублей.

(Бабушка зевает.)

– Теперь уж, Нина, ты всё, увидешь в субботу, да? Не будешь боле по-лы опять мыть.

(Смеется.)

– Почему? Я там-то тоже мою!

– Там-то, конечно, моёшь.

Беседа о родных братьях и сестрах

– Все выучились, сама с семи-то классам мастёром работала двадцать лет в ройтоне... Это... Раньше с двум классам, с трём классам девки начальникам этим, прецедателями были, да всем да... Раньше умный народ-от был тожо. Теперь-то ошо умней, конечно, учаца долго, так ошо умней. Раньше штё: много ли учились-то... Я то оше много поучилась-то – 7 классов, да у нас Толька тожо 7 кончил. Остальные-то девочки тожо: кто два, кто три, кто чётые. Робить было надо, некогда учица.

– Бабушка, а сколько у вас детей было в семье?

– Детей у нас? Семеро осталось, батька-то убили, так у мамы семеро! Вот, Андрюшка первый. Дунька, Дунька первая, Андрюшка второй. Анна первая-то ошо, Анна, с Дворища. Ну, Анку-то я не помнила, она всегда была замужом. Да и Петя на войне был, в плену был. А потом ушѣ только Дуньку, Дунька была тожо на оборонительных, так ходила дак, простыла вся, так в двадцать три года умѣрла.

– В двадцать три года?

– А? Да. Хоронели, вот помню хоронели, да я ешо маленькая была. Девки да робята да к весне, ошѣ помню, што к весне. Девкой... Даже не почувствовала она женской долюшки. Ну за ним уш Галинка была, Галинку тожо в кадру потом запехали, штобы налогов не платить, так в кад্রে. В кад্রে тожо попѣрешным пилам пилили оне, да лучковым да всяким, чурку. В машины, в машины пилили. Ходили на чурку, ну-ко, на машину пилили. Там, в Дунилове, там, в Дунилове уж и вышла за Бориса-то. Да, и Манька работала в лесу, Андрюшка потом работал на базе. Потом нашол Нюру и женился на ѣй, видишь, на Нюре-то. У Нюры троѣ девочек, пережили его, а он ушол молодой, тожо штѣ-то с сердцем у нево. Вина выпил, да эдак вот лёк и уснул, всё. Дунька умѣрла, потом Андрюшка умѣр, потом у нас кто... Маня тожо своѣй жизнью, Галина тожо умѣрла. У Галины асма была, асма, в трупку какую-то дышала всё. Тожо уш на пенсии была, шисят четыре года! Галина умѣрла, шесят четыре года Маня умѣрла!

Беседа на бытовые темы

– Всё, слушай, хоть бы штѣ, слушай! До чего хитрая! Я гоорю: «Ах, ты, хитруша ты эдакая! Потом Коля поймал, посадили во вторую клетку, всё равно выгрызла дыру, опять улезла, выскочила. Вот такая кролиха была у нас! Али записываешь всё?

– Нет.

– На штѣ, эдакое-то хоть не записвай ничѣ. Да, Нинуша пойдѣт на роботу опять. Ты-то пока на ту роботу-то пойдѣшь?

– Дак да. Куда мне счас-то идти?

– Да, эту пока не теряй, пока не найдѣшь хорошую работу ак.

– Не знаю, бабушка. Я же ещѣ не меняла работу-то дак...

(Бабушка зевает.)

– Мне на полгода нужно такую, чтобы она с учёбой сочеталась. А потом у меня учёбы не будет, будет только диссертация. Мне как бы полгода нужно отучиться, диссертация в конце, летом. И всё, учёба закончится.

– А сейчас-то у тебя неполный день?

– Полный.

– Полный?

– Ну, в смысле, не обязательно, чтобы сочеталась с учёбой. А сейчас нужно, чтобы и с учёбой можно было как-то сочетать.

(Молчание.)

– Аня там прибирается: моет раздевалку, а я всё вымыла да ушла.

(Молчание.)

- *Обуви-то слишком много у вас там в раздевалке. Куча целая.*
(Молчание.)
- *А лопоти-то? Стирать и не перестирать? Сколько вы бросаете лопоти?*
- В машине постирать, так что?
- *Штё в машине так? Эстолько... Она не может, глико, перестирать её всю.*
- Так, если она не перестирывает, так я с собой увезу, там постираю. Мне, бабушка, не сложно. Мы часто с Женей стираем одежду.
- *Часто?*
- Да. Он футболку поносит, весь вспотеет, так её что, опять носить что ли? Летом жарко дак. Футболки так: одна футболка в день.
- *Много у ево-то лопоти? Не покупаете белья-то?*
- Покупаем, бывает. Ему надо футболку: так сходили, купили. Так а что, без неё ходить что ли? Как и все, в принципе.
- *Ммм.. Он-то получил за отпускныйи-ти?*
- Что?
- *Отпускных-то получил он-то?*
- Нет, пока.
- *Нет ещё? Не дали?*
- Не знаю. Ещё сам ждёт. Что-нибудь дадут: либо зарплату, либо отпускные. Всё равно должны зарплату дать.
- *Ак у их дают ретко, али нормально дают деньги-ти?*
- Деньги ему нормально платят. У него двадцать пятого и десятого. А у меня было пятого, потом двадцатого и двадцать пятого – стипендия.
- *Видишь вот.*
- У меня три раза в месяц деньги. Но по чуть-чуть, ну когда как. Сейчас-то вот нормально. Я не жалуюсь. Всего хватает.
- *Дорогие кросовки-ти купили?*
- Жене-то? за пятьсот рублей.
- *За пятьсот?*
- Бабушка, видишь тут: либо простые покупать, либо кожаные, но дорогие. А кожаных в Никольске так нет. Кожаные, которые за восемьсот, за тысячу, так лучше в Вологде такие надолго купить. Он купил себе за пятьсот, так в принципе, год отходит, наверное. Он покупал себе рабочие кроссовки за пятьсот рублей, год отходил, а сейчас уже разваливаются. Посмотрим, насколько хватит. Купим ещё, если надо будет. Эти ему нравятся, так пусть ходит довольный.
- *Ну, ну, ну.*
(Молчание. Бабушка зевает.)
- Ничего себе, какая у тебя книга-та!
- *А книга толстая, дня три прочитаю. Если пондравица, ак буду хорошо читать, а если не пондравица – не ахти!*
- Бабушка, а ты про что любишь читать?

– *А я хоть про штё люблю. Хоть про штё люблю. Просто, когда ле-
гош, ну-ко, долго не спицца, возьмёш, прочитаёш, вроде и уснёш.*

– Ты читаешь журнал-то, который выписала?

– *Как же! Читала весь! Два дня – и прочитала весь! От строчки до
строчки!*

– Нравится?

– *Не было интересных. Ты чё тутока надавила ногу-ту? Глико, по-
краснела нога-та.*

– Бабушка, у меня всё время так.

– *Али она у тебя загорело это место-то или штё?*

– Не знаю.

– *Не загорело...*

– Нет, это я счас, сидела вот так вот...

– *Ааа, сидела вот эдак, так глико, и то прям...*

(Молчание.)

– С плотика, вон, бабушка, упала.

– *Аааа (охает), ничево себе!*

– Это мы купались.

– *Ты вся в синяках! Этот прошёл, там опеть возник! (смеётся)*

– Это, бабушка, мы просто купались на речке.

– *Подкатило и упала?*

– Ага.

– *Аааа...*

– С плотика-то.. Залезала на плотик..

– *Ак, не ушиблась так-то шипко-то боле-то?*

– Так нет. Я залезала на плотик. Все-то уже встали. Видимо, сырыми-
то ногами прошлись, а я-то встаю и упала в воду! Так-то, вроде, не так
сильно и больно было, а синяки так...

– *А синяки вышли...*

– Я даже особо и не заметила: думала, поцарапалась чуть-чуть.

– *Тепере уже не купаюца.*

– А мы сегодня пойдём.

– А?

– Сегодня пойдём с Никитой.

– *Севодни?*

– Да.

– *Так август! Теперь конский волос плывёт!*

– Какой конский волос?

– *Ну, говорица, что какой конский волос какой-то. Всё раньше нас
тоже стращали.*

– Так это чего такое-то?

– *Не знаю я чево и сама!*

– Откуда, бабушка, конский волос?

– *Я и сама не знаю. То говорят, штё нельзя купаца. После второго ав-
густа, после Ильина дня нельзя купаца. Написано в численнике.*

- Почему?
- Не знаю вот, почему. Потому штё вода тепере холоднее стала. Но-чи холодные и вода долго нагреваеця.
- Сейчас тёплая вода, на улице жарко.
- Ну так ведь, пока жарко.
- А мы пойдём. Так чего, ещё только? Какое сегодня августа-то, ба-бушка?
- Четвёртое уш.
- Аа, четвёртое.
- Два дня после Ильина дня уже прошло. Завтра уш пятое.
- Сегодня у Серёжи Шиловского день рождения. А у Кати Коноплёвой через два дня: у неё шестого.
- Да? Ты все дни знаешь? А я так все забыла и не знаю!
- Я с детства.
- У Серёжи Шиловского? Никовды у него не бывали, не справляли, наверно.
- Ак он и не справляет.
- Наверно, йиздит опеть дак. Он сам напьеца, дня два-три пропъет и опеть поехал. Чаво ещё ему поить тут ково-то? Свадьбу-ту хоть сдела-ли. Вот так, все зарабатывают деньги, йиздят, видишь. Я ешо и машину у него не видала. Штё и за машина?
- Скания-то? Она такая большая, как КамАЗ.
- Как камаз?
- Ну, она больше КамАЗа. И кузов у неё закрытый.
- Тимурка йиздит с ним. Тимурка, наверно, год скоро с ним йиздит. А у ево на полтора года права отобрали дак.
- У Серёжи-то?
- Да. То он с Тимуром-то и йиздит. Он бы один йиздил. У ево права-то отобрали, дак на постах-то Тимур садица, видишь.
- Они по очереди, да?
- Да, не останавливают где дак. Он знает ведь места-то, так он едет. Сам, а видно где-то надо и Тимура. Он-то без прав, а за рулём-то надо, чтоб права были.
- А если он, бабушка, один будет ездить, а Тимур будет где работать?
- Найдёт ведь работу-ту. Не знаю я уш, где он будет работать. Пока ещё не извесно. Ишь, тоже говорит, Рая говорит, токо приехал, уехал опеть в деревню. Она, Настенька в деревню, там и в баню сводит ево.
- А в какую деревню?
- В Байдарово. Она из Байдарова.
- Я сама-то из Байдарова
- И дорога у меня,
- Подберите-ко товарочки,
- Штобы я не померла.
- Летит, гоорит, кулик и гоорит: «Зоя, дай стоя».
- «Нет, кулик, у тебя велик, а у меня дорошка маленькая» (смеётся)
- Интересные, да?

– Токо мало йиздят людей-то уи...

– Куда, бабушка, мало ездят?

– А?

– Куда мало ездят?

– В деревню-ту, садить-то... Как на дачу только йиздят, там живут-то не живут зимой, а как на дачу йиздят... Вот оне и купили дом-то, хороший дом-то и всё, и баня хорошая, и всё хорошее. Распахали огорог тепере. В спокойной такой деревне... Реки нет. Прут. Есь прут, да колотцы, да всё. А чё река-то? Наштё река-то?

– А вода как у них? Централизованно?

– В колотце. И ис колодца сами накачивают как-то, вот как мы качаем.

– Бабушка, они сами его вырыли, да или нет?

– Был колодѣц выкопан глубокушой у мужика-то. Наверно сколько много слишком колец... И насос там был... И баня всё сделано, и баня такая хорошая, баская. И сараи два баских сделаны. И дом хорошей, отремонтированной... И всево за миллѣн двести...

– Хорошо, бабушка!

– Очень, всё новое, хорошее.

– А огород?

– Мне-ка пондравилось. И спокойно. Токо всё далѣко от центра-то... Далѣко... Кадуй... Далѣко Кадуй... Деревня какая-то, километров шесь, деревня какая-то... И туды вдаль тожко три деревни, аль сколь ли. И всё, больше уи ничево там нет. У них две церкви было раньше... Да, одну-то хотят починьвать, отремонтируют, дак не знаю, починят, али нет. На средства женищина одна собирает на все, ходит, насобирает сколь-нибудь, опеть на церкву кладут сколь-нибудь.

– Бабушка, она далеко от дома-то располагается?

– Церква-та? Блиско совсем.

– Да? Мм...

– Рябин, у всех там рябин полно... Всё рябины, рябины, ягод много...

– Там красиво?

– Сухая деревнюшка такая, только всё дом от дому заросли-то эти большуищие-то, зарастают... Или, видишь, прокашивают где... К дому-то прокосят да всё, дак хорошо. А там-то, где некошоное... Кто, видишь, не живѣт, а кто и не садит... Кто как...

– А у тѣти Люды большой огород?

– Ну, у её напахано дивно там. Хватит насадить-то... У них ходят эти... Как поросят-то зовут?

О беседках

– Бисетки были нормально. Вот придут... Окупили вот эдак (показывает рукой) дом на день, вот например. Я сиводни вечером отпросилась у

бабушки, у какой-нибудь... У её большая изба, ничево в избе нетока. Ну, вот она меня пустила за то, штё я вот ей то вымою полы, то потом чё-нибудь сделаю, заработаю эти-ти деньги. Ну, вот и собираюца парни, девки, собираюца, сидят, пляшут. Весь вечер проводят тутока. Ну, кад-риль попляшут, да кружка попляшут, парни трёпака попляшут...

– Что?

– Трёпака.

– Что это такое?

– Это вдвоём на перепляс... Чуёшь опеть

(Звонит телефон.)

– Телефон. Папе звонят...

О доме

– Хороший дом: это какой?

– Да вот, хороший наш дом.

– А как понять, что он хороший? Почему?

– Свиду хорошо сделано, например. Выкрашен хорошо. Крыша не течёт. И считается хорошей дом.

Об уходе за животными

– Как и сейчас уже, только меньше кормили. Теперь дают много скоту всево. Этих, всево дают, ишь, в завенях каких. А раньше кормили хуже, сами ели хуже, дак и скота худо. Но сено было, трава была, всё веть. А в поило мало чаво клали...

– Бабушка, а были ли люди, которые очень сильно трудились, были передовиками?

– Были.

– А как к ним относились люди другие? Уважали?

– Уважали. Любили тружеников все всегда.

– Бабушка, а было ли такое, чтобы младших по возрасту ставили командовать старшими?

– Я не знаю, вот было ли не было. Если хорошиё да умныё, дак если чи-во и скажут дак, хоть они и моложе, ак послушивали всё-таки.

О сиротах

– Как росли те ребята, у которых на войне погибли родители?

– На деду..

– Деда? Бабушка, а льготы какие-нибудь давали детям, у которых нет родителей?

– А я этова не помню. Льготы...

– Помощь какая-то была от государства дополнительная?

— Аня, не могу ответить. У нас убили отца на войне, мы никакой помощи от государства не получали никогда. И было у мамы семеро детей. А не знаю, как тем детям платили ли не платили. Этова я не могу сказать.

О предпочтениях

— Старинные обряды были, так по-старинному и праздновали.

— А много пили?

— Пили как всегда: кто сколь хочёт. Как и тепере пьют. Кто много хочёт, ак пьёт много, кто мало, ак мало. Всякие, ак люди разные.

— Бабушка, а как соотносились роли мужа и жены в доме? Кто больше зарабатывал? Оба работали?

— Ну, зарабатывал я не знаю: когда, кто больше. Но всё-таки муш всегда был главный... Ой.

— Бабушка, а ты скучаешь, когда вдали от дома находишься?

— Конечно скучаю об своём доме.

— О чём чаще всего думаешь?

— О чём? Думаешь чаще об детях, про детей нельзя забывать, тоскуешь об матери, если мама есь.

— Бабушка, ты каких больше всего любишь животных?

— Коров да телят.

— А кошек?

— Ну и кошки... Я их уважаю, но любить я не люблю.

— А телят и коров каких?

— Каких?

— Спокойных?

— Спокойных, хороших, потому штё я коров кормила да телят кормила, да всех да. Всех я этих животных и люблю.

— Бабушка, а ты любишь рябину?

— Рябина? Не знаю. Мне тепере ничё нельзя ись, ак и рябину...

— А дерево нравится: рябина?

— Дерево как дерево. Ягоды на нём вешаются и баскиё. Рябинка и у тово дома рябина есь, посажена, растёт баская.

РАССКАЗЫ О СНАХ

Сон о строящемся доме

Я всё вижу такие сны... Всё роботаю на базе, бутто там у себя в Райтоне. И там у меня всё строим и думаем: « Там дом строим, у пилорамы дом строим с Васькой всё, баской дом. И тут, думаю, сколько домов-то у меня! Три уш дома: здесь дом, на Володарской дом, и на пилораме дом. Когда думаю, всё комнаты баские, отделваем всё. Наверное, к хорошему, стройка всегда к хорошему сница..

Сон о том, как Нина Дмитриевна собирала грибы (1)

А мне снилось, што я в лес ходила по грибы. Я насобирала целую корзину грибов. Баские, красные. Унесла домой. Бутто варю, жарю. И говорю: «Ой, теперь нажарю, наварю и будет полный холодильник грибов. Будем всю зиму грибы есть».

А вот ела грибы или не ела, теперь уж не помню. Красные грибы, баские – так к хорошему.

Сон о том, как Нина Дмитриевна собирала грибы (2)

Вот. Я уснула, и вижу, што пошла в лес: берёзы, сосенки, маслята. И всё красные головки. Баские. Набрала полную корзину. И стала возвращатца домой, с корзиной, с этой. Не знаю, уж, варила, иль, не варила... Вот этого не знаю... Наверное, к хорошему, грибы дак, красноголовики.

Сон об умерших детях

На всю жизнь запомню... Очень он интересный... Мама три дня перемирала... И увидела сон такой. Бутто, как она на том свете, ходит и видела своево мужа, бутто он сидит, читает книгу... И потом говорит, бутто идёт, а поляна баская, а на ней ребятишки бегают... Много ребятишек, ну-ко они умирают, дак тоже там... Вот я, говорит, подхожу и говорю: «Нет ли моих-то ребят у меня?». А у неё, ведь, умерло тоже два ребёнка, маленьких... А её заведущая говорит, в белом халате: «А вон, там тоже поляна, там тоже бегают».

На этой моих нетока, пошла дальше. Иду, говорит, на вторую поляну. Ой, говорит, вот, кто, говорит, одет, в носочки одни, либо в тряпочки другие... Ну-ко раньше в тряпочки закутвали. Они все, говорит, и разломатились, штучки-то. А кто, говорит, в ботиночках, тот в ботиночках и бегают. Я, говорит, взяла своих ребятишек: одново на одну руку, другая на другую. И пошла. Как только, говорит, первые двери прошла, вторые двери, говорит, стала проходить. Они, говорит, у меня голупкам зделались. И улетели. Оба. Осталася одна, проснулась. Замечательный сон. Голубям нужно всё бросать. Это дети наши маленькие. Выкидыши делают, аборты делают. Голупки – это эти-вот, всё. Хороший сон.

Сон о лесорубе

Вот всё гадали, да гадали: то кольцо пехнем, то это пехнем. Вдруг суженый к нам придёт. И вот. Я хожу, бутто, в лесу. И с ёлки какой-то звук. Я остановилась, смотрю на ёлку. Вот, тоже не забыть ево в век. И вдруг с ёлки спускаеца молодой юноша. Во всём чёрном, в костюме. В пиджачке, красивый такой, хорошенький. «Ну,— говорит, — я твоя судьба». А я испугалась и говорю: «Так как это? С ёлки-то?» А он мне: «У ме-

ня в лесу дом». Ну, што? Вышла за рабочего, за лесоруба. Видишь, сон-то какой. Тоже хороший сон, не забываю никогда.

Сон о маме и брате

А на днях я маму видела. Идём мы от Жиганихи-то. Только выходим: мама располагаеца на кушетке. Кушетка на улице. И мама лежит. Я говорю: «Мама, ты пошто тут-то лежишь? Пошли домой-то!» Она кушетку забирает, я, бутто, тюфяк забираю. А Вася встречает и говорит: «Ой, Дмитриевна, проходи, проходи!» Мама осталась на улице и Вася на улице. А я одна дома. А назавтра брат умер. Это меня-то в дом пустили, а мама и Вася там остались. А назавтра Толька умер. Сон в руку оказался.

Сон о Маньке-Жиганихе

Когда Манька-Жиганиха умерла, мы поговорили с Валею Рыковановой. Она мне говорит: «Дмитревна, ты чула, у нас соседка-то умерла?» Я: «Нет». Она: «Севодня привезли из больницы...» Я: «Ну, так завтра я пойду схожу..» Она говорит: «Я тожже завтра...»

А я, лежу, мне и видится она: «Што, говорит, ко мне не идёшь-то? Жалко денег положить?» Я говорю: «Как? Я пойду завтра к тебе...» Она всегда мне снилась, если у неё в семье кто-то умирает...

Сон о маленьком ребёнке

Мне приснился севодня во сне больной маленький ребёнок, ещё младенец совсем. Бутто, Ира ево кормит грудью, а он не ест совсем. Причём ребёнок-то не Ирин, а незнакомый какой-то. Тихий, непонятный, не плакал совсем. Я, бутто, говорю ещё: «Больной ребёнок-то совсем...» Вот. Такой мне севодня сон приснился. Я про детей в соннике всегда смотрю. Дети – это радость. Грудной ребёнок – удивление. А вот, чужой, так сплетни какие-то...

Сон о роковом звонке

Вбегают и говорят: «Дмитревна, тебя к телефону!» А я: «А кто, ба-словесь?» А звонили к Жигановым, к Рыковановым раньше звонили-то... Я бежу к ней на телефон. Я прихожу. «Нина Дмитриевна?...» Я говорю: «Да». – «Это с Пермаса, с почты говорят...» Я: «А чево надо-то?» Мне: «А у тебя брат умер...» Я: «Как умер? Толька-то? Как брат-то должен умереть, он здоровый и никто никогда не говорил, што он болеет?» Мне: «А ево машина сбила... Дорогой... И до смерти...» Я иду домой-то, Витя и бежит. А сон оказался правдивым...

Я тоже видела детей. Будто в садик прихожу, ребёнка какова-то привожу, а какого ребёнка я не знаю, не нашего. Веду девочку. Маленькую. А столь тутюка ребятёшек бегало. И столы. Идёт эта, ну-ко, в белом-то халате. На один стол вывальвует кучу преников, на второй кучу калачей, а на третий кучу конфеток. Я говорю: «А пошто это эдак ребят кормят?» Один идёт – одно берёт, другой идёт – другое берёт. А потом будто ребёнка-то взяла и мы пошли, по Красной всё и шли.

Список диалектных слов, зафиксированных в речи информанта

Ак 'так' [КСВГ]

Баской 'красивый' [СВГ 1: 22]

Беседка 'вечернее будничное собрание молодёжи' [СВГ 1: 30]

Божатка 'крёстная мать, крёстный отец' [СВГ 1: 35]

Буди 'если' [СВГ 1: 48]

Волос 'по суеверным представлениям – мифологическое существо, живущее в воде' [КСВГ]

Выложиться 'отдать последнее' [КСВГ]

Выпрятать 'очистить хлев от навоза' [СВГ 1: 97]

Густить 'способствовать сгущению' [КСВГ]

Дровина 'бревно, полено' [СВГ 2: 56]

Жнилка 'орудие для срезания колосьев, жатка' [КСВГ]

Загородка 'выделенное в хлеву помещение для мелкого скота, птицы' [СВГ 2: 110]

Загуцать 'становиться густым, густеть' [КСВГ]

Заложить 'закрыть дом на засов, задвижку' [СВГ 2: 129]

Заложка 'замок, запор, задвижка' [СВГ 2: 129]

Заложня 'верхушка стога' [КСВГ]

Заскребать 'сгребать сено во время сушки' [СВГ 2: 149]

Заскрёбши 'последний ребёнок у матери, обычно многодетной' [СВГ 2: 149]

Застегнуть 'лишить жизни, убить' [СВГ 2: 152]

Затюкаться 'устать, утормиться от работы, заработать' [КСВГ]

Зухать 'крикнуть, позвать криком' [СВГ 2: 179]

Зыбка 'колыбель, люлька' [СВГ 2: 180]

Изведать 'проведать, навестить' [СВГ 3: 7]

Истолчи 'изуродовать, исколоть рогами' [КСВГ]

Истопник 'истопник' [КСВГ]

Кадра 'лесопункт, леспромхоз' [СВГ 3: 30]

Картовка 'картофель' [СВГ 3: 41]

Козлуха 'коза' [СВГ 3: 77]
Кролиха 'крольчиха' [КСВГ]
Кутузье 'завязанные в узлы вещи, одежда' [КСВГ]
Лино 'даже' [СВГ 4: 40]
Лопоть 'одежда' [СВГ 4: 31; КСВГ]
Молодица 'женщина, недавно вышедшая замуж' [СВГ 4: 88]
Наймовать 'нанимать' [СВГ 5: 41]
Насмелиться 'осмелиться' [КСВГ]
Наштё 'зачем, с какой целью' [СВГ 5: 84]
Нетока 'нет' [СВГ 5: 106]
Обрядаться 'совершать ежедневный круг работ по дому' [СВГ 6: 9]
Оболочка, оболочечка 'одежда' [СВГ 5: 126]
Окупать 'оплачивать, покупать' [СВГ 6: 49]
Отробить 'отработать' [СВГ 6: 99]
Паре 'обращение к женщине, мужчине' [СВГ 7: 7; КСВГ]
Поперёшка 'двуручная пила' [КСВГ]
Поштё 'почему, по какой причине' [СВГ 8: 27]
Проробить 'проработать' [СВГ 8: 92]
Простокиша 'закисшее молоко, простокваша' [СВГ 8: 96]
Ребятёшка 'дети, ребята' [СВГ 9: 49; КСВГ]
Робить 'работать, трудиться' [СВГ 9: 57]
Севгоды 'в этом году' [СВГ 9: 141]
Скорлуша 'яичная скорлупа' [СВГ 10: 28]
Тамока 'там' [СВГ 11: 7]
Теметь 'темнота' [СВГ 11: 13]
Тутока 'здесь, тут' [СВГ 11: 78]
Угор 'возвышенность, холм' [СВГ 11: 103]
Уписать 'зарегистрировать брак, расписаться' [СВГ 11: 131]
Численник 'отрывной календарь' [КСВГ]
Эво, эвона 'здесь, тут' [СВГ 12: 119]
Эдакий 'такой' [СВГ 12: 120]
Ягодники 'сборщики ягод' [СВГ 12: 129]

ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Традиционная народная культура складывалась на протяжении веков и формировала менталитет русского народа. Поскольку культура передается через язык, то именно народная речь явилась главным выразителем и хранителем традиционной культуры, а существующие в ней культурные и духовные константы считаются эталонными, первичными для всей русской культуры.

Наряду с традиционной культурой и, можно сказать, на её основе развивались элитарная, обыденная и массовая культуры, каждая из которых имеет свой набор видов и способов коммуникации – дискурсивных практик. В элитарной культуре это литература, коммуникация же осуществляется через художественный текст посредством создания художественного образа. В обыденной культуре это повседневное общение в сфере частной жизни (бытовое общение, письма). В массовой культуре это средства массовой информации (печать, радио, телевидение, интернет-ресурсы) и массового воздействия (реклама, кино и др.).

С течением времени элементы традиционной народной речевой культуры начинают использоваться другими видами культур для решения собственных коммуникативных задач и претерпевают ряд изменений. Так, в бытовой речи создаются условия формирования новых лексических единиц под влиянием различных функционально-семантических процессов. В бытовой же речи XVII–XVIII вв. мы обнаруживаем, с одной стороны, соответствие традиционным народным идеалам любви и верности (например, в письмах Петра Лызлова), с другой же стороны, отклонение от этих идеалов (например, письма Арефы Малевинского). В литературе, особенно региональной, традиционная народная культура и её речевое воплощение становятся основой создания образов персонажей и поводом к размышлению о судьбах русской деревни (например, произведения вологодского писателя и поэта А.Я. Яшина). В местных средствах массовой информации, в сфере региональной рекламы и туризма традиционная народная речевая культура становится формальным маркером «подлинной» народности, хотя многие медиатексты обнаруживают присутствие «развесистой клюквы» (например, сценарии современных «народных» праздников или реклама вологодского Деда Мороза).

В методологическом отношении представленные ниже материалы продолжают заданные в первой главе монографии аспекты исследования. Этнолингвистический аспект изучения вологодской народно-бытовой речи представлен в работе И.Е. Колесовой. Лингвоперсонологический аспект реализуется на историческом материале в работе А.В. Загуменного, который сопоставляет две исторические языковые личности – Петра Лызлова (XVIII в.) и Арефы Малевинского (XVII в.) – сквозь призму их частной

переписки. Виртуальная языковая личность исследуется в работе Н.Н. Зубовой и Е.Н. Ильиной на материале персонажного уровня произведений А.Я. Яшина. Лингвокультурологический аспект изучения современных региональных медиатекстов и текстов туристического дискурса представлен в ходе анализа вербального сопровождения проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» (С.А. Громыко, Ю.Н. Драчёва).

2.1. Две языковые личности Вологодчины (на материале частной переписки XVII – XVIII веков)

Представим, что читатель этой книги оказался участником обсуждения одной существенной проблемы. Кто-то начал: «Любой носитель того или иного языка» [Русский язык 1997: 671]. «...Обладает родовой способностью быть языковой личностью, но каждый индивид ещё должен стать ею» [Богин 1984: 1–2], – заявил о своей позиции другой. «...Нужно погрузиться во внутрь самого дѣйствія, нужно психологическое, такъ сказать, изслѣдование» [Аксаков 1875: 417], – предложил третий. «Каждое лицо ... есть нечто вполне замкнутое, в котором нет ничего, кроме произведѣнного им самостоятельно» [Потебня 1999: 226], – степенно произнёс четвёртый. Разумеется, в этом есть момент своеобразной игры, мыслительного эксперимента, если хотите. Важно было показать, что сумма взглядов на соотношение языка и индивидуума привела к вычленению специальной дисциплины – теории языковой личности, которая иногда именуется «лингвистической персонологией» или «лингвоперсонологией». На этом мы покидаем поле игровой деятельности, переходя в область моделирования объектов другого рода.

Среди специалистов-филологов может возникнуть резонный вопрос в духе методологии Ф. де Соссюра: «Если книга посвящена *речи* вологодской земли, то можно ли говорить о *языковой* личности, и является ли она таковой, исходя из материала для анализа, названия книги, целей и установок авторов?» Современная *культура* мышления, *корни* которой можно обнаружить, в частности, в *почве* работ по философии науки (Т. Кун, П. Фейерабенд, К. Поппер и другие), достигла того уровня развития, когда становится очевидно, что даже на приведённое выше высказывание нельзя дать ни утвердительного, ни отрицательного универсального ответа. С другой стороны, мы можем обозначить, довольно примитивно и грубо, рамки подходов, по параметрам которых будет решаться эта проблема.

Строгая речевая центрация (направленность). Текст есть речевое произведение, фиксация («запись») проговариваемого человеком материала. При анализе такого источника значение есть употребление (Л. Витгенштейн) его составляющих «здесь и сейчас», хотя преобладает организация высказывания, соотносимая с некоторой ситуацией его употребления. Производство смысла может быть затруднительно для участников общения

при попытке оставаться в рамках одной темы. Культурный и индивидуальный опыт автора *отражён* в тексте. Возможна подмена исследования личности описанием диалекта / социолекта. При таком подходе исследователь может считать, что изучению подвергается *речевая личность*.

Умеренная речевая центрация (направленность). Здесь «...под текстом необходимо понимать не фиксированную на бумаге устную речь, ... а особую разновидность речетворчества, имеющую свои параметры, отличные от параметров устной речи. [Гальперин 2006: 18]. Усложнение значения, учёт «языковых игр» и *внешнего* механизма наращения смысла. Культурный и индивидуальный опыт автора *отображён* в тексте. Личность признаётся *речевой*, но параметры её выделения и описания усложняются [Пузырев 2002; Иванцова 2010; Лебедева, Корюкина 2013].

Умеренная языковая центрация (направленность). Здесь текст может пониматься и как речевое произведение (продукт, «эргон» по В. фон Гумбольдту), и как разновидность речетворчества (деятельность, «энергейя» по В. фон Гумбольдту). Учитываются и элементы речи, и элементы языка. Значение как план выражения знаковых последовательностей, дуализм смысла (учитывается и поле коммуникации, и субъективная сфера). Культурный и индивидуальный опыт автора *отображён* в тексте. При таком подходе исследователь может считать, что изучению подвергается *языковая личность* [Богин 2009; Караулов 2010].

Строгая языковая центрация (направленность). Текст рассматривается как совокупность единиц языковой системы (предложений, сложного синтаксического целого и т. д.). Значение зафиксировано в словарях определённой эпохи, вопрос о механизмах производства смысла может не ставиться. Культурный и индивидуальный опыт автора *отражён* в тексте. Возможна подмена исследования личности описанием системы литературного языка в академических традициях. Психический и культурный фоны постулируются, но не учитываются в ходе работы. Строго соблюдается граница «чистой лингвистики». При таком подходе исследователь также может настаивать на том, что изучению подвергается *языковая личность*.

Параметры каждой позиции могут углубляться различием / неразличием форм коммуникации (письменная, устная), глубиной жанрово-стилистической дифференциации материала. Как можно заметить, логика обозначенных выше подходов строится на переходе от крайнего эмпиризма, анализе сугубо внешнего вербального (словесного) потока, к максимальной теоретизации и отрыву от звучащей речи на границе с философией по уровню абстракции (отвлечённости). Объединяет полюса то, что параметры первой (внешняя направленность – «игнорирование кодифицированной системы литературного языка») и четвёртой (внутренняя направленность – «игнорирование стихийной, несистемной речи») позиций в одинаковой мере могут как бы «растворить» объект лингвоперсонологии. Важно отметить, что исследователи не скованы каждым из четырёх подходов, и эти рамки (повторим – весьма грубо очерченные!) возможно творчески преобразовать за счёт привлечения других дисциплин как из гумани-

тарной (культурология, социология, философия и другие), так и из естественнонаучной (общая теория систем, теория информации, биология и нейронаука) сфер знания.

Впрочем, подойти к решению вопроса в духе методологии Ф. де Соссюра можно и другим путём. «В лингвистике объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создаёт самый объект; вместе с тем ничто не говорит нам о том, какой из этих способов рассмотрения данного факта является первичным или более совершенным по сравнению с другими» [Соссюр 2004: 46]. Методология задаёт параметры изучаемого объекта, отсюда уже непосредственная связь с тем, как мы понимаем автора – языковая личность или речевая – исходя из приведённой цитаты, очевидно, что на заре, по крайней мере, структурной лингвистики не было и не могло быть приоритета в схемах и исследовательских тактиках. Схоластические споры о точности терминологии не имеют ценности, ведь С.О. Карцевским, современником Ф. де Соссюра, в работе «Об ассиметричном дуализме лингвистического знака» сделано очень верное замечание: «Если бы знаки были неподвижны, и каждый из них выполнял только одну функцию, язык стал бы простым собранием этикеток» [Цит. по: История языкознания 1965: 85]. Дискуссия должна быть не о толковании, а о содержании, не о семантике определений, а о ситуациях, ими раскрываемых. И если снова вернуться к спору о том, является ли личность «языковой» или «речевой», то можно вспомнить о размышлениях Э. Бенвениста, высказанных в работе «Соссюр полвека спустя». Согласно его позиции, «...можно взять в качестве объекта лингвистического анализа какой-нибудь материальный факт, например отрезок высказывания, с которым не связывалось бы никакого значения, и рассматривать его как простой результат функционирования речевого аппарата; можно даже взять изолированный гласный. Но было бы иллюзией полагать, что мы имеем здесь субстанцию: ведь только с помощью операции абстрагирования и обобщения мы и можем вычленить подобный объект изучения. <...> Все аспекты языка, которые мы считаем непосредственно данными, являются результатом бессознательно проделываемых нами логических операций. Осознаем же это» [Бенвенист 1974: 55–56]. Достаточно вспомнить, что тексты сохранившихся памятников древних эпох не всегда были разделены на слова, словосочетания и т. д.; до сих пор в орфографии русского языка большим вопросом остаётся слитное, дефисное и раздельное написание слов, особенно в методике преподавания в школе. Завершить эту часть хотелось бы утверждением, что изучение языковой личности есть подступ к механизмам организации живой звучащей речи.

Состав модели языковой личности

Наше исследование строится на умеренно-языковой центрации (направленности) в русле структурного подхода [Иванцова 2010] лингвоперсонологии. В основу была положена концепция Ю.Н. Караулова, где, со-

гласно его позиции, автор предстаёт как модель со своими составляющими – «уровнями». Эта конструкция должна дать ответ на вопросы: «Как и почему человек пишет то, что он пишет. Имеют ли значение (если да – то какое) умолчания, пропуски, ошибки? Что они дают в качестве сведений об авторе?» Рассмотрим «состав» модели.

Её «нулевой», «низший», **вербально-семантический** уровень представляет собой «лексикон личности; лексикон, понимаемый в широком смысле, включает, по нашим представлениям, и фонд грамматических знаний личности» [Караулов 2010: 238]. Единицами здесь выступают слова, отношения (связи между элементами) на нём – грамматико-парадигматические, семантико-синтаксические, ассоциативные – образуют «вербальную сеть».

«Первый» – это **лингвокогнитивный, тезаурусный** уровень, понимаемый как «“образ мира”, или система знаний о мире» [Караулов 2010: 238]. Единицами здесь являются понятия, идеи, концепты, отношения на нём – образуют иерархически-координативные – это семантические поля, «картина мира».

«Второй», «высший» – это **мотивационный** уровень, понимаемый как «прагматикон личности, т. е. система её целей, мотивов, установок и интенциональностей» [Караулов 2010: 238]. Единицами здесь являются деятельностно-коммуникативные потребности, отношения на нём – сферы общения, коммуникативные ситуации, роли – можно обозначить как «коммуникативная сеть».

Существуют и другие модели, с иным составом, сферой применения (например, «профессиограммы» в психологии). И хотя даже выбранная нами модель уже применялась в исторических исследованиях [Аникин 2004], всё же нужно оговорить, что при анализе материала других эпох требуются иные методы, чем те, которые были использованы Ю.Н. Карауловым (например, ЭВМ как инструмент изучения семантических полей).

«Значащие переживания» в картине мира

Если вербально-семантический уровень модели в плане входящих в его состав единиц относительно прост, то лингвокогнитивный, наоборот, сложен. Когда мы говорим о неких идеальных структурах сознания – понятиях, идеях, концептах – то, что бы мы ни выбрали из этого перечня, это образование «нами понимается, и по пониманию мы его постулируем. Но его объективного анализа мы дать не можем» [Щедровицкий 2004: 101]. Нередко апелляция к высказанному, зафиксированному содержанию, «переведённому вовне», в некоторых моментах может быть необоснованной. Возможно, что всё «объективное» по отношению к индивидууму может таковым считаться только в том случае, если оно есть субъективность другого порядка, отсюда – мысли о коллективной языковой личности, «национальном характере», ментальности. Специалисты в области когнитивной лингвистики разработали систему методов и доказательств [Колесов 2006;

Маслова 2008; Попова, Стернин 2007; Степанов 2004 и др.], используя словарное значение для построения идеальных структур – понятий, идей, концептов, но могли упустить из виду, что толкование слова есть процедура герменевтическая [Байрамукова 2009; Богин 2009 и др.], априори нематериальная. Возможно, в силу становления антропоцентрической парадигмы, «...пока мы не научились ещё аккуратно разделять то, что следует разделять тут всегда и во всём – «значение» и то, что может получить «выражение» *через* значение, и далее – значение и ту предметность, какая означает» [Гуссерль 2009: 51]. И понятия, и идеи, и концепты связаны с семантикой, могут подвергаться осмыслению, дополнению или конструированию на базе личного опыта. Учитывая различие перечисленных выше терминов в зависимости от школы и времени их обсуждения в отечественной филологии, мы будем оперировать более общей по объёму единицей, которую Г.И. Богин обозначил как «*значащее переживание*». Оно является таковым потому, что нами усматривается не «эмоция», не иррациональное «чувство», а *смысл*, опосредованный восприятием знаковой последовательности. Мы не находимся в позиции источника, не впадаем и не испытываем *точно такого же* состояния. Наша точка зрения на происходящее изначально дана в рефлексивной позиции «со стороны», исследователь вычленяет из значащего переживания «концепт», «идею» и «понятие».

В картине мира каждой эпохи есть некие духовные скрепы человеческого существования, одна из них – *любовь*. Системно-языковой материал позволит найти стабильное значение данной лексемы. Согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.», она обладает следующими толкованиями: «1. Любовь, привязанность, благосклонность к кому-л. 2. Склонность, страсти, приверженность к чему-л. 3. Обычно мн. Вечери любви, общие трапезы у древних христиан. 4. Страсть, влечение к лицу другого пола» [СлРЯ XI–XVII 8: 330]. Продолжаем реконструкцию семантического поля. Согласно этому же источнику, *страсть* – это «1. Страдание, мучение. 2. Бедствие, несчастье; испытание <...> 4. Сильное, не управляемое разумом чувство» [СлРЯ XI–XVII 28: 141–142]. Вспомним, что помимо высокой христианской любви апостола Павла существует и вульгарная, площадная, пошлая её форма, переходящая в грех – *похоть*, что означает «1. Желание, стремление, помышление, воля. 2. Любовная страсть, вожделение» [СлРЯ XI–XVII 18: 61]. Семантическое поле грубо очерчено. Любовь (идея, понятие, концепт) сколь абстрактна, столь и сложна не только для объяснения, но и для описания её как некой идеальной структуры в пространстве культуры. И на современном материале, и на историческом исследователи отмечают (с разной степенью глубины анализа), связанность ее с другими значащими переживаниями – Верой и Надеждой (в связи с христианским триединством) [Колесов 2006: 357]. Также прослеживаются пересечения ее с идеальными образованиями типа *Слово, Вера, Воля, Страх, Грех, Грусть, Радость, Жалость, Страсть* [Степанов 2004: 420–424; Колесов 2006: 354–359; Вильмс 1997; Воркачев 2007]. Этот вывод был получен при анализе системно-языкового материала, но совсем иная по-

становка проблемы – в преломлении очерченного поля значений в модели автора писем.

Сбежавший жених

Начать наше исследование мы бы хотели с построения языковой личности Арефы Малевинского. Это подьячий тотемской приказной избы, живший во второй половине XVII века. Его тексты были обнародованы несколько раз и имеют свою скандальную историю появления. В XVII веке, в ходе судебного разбирательства, дьякон М. Федотов приложил письма к материалам дела. Изначально он «...подал жалобу архиепископу Великоустюжскому и Тотемскому Александру на подьячего тотемской приказной избы Арефу Малевинского, обвиняя последнего в нарушении условий сговорной записи» [Паникратова 1962: 364]. Последним документом предполагалось, что Арефа должен был жениться в 1668 году на сестре дьякона – Анне, в противном случае обязуется оплатить 50 рублей в качестве штрафа. Подьячий не ступевался и подал встречную жалобу, обвинив М. Федотова в том, что тот «вымучил» сговорную запись, пригласив ответчика к себе в гости. «Дьякон со своей стороны тоже объясняет, как было дело. Арефа не был приглашён в гости, а пришёл ночью в клеть к сестре его Аннице, где та спала со своей сестрой Федоркой. Федорка, услышав голос Арефы, выбежала из клетки, заперла её и устремилась к дьякону и дьяконице. Те позвали в свидетели соседей и вместе вошли в клеть. Арефа тут же попросил чернил и бумаги, и написал на себя сговорную запись. В подтверждении своих слов дьякон представил письма Арефы, адресованные Аннице» [Паникратова 1962: 365]. В суде неудавшийся жених отказывается от этих посланий, говоря, что рука не его. Чем кончилось само дело – неизвестно, документ сохранился до нашего времени не в полном виде, но тринадцать писем некоего пылкого автора мы всё-таки имеем на начало XXI века.

В печати эти тексты появились только в 1921 году. Тогда пять писем было опубликовано В.Г. Гейманом. В 1938 году отрывок одного из них был приведён В.В. Виноградовым в работе «Очерки по истории русского литературного языка». Наиболее полное издание, на которое мы опираемся, увидело свет в 1962 году благодаря Н.П. Паникратовой. Также, в ограниченном объёме (как часть учебной хрестоматии), они были опубликованы Г.В. Судаковым в 1975 году.

От истории памятника переходим к построению модели. Отметим, что вербально-семантический уровень частично описан был уже В.В. Виноградовым. Мы позволили себе сохранить общий каркас рассуждения, но расширили его примерами, включёнными в специальные скобки (<...>). «Подьячий пишет на мещанском просторечии, окрашенном диалектизмами (например, в фонетике: *и* вместо *ѣ* перед мягкими согласными <ты рание приди [Паникратова 1962: 367]; *ты мнѣ не вириш* [Паникратова 1962: 368]>, ассимиляция *б* следующему *м*: <да не оmani [Паникратова 1962:

366]>» [Виноградов 1982: 53]. Существенным для анализа языковой личности создателя текстов является замечание Н.П. Паникратовой: «...в рукописях Арефы Малевинского нигде не употребляется “ь”, а только “ѣ” (в значениях и “ъ” и “ь”)» [Паникратова 1962: 364]. Правда, цитируемый источник не отображает этот момент в должной мере. К XVII веку процесс падения редуцированных гласных уже завершился. Другой взгляд на это замечание заключается в том, что автор писем мог находиться в ситуации неопределённости орфографической нормы. Иными словами, пишущий помнил, что в этом слове / слоге стоял редуцированный, но отсутствие акустического образа за обозначением могло подталкивать к некорректному выбору форм. В грамматике у автора писем В.В. Виноградов отмечает сравнительную «степень на -яе (<отпиши поскорее [Паникратова, 1962: 367]>) и т. п.; в лексике: чмутам (<что ты вѣрши чмутам [Паникратова, 1962: 368]>); ономнясь – (ономнясь я тебѣ писал [Паникратова, 1962: 368]>), почти совершенно лишенном церковнославянизмов и только отражающем влияние приказного слога (например, в примитивных формах присоединительных сцеплений с помощью союзов а, да (<Да отпиши ко мнѣ да выдѣ [Паникратова, 1962: 367]; Да не емли с собою содому, а как не увидишься... [Там же]>); в употреблении условного союза буде (<а буде ты со мною не увидишься сего вечера, а я не буду тебѣ вѣчно... [Там же]>) и др.)» [Виноградов 1982: 53]. Этими фактами не исчерпывается целиком и полностью вербально-семантический уровень модели автора писем, однако основные границы и черты уже нами обозначены постольку, поскольку позволяет это сам материал.

Письма Арефы Малевинского традиционно принято называть любовными. Логично предположить в языковом сознании их автора наличие значащего переживания, организующего пространство текста. Здесь и любовь-как-страдание: «Не спасибо тебѣ, досѣла ты меня, на всякой час слезами не могу терпит, и вечер на дворѣ был у вас» [Паникратова 1962: 366], и любовь-как-иррациональное чувство: «Уж я головы свои не щажу, был я у Вас ночесь и в ъзбѣ, а у вас никово не было...»; «я бы, хоша скажи, на нож к тебѣ шёл, столь мнѣ легко стало» [Паникратова 1962: 366].

Дальнейший анализ лингвокогнитивного уровня предлагаем осуществить в виде сопряжённых цепочек, которые, в связи с ситуацией общения, отражают те или иные смыслы:

Любовь – Надежда: «Повидайся, серцо мое, да бережно, да отпиши мнѣ я надѣюся и буду... Да выдѣ же, надежда моя» [Паникратова 1962: 366];

Любовь – Страх: «Боюсь я дяди... а как ни есть приду, ты жьди» [там же] – второе письмо [Паникратова 1962: 367];

Любовь – Вера: «а я буду, не оману» – первое письмо, «А я на тебя сердит, что ты словам вериш, а я дно задумал, а про все расскажу тебѣ» – второе письмо; «Спасибо тебѣ, что ты надо мною здѣлала, я приходил, а ты и не вышла, солгала» [Паникратова 1962: 367].

Приведённые выше цепочки помогают раскрыть сложившуюся ситуацию в коммуникации. Арефа по каким-то обстоятельствам не заслужил

доверия Анны. Пылкий влюблённый обвиняет её в обмане ожиданий, ведь девушка не выходит на встречу. Впрочем, иногда письма содержат действительно сомнительные предложения и условия свидания: «*А повидайся со мною одна сего вечера, а не емли с собою никою, дожждись меня в бане, а я к тебѣ на вечер от воеводы приду из гостей рано, а домой не иду спать, а мнѣ говорить много с тобою, а при людях нельзя, да не стану, да послушай, добро будет, да отпиши мнѣ ныне скоряе, я буду, да повидайся, друг мой, нужно мнѣ; ономнясь было ещё хотѣл говорить, да позабыл, а се испугался. А в бане ты окошка затъкни*» [Паникратова 1962: 368]. Здесь уже не видна высокая любовь апостола Павла, но легко просматривается переход к её греховной ипостаси – похоти. Так эмоции, входя в структуру языка как системы, речи – как деятельности, становятся знаками граней психических переживаний, типичных по внешним признакам, индивидуальных по объекту направленности. Движимый к желаемому, автор писем отчётливо фокусирует внимание на воздействующей составляющей, но к ней мы вернёмся чуть позже.

Верный муж

Наш следующий герой – подлинная противоположность Арефе Малевинскому – Пётр Михайлович Лызлов. Его письма хранятся в государственном архиве Вологодской области (фонд 673, № 3) и были опубликованы Г.В. Судаковым в «Хрестоматии по истории вологодских говоров» в 1975 году.

Известно, что Пётр Михайлович Лызлов был вологодским землемером, женатым на Марии Михайловне Лызловой – адресате сохранившихся писем. К сожалению, большей информацией мы не располагаем.

Вербально-семантический уровень языковой личности П.М. Лызлова отличается от такового у Арефы Малевинского. На уровне фонетики наблюдается ассимиляция по звонкости («*Петръ Ивановичъ Золотиловъ зговорилъ*» [Судаков 1975: 63]; «*размежеватся з Грязневицкой округой*» [Судаков 1975: 63], «*всегда уежъжаю помаленьку*» [Судаков 1975: 63]); ассимиляция глухости («*о работе прикажи старатца*» [Судаков 1975: 63], «*привези с собою вотки сладкои*» [Судаков 1975: 64], редукция безударного «о»: «*я севодни начевалъ*» [Судаков 1975: 63], при «*в пятницу к ночи*» [Судаков 1975: 64]. Единичная мена *ѣ* на *и* при использовании пословицы: «*горкому Кузенке горкая и писенка*» [Судаков 1975: 65]. Есть вероятность, что это – воспроизведение «местного колорита», сама же языковая личность эту закономерность (как у Арефы) может не соблюдать.

Обнаруживается сходная сравнительная степень на *-яе*: «*Приезжай душа моя поскоряе домои*» [Судаков 1975: 63], форма глагола в первом лице от *ходить*: «*пойдемъ на межу ходю по лесам и болотам*» [Судаков 1975: 63].

На уровне лексики встречаются заимствования: «*за домашнюю экономию спасибо*» [Судаков 1975: 64], «*два штофа*» [Судаков 1975: 64] «*сахар*

ру фунта три рубашек три чулковъ трои» [Судаков 1975: 64], «табаку курительного» [Судаков 1975: 64], «напрасные репреманты» [Судаков 1975: 64], «от камисиі посланъ репортъ» [Судаков 1975: 64]

На уровне синтаксиса языковая личность Петра Лызлова богаче, чем автора писем к Анне. Хотя цитируемый источник передает тексты в адаптированном виде, их структурные особенности выдают тяготение к использованию конструкций с различными типами связи (приводим письмо полностью): «*Машенька душа моя я севодни начевал в Голупкове а завтре поидемъ на межу ходю по лесам и болотам і от сонца згорели і думаю что нам і до октября не докончатъ прощай матушка до свиданья а как подходить будем до Маслены о том тебе знать дам а какъ поедешь на Маслену возми с собой дюжину пива бутылок о работе прикажи старатца, чтоб не теряли времени я жъ пребуду навсегда верны вашъ Пётръ Лызловъ*» [Судаков 1975: 63]. Эти письма, чаще обыденные по содержанию, также можно назвать любовными. Они начинаются с обращения к адресату (здесь это, в отличие от писем Арефы, уже показатель жанра): «*Машенька душа моя*» [Судаков 1975: 63], «*Машенька милая моя*» [Судаков 1975: 64], и всегда оканчиваются формулой «*навсегда верны ваш Пётр Лызлов*» [Судаков 1975: 63], которая чаще выступает не отдельно функционирующей подписью, а частью последней синтаксической конструкции: «*а приежжай матушка в маленькой каляске я ее с собою возму а тебе отдам четверместную а я пребуду во ожидании тебя всегда верны вашъ Пётръ Лызловъ*» [Судаков 1975: 64].

В индивидуальной картине мире любовь не является доминирующим значащим переживанием в письмах, а ретушировано событийно-бытийным содержанием. Впрочем, отношение к адресату коммуникации показано открыто: «*Приезжай душа моя моя поскорее домои істинно скушно такъ что я лишился і дому*» [Судаков 1975: 63] «*...прощай матушка до свиданья а как подходить будем до Маслены о том тебе дам знать чтоб ты туда приехала*» [Судаков 1975: 63], «*прощай душа моя*» [Судаков 1975: 64], «*Приежжай матушка в маленькой каляске я ее с собою возму а тебе отдам четверместную*» [Судаков 1975: 64]. Это текстуально выраженное чувство заботы о близком человеке, чувство, вероятно, взаимное. Также для тезаурусной организации интерес представляют несколько моментов.

Первый из них: «*Ты матушка приежжай в четверкъ к обеду на беседы привези с собою вотки сладкой два штофа то есть четверть ведра*» [Судаков 1975: 64]. Этот пример интересен тем, что адресанту приходится как бы закрывать лакуну в картине мира адресата. Это не значит, что Мария Лызлова малограмотна, но она могла не получить тех знаний и того образования, которые освоил на службе её муж.

Второй момент: «*...князь на Вологде не бывал да и отехать ему нельзя, я б право с охотой бы ехалъ да не в моей воле что же делат коли горкому Кузенке горкая и писенка*» [Судаков 1975: 65]. Прецедентные тексты входят в лингвокогнитивный уровень, и здесь наблюдаем рациональное и оправданное использование пословиц в ситуации. Ранее мы указывали, что

это – единственный пример мены *ѣ* на *и*. Возможно, что данная языковая личность полушутливо воспроизводит колорит какой-то определённой местности Вологодской земли.

Мотивационный уровень: значащие переживания и понимание

Мысль, что тезаурус является не промежуточным уровнем, а коренным принципом организации всей структуры модели, высказывалась и ранее [Осокина 2010], но при таком подходе сразу встают вопросы о мотивации как части картины мира, о соотношении их составляющих. Если принять *значащее переживание* как системно-мыслительную единицу деятельности языковой личности (линия, предложенная Г.И. Богинным), совмещающую идеальную структуру из лингвокогнитивной сферы и целевую установку текста (и в тексте), то мы получаем возможность выстроить анализ высшей составляющей автора текста по нескольким параметрам. Подчеркнём, что это только подходы к решению поставленной проблемы.

Первый параметр – количество значащих переживаний в тексте и группировка языковых средств. Исходя из имеющегося материала, можно предположить, что чем ниже показатель первых, тем типичнее по способу организация последних. Покажем это на примере писем Арефы Малевинского, вычленив первую и последнюю синтаксическую конструкцию в каждом из 13 писем. «*Повидайся, друг моя, со мною сего вечера, в том же мѣсте, да рание, как ударит полтретья часа ночи <...> Да выдь рание, дожидайся меня – ономнясь вышла поздно – я приду на час сего вечера, да принесу и твоё всё*» [Паникратова 1962: 366]; «*Боюсь я дяди, жид на меня, а как ни есть приду, ты жьди <...> Да бережно приди, не увидял бы никто, и никому не сказывайся, пди, а я буду к тебѣ*» [Паникратова 1962: 366]; «*Спасибо тебѣ, что ты надо мною насмеялась вечер и не вышла, я ждал дольго, доспѣла ты надо мною хорошо <...> Ой, вдишь меня за собою, да выдь не оmani, как не выдешь, вѣк не видаться будет, послушай, выдь, да отпиши скоро, да не прости ту ты, в том мѣсте приди рание, да до меня сти, я приду скро, да отпиши мнѣ*» [Паникратова 1962: 366]; «*Не спасибо тебѣ, доспѣла ты меня, на всякой час слезами не могу терпит, и вечер на дворѣ был у вас <...> Отпиши ко мнѣ поскоряе, я надеюс*» [Паникратова 1962: 366–367]; «*Выдь, друг, надежа моя, на вечер на город за баню, я приду к тебѣ, да выдь одна, а то лишь свяжут тебя <...> Выдь, друг, на город, я приду, да отпиши скоряе, я подожду*» [Паникратова 1962: 366–367]; «*Отпиши скоряе, а токо ты сего вечера не выдешь, я еѣду в волости, и всѣ поѣдут для богомолья, а завтра иные и поѣдут <...> А на сарае у вас спали мать да Ванка, я был, я начался ты тут...*» [Паникратова 1962: 366–367]; «*Спасибо тебѣ, что ты надо мною здѣлала, я приходил, а ты и не вышла, солгала <...> Не жаль было, я бы к тебѣ так и не писал, а т и головы не щажу свои, иду к тебѣ, уш то мнѣ гораздо нужно, и любя ты мнѣ, послушай же вы...*» [Паникратова 1962: 366–367]; «*Ономнясь не было чево после меня? <...> А только не слушаеш, я не буду и вовсе, а послу-*

шаеш, и тебѣ добро и сергу найдем ныне...» [Паникратова 1962: 367–368]; «Повидайся со мною, друг мой, уж мнѣ когда велит бог видатца с тобою, восстал на меня дядя, а только не повидается, мнѣ уж не видатца <...> Да отпиши мнѣ сего ж часу, буде повидается, ты детине напиши, да пришли скоро, а не подается ты, так отпиши, я не надѣюсь» [Паникратова 1962: 368]; «Ономнясь я тебѣ писал, Анна, велѣл выти, а ты и не послушала <...> Ты не отпишеш, я и сам стану достават тебя» [Паникратова 1962: 368]; «Вчерась я к тебѣ писал, чтобы ты вышла, а ты и не вышла, а я приходил. Впрям ныне ты меня водиш в уздѣ <...> Послушай, друг моя, да напиши немного мнѣ, буде будеш, или словом прикажи, я надѣюсь на тебя, приди в чес и отпиши» [Паникратова 1962: 368]; «Повидайся со мною, друг мой, в том же мѣсте, а мне досадно, что ты вѣриши чмутам, ей, уж не мгу жить, увидься, как ни есть, а я буду часу в третьем или в четвертом, да к мнѣ не пиши, я сего вечера буду к тебѣ и бес писма, не могу, ей, быть разве смерть меня с тобою розлучит да гово...» [Паникратова 1962: 368–369]; «Выдь сего вечера, да отпиши мнѣ, а буду, да бережно приди, а письма дьякон видял, мнѣ сказывал. Да выдь ранние, я буду, да отпиши скоро, не бережно живешь, да выдь ранние, да отпиши» [Паникратова 1962: 369]. Обильное использование глаголов в побудительном наклонении, дейксис говорит о том, что автор посланий хоть и колеблется в орфографии, и сцепление частей достаточно примитивно, отказать ему в минимальной риторической подготовке нельзя. Семь из тринадцати писем начинаются с глагола в повелительном наклонении. Оставшиеся пять посланий демонстрируют ситуации от как бы случайного стечения обстоятельств до иронии и прямого обвинения. Эти письма скорее страстные, чем любовные, ближе к *похотливым*, чем рассудочно-серьезные послания Петра Лызлова.

Второй параметр анализа мотивационного уровня – соотнесённость текстовой организации с *типом понимания у адресата*, что позволяет говорить не только о «воздействующей составляющей», но и о «диалоге» двух сознаний. Письма Арефы, группирующие языковые средства около одного значащего переживания, созданы максимально удобоваримо для малограмотной Анны. Она как адресат, исходя из классификации Г.И. Богина, обладает в большей мере *семантизирующим пониманием* – декодированием единиц текста в знаковой функции, т. е. каждый сегмент каждого послания несёт в себе только «значение», без восхождения к личностным и культурным смыслам (примеры представлены выше). Иная ситуация с письмами Петра Лызлова. Ретушированность значащего переживания событийно-бытийным планом, а также иной тип понимания адресата – *когнитивное понимание* (по Г.И. Богину, это освоение содержательности познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание, иными словами – выход на формирование понятий), организуют текст отличным от Арефы образом: «Машенька душа моя Я слава богу здоровь хотя вы ко мне і прислали напрасные реприманты которых я не заслужилъ но я і за оные бла-

годарствую ибо происхождение ихъ ни от чего и на чемъ какъ от любви, мы между свою почти окончили і третью неделю сочиня планы отправились в Вельскъ а оттуда в Вологду в письме дядюшкином приписано ко мне от Марьи Васильевны Лермантовой репремантъ будто я ее позабылъ а я истинно к ней затем не писалъ что считалъ ее в Галече на свадьбе у Черевина; детямъ от меня поклонъ обо мне от камисиі посланъ репортъ в наместническое правление что я заболелъ для того чтобъ свободитца Вятки; князь на Вологде не бывалъ да и отехать ему нельзя, я б право с охотой бы ехалъ да не в моей воле что же делат коли горкому Кузенке горкая и пи-сенка какъ на пожняхъ поуправятца то прикажи в городе ставить кухню между банею і колотцом да и сени вели омшить і зделать в них потолокъ чтоб у очага было тепло, прощай матушка до свиданья а я остаюсь навсегда верны вашъ Петръ Лызловъ» [Судаков 1975: 65]. Получив укоры со стороны адресанта, Пётр Лызлов смягчает ситуацию, не признавая за собой провинности, плавно изменяет понимание источника недовольства – «на-прасные реприманты которыхъ я не заслужилъ но я і за оныя благодарствую ибо происхождение ихъ ни от чего и на чемъ какъ от любви». Далее идёт возвращение к персонально-событийному плану повествования – «...мы между свою почти окончили і третью неделю сочиня планы отправились в Вельск а оттуда в Вологду». Вероятно, по ассоциации сопрягается другая ситуация, где также был укор со стороны адресата: «...в письме дя-дюшкином приписано ко мне от Марьи Васильевны Лермантовой репре-мантъ будто я её позабылъ а я истинно к ней затем не писалъ, что ци-талъ её в Галече на свадьбе у Черевина». Далее снова следует событийно-персональный план с интересным (с позиции семантики) завершением: «прощай матушка до свидания а я остаюсь навсегда верны вашъ Петръ Лызловъ». Использование союза с противопоставлением как бы показывает ситуацию постоянно ускользающего адресата, но сам автор письма не столько статичен, сколько постоянен в данной коммуникативной роли. Череда планов сопровождается постепенным преодолением непонимания, смены точки зрения на произошедшую ситуацию.

Вместо заключения

Возможно, что «любовь, как акт, лишена глагола» (И.А. Бродский) до тех пор, пока не становится предметом рефлексии, отображённой в тексте. Выход на значащее переживание как одной из единиц индивидуальной, персональной картины мира подспудно ставит вопрос об организации на синхроническом срезе разговорной речи. От уровня языковой системы к слоям языкового сознания с образно-знаковыми сгущениями культуры – оборванный путь русской филологии первой трети XX века, который смутно нащупывается совместными усилиями спустя почти семьдесят лет разными гуманитарными дисциплинами.

Учёт морфонологических и лексических особенностей необходим, но в условиях коммуникации вычленять «чистые» фонемы и морфемы без

«контекстного» окружения значит выводить сегмент общения из самой ситуации общения. Отсюда перестройка вербально-семантического уровня модели личности на фонетико-лексические, морфолого-лексические, лексико-синтаксические типы отношений, что позволит сохранить психическое содержание языковых средств.

Литература

- Аксаков К.С. Полное собрание сочинений: в 2-х т. Т. 2. Сочинения филологические. Часть I. – М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1875. – 661 с.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
- Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1984. – 33 с.
- Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
- Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: учебник. – 3-е изд. – М.: Высш. школа, 1982. – 528 с.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А.В. Михайлова; вступ. ст. В.А. Куренного. – М.: Академический Проект, 2009. – 489 с. – (Философские технологии).
- Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1965. – 495 с.
- Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
- Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
- Потебня А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А.М. Сухотина; под ред. Р.И. Шор. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Щедровицкий Г.П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки / Из архива Г.П. Щедровицкого. Т. 7. – М.: Путь. 2004. – 400 с.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 428 с.

Источники

- Паникратова Н.П. Любовные письма подъячего Арефы Малевинского // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); отв. ред. Я.С. Лурье. Т. XVIII. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 366–368.
- Судаков Г.В. Хрестоматия по истории вологодских говоров / Вологод. гос. пед. ин-т. – Вологда: ВГПИ, 1975. – 96 с.

Список сокращений

- РЯ – Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. – М.: Наука (вып. 1–28), Азбуковник (вып. 29), 1975–2011.
- Степанов – Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.

2.2. Диалектная языковая личность в творчестве А.Я. Яшина¹

Изучение феномена языковой личности на материале текстов художественной литературы относится к числу актуальных проблем лингвоперсониологии. Работа с материалом художественного наследия автора позволяет, с одной стороны, описать его самого как языковую личность [Бочкарёва 2012; Ляпон 2010], а с другой стороны, определить авторский эстетический идеал, опираясь на речевые портреты персонажей [Чурилина 2006]. В нашей работе на основе исследования художественной прозы Александра Яшина делается попытка изучения феномена диалектной языковой личности, черты которой, по нашему мнению, реализуются как в речи повествователя, так и в речи персонажей его текстов.

Диалектной языковой личностью учёные называют совокупность проявляемых в языке свойств человека – жителя определённой местности [Иванцова 2002]. Основу для их описания обычно составляют значительные по объёму записи бытовой речи [Тимофеев 1971; Толстова 2007]. На основании их анализа делается вывод о характерных особенностях диалектной языковой личности на всех уровнях её репрезентации: когнитивном, вербально-семантическом и прагматическом [Караулов 2010]. На когнитивном уровне у диалектной языковой личности обнаруживаются локальные особенности восприятия действительности, картины мира. Вербально-семантический уровень определяется тем, что диалектная языковая личность использует локальный вариант национального языка – территориальный диалект во всей совокупности его лингвистических черт. На прагматический уровень диалектной языковой личности влияет реализация её коммуникативных задач преимущественно в сфере устноречевого бытового общения.

Личность и творчество Александра Яковлевича Яшина (1913–1968) неразрывно связаны с Вологодским краем. Здесь началась трудовая деятельность и поэтическая биография писателя. Александр Яшин довольно поздно осознал, что его талант – это, прежде всего, талант прозаика. Всё, что было свойственно поэзии А. Яшина, – лиричность, драматизм, юмор, эпическое начало, народность и стройность языка, естественность диалогов, – стало характерным и для его прозы [Барakov 2007]. Исследуя язык повествователя в прозе Александра Яшина, можно заметить, что наряду с многими признаками креативной языковой личности русского интеллигента здесь отчётливо проявляются локальные черты. На когнитивном уровне об этом свидетельствует репрезентация традиционных ценностей крестьянской культуры, оценка всего происходящего с точки зрения нравственных устоев деревенского социума. На вербально-семантическом уровне обнаруживает себя словесная культура вологодских говоров – местная лексика и фразеология, вкрапления в авторский текст произведений устного народного творче-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (соглашение № 15–04–00364 «Вологодский текст в русской словесности»).

ства. На прагматическом уровне обращает на себя позиция повествователя, который наблюдает за происходящим не с превосходством цивилизованного городского наблюдателя, а с деятельным сочувствием земляка.

Яркий пример сказанного – речь повествователя в повести «Вологодская свадьба» (1962 г.), в которой писатель ломает привычные представления современников о деревне той поры и о пределах реализма и условности при создании характера героя. Авторская идея произведения воплощается здесь в трёх направлениях: отражение старых обычаев на фоне новой деревни, социальная противоречивость современной провинции и поэтика места, любовь к родному краю. Рассмотрим, как авторскую идею репрезентирует речь повествователя в этой повести.

Когнитивный «разлад» обнаруживает оппозиция старого, традиционного, и нового, реализуемая на протяжении всей повести. Эта двойственность восприятия мира находит своё проявление, с одной стороны, в словесных описаниях красот родного края (*«В полях было по-ночному тихо, а когда наши машины врывались в лесную чащу, вся она начинала шуметь и гудеть, наполняясь свистом шин и завыванием моторов. Казалось, что звуки по стволам уходят в звёздное небо»*), обстоятельных толкованиях местных реалий (*«Сладкий пирог – белый, сдобный, круглый, величиной с решето, а то и больше. Сверху на нём всякие завитушки, плетёные узоры из теста и разноцветные монпансье (“лампасея”) да ещё изюм <...> Сладкие пироги на Севере – такое же народное творчество, как резные наличники на окнах, петухи и коньки на крышах, фигурные расписные прясницы и кустарные ткацкие станы, как колокольчики “дар Валдая” под дугой и бубенчики (воркунцы, ширкунцы) на ошейниках у лошадей»*), эмоционально насыщенных характеристиках персонажей (*«Наталья Семёновна увлеклась, распелась, а всё нет-нет да пояснит что-нибудь: так мало, должно быть, верила она, что содержание старинного причета понятно всем нынешним, трясоголовым»*), а с другой стороны, в комментарии утративших смысл обрядовых действий (*«В минуту, когда разговор шёл ещё о птицеферме, дружка Григорий Кириллович, вдруг словно бы спохватившись, вышел из избы. Сейчас он вернулся с живой курицей в руках. Соблюдая какой-то древний языческий обряд, он остановился посреди избы, взял курицу за голову, с силой встряхнул её – и обезглавленная тушка запрыгала по полу, брызгая кровью, теряя перья. Курицу зажарили и со свежей курятиной и пивом обходили гостей. В деревне Сушинове этот обряд до сих пор никому не был известен, и в чём его смысл – никто растолковать не смог, но свежая курятинка всем понравилась»*), меткой характеристике недостатков своих земляков (*«Под конец напился-таки Пётр Петрович. Вероятнее всего, затащил его Николай Иванович по секрету в куть, к матери своей, и та не пожалела самодельного зелья дорогому зятю. Напился молодой князь и начал куражиться. Нашёл где-то каракулевую шапку, нацепил её на ухо и кричит: “Я Чапай! Кто на моём пути? Всем приказываю: долой!”»*).

На протяжении повести повествователь вербально дистанцируется от быта и нравов своих персонажей («Мне, грешному, кажется, что, отправляясь "на города", мои земляки сознательно одеваются похуже, прибедняются, чтобы вернее разжалобить своих "выбившихся в люди" родственников»; «Я, приезжий человек, тоже не был обойдён»; «Совет да любовь вам, дорогие мои земляки!»). Вместе с тем в речи повествователя находят своё выражение традиционные для картины мира северного крестьянина объекты и ценности («А между тем в деревне своей она считалась одной из лучших невест. Почему? Потому ли, что единственная дочка у матери и наследница всего дома? Отчасти, может быть, и поэтому. Но такие невесты в деревне есть и кроме неё. Все они не дорожат своим наследством, стараются бежать из дому, устроиться на какую-либо неколхозную работу, как это сделала и Галя, перебравшись на льнозавод. Нет, достоинства Гали – недородной, нерослой, не сильной – в другом. Она из очень работающего рода, а уважение к такому наследству живёт в крестьянах и поныне. А извечное трудолюбие и непоседливость перешли от дедушек и бабушек к нынешней невесте и стали её главным приданым, которое скрашивало в глазах женихов её низкорослость и неприглядность»).

На вербально-семантическом уровне обращает на себя внимание большое количество локализмов предметно-обиходной и этнографической семантики: «В дни свадьбы наградили меня бесценными подарками дружка Григорий Кириллович и колхозный шофёр Иван Иванович Поповский. Они облазили немало чердаков и поветей и нашли для меня набор литых поддужных колокольчиков да воркуны-бубенцы на кожаном конском ошейнике <...> Подарили мне также резную раскрашенную прясницу столетней, по крайней мере, давности. А к пряснице – плетёную веретенницу с веретёнами. Ещё молотило берёзовое – цеп, валявшийся без надобности почти с начала коллективизации. Удалось мне так же достать два заплочных пестеря из берёзового лыка». При всей активности употребления в речи повествователя диалектных слов можно наблюдать неоднократные попытки дистанцироваться от местных особенностей речи, например, от специфического произношения:

– «Иду это я раз вдоль осеков, гляжу – что-то шевеличча. Вдруг, думаю, заяч? Дай, думаю, стрелю! Стрелил, прихожу – и, верно, заяч.

Добычливого охотника тут же поднимают на смех:

– Бежала овча мимо нашего крыльча да как стукнечча да перевернечча. «Овча, овча, возьми сенча!» А овча не шевеличча. С той поры овча и не ягнечча».

Замечает повествователь и незатейливую бесцеремонность речи своих земляков: об этом свидетельствует, например, его реакция на свадебные приглашения односельчан («Шура, приезжай, Тонька с Венькой безруким уписываются»; «Дуньку Волкову пропивать будем, приезжай, погуляем!») и письмо-приглашение племянницы Гали («Дядя Шура, наша Галя выходит замуж. Жених работает на льнозаводе. Пиво мама спроворила, и всё

будет по-честному, как следно быть. Приезжайте, дядя, обязательно, не откажите в нашей просьбе. Едьте, пожалуйста!" Письмо писала сама невеста, хотя от третьего лица и без подписи. Казалось, от того, буду я на свадьбе или не буду, зависит её дальнейшая судьба»).

При оценке мотивационно-прагматического уровня языковой личности обязательно учитывается фактор адресата. Повествователь, заняв позицию летописца вологодской свадьбы, вполне оправданно предполагает, что многие явления местной жизни будут не вполне понятными постороннему наблюдателю. Проявляется это и в разнообразии способов толкования местных слов («Журавлиха – клюква: старик везёт её кому-то в подарок»; «Галя не стала выше ростом, не стала пригляднее, осанистей или, как здесь говорят, становитей»), и в обстоятельном энциклопедическом описании реалий («Мария Герасимовна поднесла ей полную белую чашку пива, считавшуюся почётной, как в старину братыня. Старушка встала со скамейки, приняла белушку с поклоном, обеими руками, но вытирала не всю: важна была честь!»), и в подробном комментарии местных порядков («В разговор о льнотресте немедленно включились соседи по столу, и давний конфликт вышел наружу. Суть его в следующем. На заводе старое, почти допотопное оборудование, из-за чего при первичной обработке льна получается очень большой, недопустимый по нормам процент отходов. Чтобы не прогореть даже при этом древнем оборудовании и выполнить и перевыполнить производственный план..., работники льнозавода принорились умышленно занижать сортность поступающей тресты»), и во включении местных реалий в широкий культурный контекст: «Леденцы там по своему разнообразию и многоцветности не уступают коктебельским камушкам»; «Вспомнилось: как-то в Москве, на перекрёстке у Ленинской библиотеки, вот на таком же морозе милиционер приложил свисток к губам, а он не засвистел – застыл, должно быть. Дует в него регулировщик и сам смеётся. Тем дело и кончилось: повезло шофёру-нарушителю»; «Я ехал и твердил про себя пушкинские строки: "Колокольчик однозвучный утомительно гремит". До чего же всё-таки не хватает колокольчиков!». Здесь очевидна позиция повествователя как проводника между локальной и общенародной культурой, стремление осмыслить жизнь Русского Севера в контексте национальных представлений о мироустройстве.

Реконструкция черт диалектной языковой личности в ещё большей мере может быть правомерна при анализе речи персонажей Александра Яшина. Создавая многие из своих произведений, писатель рисовал знакомые с детства места, обращался к судьбам и характерам своих земляков. Так, прототипом невесты Гали в «Вологодской свадьбе» стала двоюродная сестра А. Яшина, а в сюжетную основу очерка положен ряд эпизодов из жизни писателя; прообразом главного героя повести «Сирота» стал двоюродный брат Яшина, который не раз обращался к писателю за материальной помощью; источником бытовых и пейзажных зарисовок повести «Высоч-

ка» стали родная деревня писателя Блудново и соседствующая с ней деревня Липово [Яшин 1980].

Весьма значимым для творческой позиции А. Яшина является собирательный образ северной крестьянки. В произведениях писателя он имеет большую нравственную и идейную нагрузку, наделяется удивительной, неброской красотой, которая заметна не сразу, «но без неё жизнь стала бы серой и неудобной» [Рулева 1980]. Обратимся к характеристике некоторых из этих образов, демонстрирующих явные локальные черты.

Нюрка и Елена Ивановна Смолкина (повесть «Выскачка»)

Социальные противоречия северной деревни ярко проявились в образах двух ключевых персонажей повести «Выскачка» – молодой свинарки Нюрки и знаменитой на весь район активистки Елены Ивановны Смолкиной. Их биографии во многом похожи: голодное детство, заставившее рано узнать всю тяжесть крестьянского труда, работа на свиноферме, послужившая причиной внимания к ним местного и более высокого начальства. Вместе с тем автор по-разному представляет в тексте этих персонажей.

Во внешнем облике Нюрки подчёркивается её внутренняя красота, трудолюбие и талант: *«Тоненькая, ловкая, непоседливая, вся в мать, с неисчислимым запасом энергии и выносливости, она всю себя отдавала работе, потому что иначе и не могла, а может, ещё и потому, что ничто другое в жизни пока её не занимало. Она ни в кого ещё не влюблялась, на молодёжные пляски, на беседки не ходила, книги читать не приучилась. В Нюрку тоже никто ещё не влюбился: потому ли, что мала была очень да молода, а может, потому что не было в ней той внешней привлекательности, из-за которой парни влюбляются в девушек с первого взгляда: худенькое костлявое личико, носик острый, рот широк не по лицу, никаких ямочек ни на щеках, ни на подбородке, и волосы жиденькие – либо ещё не успели отрасти, либо такими на всю жизнь останутся. А ту неброскую внутреннюю красоту, которой было у Нюрки с избытком, тот огонёк, который сжигал её всю, не давая даже округлиться хоть немножко, люди замечали не сразу, молодые пареньки тем более. Миловидность кидается в глаза с первого разу, а чтобы разглядеть красоту внутреннюю, доброту и свет души, требуется время да время. У пареньков этого свободного времени не было, как и у Нюрки: все работали со школьной скамьи, все куда-то спешили, даже целовались с девочками по вечерам как-то наспех, торопливо. И Нюрка не унывала от того, что в неё не влюблялись. Ну, не любят, так не любят, экая важность, не до этого сейчас. Ведь сама-то она тоже никого не любит. Когда придёт время да охота – полюбится, и беспокоиться об этом пока не стоит».*

Внешний облик Елены Ивановны Смолкиной обрисован удивлёнными репликами колхозников, пришедших слушать её выступление на собрании: *«Шубу-то разглядела? Кругом мех»; «Шляпку-то видела? С вуалью»; «Вы-*

ставка достижений!» Автор подчёркивает несуразность портрета известной свинарки: *«Шляпка фетровая, с чёрной сеточкой-вуалькой спереди и сзади, костюм из нетолстой серой шерсти, кофточка какая-то модная полупрозрачная, нейлоновая, что ли, и туфли – ничего, не плохие, хоть и не на “шпильках”, но на каблуках вполне женских, не солдатских... По отдельности – хорошие вещи! А все вместе они как-то не увязывались, не согласовывались друг с другом ни в цвете, ни в фасоне, вещь к вещи не подходила. И к ней, к Смолкиной, ничего не подходило, то что называется – к лицу не шло. Костюм на ней не сидел, а висел. Сквозь нейлоновую кофточку просвечивала фиолетовая не то комбинация, не то простая трикотажная майка. Вуалетка на шляпке не вязалась с учрежденческой строгостью пиджака и знаками отличия на нём. В общем, создавалось впечатление, что одежда Смолкиной приобреталась в разное время и по частям, в ларьках, распродающих уценённые товары. Особенно не к месту были серёжки – замысловатые, позолоченные, со сверкающими стекляшками на фольге, броские, как мишурные украшения. Нейлон и мишура! – действительно ни к селу, ни к городу. Потому и сама Смолкина казалась ни городской, ни деревенской».* Вся эта несуразность исходила из того, что активистке Смолкиной приходится заниматься не свойственным для неё делом – ездить по колхозам с выступлениями на производственные темы вместо того, чтобы выращивать свиней.

Исследуя речевые портреты персонажей, также можно обнаружить как черты их сходства, так и концептуальные различия.

На когнитивном уровне обращает на себя внимание активная реализация в речи обоих персонажей концепта <труд>. Работа составляет основу жизни Нюрки, смысл её переживаний: *«Вместе с Нюркой на свиноферме по целому дню возились и Лампия Трёхпалая и даже ленивая Палага – вот уж по правде от зари до зари».* В жизни Елены Ивановны Смолкиной также было много тяжёлого, непосильного труда: *«С детства я впряглась в оглобли в полную силу, по делянке отцу помогала, растила младших братьев и сестёр...»* Но если Нюрка честна перед собой в том, что не любая работа ей под силу, то Смолкина, рассказывая о своей жизни и в порыве откровенности сознаваясь в своей неграмотности (*«А я мало поучилась. Отчим не дал, работать в колхозе надо было. Только два класса и кончила... Не писала я никакой книги. Другие за меня написали, я только деньги получила»*), на колхозном собрании прикрывает свою неграмотность демагогической риторикой: *«Что ж, так и написала! Конечно, не без помощи! Если бы не помощь да не поддержка, чего бы мы с вами все стояли на белом свете?»*

Помощь – также одно из важнейших понятий в сознании каждой из женщин. Для Нюрки это проявление бескорыстной жалости к животным (*«Ты только подумай, мы их поим, кормим, мы за ними ухаживаем, чистим их, всё для них – от нас, на нашем горбу держатся, и вот ведь свиньи: вместо благодарности они же нас и ненавидят, они же нас сожрать ладят... Ну не свиньи ли?»*), к родной земле (*«Земля осиротела, лежит не-*

ухоженная, необласканная, последние соки свои теряет»), к работающим плечом к плечу односельчанам («Молодая безрассудная Нюрка кричала много. Нюрка надеялась, будто криком можно чего-то добиться, кому-то и чему-то помочь»). Поэтому «помощь» председателя Бороздина в карьерном продвижении Нюрка считает предательством по отношению к труду, к односельчанам, к свиньям, ко всему тому, что составляет реальную основу крестьянской жизни:

«Сейчас дам тебе бумагу в зубы, сядешь на подводу – и в район. Только ты пойми меня, Нюра, правильно. В районе передовых людей недостаток, новых выдвигать надо. Тебя обязательно поддержат. Тебя воспитывать будут, с тобой работать начнут, а ты им про свиней про наших, пойми ты это. Всё дадут! Героиней будешь!»

– Вместе будем очки втирать, да?.. – Голосок у пчёлки зазвенел ещё выше, ещё звончей и со злобой. – Свиней кормить надо, а вы меня заведующей хотите поставить. Аль думаете, одним начальником будет больше, так свиньидохнуть перестанут? Мало ещё у нас всяких заведующих?»

В противоположность Нюрке Смолкина, нынешняя роль которой явилась следствием именно такой «помощи», что предлагал Нюрке Бороздин, воспринимает её как необходимое условие своего существования:

«Самоотверженный труд был основой и единственным смыслом всей жизни Елены Ивановны, а направляющие указания руководящих товарищей не давали ей сбиваться с пути.

– Если бы не помощь, если бы не поддержка... – то и дело повторяла Смолкина. – Если бы председатель колхоза вовремя не подбросил кормов, если бы весь колхоз не был повернут лицом... не было бы у меня высоких показателей и не видать бы мне рекордов... как не видать своих ушей».

Вербально-семантическую основу речи центральных персонажей повести «Выскачка» составляет народно-обиходная речь с умеренным вкраплением локализмов: «Ты только подумай, мы их поим, кормим, мы за ними ухаживаем, чистим их, всё для них – от нас, на нашем горбу держатся, и вот ведь свиньи: вместо благодарности они же нас и ненавидят, они же нас сожрать ладят... Ну не свиньи ли?» (Нюрка), «На гумне всю пелёву, всю мякину заматали подчистую, всё скоту на корм шло... Лён обмолотим – весь куколь (кое-где колокольцем зовут), весь куколь – свиньям на еду. Запарить, подсыпать мучкой – лопают да облизываются, да спасибо говорят. А ныне что куда девается?» (Смолкина). Различия можно усмотреть в том, насколько активно и охотно персонажи включают в свою речь официально-деловую лексику, канцеляризмы и штампы ораторской речи. Нюрка прибегает к ним, либо иронизируя над бессмысленностью прикрываемого канцеляризмом бюрократизма и очковтирательства («Набьют кожаные голенища разными бумагами и слоняются от фермы к ферме, ручки в брючки да по совещаниям ездят, опытом делятся. Колхозная интеллигенция!..»), либо включаясь в заданную стилистику диалога («Дела как? – переспросила Нюрка. И, впадая в тон недавно прочитанной смол-

кинской брошюры, ответила: – Трудности у нас есть. Много трудностей»). Смолкина же, напротив, стремится к существованию в этой речевой стихии, видя в этом соответствие возлагаемой на неё миссии: «Трудности, да... Трудности, они у всех есть. Разные... Это трудности роста. Их преодолевать надо... Ну, мы с вами ещё поговорим. И собрание проведём».

Мотивация поступков Нюрки определяется стремлением ко всеобщему благу, к справедливости, к правде: «Как же тут утерпеть, не высказать всё такому известному и почётному человеку, как Елена Ивановна Смолкина? Нет уж, будь что будет. Пускай уж и сор из избы летит, может, чище в избе станет. Да и не такой человек Смолкина, чтобы не разобраться, кто чего хочет – кто добра, а кто корысти. Эх, дойти бы до самой Москвы, как раньше ходоки до Ленина добивались». В противоположность Нюрке Смолкина, уже давно играющая роль активистки и колхозного агитатора и успевшая устать от этой роли, многие из поступков совершает уже по инерции («Елена Ивановна начала читать свою речь. Речь эта была написана, видимо, давно, с расчётом на любой случай, для любой аудитории... опять обратилась к печатному тексту своей речи и стала читать без воодушевления, монотонно, поднимая голову в местах, которые она уже знала наизусть»), вызывая недоумение и протест у слушающих её земляков: «С людьми разговаривать надо, а не по бумажке им читать, если ты сама человек. Время это прошло, когда все по бумажкам читали, того гляди и слушать тебя не станут».

Речевые характеристики убеждают нас в том, что симпатии автора находятся на стороне Нюрки. Не случайно в конце повести, во сне героини, Смолкину постигает справедливое возмездие («Крокодил первый опрокинул перегородку. Клыки его были обнажены... Трещала распарываемая шерстяная материя, звенело золото и серебро на цементном унавоженном полу»). Нюрка дождалась от напарниц справедливого уважения («Никогда прежде Ламтия не называла Нюрку так ласково – Нюрушкой! – и не разговаривала с ней так доверительно, как сейчас»), а Елена Ивановна Смолкина получила её бывшее прозвище – «выскачка».

Матрёна Савельевна (повесть «Слуга народа»)

Главная героиня повести «Слуга народа» – деревенская русская женщина Матрёна Савельевна, приехавшая к сыну в столицу; через её восприятие даётся Яшиным нравственная оценка и событий, и героев.

Матрёна Савельевна всей душой связана с деревней, она часть её: «Только какая уж я городская. Так, горе одно. Сама ехала, а душа всё там, словно для неё паспорта не выдали» [Яшин 2003: 627]. Даже в городе, глядя на дождевые ручейки, бегущие по серому асфальту, она не видит «городского пейзажа», у неё свои мысли: «Дождь этот... не ко времени. Сейчас рожь цветёт, вёдра бы надо, да чтобы ветер не шебаршил сверх меры...» [Яшин 2003: 642]. В однодневном санатории Матрёна Савельевна, в

первую очередь, обратила внимание на родной для неё деревенский запах: «Сеном пахнет» [Яшин 2003: 652]. В речи главной героини активно реализуется концепт <дом>: «Мы дома лаптем щи хлебаем. Это тебе всё будто так и надо, а мне порой кусок в горло не лезет» [Яшин 2003: 663]; «И у нас в деревне, Нина, не все одинаково живут. Есть колхозы хорошие, а есть – так себе» [Яшин 2003: 665]; «Петуха вот слышала.... Поёт полуношник. Хорошо поёт. Дома у меня тоже поёт в этот час. И голоса схожи.... Ну я и заревела» [Яшин 2003: 675]; «А у нас там, Микита, знаешь, как живут?» [Яшин 2003: 676]; «Душа ведь болит, Микита» [Яшин 2003: 676]. В отличие от матери, Никите Петровичу и его жене Алле Сергеевне больше нравилась городская жизнь в Москве, не обременённая сложностями и заботами. Сын стремился доказать матери, что в городе жить лучше, поэтому в его речи преобладают лексемы, раскрывающие значение концепта <город>: *ЗИМ, небоскрёб, гостиница, мой шофёр, гастроном, лифт, столовая, сервант, сервиз, тюр, суфле, бульон с фрикадельками, бланманже, телевизор, магнитофон, патефон, пианино, метро и др.* [Яшин 2003]. В речи Аллы Сергеевны наиболее полно представлены лексические группы, описывающие названия косметических средств (*крем миндальный, спермацетовый, ланолиновый, бархатный; пудры тонкотертые розовые и белые; бутылочка миндального молока*), косметического ухода (*завивка, массаж, маникюр, припарки, распарки, выпарки и проч.*), фасона одежды и обуви (*чехословацкие танкетки*). Продолжительные по времени разговоры по телефону с подругой у Аллы Сергеевны сводились к обсуждению выкроек, выставок заграничных моделей летней одежды и моды на платья, костюмы и халаты. Говоря о скульптурных фигурах и мозаичных панно, Алла Сергеевна употребляла слова *чудо, сказка*, выражение *как в сказке* – и «хвасталась, хвасталась, будто все эти богатства принадлежали ей одной, для неё одной были созданы» [Яшин 2003: 630]. Наконец, в санатории между Аллой Сергеевной и Матрёной Савельевной произошёл конфликт, обнаруживший противоречие ценностей городской и деревенской жизни. Невестка сделала грубое замечание свекрови: «Ну что у тебя за язык, мама: рай, грех, кажись.... А в гостинной ещё креститься стала...» [Яшин 2003: 659]. Решающей стала фраза: «Отвыкай от деревенского, пора!» [Яшин 2003: 659]. Эти слова очень возмутили свекровь, и «произошло неожиданное – тихая Матрёна Савельевна в первый раз огрызнулась» [Яшин 2003: 659]: «А мы в деревне, милая, не языком работаем, руками» [Яшин 2003: 659]. В конце повести, осознав, что Матрёна Савельевна не оценила всей прелести жизни в городе, Никита Петрович обиженно размышлял: «Чего ей здесь не хватает? Одета, обута, питание – дай Бог! И никакой работы, только и дела, что сказки внукам рассказывай с утра до вечера да по ночам у телевизора сиди. Разве можно сравнивать эту жизнь с тамошней, с деревенской? Уж он-то знает, что за сладости там, в её лесных пенатах...» [Яшин 2003: 687]. Исходя из этого, можно сделать вывод о противоречии между ценностями матери и сына. Матрёна Савельевна не сможет долго пребывать в бездействии; тоска по дому, по

родной деревне переполняет её, непонимание городских развлечений и радостей всё чаще заставляет её задуматься о жизни близких ей людей, оставшихся там. Так речевой портрет персонажа помогает нам осмыслить один из наиболее характерных конфликтов «деревенской прозы»: противоречие городского и деревенского жизненного уклада.

Наталья Семёновна
(повесть «Вологодская свадьба»)

Одним из наиболее ярких в речевом отношении является образ исполнительницы свадебных причитаний Натальи Семёновны из повести «Вологодская свадьба». Автор весьма выразительно рисует её портрет (*«вошла в куть эта черноглазая, с тонкими чертами лица, старая, но и сейчас ещё красивая, несогнувшаяся женщина»*), характеризует голос (*«высокий, чистый, не старушечий»*), отмечает особое впечатление, которое она производит на собравшихся (*«гармонист перестал играть, девушки затихли»*; *«казалось, изба стала просторнее, потолок поднялся, а сарафаны да кофты запестрели ещё ярче»*).

Речь Натальи Семёновны весьма интересна в когнитивном отношении. Она демонстрирует хорошее знание народной песенной культуры и уважение к традициям народного пения: *«А чего это вы коротышки поёте? – с упрёком обратилась ко всем Наталья Семёновна. – Надо волокнистые песни петь, нельзя без волокнистых. Поди-ко и красоту не справляли, что за свадьба такая? Позвали бы меня вчера, я ведь и красоту всю помню. Раньше мне Митиха Лискина – вот уж причитальница-то была! – скажет, бывало: “Садись-ко, Наташка, возле, у тебя голос вольной, учись!” И я с её голоса, ещё девчонкой, все волокнистые, протяжные песни запомнила. Памятью меня бог не обидел. Сколько своих девок после замуж отдавала, ни много ни мало шесть дочерей в люди вывела – как причеты не запомнить!»* Отличительной чертой личности Натальи Семёновны можно назвать чувство собственного достоинства, проявление уважения к себе, к людям и к своему делу: *«Пела она неторопливо, старательно, без робости: просто делала нужное людям дело, из-за чего же тут робеть?»*; *«старушка встала со скамейки, приняла белушку с поклоном, обеими руками, но выпила не всю: важна была честь! Затем тщательно вытерла губы и снова запела»*. Она не оставляет без внимания бесчинства дружки и жениха во время свадьбы (*«О, господи! – ужаснулась испуганная Наталья Семёновна. – Ещё не мужик, а уж форс задаёт. Что потом-то будет?»*). Твёрдость нравственной позиции народной исполнительницы вызывают у односельчан ответное уважение (*«Брось обижать старуху! – вступился за Наталью Семёновну Лёнька. – Наговоры одни, да ещё заглазно ... Худославие одно»*).

На вербально-семантическом уровне обращают на себя внимание не столько наличие разговорно-бытовых локализмов в речи персонажа (*«догоняла самоукой»*), сколько богатство и разнообразие в проявлении народ-

но-поэтической речевой культуры: лексико-фразеологическое («невеста дары раздаёт и просит благословенья у отца с матерью, которое “из сина моря вынесет, из тёмна лесу выведет, и от ветру – застиньце, и от дождя – притульце, от людей – оборонушка”») и интонационное богатство («Колокольчики сбрякали, да сердечико дрогнуло. И да сердечико дрогнуло, ретивое придрогнуло. И ретивое придрогнуло, да не ве-ошня вода») свадебных причитаний, шуточных песен подружек невесты («У вас сваха-то княжая, она три года не пряла, она три года не ткала, всё на дары надеялась»; «Что у дружки у нашего ещё ноги лучинные, ещё ноги лучинные да глаза заячьиные...»), пословиц и поговорок («Каково пиво – таковы и песни»).

Мотивационный потенциал личности Натальи Семёновны проявляется в том, что пение для неё сопряжено со стремлением включить всех присутствующих в исполнение старинного обряда, разъяснить в меру своего понимания его суть: «Приставайте, приставайте, девки! – говорила время от времени Наталья Семёновна. – Подхватывайте! – И сама продолжала петь»; «Это ничего, что про монастырь пою? – спрашивает она вдруг. – Нынче ведь нет монастырей-то»). Эта женщина не просто воспроизводит старинные тексты, но и перерабатывает их, соотнося с биографией конкретного человека и вызывая тем самым в его душе живой отклик: «А однажды она приказала девушкам: “Теперь переходите на другой голос, чтобы невесте ещё тоскливее стало!” – и сама изменила мотив. Услышав эти слова, Галя, давно молчавшая в своём углу, заревела снова громко, надрывно, всерьёз. Совсем свободно заплакалось ей, когда Наталья Семёновна помянула в песне родимого батюшку: Галя осиротела рано и поныне тоскует по своём отце-солдате». Творческое начало исполнительницы проявилось в освоении местных реалий внутри текста традиционных свадебных причитаний: «Кроме теремов высоки-их и столбов белодубы-их были в песне и князья, и бояры, и дивьей монастырь со монашками, были и Дунай – быстра река и Великий Устюг, Осмоловский сельсовет и колхозное правленье».

Речевая характеристика исполнительницы свадебных причитаний Натальи Семёновны убеждает нас в том, что это креативная диалектная языковая личность, во многом воплотившая нравственный идеал писателя.

Наблюдение за речью персонажей в прозе А. Яшина, интерпретация их речевого воплощения порождает вопрос: как в произведениях талантливого писателя связаны народно-речевая культура и индивидуально-авторская позиция? Следует заметить, что писатели-деревенщики, уроженцы вологодской глубинки, хорошо знали изнутри бытовую и духовную культуру Русского Севера, его обычаи и особенности языка. А.Я. Яшин органично сочетает достоинства художественной прозы XX века с энциклопедическим знанием бытовой и духовной культуры крестьян Русского Севера. Поэтому важным средством создания образов персонажей этих писателей является их речевая характеристика, максимально приближенная по лексическому составу и интонационной структуре к бытовой устной речи сель-

ских жителей Вологодского края. Можно сказать, что на страницах книг А.Я. Яшина мы видим речевые портреты диалектной языковой личности как носителя авторской идеи – стремления к крестьянскому ладу, к гармонии человека с природой, с людьми и с самим собой.

Литература

- Бараков В.Н. Семь уроков Александра Яшина // Вологда литературная. – Вологда. – Вып. 2. – 2007. – С. 274–290.
- Бочкарёва Т.А. Жизненное и творческое кредо Ю. Нагибина: к проблеме реализации языковой личности в художественном тексте // Русская языковая личность в современном коммуникативном пространстве. – Барнаул, 2012. – С. 102–103.
- Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 312 с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
- Ляпон М.В. Проза Цветаевой. Очерк реконструкции речевого портрета автора – М.: Языки славянских культур, 2010. – 528 с.
- Рулева А.С. Александр Яшин. Личность. Поэт. Прозаик. – Л.: Художественная литература, 1980. – 198 с.
- Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности. – Шадринск, 1971. – 141 с.
- Толстова Г.А. Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой: дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2007. – 461 с.
- Чурилина Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте. – М.: Флинта, 2006. – 236 с.
- Яшин А.Я. Повести и рассказы / сост., подгот. текста и примеч. З.К. Поповой-Яшиной. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1980. – 351 с.
- Яшин А.Я. Слуга народа: Поэзия. Проза / сост., подгот. текста З.К. Попова-Яшина и др.; отв. ред.: С.А. Тихомиров. – Вологда: Книжное наследие, 2003. – 695 с.

2.3. Процессы функционально-семантической дивергенции в вологодских говорах¹

Функциональная и семантическая дивергенция лексического состава говоров, в том числе и вологодских, представляет собой сложный исторический процесс, результаты которого мы можем наблюдать, рассматривая современное состояние этих говоров. Следует также отметить возникающую при описании дивергентных процессов тесную связь между синхронией и диахронией. Этапы и результаты языковой дивергенции могут проявляться на каждом из синхронных срезов языка, но в то же время дивергенция – это процесс исторический, который прослеживается наиболее полно именно в диахронии.

Термин «дивергенция», восходящий к латинскому глаголу *divergere* 'отклоняться, расходиться', имеет широкий диапазон применения: его используют в биологии, медицине, химии, математике [СИС: 198]. В лингвистике этот термин используется в основном в фонологии для описания аллофонического расхождения в пределах одной фонемы и фонологизации

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки (Грант Президента РФ МК-1544.2014.6).

вариантов фонемы при устранении позиционных условий варьирования; в морфемике – для обозначения процессов морфемизации алломорфов одной морфемы; в типологическом языкознании – для описания эволюционных процессов, в результате которых диалекты одного языка обособляются от других диалектов этого же языка, образуя самостоятельные языки [СЛТ: 133]. В данной работе, говоря о дивергенции лексического состава говоров, мы будем понимать под этим термином процессы, связанные с расхождением предметно-логического содержания лексемы и развитием у неё разных значений в разных номинативных сферах функционирования или в разных группах говоров.

Актуальность данного подхода к изучению говоров обусловлена, с одной стороны, неослабевающим интересом к проблемам, связанным с развитием диалектной словообразовательной системы, которые затрагивает наше исследование, а с другой стороны, сложностью, многоаспектностью и неоднозначностью изучаемых явлений. В многочисленных трудах учёных-лингвистов рассматриваются различные стороны развития и функционирования русских говоров, однако при этом большинство исследователей обращают внимание на лексический состав говоров, семантические особенности диалектных слов, а также на те различия, которые возникают между общезыковой и диалектной словообразовательными системами, подробно описывая словообразовательные средства, способы, типы и модели, в той или иной степени свойственные диалектам. Однако при этом исследователи не уделяют практически никакого внимания тому, как протекают в диалектной сфере дивергентные процессы, которые приводят к образованию в различных русских говорах формально тождественных производных слов, имеющих разное значение и функционирующих в разных номинативных сферах, то есть фактически незамеченными остаются процессы диалектного параллельного словообразования. Например, по одной словообразовательной модели образованы формально тождественные слова *водянка* ‘водяная мельница’ (перм.), *водянка* ‘сосуд для воды’ (смол.), *водянка* ‘здание, башня, где берут воду’ (тюмен.), *водянка* ‘кувшинка’ (дон.), *водянка* ‘лютик’ (кемер.), *водянка* ‘настойка из ягод на воде’ (костр.), *водянка* ‘головастик’ (пск.), *водянка* ‘водяная мозоль’ (тул.) (по материалам диалектных словарей). К сожалению, этот случай, как и множество ему подобных языковых фактов, связанных с явлением параллельного словообразования, до сих пор не получил всестороннего научного осмысления. Более того, явление параллельного словообразования и связанные с ним проблемы практически не разрабатывались и на материале литературного русского языка. Фактически некоторые из теоретических аспектов этого вопроса затрагивались только в работах Н.А. Янко-Триницкой [Янко-Триницкая 1963; 2001 и др.], П.А. Соболевой [Соболева 1978; 1980 и др.], Л.Г. Яцкевич [Яцкевич 1975; 2002; 2003; 2008 а; 2008 б и др.], Г.А. Николаева [Николаев 1975; 2007 и др.]. Таким образом, целенаправленный сбор соответствующего материала и изучение различных аспектов этого сложного феномена, а также разработка его теоретической базы являются актуальными и тре-

буют на сегодняшний день рассмотрения в рамках общезыковой и диалектной дериватологии.

Изучение процессов параллельного словообразования, тесно связанного с проблемами диалектной лексикографии, имеет большое теоретическое и практическое значение.

Активно протекающие в диалектной системе русского языка процессы семантической дивергенции лексического состава тесно взаимосвязаны с развитием семантической структуры отдельных лексем, а, следовательно, с явлениями полисемии и омонимии. Уже ни у кого не вызывает сомнений, что одним из путей развития омонимии является расщепление семантической структуры многозначного слова, что даёт возможность целому ряду исследователей толковать омонимию как предел развития полисемии [Ахманова 1957; Виноградов 1977; Николаев 1997; Смирницкий 1955 и др.]. При этом степень вероятности, с которой многозначное слово разлагается на омонимы, зависит от типа самой многозначности, который обусловлен путями семантического развития слова и степенью прочности связи между значениями [Корованенко 1980: 14]. Дивергентные процессы, затрагивающие семантическую структуру слова, также могут, по мнению исследователей, стать причиной развития омонимии [Карацінская 1985]. Данная проблема неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, хотя и рассматривалась главным образом на материале литературного языка. Особо следует отметить тот факт, что существование полисемии как таковой в своё время вызывало сомнения у целого ряда лингвистов. Так, А.А. Потебня каждый раз видел в слове лишь индивидуально-психический акт: «Где два значения, там два слова» [Потебня 1958: 38]. Та же точка зрения была поддержана Л.В. Щербой: «Неправильно думать, что слова имеют по несколько значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько фонетическое слово имеет значений» [Щерба 1974: 290–291]. Понятие «лексико-семантический вариант слова» (термин А.И. Смирницкого), по мнению исследователей, неравнозначно понятию «одно из значений слова», хотя и соотносимо с ним. Противопоставление лексико-семантических вариантов слова идёт не только по предметно-логическому содержанию (как в случаях с «разными значениями слова»), но и по средствам их выражения и структурным особенностям [Уфимцева 1968: 210]. Именно процесс обособления лексико-семантических вариантов слова, процесс образования двух или более слов-омонимов при расщеплении смысловой структуры уже существующего в языке слова рассматривается в трудах учёных Казанской лингвистической школы, затрагивающих вопрос о лексико-семантическом словообразовании [Косова 1997; Марков 2001, 2004; Николаев 1997, 2007; Патиниоти 2004 и др.]. Фактически признание существования лексико-семантического словообразования ведёт к упразднению понятия полисемии в общепринятом смысле. Речь в этих исследованиях идёт о процессах семантической и грамматической дивергенции при сохранении внешней формы, хотя сам термин «дивергенция» не употребляется.

В центре нашего исследования находятся изменения в семантической структуре диалектных слов, связанные со словообразовательными процессами, что заставляет нас обратить особое внимание на процессы развития полисемии и омонимии у производных слов. Хотя лексическая многозначность как языковое явление издавна была предметом пристального внимания лингвистов, о полисемии производного слова заговорили только в 80-х годах XX века. Проблемы, связанные с этим вопросом, рассматриваются в немногочисленных работах [Араева 1999; Булгакова 1994; Ермакова 1984; Кубрякова 1981; Морозов 1988; Соболева 1978, 1980; Улуханов 1977; Ширшов 1996 а, 1996 б; Янко-Триницкая 1963, 2001; Янценецкая 1979], однако однозначного решения этот вопрос до сих пор не имеет.

В работах Ю.Д. Апресяна высказывается мнение, что многозначность производного слова ничем не отличается от многозначности непроизводного слова, а, следовательно, нет никакой необходимости изучать отдельно полисемию производного слова [Апресян 1967]. Однако согласиться с этой точкой зрения нельзя. Сам факт того, что производное слово существует в языке не само по себе, а в рамках комплекса «производящее – производное», выдвигает на первый план важнейшую особенность производного слова, а именно расчленённость его семантической структуры, в которой выделяются две части: соотносящаяся с производящим словом (и, возможно, наследующая его полисемию) и новая, появляющаяся в самом производном слове [Кубрякова 1980: 96].

В то же время постепенно намечается тенденция рассмотрения процессов формирования семантики производного слова, не ограниченных парой «производящее – производное». В своих исследованиях М.Н. Янценецкая приходит к выводу о том, что формирование множественной мотивации производного слова и его семантическая структура, в том числе и дивергентные процессы в этой структуре, возможны благодаря взаимодействию лексем в рамках корневого гнезда [Янценецкая 1979: 231]. В работах А.Н. Тихонов отмечается, что «каждое производное слово возникает в языке на базе строго определённого значения производящего слова. Однако с течением времени лексико-семантические связи производного слова в гнезде могут расширяться: в процессе функционирования оно часто заимствует и другие значения производящего слова, испытывает семантическое влияние остальных родственных слов» [Тихонов 1990: 38]. Следует также учитывать тот факт, что семантика многих лексических единиц, в том числе и производных, опосредованно мотивирована их морфемным составом. Эта идея исследуется в работах О.М. Соколова, который рассматривал процессы структурно-семантической дивергенции, вторичной дифференциации полисемичных и омонимичных производных лексем словообразовательными средствами [Соколов 1971, 1972].

Вопрос о разграничении словообразовательной полисемии и омонимии также вызывает вопросы и споры. Так, И.А. Ширшов предлагает использовать гнездовой критерий многозначности, суть которого заключается в следующем: если разные значения производного слова мотивируются од-

ним значением производящего слова и принадлежат одному словообразовательному гнезду, то перед нами случай словообразовательной полисемии. Если же разные значения производного слова принадлежат разным словообразовательным гнездам, то их следует считать словообразовательными омонимами [Ширшов 1996 а: 58]. П.А. Соболева в своих работах относит случаи, связанные с полисемией аффикса, к словообразовательной полисемии, а случаи, связанные с омонимией аффикса, к словообразовательной омонимии. Тем не менее, она приходит к утверждению, что «словообразовательная омонимия растворяется в словообразовательной полисемии и в лексической омонимии» [Соболева 1980: 89]. Это связано с тем, что в одних случаях словообразовательные омонимы являются лексико-семантическими вариантами одного слова (речь идёт о словах, образованных от одного производящего «в результате многократных актов деривации по одной и той же словообразовательной модели» [Соболева 1980: 85], например, *молочник* ‘сосуд для молока’ и ‘человек, разносящий или производящий молоко’), а в других случаях – являются производными от разных значений производящего слова, принадлежащими к разным словообразовательным гнездам, то есть являются лексическими омонимами [Соболева 1980: 86].

Применительно к диалектной словообразовательной системе вышеизложенное приводит нас к следующему выводу. Параллельное словообразование должно рассматриваться не только с точки зрения современного состояния говоров, но и с точки зрения диахронического развития. Данное явление, наряду с диахроническим лексико-семантическим способом и синхронной семантической деривацией по модели представляющее собой один из типов семантической дивергенции, должно быть отграничено от явлений словообразовательной и отражённой полисемии, а также от процесса формирования словообразовательных омонимов. Особую значимость эти проблемы приобретают при лексикографическом описании языковых фактов. Когда лексемы, образовавшиеся в результате действия процессов параллельного словообразования, попадают в поле зрения исследователя-лексикографа, перед ним неминуемо возникает вопрос: «Что это? Омонимы или всё-таки случаи разветвлённой полисемии? Как следует отражать подобные факты в словаре?» В рамках проблемы анализа семантической структуры слова и отражения в диалектных словарях тождества и распада его значений некоторые из этих вопросов затрагивались в работах целого ряда исследователей, например, Ф.П. Сорокалетова [Сорокалетов 1968; Сорокалетов, Кузнецова 1987 и др.], О.И. Блиновой [Блинова 1984 и др.], Ф.П. Филина [Филин 1966] и др.

С одной стороны, все значения таких лексем имеют некую общую сему, сохраняя то, что Р.А. Будагов называл «промежуточным семантическим звеном» [Будагов 1974]. Так, например, для упомянутого выше диалектного существительного *водянка* во всех его значениях таким звеном будет сема ‘имеющий отношение к воде, связанный с водой’. Таким образом, на первый взгляд можно говорить о развитии полисемии. С другой

стороны, при полисемии лексема имеет целостную семантическую структуру, в которой чётко прослеживаются переходы, преемственность и иерархические связи между отдельными значениями. В данном же случае слово в каждом из своих значений образуется заново в разных говорах и кемеровское *водянка* 'лютик', псковское *водянка* 'головастик' и тульское *водянка* 'водяная мозоль' семантически никак между собой не связаны. Таким образом, возникают основания признать данный случай омонимией.

Не вносят ясность в решение этой проблемы и данные словарей, поскольку трактовка подобных лексем как в диалектных словарях, так и в словарях литературного языка крайне неоднозначна и непоследовательна. Например, в «Словаре вологодских говоров» возникшая в результате процессов параллельного словообразования от глагола *катать* лексема *каток* представлена как многозначное слово: 1) 'деревянная катушка, небольшой цилиндр, на который наматываются нитки', 2) 'ледяная горка для катания' [СВГ 3: 47]. А лексема *катанец*, возникшая в результате того же процесса, приводится как ряд омонимов: 1) *катанец* 'валенок' и 2) *катанец* 'булка, форма которой придаётся в процессе катания теста' [СВГ 4: 15].

Описанные противоречия вызывают затруднения при отнесении подобных случаев к полисемии или омонимии, при их характеристике, а также обуславливают необходимость введения особого термина, призванного чётко отграничить эти случаи от полисемии и омонимии. При рассмотрении нами в ряде статей и монографии результатов параллельного словообразования с точки зрения развития семантической дивергенции вводился термин *когерентность*. Этот термин, происходящий от латинского *cohaerens* 'находящийся в связи', обозначает в физике согласованное протекание во времени и пространстве нескольких колебательных или волновых процессов, исходящих из одной точки [ФЭС: 291]. В лингвистике этот термин использовала Л.Г. Яцкевич при описании явлений, имеющих место при близкородственном билингвизме, понимая под этим термином свойство формально сходных, но семантически нетождественных слов, имеющих общее происхождение, существовать в различных языковых системах, взаимодействуя при пересечении этих систем [Яцкевич 1975: 540]. Схожее явление описывает А.Е. Михневич, говоря о паралексах – словах белорусского и русского языков, которые при относительном смысловом и формальном сходстве характеризуются морфологическими и словообразовательными различиями [Михневич 1985: 4].

Опираясь на вышеизложенное, мы предлагаем использовать термины *когерентность* и *когерентные лексемы* при описании результатов процессов параллельного словообразования как частного случая функционально-семантической дивергенции лексем в русских говорах для обозначения лексем, формирующихся в результате этих процессов.

На современном этапе в научный обиход входит большое количество диалектного материала, публикуются различные диалектные словари, однако единообразия в лексикографической характеристике когерентных лексем нет. Решение о том, следует фиксировать эти лексемы как отдель-

ные слова-омонимы или как значения одного многозначного слова, принимается лексикографами отдельно для каждого конкретного случая. При этом лингвисты прибегают к анализу происхождения вызывающих сомнения слов, рассмотрению их сочетаемости, морфемного членения, синонимических и деривационных связей. Выработка чётких критериев и рекомендаций для отграничения явления словообразовательной и лексикосемантической когерентности от словообразовательной и лексической омонимии, а также лексической полисемии является одной из наиболее актуальных задач диалектной лексикографии.

Параллельное словообразование и образование когерентных лексем является важным фактором развития русского языка, в частности его диалектного сегмента. Чаще всего процессы параллельного словообразования приводят к образованию отглагольных и отыменных существительных, хотя возможны и другие варианты частеречной принадлежности производного и производящего слов. В вологодских говорах процессы параллельного словообразования также протекают достаточно активно, затрагивая при этом довольно ограниченное число моделей, таких как «Действие → орудие действия»; «Действие → субъект действия»; «Действие → результат действия»; «Действие → признак по действию», «Число → предмет, характеризующийся количеством чего-нибудь или номером, названным мотивирующим словом»; «Признак → предмет / лицо, обладающий этим признаком»; «Предмет → предмет, связанный с предметом, названным мотивирующим словом». При этом протекают эти процессы как в пределах одной модели, так и на стыке нескольких из них.

Рассмотрим более детально случаи параллельного словообразования по конкретным моделям в вологодских говорах:

Число → предмет, характеризующийся количеством чего-нибудь или номером, названным мотивирующим словом

Восемь → *восъм/ерик/* 'бёрдо, рассчитанное на восемь пасм ниток основы; мера, определяющая ширину ткани' [СВГ 1: 85];

Восемь → *восъм/ерик/* 'лапти с круглыми носами, сплетённые особым образом, имеющие узор в форме восьмёрки' [СВГ 1: 85].

Действие → признак по действию

Облить → *обли/т/ой* 'эмалированный' [СВГ 5: 122];

Облить → *обли/т/ой* 'покрытый большим количеством сала, жирный (о мясе)' [СВГ 5: 122].

Действие → орудие действия

Это одна из наиболее активных и продуктивных моделей, по которой образуются названия инструментов и приспособлений для выполнения различных действий в бытовой или профессиональных сферах.

А) с суффиксом -ушк- / -юшк-, -ашк-:

Толочь → *толк/ушк/а* 'небольшой пест' [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/а* 'длинная палка с утолщением на конце, которой при полоскании белья давили, разминали его в ступе или в углублении во льду, чтобы освободить от мыла' [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/а* 'орудие для обмолота льна' [СВГ 11: 33];
Верт/еть → *верт/ушк/а* 'запор дверей, окон в виде вертящейся планки' [СВГ 1: 63];

Ви/ть → *вь/юшк/а* 'деталь ткацкого станка, металлический стержень на трёх ножках, на который накладываются «воробы», чтобы сматывать пряжу с «мотов» на «тюрики»' [СВГ 1: 105];

Ви/ть → *вь/юшк/а* 'деревянный запор на двери' [СВГ 1: 105];

Наливать → *налив/ушк/а* 'большая разливная ложка' [СВГ 5: 48];

Наливать → *налев/ушк/а* 'большая разливная ложка' [СВГ 5: 48];

Разливать → *разлив/ашк/а* 'большой глиняный горшок для приготовления теста' [СВГ 9: 17];

Разливать → *разлив/ашк/а* 'большая ложка, которой разливают суп, половник' [СВГ 9: 17].

Б) с суффиксом *-уш-*:

Толочь → *толк/уш/а* 'деревянная широкая и глубокая чашка, в которой обычно толкли лук' [СВГ 11: 33].

В) с суффиксом *-ёнк-*:

Тушить → *туш/ёнк/а* 'металлический бачок на трёх ножках, с крышкой, в котором тушили и хранили угли для самовара' [СВГ 11: 79].

Г) с суффиксом *-ник-*:

Наливать → *налив/ник* 'сосуд, в который что-то наливают' [СВГ 5: 46].

Д) с суффиксом *-к-*:

Наливать → *налив/к/а* 'ковш для наливания жидкостей' [СВГ 5: 46].

Действие → результат действия

А) с суффиксом *-ушк-/юшк-*:

Верт/еть → *верт/ушк/а* 'изделие из теста, баранка, плюшка' [СВГ 1: 63];

Толочь → *толк/ушк/а* 'кушанье из толчёной картошки, запечённое в печи' [СВГ 11: 33];

Ви/ть → *вь/юшк/а* 'тонкая льняная верёвка' [СВГ 1: 105];

Наливать → *налив/ушк/а* 'открытый пирог из пресного или дрожжевого теста, сверху покрытый жидкой начинкой' [СВГ 5: 48];

Наливать → *налев/ушк/а* 'открытый пирог из пресного или дрожжевого теста, сверху покрытый жидкой начинкой' [СВГ 5: 48].

Б) с суффиксом *-уш-*:

Толочь → *толк/уш/а* 'кушанье из толчёной картошки, запечённое в печи' [СВГ 11: 33].

В) с суффиксом *-ёнк-*:

Тушить → *туш/ёнк/а* 'блюдо из картошки, тушённой с мясом' [СВГ 11: 79].

Г) с суффиксом *-ник-*:

Наливать → *налив/ник* 'оладья со сметанной начинкой' [СВГ 5: 46].

Д) с суффиксом *-к-/нк-*:

Вяза/ть → *вяза/нк/а* 'укладка улежавшегося льна, состоящая из 15 снопов, три «бабки», связанных в большой сноп' [СВГ 1: 106];

Вяза/ть → *вяза/нк/а* 'вязаная шерстяная женская кофта, жакет' [СВГ 1: 106];

Наливать → *налив/к/а* 'открытый пирог с жидкой начинкой' [СВГ 5: 46].

Е) с суффиксом *-ух-*:

Налить → *налил/ух/а* 'открытый пирог из пресного или дрожжевого теста, сверху политый жидкой картофельной, творожной, ягодной или крупяной начинкой' [СВГ 5: 49];

Налить → *налил/ух/а* 'сочная зелёная трава' [СВГ 5: 49].

Ж) с суффиксом *-нец-*:

Катать → *ката/нец* 'булка, которой форма придаётся в процессе катания теста' [СВГ 3: 44];

Катать → *ката/нец* 'валенки' [СВГ 3: 44].

З) с нулевой суффиксацией:

Наливать → *налив* 'подъём уровня воды в реке, озере, наводнение' [СВГ 5: 48];

Наливать → *налив* 'нарост на стволе дерева' [СВГ 5: 48];

Поливать → *полива* 'кушанье из сметаны, простокваши, смешанных с толокном или ягодами' [СВГ 7: 137];

Поливать → *полива* 'жидкая начинка, которой покрывается пирог сверху' [СВГ 7: 137];

Поливать → *полева* 'кушанье из сметаны, простокваши, смешанных с толокном или ягодами' [СВГ 7: 135];

Поливать → *полева* 'жидкая начинка, которой покрывается пирог сверху' [СВГ 7: 135].

Действие → субъект действия

А) с суффиксом *-ушк-/юшк-*:

Толочь → *толк/ушк/а* 'человек, который много ест, обжора' [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/а* 'женщина, которая много говорит, болтуня' [СВГ 11: 33].

Б) с суффиксом *-к-*:

Наливать → *налив/к/а* 'сильный дождь' [СВГ 5: 46].

В) с нулевой суффиксацией:

Поливать → *полива* 'проливной дождь, ливень' [СВГ 7: 137];

Поливать → *полева* 'проливной дождь, ливень' [СВГ 7: 135].

Признак → предмет / лицо, обладающий этим признаком

А) с суффиксом *-ак-*:

Большой → *больш/ак* 'большая проезжая дорога, соединяющая населённые пункты' [СВГ 1: 37];

Большой → *больш/ак* 'старший в доме, глава семьи, муж' [СВГ 1: 37];

Большой → *больш/ак* 'большой палец руки' [СВГ 1: 37].

Б) с суффиксом *-к-*:

Носатый → *носат/к/а* 'деревянный сосуд для пива с носиком вверх' [СВГ 5: 112];

Носатый → *носат/к/а* 'деревянная ложка с узким концом' [СВГ 5: 112].

Предмет → предмет, связанный с предметом, названным мотивирующим словом

А) с суффиксом *-еник/-яник-*:

Масло → *масл/еник* 'съедобный гриб; маслёнок' [СВГ 4: 72];

Масло → *масл/еник* 'лампада' [СВГ 4: 72];

Масло → *масл/еник* 'оладья из пшеничной муки, жаренная на масле' [СВГ 4: 72];

Масло → *масл/яник* 'съедобный гриб; маслёнок' [СВГ 4: 73];

Масло → *масл/яник* 'глиняный сосуд с носиком, предназначенный для хранения и растапливания масла' [СВГ 4: 73].

Б) с суффиксом *-ник/-ниц-*:

Блин → *блин/ник* 'пирог из блинов, положенных друг на друга, блинчатый пирог' [СВГ 1: 33];

Блин → *блин/ник* 'сковородник, ручка сковороды для выпекания блинов' [СВГ 1: 33];

Навоз → *навоз/ниц/а* 'время, пора вывоза навоза со дворов в поле' [СВГ 5: 28];

Навоз → *навоз/ниц/а* 'телега, на которой вывозят навоз' [СВГ 5: 28];

Навоз → *навоз/ниц/а* 'корова, которую держат в хозяйстве главным образом для получения навоза' [СВГ 5: 28].

В) с суффиксом *-енк-*:

Ветер → *ветр/енк/а* 'ветряная мельница' [СВГ 1: 65];

Ветер → *ветр/енк/а* 'небольшая отдушина – окошечко в подвальных помещениях крестьянской избы с наружной стороны, продух' [СВГ 1: 65].

Г) с суффиксом *-уш-*:

Горб → *горб/уш/а* 'коса с изогнутым лезвием на короткой рукоятке' [СВГ 1: 122];

Горб → *горб/уш/а* 'плоская кость в верхней части спины; лопатка' [СВГ 1: 122].

Д) с суффиксом *-к-*:

Сетка → *сеточ/к/а* 'кружево' [СВГ 9: 127];

Сетка → *сеточ/к/а* 'ситечко для процеживания молока' [СВГ 9: 127].

Е) с конфиксом *на- -ник-*:

Плечо → *на/плеч/ник* 'кожаная накладка на плечо рыбака, вытягивающего из воды невод' [СВГ 5: 59];

Плечо → *на/плеч/ник* 'заплечный берестяной короб' [СВГ 5: 59];

Плечо → *на/плеч/ник* 'вышитый конец полотенца' [СВГ 5: 59].

Наиболее ярко процессы параллельного словообразования проявляются при образовании отглагольных существительных со значениями 'орудие действия', 'результат действия', 'субъект действия'. При этом за счёт того, что параллельное словообразование затрагивает разные лексико-семанти-

ческие зоны, возможно одновременное образование от одного глагола до шести существительных, которые различаются словообразовательным значением и отнесённостью к разным лексико-семантическим зонам. Например:

Толочь → *толк/ушк/а* 'кушанье из толчёной картошки, запечённое в печи' [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/а* 'человек, который много ест, обжора' [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/а* 'небольшой пест' [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/а* 'длинная палка с утолщением на конце, которой при полоскании белья давили, разминали его в ступе или в углублении во льду, чтобы освободить от мыла' [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/а* 'орудие для обмолота льна' [СВГ 11: 33];

Толочь → *толк/ушк/а* 'женщина, которая много говорит, болтуня' [СВГ 11: 33].

Таким образом, процессы параллельного словообразования в диалектной словообразовательной системе, в частности в вологодских говорах, приводят к формированию целого ряда когерентных лексем, играют важную роль в развитии словообразовательной системы говоров и оказывают влияние на развитие их лексического состава. В рамках данного исследования мы кратко рассмотрели развитие когерентных лексем на примере вологодских говоров, однако следует признать, что дивергентные процессы, связанные с явлением параллельного словообразования в различных группах русских говоров, представляют собой сложный комплекс лингвистических и экстралингвистических проблем, требующих более подробного дальнейшего изучения.

Литература

Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. — М.: Наука, 1967. — 251с.

Араева Л.А. Интерпретация языковых фактов с когнитивных позиций (к вопросу о полимотивации и полисемии производного слова) // Филология и культура: Тезисы 2-й Международной конференции. — Ч. 1. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Р.Г.Державина, 1999. — С. 39-41.

Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. — М.: Учпедгиз, 1957. — 295 с.

Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. — 133 с.

Будагов Р.А. Закон многозначности слова // Будагов Р.А. Человек и его язык. — М., 1974. — С. 117-123.

Булгакова О.А. Полисемия суффиксальных субстантивов (на материале Кемеровских говоров): дисс. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 1994.

Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 288-294.

Ермакова Е.П. Лексическое значение производного слова в русском языке. — М.: Русский язык, 1984. — 151 с.

Карацінская Д.М. Семантычная дывергенцыя як спосаб утварэння амонімаў // Беларуская мова і мовазнаўства. — Вып. 3. — Минск, 1975. — С. 36-45. (На белорусском языке.)

Корованенко Т.А. Семантические основы выделения многозначных слов и омонимов в диалектном словаре (на материале «Словаря брянских говоров») // Исследования по исторической семантике. — Калининград, 1980. — С. 14-24.

Косова В.А. К вопросу о критериях разграничения полисемии и семантико-словообразовательной омонимии // Языковая семантика и образ мира: Международная науч-

ная конференция, посвящённая 200-летию Казанского университета: Тезисы. – Казань: КГУ, 1997. – Т. 1. – С. 168–170.

Кубрякова Е.С. Семантика производного слова // *Аспекты семантических исследований*. – М.: Наука, 1980. – С. 81–155.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке // *Марков В.М. Избранные работы*. – Казань: ДАС, 2001. – С. 117–135.

Марков В.М. О слово- и формообразовательной синонимии в русском языке // *Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект* – Казань: КГУ, 2004. – С. 155–158.

Михневич А.Е. Белорусско-русский паралексический словарь-справочник. – Минск: Народная асвета, 1985. – 367 с.

Морозов А.В. Типы полисемии отглагольных существительных орудия в современном русском языке // *Проблемы деривации и номинации в русском языке*. – Омск: Омский ун-т, 1988. – С. 90–92.

Николаев Г.А. Обратная соотносительность и обратное словообразование // *Актуальные проблемы русского словообразования. Учёные записки Ташкентского пед. ин-та*. – Ташкент, 1975. – Т. 143. – Ч. 1. – С. 313–318.

Николаев Г.А. Семантическое словообразование и поэтический язык // *Языковая семантика и образ мира: Международная научная конференция, посвящённая 200-летию Казанского университета: Тезисы*. – Казань: КГУ, 1997. – Т. 1. – С. 172–174.

Николаев Г.А. Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа // *Диалектное словообразование, морфемика и морфонология*. – СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ, 2007. – С. 7–28.

Патиниоти А.В. Формально-семантическая асимметрия и конвергентно-дивергентные процессы в лексике // *Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвящённая 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): труды и материалы / под общ. ред. К. Р. Галиуллина*. – Казань, 2004. – С. 232–233.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. – Т. 1–2. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.

Смирницкий А.И. Значение слова // *Вопросы языкознания*. – 1955. – № 2. – С. 79–90.

Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия. – М.: Наука, 1980. – 294 с.

Соболева П.А. Словообразовательная структура слова и типология омонимов // *Проблемы структурной лингвистики*. – М.: Наука, 1978. – С. 5–33.

Соколов О.М. Вопросы морфемно-семантической соотносительности в лексике русского языка. – Томск, 1972. – 218 с.

Соколов О.М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Томск, 1971. – 39 с.

Сорокалетов Ф.П. Диалектная лексика в её отношении к словарному составу общенародного языка // *Слово в русских народных говорах*. – Л., 1968. – С. 222–236.

Сорокалетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 231 с.

Тихонов А.Н. Основные понятия русского словообразования // *Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т.* – Т. 1. – М.: Русский язык, 1990. – С. 24–58.

Улханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. – М.: Наука, 1977. – 256 с.

Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. – М.: Наука, 1968. – 272 с.

Филин Ф.П. Некоторые проблемы диалектной лексикографии // *Известия АН СССР, серия литературы и языка*. – Т. XXV. – Вып. 1. – 1966. – С. 3–12.

Ширшов И.А. Границы словообразовательного гнезда // *Филологические науки*. – 1996. – № 5. – С. 43–54. (Ширшов 1996 б)

- Ширшов И.А. Типы полисемии в производном слове // Филологические науки. – 1996. – №1. – С. 55–66. (Ширшов 1996 а)
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 428 с.
- Янко-Триницкая Н.А. Закономерность связей словообразовательных и лексических значений в производных словах // Развитие современного русского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 83–98.
- Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. – М.: Индрик, 2001. – 504 с.
- Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словообразования. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. – 242 с.
- Яцкевич Л.Г. Морфемный анализ диалектных слов в функционально-типологическом и эволюционном аспекте // Слово и текст в культурном сознании эпохи. – Вологда: Легия, 2008. – С. 203–206.
- Яцкевич Л.Г. О внутренней форме слов в русском и белорусском языках в условиях билингвизма // Всесоюзная научная конференция по проблемам обучения русскому языку в условиях близкородственного билингвизма: материалы к конференции. – Минск, 1975. – С. 538–541.
- Яцкевич Л.Г. Принципы структурной организации исторических корневых гнезд // Слово. Семантика. Текст. – СПб.: РГПУ им. А.И.Герцена, 2002. – С. 76–79.
- Яцкевич Л.Г. Эволюционные процессы в историческом корневом гнезде с алломорфами -рез- / -реж- / -раз- / -раж- / -рож- в вологодских говорах // Говоры вологодского края: аспекты изучения: Межвузовский сб. научных трудов / отв. редактор Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2008. – С. 168–181.
- Яцкевич Л.Г. Эволюционные процессы в структуре исторических корневых гнезд // Слово. – Череповец, 2003. – С. 9–14.

Список сокращений

- СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.
- СИС – Словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1993. – 740 с.
- СЛП – Иванов В.Н. Словарь-справочник по литейному производству. – М.: Машиностроение, 2001. – 464 с.
- СЛТ – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
- ФЭС – Физический энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 1995. – 928 с.

2.4. Использование языка традиционной народной культуры в масс-медиа региона (на примере вологодского бренда «Дед Мороз»)

С самого начала своей реализации в 1998 году туристический проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза» использует региональные средства массовой информации для продвижения идей этого бренда. Основной целью проекта является формирование «конкурентоспособного туристского продукта», сопутствующее этому развитие имиджа Вологодской области как центра туризма, а также сохранение культурно-исторического на-

следа и «духовное развитие ... области» [О долгосрочной целевой программе 2011].

Официальное информационное сопровождение проекта актуализирует в массовом сознании образ Деда Мороза как «фрагмента национальной идеи», «символа добра, надежды, мудрости и справедливости», которому дети всей страны отправляют письма, обращаясь «к сказочному герою как к живому волшебнику, способному помочь в трудный момент» [О долгосрочной целевой программе 2011]. Однако основные идеи программы развития бренда «Дед Мороз», в большой степени подчинённые принципу коммерциализации, иногда не соответствуют практике их воплощения.

В региональном и российском медиапространстве Дед Мороз за последние годы стал популярной медийной фигурой, образ которой складывается на основе ряда дискурсивных практик. Это устные обращения Деда Мороза в средствах массовой информации, интервью, ответы на письма, общение в интернет-среде и пр. Несмотря на то, что дискурсивные практики осуществляются разными людьми (актёр О.В. Памятов, его заместители, волонтеры, психологи, аниматоры и пр.), они обращаются к зрителям, слушателям, читателям от лица одного персонажа – Деда Мороза. С одной стороны, эти дискурсивные практики могут рассматриваться как часть туристического дискурса проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза», а с другой стороны, они представляют собой некий коллективный коммуникативно-когнитивный феномен, реализующийся в масс-медиа.

В этом разделе не анализируется общий дискурс Деда Мороза в рамках фрейма «Новогодние праздники», куда входят и поздравления любого ребёнка Дедом Морозом на семейном празднике, и неоднозначное представление образа Деда Мороза в кинофильмах, мультипликационных фильмах и пр. Данное исследование ограничивается обращением к дискурсивным практикам, связанным с вологодским брендом «Дед Мороз».

Дискурсивные практики Деда Мороза как составная часть дискурса бренда «Великий Устюг – родина Деда Мороза» включают в себя устные (интервью, встречи, видеообращения и пр.) и письменные (ответы на письма, самопрезентация в интернет-среде, статьи, обращения в печати и пр.) коммуникативные действия. Это коллективная коммуникативная деятельность неопределённо-авторского характера, осуществляемая на волонтерской либо коммерческой основе, формирующая образ Деда Мороза в сфере массовой коммуникации и официально признаваемая в качестве информационной поддержки проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза». Данную деятельность можно представить и как полевую структуру с центром – сказочным персонажем «Дед Мороз», устные обращения от имени которого имеют официальное признание, а вербальная составляющая поддерживается визуальным образом; достаточно близко к ядру поля располагаются письменные обращения неопределённого авторства от имени Деда Мороза в прессе и сети Интернет, выражающие отдельные идеи проекта, информирующие о мероприятиях и т. д. К периферии же относятся коммуникативные действия других персонажей, «помощников Деда

Мороза», которые опосредованно связаны с основным образом проекта.

Поскольку одной из самых ярких признаков коммуникации, связанной с образами Деда Мороза и его помощников, является широкое использование языка традиционной народной культуры, то объектом изучения в настоящем исследовании являются дискурсивные практики вологодского бренда «Дед Мороз», а предмет анализа составляют особенности использования в них вербальных элементов, ассоциирующихся с традиционной народной культурой.

Язык традиционной народной культуры – это описательное наименование целого спектра языковых явлений, к которому можно отнести и диалектные черты (специфические для вологодских говоров), и народно-поэтическую лексику, сказочные мотивы, фольклорные вербальные элементы и пр. Наиболее ярким выразителем традиционной народной культуры является фольклор, язык которого отличается особым набором средств и характеристик (традиционные эпитеты; наличие формул, повторов, речевых зачинов, особых полипрефиксальных глаголов, диминутивов и пр.; диалогичность, ассоциативность, контаминация; диффузность семантики лексем, их многозначность, оценочность и вариативность; паратактические конструкции, синтаксический параллелизм и т. д.) [Никитина 1993; Аникин 2004]. Образы-символы русской народной сказки также являются неотъемлемой частью национальной культуры.

Бренд «Дед Мороз» развивается как рекламный проект в российском медиапространстве, сопровождается многочисленными пиар-акциями, в то же время идёт активное осмысление его журналистами, культурологами, филологами. Обсуждение проекта в средствах массовой информации касается его истории («Проект “Великий Устюг – родина Деда Мороза” уникален для России. На пустом месте, в девственном лесу, без всякой инфраструктуры, без регулярного воздушно-транспортного сообщения, без развитого гостинично-общепитовского сервиса, без магазинов и медпунктов, он был построен с нуля. Представить себе подобную авантюру сегодня невозможно» [Лаврова 2013]), современного периода (например, [Катаева 2011]), идеологии (например, [Филатов 2001]), экономической составляющей (например, [Агеева, Журавлёва 2009; Булатова 2009]). Критика образа Деда Мороза как в российских, так и в зарубежных средствах массовой информации обращена на его языческие корни, несоответствие образа Деда Мороза старинному православному городу Великому Устюгу («*There was also something strangely unorthodox about the presence of Grandfather Frost and his Snowmaiden partner at Jesus Christ's birthday party in the cathedral*») («было что-то странно неправославное в присутствии Деда Мороза и Снегурочки на праздновании Рождества Христова в соборе») [Трайног 2006], также см. [Филатов 2001] и пр.).

Обратимся к анализу речевого представления образа Деда Мороза в средствах массовой информации. Подготовленность устных сообщений Деда Мороза определяет насыщенность его речи элементами языка традиционной народной культуры. Так, в 2014 г. в ходе онлайн-пресс-конференции в рамках проекта «Мороз ТВ» в речи Деда Мороза обнаруживается такая диалектная особенность, как непоследовательное оканье (*твои, моё, какие-то, волшебное спасибо, морозной, получить, понимаю*), воспроизводство которого в речи актёра обусловлено наличием ряда культурных и художественных ассоциаций (традиционность, исконность и пр.). Отметим, что феномен использования оканья в массовой культуре описан в ряде работ (например, см. [Драчёва, Ильина, Михова 2015]).

С точки зрения лексики, речь Деда Мороза (примеры даются по [Интернет-конференция Деда Мороза 2014]) обнаруживает включение слов, тематически связанных с волшебством, праздником, сказкой, Новым годом («*наколдуй посохом своим волшебным*»), устаревших слов (*чадо* устар. «дитя» [БАС 17: 741]: «*я не вижу ничего плохого, когда родители делают сами своим чадам замечательные подарки*»), индивидуально-авторских новообразований («*то, что в моих морозных силах, я исполню*»), народно-поэтических выражений («*мои хорошие, я так давно живу на белом свете. Вот сколько белый свет существует, столько я и живу, очень-очень старый я волшебник, очень-очень мне много лет*» (отвечает на вопрос о возрасте)).

В речи Деда Мороза встречаются разговорные и просторечные слова и выражения, использующиеся также с целью стилизации народной речи, фольклора: *мудрёный* разг. «трудный для понимания, выполнения, сложный, замысловатый» [БАС 6: 1335]: «*с помощью такой мудрёной техники общаться*»; *пакостный* разг. «внушающий отвращение, омерзение; мерзкий» [БАС 9: 41]: «*добро оно тихо делается, пакостные дела громко*».

Рассматривая вопрос о том, входят ли в понятие языка традиционной народной культуры разговорная и просторечная речевые культуры, обратимся к системе соответствий языковых и культурных слоёв (страт), предложенной Н.И. Толстым. В данной системе литературному языку соответствует элитарная культура («книжная»), наречиям, говорам – народная культура («крестьянская»), арго – традиционно-профессиональная культура (или субкультура: пчеловодческая, гончарная, торгово-ремесленная и пр.), просторечию – промежуточная культура («культура для народа», «третья культура») [Толстой 1995: 16–17]. Таким образом, следуя логике анализа языка и культуры Н.И. Толстого, просторечие необходимо вынести за пределы традиционной народной культуры.

Отметим, что в одном и том же контексте встречаются и просторечное выражение, и его литературный аналог, устаревшее слово и современное, что может свидетельствовать о следовании определённом сценарию и некоторых отступлениях от него: например, *случаем* простореч. «случайно»

[БАС 13: 1287]: «Подарки дарю абсолютно всем. Но! Смотрю в конце года (что большой, что малый, я говорил: каждому подарок достается), кто сколько хороших дел за год сделал. Не обидел ли кого случаем. Может быть, было такое, даже случайно кого обидишь из родных, а если нарочно кого-то обидели, тогда смогу и пошутить» [Интернет-конференция Деда Мороза 2014]; градоначальник дорев. 'высшее административное лицо в столицах и некоторых городах' [БАС 3: 355]: «В течение долгих столетий он неприкаянно скитался по свету: "Так продолжалось до тех пор, пока два градоначальника – Юрий Лужков и Вячеслав Позгалёв – не построили для меня Вотчину в 11 километрах от древнего Великого Устюга, где я и обрёл свой дом. Сюда мне можно написать, здесь же я принимаю гостей. Но сам я дома не сижу – езжу по стране и по миру" <...> "Я очень часто езжу к детям в лечебные учреждения. Вот и завтра вместе с мэром Москвы Сергеем Собяниным поедem в Первую градскую больницу столицы"» [Катаева 2011].

Лейтмотивом многих материалов, связанных с Дедом Морозом, является призыв приехать к нему в Великий Устюг, в чём выражается рекламный характер интернет-конференции Деда Мороза: «а я вас увижу, если вы в гости, мои любимые, пожалуете», «я жду круглый год в гости», «Я люблю свою сказку. Я люблю вас всех, так что приезжайте ко мне в гости» [Интернет-конференция Деда Мороза 2014].

«Пресса» Деда Мороза

Если «Мороз ТВ» – это лишь шутовское наименование видеораздела сайта, то «пресса» Деда Мороза действительно существует и обладает некоторым набором типологических признаков периодических изданий в отличие, например, от детских книг о Дедe Морозе (см. [Данилова 2009]) или от посвящённых описанию проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» рекламно-информационных проспектов (см. [Великий Устюг – родина Деда Мороза 1998]). Типологически так называемая «пресса» Деда Мороза представляет собой ряд специализированных периодических изданий рекламно-информационного характера, направленных на определённую аудиторию (дети, их родители и т. д.). Будучи частью маркетингового процесса, данные издания могут быть с некоторой натяжкой отнесены к корпоративным изданиям, но официально как средство массовой информации не зарегистрированы (это подтверждает тираж (999 экз.) газеты «Морозные новости», что же касается издания «Вести от Деда Мороза, то оно имело и бóльший тираж, оставаясь рекламно-информационным изданием). Корпоративность данных изданий мнимая: формально относясь к ОАО «Дед Мороз», издания данного типа ориентируются не на собственное предприятие, а на потенциальных клиентов, то есть рекламная функция является основной, тексты же входят в систему специальных маркетинговых коммуникаций, являющихся результатом применения методов непрямой рекламы.

К «прессе» Деда Мороза относятся следующие издания: газета «Морозные новости», газета «Вести от Деда Мороза», журнал «Вести от Деда Мороза».

Первым изданием, официально представляющим проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза», стал журнал «Вести от Деда Мороза» (2001 г.), который позиционировался как *«альманах для семейного чтения»*, в котором будет рассказываться о том, *«как живут Дед Мороз и его помощники, чем он занимается, какие творит чудеса»*, поскольку *«Великий зимний волшебник хочет, чтобы все узнали, как ему живётся в Великом Устюге»* [Вести 2001: 2]. Будущее этого издания планировалось именно в качестве журнала: *«А этот альманах, который мы с помощниками моими для вас напечатали, надеюсь, станет началом будущего увлекательного журнала для детей и взрослых. Для семейного, стало быть, чтения»* [Вести 2001: 5].

Позиционирование издания как альманаха (ср.: альманах ‘непериодический сборник произведений литературно-художественного, исторического и публицистического характера’ [БАС 1: 106]) и привлечение к его созданию талантливых авторов во главе с вологодским писателем, тележурналистом А.К. Ехаловым привело к тому, что по концепции издания, уровню текстового оформления, характеру дополнительных материалов журнал «Вести от Деда Мороза» является пока что лучшим в списке «прессы» Деда Мороза: в журнале была найдена концепция наиболее сбалансированного представления бренда на фоне рассказа о традиционной народной культуре, ср.: *«Январь – зимы государь. А ещё звали его “просинцем”, потому что реки промерзают и вода на лёд выступает, окрашивая его в синий цвет. Солнце выше и выше, дали яснее и яснее. “В декабре день совсем было помер, да в январе воскрес”, – говорили прежде»* («Зимы государь») [Вести 2001: 22], выдержана образовательная составляющая: так, в материале «Дед Мороз пишет стихи» сказочный персонаж учит детей отличать ямб от хорея [Вести 2001: 24]. Впоследствии в формате газеты издание «Вести от Деда Мороза» выходило ещё несколько лет.

Тексты издания «Вести от Деда Мороза» подразделяются на два типа: это тексты, написанные в фольклорной стилистике, содержащие некоторые сведения о Дед Морозе, его мероприятиях, обращения его помощников, и тексты в газетном стиле, преимущественно новости. Отметим, что информация в этих двух частях газеты часто дублируется, ср.: *«На смену старому зоосаду Деда Мороза в ближайшие годы придёт новый современный комплекс. <...> Вместе с Губернатором Вологодской области Вячеславом Евгеньевичем Позгалёвым руководитель московской делегации заложила новый стационарный зоосад в Вотчине, который будет филиалом Московского зоопарка»* [Вести 2004: 1]; более детально эта же информация даётся в новостном блоке: *«Во время визита Л.И. Швецова и Губернатор Вологодской области В.Е. Позгалёв заложили памятный знак в основании входной группы нового зоосада в Вотчине Деда Мороза, который планируется построить и эксплуатировать как филиал Московского зоопарка»* [Вести 2004: 3].

«Морозные новости» выходят с 2013 года в формате ежеквартальной газеты. Издание позиционируется как «*первый выпуск газеты “Морозные новости”*» [Морозные новости 2013, № 1: 1], в котором будут материалы «о самых важных и ярких событиях в моей жизни» [Там же]. Очевиден переход проекта к построению имиджа медийной фигуры всероссийского масштаба, особенно в связи с участием Деда Мороза в проведении Олимпиады: «*За дни Олимпиады Зимний Волшебник стал по-настоящему востребованным медийным героем. Он был желанным гостем на многих популярных телеканалах и радиостанциях...*» [Морозные новости 2014, № 5: 2].

При сравнении «Вестей от Деда Мороза» и новой газеты обнаруживается переход от преимущественно социального, семейного проекта к построению медиаобраза «Российского Деда Мороза», что в большей степени проявляется в контенте и частично иллюстрируется слоганами изданий: от слогана «*Читаем всей семьёй*» («Вести Деда Мороза», 2001 г.) до слогана «*Официальная газета главного Волшебника страны!*» ([Морозные новости 2013, № 1]).

«Пресса Деда Мороза» обнаруживает типологический сдвиг от рекламных (альбомы, туристические проспекты) материалов – через промежуточный этап рекламно-информационных изданий («Вести Деда Мороза») – к корпоративной печати («Морозные новости»).

Если первые издания могли с юмором относиться к проекту «Великий Устюг – родина Деда Мороза», в последующих он репрезентируется как важнейший для области и страны: «*Опять эти школьники придут, – ворчал Паутиныч, – понаедут, шуметь начнут, смеяться громко, топтаться. Никакой жизни.*

– Не ворчи, Паутиныч, так надо, – отвечал ему Дед Мороз, – всё-таки федеральная программа» («Генеральная уборка») [Вести 2001: 7]; «*Накануне масленичной недели, 10 марта, Дедушка Мороз прибыл в Ярославль, чтобы открыть резиденцию Государыни Масленицы и дать старт масленичной неделе. Государыня Масленица – народная артистка России Надежда Бабкина – показала Деду Морозу свои владения: рабочий кабинет, гардеробную, кладовую. Затем в Тронном зале было подписано «Снежное Соглашение» между Государыней Масленицей и Российским Дедом Морозом, в соответствии с которым они будут сохранять народную культуру России, возрождать традиции широких народных гуляний и весёлой русской потехи*» [Морозные новости 2013, № 2: 3].

Заголовки и рубрики изданий «прессы Деда Мороза» отражают общую сказочную концепцию проекта, его географическое расположение и историю: заголовки «Великий Устюг, Москва и вся Россия» [Вести 2001: 1], «Коллеги Деда Мороза» [Вести 2004: 2], «Летопись проекта “Великий Устюг – родина Деда Мороза”» [Вести 2004: 3], «Вот такой он, наш Дед Мороз» [Вести 2004: 2], рубрики «Зимняя планёрка», «Деловые вести» [Вести 2001: 4]; «Советы» [Вести 2001: 5]; «Сказочные новости» [Морозные новости 2014, № 6: 1]. Контент же «прессы Деда Мороза», особенно изданий последних лет, обнаруживает свою прагматическую рекламную

направленность, ср.: приглашение в тексте *«Вот и вы, если хотите, приезжайте и посмотрите. Как надумаете, обращайтесь к помощникам моим»* [Вести 2001: 32] и в тексте *«Это всё сказки, что я летом таю или уезжаю на Северный полюс. Круглый год я живу в чудесном Великом Устюге и хлопот у меня не меньше, чем зимой. Приезжайте! Прямо вокруг терема грибов-ягод насобираем, а на моих прудах рыбалку устроим знатную, да и на праздниках от души повеселимся! Буду очень ждать, родные мои»* [Морозные новости 2014, № 6: 1].

Дед Мороз в среде Интернет

Система сайтов, связанных с презентацией проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» в сети Интернет, состоит из тематических веб-ресурсов, разрабатывающих ту или иную сторону проекта. Основными сайтами проекта являются следующие: «Вотчина Деда Мороза» (www.votchina-dm.ru), «Дом Деда Мороза» (www.dom-dm.ru), «Почта Деда Мороза» (www.pochta-dm.ru), «Интернет-почта Деда Мороза» (www.hochuchuda.ru), «Дед Мороз Вконтакте» (www.vk.com/dedmoroz).

Тематические сайты выполнены на хорошем профессиональном уровне, содержат красочные иллюстрации, интересные материалы, на части сайтов проставлен возрастной рейтинг «0+» [Дом Деда Мороза]. Коммуникативные особенности сайтов проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» уже попадали в поле зрения исследователей. Так, Ю.Н. Аксёнова указывала на то, что в текстах сайтов «соблюждён композиционный и ритмический баланс, учтены психосоциальные особенности. Они направлены, как на детей, так и на взрослых. В основе многих текстов лежит доверие. Именно доверие является основным признаком сайта и самого проекта. Информация на сайте легка для восприятия. Сайт направлен на психоаналитическую модель потребителя, то есть акцентируется внимание на желаниях человека. Тексты имеют сказочный характер. Большинство из них имеет следующую модель: красочное описание или рассказ о предлагаемом объекте → призыв посетить вотчину. Часто мы видим фразу в конце рассматриваемых текстов, несущую смысл: приезжайте и увидите всё своими глазами» [Аксёнова 2012].

В рамках направления каждого сайта проводится массовая коммуникативная деятельность, организованная в виде письменных дискурсивных практик двух видов: информационное сообщение о Дед Морозе или проекте в целом и сообщение от лица Деда Мороза.

Общая рекламная направленность текстов сохраняется: *«В Великом Устюге, в сказочной Вотчине живёт Главный Волшебник страны - Российский Дед Мороз. Зимой, весной, летом и осенью он встречает в своей Сказке малышей и взрослых, дарит им праздник, исполняет заветные желания и совершает удивительные чудеса! И если вы мечтаете побывать в волшебной стране детства, приезжайте к Дедушке Морозу!»* [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза]; *«Вотчина Деда Мороза — сказочное ме-*

сто, расположенное в чудесном сосновом бору неподалёку от Великого Устюга. Приезжайте в гости к Деду Морозу и окунитесь в свои детские мечты. Гостей Вотчины Деда Мороза ждут живописные пейзажи, увлекательное путешествие по Тропе сказок и, конечно, встреча с самим Дедом Морозом» [О Вотчине]. Переход от сказки к реальности осуществляется сразу же в рамках того же текста: «Гостиничный комплекс “Вотчина” расположен неподалёку от Великого Устюга, в самих владениях Деда Мороза! Чистый воздух, сосновый бор, спокойствие и уют – одни их основных критериев отдыха у нас!» [Там же]. В целом отмечается дублирование информации о Вотчине на различных ресурсах: «Вотчина Деда Мороза находится в 11 км от Великого Устюга в лесном массиве. Путешествие в сказку начинается от резных ворот, ведущих во владения сказочного волшебника» («Отдых в Великом Устюге») [Почта Деда Мороза], подчёркивание сказочной тематики: «К дому Деда Мороза гостям предстоит добираться по Тропе Сказок или по Аллее Чудес. По пути их ожидает масса приключений – сказки, загадки, чудеса, а также сказочные герои: Шишок, Михайло Потапыч, Мудрая Сова, братья Месяцы, которые развлекут гостей многочисленными испытаниями» [Там же], стилизация фольклорного языка: «Весёлым пеньем птиц заморских встретит “Зимний сад”, где цветы диковинные в любое время года радуют гостей» [Там же].

В условиях конвергентности медиасферы наблюдается дублирование одних и тех же новостей о Дед Морозе на различных типах ресурсов. Так, например текст «Большое шествие Дедов Морозов и Снеговиков ожидало Волшебника в Рыбинске. Более 2000 сказочных героев приняли в нём участие и украсили своим появлением центральную площадь города...» под заголовком «Новогоднее путешествие Деда Мороза 2012» напечатан в газете «Морозные новости» [Морозные новости 2013, № 1: 2] и опубликован на сайте «ВКонтакте» (www.vk.com) под заголовком «Новогоднее путешествие Российского Деда Мороза» [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза].

Любой сайт, посвящённый проекту, может содержать сообщения от лица Деда Мороза, но самым насыщенным в этом отношении является страничка Деда Мороза на сайте «ВКонтакте», ср.: «Только что закончилось праздничное шествие в Рыбинске, в котором приняли участие 1500 жителей города, одетых в костюмы деда мороза, и среди них были даже мамы с малышами!

Днём я поздравил детей и взрослых с наступающим Новым годом со сцены ДК “Авиатор”, а ребяташки подарили всем нам замечательный концерт.

Ну а на главную площадь Рыбинска я прибыл на сказочной платформе. Вместе с моей командой мы зажгли огни на новогодней ёлке города, которая украшена игрушками-рыбками.

Кстати, огни на ёлке мы вновь зажигали от волшебного фонаря, который я специально привёз из Великого Устюга.

А ещё, мы даже дождь превратили в пушистый снежок!

Спасибо за тёплый приём всем жителям славного города Рыбинск!» (пунктуация оригинала сохранена) [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза, запись от 13 декабря 2013 г.].

Сообщения от лица Деда Мороза, будучи более личностно окрашенными, чем новостные материалы о нём на сайтах и в «прессе Деда Мороза», поддерживают веру в сказку и в большей степени влияют на конечного потребителя: «В моей Сказке много разных диковинных вещей, чудесных полянок и волшебных построек. Особенно маленьким гостям нравятся деревянные фигуры сказочных жителей. И мне любо! Вот я и решил в праздник Лаптя 5 и 6 июля провести конкурс деревянных скульптур "Герои русских сказок"!»

Все, кто умеет обычное дерево превращать в чудо-скульптуры, жду к себе в гости! Вы фигуры сказочные сотворяете, а я вас подарками волшебными одариваю.

Собирайте инструмент, да в путь-дорожку отправляйтесь, чтоб удивить меня и гостей Вотчины своими мастерством!» [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза].

Сказочный и более достоверный характер сообщениям Деда Мороза придаёт использование элементов языка традиционной народной культуры с вкраплением разговорных и просторечных слов и конструкций, диалогичностью же текст обязан наличию риторических вопросов и обращений: «Вчера побывал в гостях у Царя Берендея (Переславль-Залесский). Чудный край, прекрасные жители, удивительные мастера! Вместе со Снегурочкой Костромской и другими сказочными друзьями вручили Хозяину в подарок "чудо-дерево", каждый – своё! Как вы думаете, какое деревце из сказочного Великого Устюга привёз я? Конечно, самое настоящее дерево добрых желаний – ёлочку! Не простая она, а точная копия той, что в тронном зале моего терема установлена, да по летнему обряжена. Эх, праздник у Берендеюшки был на славу! Кабы не дела волшебные, погостил бы подольше у него... А с Берендеем-то мы скоро снова свидимся – теперь уж он ко мне в гости пожелует на Праздник Лаптя русского! Да и вы приезжайте-приходите, я вас с ним познакомлю!»; «Знаю-знаю, что все очень ждут результаты фотоконкурса! Наберитесь терпения, мои дорогие! Ещё чуть-чуть и мы определим победителя!» [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза].

Обилие восклицательных конструкций поддерживает высокий уровень эмоционального посыла текстов: «Друзья! 13 сентября приглашаем всех вас в гости к Дедушке Морозу на театрализованную встречу "Приключения Шишки в осеннем лесу"! В этот день именины у нашей Шишки!!! И она для вас придумала множество сюрпризов и розыгрышей на Тропе Сказок! Обязательно приезжайте в Вотчину Деда Мороза, чтоб вместе с весёлой Шишкой отправиться в сказочные приключения!

Но погода у меня в царстве стоит чудесная! Кто ещё не успел побывать, приезжайте!!! Жду в гости!» [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза]. Следует отметить, что данная черта соответствует в большей сте-

пени текстам от лица Деда Мороза, сообщения же информативного характера более сдержанны: *«Дед Мороз побывал в доме на воде. На дворе середина лета, но Дедушка Мороз в эту пору не тает, как думают многие, а ведёт очень активный образ жизни: встречает многочисленных гостей в своей сказочной Вотчине, устраивает фестивали, праздники, но, несмотря на такую занятость, не забывает навещать своих друзей»* [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза].

Продолжая исследования манипулятивного воздействия форм коммуникаций, связанных с Дедом Морозом, отметим доказанную Ю.Н. Аксёновой манипуляцию через рекламное содержание текстов сайта «Почта Деда Мороза», выражающуюся в призыве приехать в вотчину Деда Мороза [Аксёнова 2012]. Рассмотрение текстов появившегося сравнительно недавно (в 2010 г.) сайта «Интернет-почта Деда Мороза» привело нас к выделению другого типа манипулятивного призыва: призыва верить в Деда Мороза.

Сравнение двух сайтов («Почты Деда Мороза» и «Интернет-почты Деда Мороза») позволяет говорить о переводе сферы внимания проекта от семьи (в большей степени ребёнка) как объекта манипуляции и, соответственно, семейного визита на родину Деда Мороза как цели манипулятивного воздействия («Почта Деда Мороза») на отдельного человека (в большей степени взрослого) как объекта манипуляции и, значит, личной веры этого человека в Деда Мороза как цели манипулятивного воздействия («Интернет-почта Деда Мороза»), что может привести к разобщению семьи. Говорящим является и название сайта: «ХочуЧуда.ру».

Рассмотрим наиболее характерные манипулятивные стратегии и приёмы, осуществляющиеся на сайте интернет-проекта «ХочуЧуда.ру». Согласно И.А. Стернину, способы речевого воздействия включают в себя: доказывание (ср.: *«Известно, что человек сам творец собственного счастья, нужна лишь вера в себя и в Чудо. Все мы в детстве любим мечтать и верить, что наши мечты сбудутся. Мы растём, и умудрённые опытом взрослые учат нас быть ближе к реальности, становиться более практичными и меньше витать в облаках. Но сколько существует примеров, когда самые невероятные мечты сбываются!»*), убеждение (ср.: *«И каждый день на наш сайт приходят сообщения о том, что чьё-то желание сбылось»*; *«Мы верим, что творчество — это та самая сила, с помощью которой легко и естественно поднимается настроение, увеличивается число улыбок, радостных лиц и смеющихся глаз. Мы знаем, что Дед Мороз — великий символ добрых Чудес. И мы хотим, чтобы благодаря вам наш мир становился счастливее!»*), уговаривание (*«Но сколько существует примеров, когда самые невероятные мечты сбываются! Когда видишь это, хочется спросить — как такое возможно?! Может быть, есть какой-то рецепт?! Да, есть! И мы готовы в этом проекте поделиться с каждым возможностью сделать самые сокровенные желания частью вашей жизни»*), внушение (*«Уже будучи взрослыми, живя по правилам и законам современного мира, мы всё равно, явно или тайно от других, про-*

должаем ждать приближения новогоднего праздника, чтобы прикоснуться к Чудесам, благодаря настоящему зимнему волшебнику — Дедушке Морозу»), просьба («А когда в жизни желателей — авторов писем Деду Морозу, случается желанное Чудо, мы предлагаем нажать кнопку «СБЫЛОСЬ», чтобы порадовать Деда Мороза, всех его помощников и окружающих людей своим вкладом в копилку Чудес в нашем удивительном мире»). Другие выделяемые И.А. Стерниным способы речевого воздействия — принуждение, клянченье, приказ — не актуальны в текстах рекламного характера [Стернин 2012: 48-50].

В публикациях сайта успешно реализуются принципы эффективного речевого воздействия: например, принцип благоприятной самоподачи (И.А. Стернин): «*Наши Помощники Деда Мороза — сотрудники нашей Почты, самоотверженно работают день и ночь, чтобы ваши мечты становились самыми исполнимыми. Они знают все секреты исполнения желаний и обязательно поделятся ими с каждым, кто напишет письмо Деду Морозу*»; «*Мы сделали смыслом существования проекта возможность каждому ребёнку и взрослому на земле писать о желанных Чудесах, надеяться и верить, что оно обязательно случится, даже когда воплотить мечты своими силами уже не удаётся. Мы вложили в проект много сил и души. И мы рады тому, что, благодаря нашим знаниям и опыту, кто-то продолжает верить в Чудеса и становится счастливее*» [Интернет-почта Деда Мороза]. В текстах опускается негативная информация (например, не указывается то, что желания не всегда сбываются и что исполнение желаний не делает человека счастливым), приводится ложная информация (например: «*Ведь то, во что искренне веришь, так или иначе обязательно сбывается!*»), что статистически неверно), вызывается чувство вины (то есть если желание не сбывается, то человек мало верит в него или в свои силы), происходит воздействие на тщеславие через приобщение к элитной для объекта воздействия группе (в данном случае группе «очень хороших» людей: «*Мы хотим счастья для себя, наших близких, друзей, коллег, знакомых и всех-всех людей на свете*») [Рюмшина 2004].

Практические формы «работы над желаниями» приводятся в описании помощников Деда Мороза, например, в виде сказки-инструкции: «*Дружелюбный кот Леопольд искренне верит в Деда Мороза, в Новый Год и в исполнение любой мечты, пусть даже самой фантастической! В приближении к Новому Году, Леопольд всегда загадывал самое невероятное: будь-то много-много молока, сметанки или рыбки на весь год вперёд; самые невероятные игрушки, новую лежанку из туха или тёплую, модную шапочку на зиму; желал обрести новых друзей и знакомых, побывать в далёких краях и удивительных местах...*

Но Лео знал, что пожелать мечту — половина дела. К ней необходимо тщательно подготовиться: он заканчивал все неотложные дела, отбрасывал в сторону переживания, усталость и волнение. И начинал мечтать, записывать каждую деталь и даже рисовать! Лео представлял свою

мечту яркой и красочной, живой и мелодичной, дарящей душевное тепло и радость.

Свои записи и рисунки Лео прикладывал к письму и отправлял Дедушке Морозу. Оставалось только набраться терпения и ждать исполнения своих самых заветных желаний! Ведь они действительно исполняются!» [Почтовые помощники Деда Мороза].

Таким образом, все этапы воздействия соответствуют одной установке – изменить отношение взрослого человека к сказочному персонажу Деду Морозу через описание механизмов самоубеждения и этапов профессиональной психологической помощи (*«мы помогаем составить эти письма так, чтобы люди сами поверили, что их мечты обязательно сбудутся»; «обрабатываем сотни тысяч писем Деду Морозу, помогая детям и взрослым точнее понимать свои желания, выражать их в словах или рисунках, а главное, по-настоящему верить в них!»*) [Интернет-почта Деда Мороза]).

Интернет-проект «ХочуЧуда.ру», в отличие от прочих сайтов, связанных с великоустюжским Дедом Морозом, направлен на взрослых, поскольку детей не надо убеждать в пользе веры в Деда Мороза, они просто верят в него. Однако вера детей в Деда Мороза – это вера в сказку, благоприобретённая же вера взрослого – это вера в получение личной выгоды путём психологического манипулирования. Возможно, с этим связан и выбор языка коммуникации: «детские» веб-ресурсы ориентированы на использование сказочных, фольклорных мотивов, элементов языка народной культуры, создающих «сказочный антураж», «взрослые» же сайты обычно написаны литературным языком и в большей степени используют стратегии аргументации.

Самопрезентация и самоидентификация Деда Мороза

Несмотря на выражаемое дистанцирование от образов зарубежных аналогов Деда Мороза в выступлениях руководителей проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза», сам Дед Мороз обнаруживает в своей «легенде» существенную контаминацию с образом Санта-Клауса (*«... всё равно обязательно кроме тех [подарков], что вы купите, обязательно я в новогоднюю ночь, когда полечу над всей нашей страной на волшебных санях, от себя тоже добавлю свой маленький подарок»*) [Интернет-конференция Деда Мороза 2014]). Рассказывая же о себе в средствах массовой информации, Дед Мороз не скрывает языческих корней образа (см. анализ в работе [Душенко 2002]), хотя его «биография» литературно обработана: *«Родился я две с половиной тысячи лет назад в северных угодьях, которые сейчас называются землями Великоустюжскими. И люди, и язык тогда были совсем другими. И имя моё, которое я тогда носил, ничего не скажет современному человеку. Меня звали Рун. Потом оно изменилось и превратилось в Варун. Некоторые учёные называют меня Варуна, но это неверно, поскольку это женское имя», – вспоминает добрый волшебник свою юность»* [Катаева 2011].

В «прессе Деда Мороза» этот главный персонаж именуется по-разному: *Дед Мороз* (наиболее частый вариант номинации), *Российский Дед Мороз* (прилагательное *российский* всё чаще начинает восприниматься как часть имени бренда или постоянный эпитет, ср.: «*поздравить Российского Деда Мороза с Днём рождения*» [Морозные новости 2013, № 1: 5]), *Дедушка Мороз* (ласк., ср.: «*За время путешествия Дедушка Мороз принял участие в 20 пресс-конференциях*» [Морозные новости 2013, № 1: 3]), *Дедушка* («*Дедушке придётся серьёзно поработать*» [Вести 2001: 1]), главный *Волшебник страны* / *Главный Волшебник страны* («*в сказочном Доме главного Волшебника страны – Российского Деда Мороза появилась новая ёлочка*» [Морозные новости 2013, № 1: 2]), *Зимний Волшебник* («*В этот день Зимний Волшебник вместе с детьми из города Великий Устюг отправился к людям, которые переживают трудные времена*») [Там же], *Волшебник* («*В тереме Деда Мороза его помощники рассказали о праздниках и фестивалях, которые проводит Волшебник в течение всего года*» [Там же]), *Зимний Кудесник* («*Сказочные друзья Зимнего Кудесника собираются в его уютном доме...*» [Морозные новости 2013, № 1: 5]).

Наблюдается явный переход от номинации «*Вологодский Дед Мороз*» (в настоящее время сохраняется в названии одноимённой песни) к номинации «*Российский Дед Мороз*», что отражает и развитие бренда в целом, и изменение самого образа Деда Мороза.

Описательные конструкции также обнаруживают примеры самопрезентации персонажа в его речи и в речи его «помощников»: это «*хранитель древностей и минувших времён*» [Вести 2001: 2]; который «*уже счёт векам и тысячелетиям терять начал*» [Вести 2004: 2]; «*главный творец и кумир Новогодних чудес*» [Вести 2001: 1].

Внешняя номинация представлена словами *старец* [Катаева 2011], *сказочный волшебник*, *добрый волшебник* [Там же], описательной конструкцией *Дед Мороз из Великого Устюга* [Там же], часто внешняя номинация и элементы самопрезентации наблюдаются в одном медиатексте: «*Сказочный волшебник рассказал также, что совсем не боится лета: "Я же не Снегурочка, не таю. И ещё: в меня не надо верить, меня надо знать. Не стоит смешивать реальную жизнь, сказку и религию"*» [Там же].

Традиционный образ Деда Мороза не полностью соответствует персонажу бренда «Дед Мороз», что обнаруживается и в текстах, описывающих и сопоставляющих бренд и традицию: «*От поколения к поколению, из века в век передаёт устная народная летопись предание о великом сказочном волшебнике Дедушке Морозе, строгом, но справедливом друге и помощнике людей. В сказках и песнях предстаёт он в виде богатыря или кузнеца, сковывающего воду "железными морозами"*» [Морозные новости 2014, № 2: 4], «*Современный Дед Мороз гораздо ближе и доступнее. По-прежнему великий своей статью и душой, он ведёт активный образ жизни, занимается спортом и приобщает к нему детей и взрослых*» [Морозные новости 2014, № 2: 4].

В начальном периоде становления бренда самопрезентация Деда Мороза во многих отношениях строилась на основе традиционного образа доброго волшебника, однако «современенный» Дед Мороз менее склонен использовать средства языка традиционной народной культуры для самопрезентации, хотя они сохраняются в речи персонажа в среде Интернет. Особенно чистой и литературной речь Деда Мороза становится тогда, когда Дед Мороз достигает звания «Российского»: *«Дедушка Мороз обратился ко всем взрослым: "Дорогие мамы и папы, бабушки и дедушки, не ленитесь, выйдите с детьми во двор, посмотрите, в порядке ли горки, с которых катаются ваши дети, удобно ли им, не травмируются ли? И если что не так – поправьте! Не ждите, что сделает кто-то другой, а своими руками, своим сердцем совершайте добрые дела!»* [Морозные новости 2013, № 2: 6]).

В целом наблюдается тенденция перехода «современного» Деда Мороза из сферы сказочно-фольклорной в медийную (сферу массовой коммуникации), где он становится персонажем, проповедующим морально-нравственные ценности: *«Также Дедушка Мороз поспешил напомнить, что нужно стараться быть добрым ко всем, и не только в этот день, а всегда, всю жизнь. Добрые дела сами по себе должны доставлять удовольствие, и при этом, давая что-то другим или помогая им, не нужно ожидать награды. Именно в этой истине заключается настоящая доброта. А награда обязательно найдёт вас! Каждое доброе дело всегда вознаграждается!»* [Морозные новости 2013, № 2: 6]).

«Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». Частью самоидентификации персонажа может считаться представление сказочных образов «коллег» и «друзей», с которыми взаимодействует Дед Мороз. Друзьями и коллегами Дед Мороз называет следующих персонажей: это Костромская Снегурочка (Кострома), Кикимора Вятская (Киров), Чысхаан (Оймяков, Саха (Якутия), Царь Берендей (Переславль-Залесский, Ярославская область), Сагаан Убугун (Улан Удэ, республика Бурятия), Баба Яга (Кукобой, Ярославская область), Кыш Бабай (Казань, республика Татарстан), Паккайне (Олонец, республика Карелия), Санта-Клаус (Финляндия), 12 месяцев (Клин, Московская область), Ёжик Гоша (Шарья, Костромская область), Золотая Рыбка (Липин Бор, Вологодская область), Сапоги-скороходы (Торжок, Тверская область) и др. («Сказочные друзья Деда Мороза») [Морозные новости 2013, № 4: 2–3, 6–7].

С одной стороны, данные персонажи большей частью сказочные герои (*Золотая Рыбка*) или предметы (*Сапоги-скороходы*), которые традиционно соотносятся с той или иной национальной культурой и историей (русской – *Царь Берендей*, немецкой – *Вайнахтсман* и пр.), в том числе могут являться отголосками языческого периода истории страны (*Чысхаан* и мн. др.), с другой стороны, все эти персонажи испытали процесс «брендирования», в ходе которого произошёл переход от старой традиционной сказки к её имитации, а от сказки-имитации – к новой сказке, диктуемой новым обра-

зом. Чаще всего этот новый брендированный образ представляет собой коммерческую рекламу той или иной территории.

Рассмотрим истории некоторых «друзей Деда Мороза».

Костромская Снегурочка (Кострома): «Образ сказочной героини Снегурочки формировался в народном сознании постепенно на протяжении веков. Первоначально он возник в русских народных сказках как образ ледяной девочки-внучки, которую слепили из снега бездетные старик со старухой себе в утешение, а людям на радость.

Образ Снегурочки привлекал многих поэтов, писателей, композиторов, художников. Каждое новое осмысление обогащало образ Снегурочки, делая его любимым в народе.

Сегодня каждый из нас может побывать в гостях у Снегурочки в Костроме, где у неё есть и терем, и гостиная, и настоящая почта. Снегурочка радушно принимает и развлекает своих гостей любого возраста.

Ежегодно Костромская Снегурочка участвует в новогоднем путешествии Деда Мороза по российским городам. С 2005 года проводится открытый конкурс «Русская краса – Костромская Снегурочка» («Сказочные друзья Деда Мороза») [Морозные новости 2013, № 4: 2].

Образ Снегурочки изначально являлся компилятивным, поэтому достаточно легко был подвергнут брендированию и последовательно использован в качестве зарегистрированного товарного знака, популярной торговой марки, и, наконец, бренда, локализованного на определённой территории – Костроме. «Новая сказка» включила в себя и отрицательные качества персонажа, преодолеваемые им в ходе развития сюжета: «Жила на свете могущественная богиня Кострома. Поклонялись ей люди, просили скорого прихода весны, плодородной земли, богатого урожая. Пока её задабривали да величали, выполняла она просьбы, но постепенно люди стали забывать о силе Костромы. И сама она со временем превратилась из мудрой богини в холодную, пугающую людей снежную деву...» [История Снегурочки]. Параллель с образом Деда Мороза заключается в том, что данный бренд также прошёл несколько стадий развития, получил новую историю своего прошлого и настоящего.

Кикимора Вятская (Киров): «Кикимора Вятская – очень озорной и весёлый сказочный персонаж из города Киров (Вятка), всегда заряжает своей улыбкой и энергией. Кикимора с удовольствием принимает в своей сказочной резиденции гостей, знает огромное количество игр, обожает шалить и баловаться, поёт везде и всюду.

Родиной Кикиморы является Вятка, в которой издревле существует Кикиморская гора. Именно у этой горки, по преданию, живут и озорничают маленькие, зелёные и очень весёлые Кикиморки. Однажды, катаясь с сёстрами с горы в реку, Кикимора Вятская перепрыгнула через Вятку и очутилась в красивейшем Заречном парке, где ей очень понравилось, и она осталась там жить. Позже она обустроила там свою резиденцию «Заповедник сказок», где по сей день радуется своих гостей увлекательными при-

ключениями и весёлыми испытаниями» («Сказочные друзья Деда Мороза») [Морозные новости 2013, № 4: 2].

Образ Кикиморы интересен тем, что, в отличие от Снегурочки Костромской, представляет собой пример брендинга отрицательного в основе своей персонажа, и потому требующего разъяснений и «литературной легенды», то есть написания «новой сказки». Дед Мороз также не был всегда положительным персонажем, но это в настоящее время на акцентируется.

Чысхаан (Оймякон, Саха (Якутия)): *«Чысхаан – это современное воплощение якутского мифического образа Быка Зимы. По якутским преданиям, Бык Зимы ежегодно осенью выходит из Северного Ледовитого океана и несёт с собой холод. Бык является олицетворением неотвратимой стихии (мороза, холода, зимы), и поэтому он появляется из Воды, из Океана, с севера. В мифах Бык Зимы изображён в виде белого, огромного с голубыми пятнами быка, с большими прозрачными рогами и морозным дыханием. Когда он обходил просторы якутской зимы, всё в природе застывало.*

Резиденция Чысхаана – хранителя холода – находится на полюсе холода в Оймяконе, где была зарегистрирована самая низкая температура зимой –72,2° С. Каждый год в гости к Чысхаану прибывают сказочные персонажи со всего мира, чтобы получить из его рук «холод» и рассказать о своих новогодних событиях» («Сказочные друзья Деда Мороза») [Морозные новости 2013, № 4: 2–3].

В отличие от образа Деда Мороза образ Чысхаана органично соединил в себе языческую и рекламную составляющие, в то время как в развитии бренда «Дед Мороз» наблюдается тенденция дистанцирования от язычества и движение в сторону православия либо атеистического морально-этического учения.

Традиционный образ Деда Мороза изменяется в зависимости от идеологии и политических предпочтений, преобладающих на территории его распространения (либо территории, за которой данный образ закреплён): например, есть *Белорусский Дед Мороз* с более скромными функциями, чем у Российского Деда Мороза, а также в последнее время появился *Всемирный Казачий Дед Мороз* (Гатчина, Ленинградская область): *«В мировой культуре это совершенно новый сказочный персонаж, патриотический детский сказочный герой. Цель его – не только участие в новогодних праздниках и раздача подарков, но и воспитание у подрастающего поколения духа патриотизма, чувства любви к Родине, приобщение его к истокам духовности и национальным традициям. А ещё – адресная помощь детям-сиротам и детям-инвалидам.*

Всемирный Казачий Дед Мороз одет в кафтан с эполетами, вместо пояса – кушак, на голове – казачья шапка, на боку – кавалерийская шашка. Прототипом его считается воин-патриот Илья Муромец, а прародителем – Николай Чудотворец» («Сказочные друзья Деда Мороза») [Морозные новости 2013, № 4: 3]. Для Казачьего Деда Мороза характерна глубоко

проработанная идеология бренда, выразившаяся во внешнем виде персонажа и выбранных героях-прототипах.

Коммуникация как часть самоидентификации персонажа. Описанные выше особенности речи Деда Мороза из Великого Устюга можно дополнить анализом личных обращений к читателям в «прессе Деда Мороза». Если на протяжении ряда лет в прошлом коммуникация с читателем строилась на дружеских равноправных отношениях, то в последнее время это общение чаще имеет формальный оттенок семейственности и покровительственности, ср.: «друзья мои, большие и малые» [Вести 2001: 1], «друзья мои пытливые» [Вести 2001: 1]; «друзья мои любезные» [Вести 2001: 1]; «дружок мой любознательный» [Вести 2001: 2]; «милые мои внучата» [Морозные новости 2014, № 6: 1]; «родные мои» [Морозные новости 2014, № 6: 1; 2013, № 1: 1]; сохраняется и формула – «дорогие мои друзья» [Морозные новости 2013, № 1: 1].

С течением времени персонаж говорит всё более правильным литературным языком и всё меньше отражается в его речи стремление использовать фольклорно-сказочные вербальные элементы: «Дорогие друзья! С этого дня любой житель или гость Олимпийского Сочи сможет написать мне письмо и рассказать о своём заветном желании, поделиться радостными новостями, поздравить с приближающимся Новым годом. А ещё я всем сердцем надеюсь, что в моём почтовом ящике вы оставите тёплые пожелания российским спортсменам – участникам Олимпиады Сочи 2014! Ваша поддержка и добрые попутствия необходимы нашей национальной сборной для победы России!» («Дед Мороз Сочи 2014») [Морозные новости 2013, № 4: 8].

Выражение региональной специфики в текстах бренда

В текстах, ассоциируемых с образом (и брендом) Деда Мороза, степень локальной окрашенности варьируется, изменяются и её формы: это использование элементов диалектной и разговорной речи Вологодского края, упоминание местных реалий, описание отдельных городов области.

Как уже было отмечено, в устных видах дискурса Деда Мороза проявляется оканье, характерное для севернорусских говоров. Однако оканье не может быть признано регионально специфичной чертой Вологодского края, поскольку в данном случае оно используется для имитации некой «народной речи» в целом, а то, что резиденция Деда Мороза находится на севере России, определяет выбор именно оканья.

Более специфично использование диалектных и местных разговорных слов и выражений: «Посмотрел на всё это Дед Мороз и пригорюнился. А ты бы не пригорюнился? Завтра гости, а у тебя дома – «не у шубы рукав», как говорят у нас на Вологодчине» («Генеральная уборка») [Вести 2001: 7], ср.: не у шубы рукав (у кого) 'ничего не сделано': Завтра надо в город по делам, а у меня не у шубы рукав [ЗР: 158]; «Уж мы не задолим, вслед за снегами сыпучими, инеями серебряными, льдами звончатыми

являясь к вам на праздник!» [Вести 2001: 1], ср.: *задолить* ‘пробыть где-либо долго, замешкаться, не прийти вовремя’, ‘задержать, замедлить’ (оба значения сопровождаются пометой «волог.»), [СРНГ 10: 62], ср. также: *задолить* ‘отложить решение какого-либо вопроса на неопределённое время, затянуть’ [СВГ 2: 114]; *«Калабашка из-под кефира сиротливо притулилась на подоконнике»* («Генеральная уборка») [Вести 2001: 8], ср.: *калабашка* ‘грубо выделанная деревянная посуда’ [СВГ 3: 33], ‘см. колобашка’ [БАС 5: 699], *колобашка* обл. ‘то же, что колобок’, *колобок* ‘небольшой круглый хлебец’ [БАС 5: 1196]; *калабашка* ‘см. колобашка’ [СРНГ 12: 332], также зафиксированы значения 1) ‘ком, шар (из теста, глины и т. п.)’; 6) волог. ‘деревянная миска, чашка’ [СРНГ 14: 142]. Вероятно, произошло семантическое движение в значении слова: ‘круглый хлеб’ → ‘посуда для его приготовления’ → ‘деревянная миска, чашка’ → ‘любая миска, чашка’ → ‘небольших размеров посуда’ → ‘вместилище для хранения пищевых продуктов’ (в том числе ‘пластиковый или бумажный пакет из-под молочных продуктов’). Не только вологодские говоры отразились в текстах: *«Само название района – Вашкинский, происходит от вепского слова “вашкалок”, что означает “рыба с плавниками цвета меди”. Даже на гербе района изображена эта медная рыбка»* («Сказочные друзья Деда Мороза») [Морозные новости 2013, № 4: 6].

Предметные реалии, относящиеся к Вологодскому краю, упоминаются в текстах «прессы Деда Мороза», например: *«В газете “Вологодская неделя” напечатали его фотографию»* [Вести 2001: 26]. Прилагательное же *вологодский* употребляется по отношению к самому Деду Морозу: *«в гости к Дедушке Морозу приезжали известная поэтесса Лариса Рубальская и популярный композитор Эдуард Ханок, создавшие песню “Вологодский Дед Мороз”»* [Морозные новости 2013, № 1: 2]; в наименованиях официальных лиц Вологодской области: *«в Вотчину Российского Деда Мороза пожаловал почтенный гость – Губернатор Вологодской области Олег Александрович Кувшинников»* [Там же]; по отношению к местным народным промыслам: *«Дедушка Мороз преподнёс дорогому гостю памятный подарок – жилетку, украшенную кружевными вологодскими снежинками»* [Там же]; *«гости познакомились с работой мастерской вологодских промыслов»* [Морозные новости 2014, № 5: 5]

Многочисленны упоминания Вологды и Вологодской области как географической локализации проекта «Великий Устюг – Родина Деда Мороза», а жителей региона в качестве участников и гостей проекта: *«В гости к доброму волшебнику съехались люди мастеровые со всего края Вологодского, с ремёслами народными особо дружные»* [Вести 2011: 3]; *«юная вологжанка Кристина Ермолинская, сыгравшая на Церемонии открытия Олимпиадских игр роль девочки Любы, и покоровившая своим выступлением сердца миллионов телезрителей, побывала в гостях у Деда Мороза»* [Морозные новости 2014, № 5: 4] и т. д.

Описание городов области носит отпечаток стереотипных представлений о них, характер же текстов определяется их функционированием в

рамках туристического дискурса, ср.: Великий Устюг – «*древний сказочный город*» [Вести 2004: 1]; «*Словно белый корабль сказочный стоит Устюг на крутом берегу, храмами каменными, крестами золотыми небо подпирает, звоном колокольным тишину окрестных лесов да память людскую будит*» [Вести 2001: 1]; Вологда – «*древняя красавица Вологда*» [Вести 2004: 1]; «*Областная столица готовит для него грандиозное вечернее шоу с участием лучших коллективов области*» [Вести 2004: 1]; Тотьма – «*Город солеваров и мореходов хорошо знает новогоднего волшебника*» [Вести 2004: 1]; Череповец – «*праздничную эстафету примет город металлургов Череповец*» [Вести 2004: 1]. С помощью «прессы Деда Мороза» закрепляются и распространяются стереотипные представления о регионе.

Текст как пространство создания образа Деда Мороза

Образ Деда Мороза создаётся и функционирует во многом в пространстве текста. Роль визуальной составляющей велика, но именно текст делает её осмысленной (например, тексты о костюме Деда Мороза, о его варежке, его резиденции и т. п.). Акциональная (деятельностная) составляющая образа Деда Мороза становится с каждым годом развития бренда всё более значимой (текстовая же умалывается), но события и действия всё же требуют вербального оформления, более того, они являются результатом реализации концепции всего образа (ср.: «*В этом году праздник в вотчине пройдёт под яркими эмоциональными лозунгами: “Жизнь измеряется количеством ярких событий!”*», «*Лучшие моменты прошедшего года Деда Мороза!*», «*Жду в гости!*»» [Вести 2011: 1]).

Обратимся к описанию лексических средств создания образа Деда Мороза в медиатекстах.

Использование устаревших слов. С самых первых лет возникновения бренда образ Деда Мороза строился на основе принципа исторической древности персонажа, поэтому устаревшие слова тогда являлись (и сейчас являются в ряде источников) одним из самых ярких вербальных способов маркировки бренда, ср.: *негоже* устар. и прост. ‘не следует, нельзя’ [МАС 2: 432]: «*Листьями пошуршу, пошуршу и в Вотчину вернусь, негоже о своих обязанностях забывать*» («О чём рассказал Шуршик») [Вести 2003: 3]; *изрядно* устар. и разг. ‘много, сильно, значительно’ [БАС 5: 252; МАС 1: 655]: «*писем ко мне в вотчину день ото дня прибывает изрядно*» [Вести 2001: 25]; *коли* устар. и прост. ‘если’ [МАС 2: 73]: «*А взрослые пускай-ка своё детство вспомнят, коли забыли, а через это чад своих лучше поймут, дружнее станут*» [Вести 2003: 3]; *пуще* устар. и прост. ‘сильнее, больше’ [МАС 3: 567]: «*А пуще того, будем вас к себе в гости поджидать*» [Вести 2001: 1] и др.

Ярким примером использования устаревших слов являются историзмы и архаизмы, называющие местопребывание Деда Мороза: *вотчина* ‘родовое имение, владение помещиков, переходившее по наследству от отца к детям или ближайшим родственникам’, истор. ‘наследственное земельное

владение' (боярская вотчина, княжеская вотчина), 'о всяком недвижимом имуществе, доставшемся по наследству' [БАС 2: 748]: «*Вотчина стала излюбленным местом отдыха гостей Великого Устюга*» [Вести 2004: 1]; **владение** устар. 'недвижимое имущество (преимущественно земля), принадлежащее кому-л. на основе собственности' [МАС 1: 183] (вряд ли 'территория, находящаяся под чьей-л. властью, в чьем-л. управлении' [Там же]): «*Узнав, что можно поселиться прямо во владениях Деда Мороза, мы не стали рассматривать других вариантов*» [Почта Деда Мороза]; **имение** 'помещичье земельное владение, обычно с усадьбой; поместье' [БАС 5: 292]: «*...в имение мой Морозово, на берегу реки Сухоны, возле славного града Устюга Великого*» [Вести 2001: 1].

Просторечие. Не случайно многие устаревшие слова сопровождаются одновременно пометами «устаревшее» и «просторечное». Многие просторечные слова используются в текстах бренда «Дед Мороз» для стилизации фольклорной речи, что говорит о неразличении фольклорных и просторечных элементов создателями (авторами) этих текстов (о необходимости их различения – см. выше), ср.: **куролесить** 'прост. озорничать, проказничать, буянить' [МАС 2: 153]: «*Там в лесу, на полянке, где я раньше жил, зайчата играть любили: соберутся у старого замшелого пня на солнышке и ну куролесить!*» («О чём рассказал Шуршик») [Вести 2003: 3].

Использование разговорных слов. Неслучайность употребления разговорной лексики можно продемонстрировать путём сравнения фрагментов двух текстов: «*Для участия в проводах Деда Мороза в Великий Устюг прибудет турпоезд с московскими ребятишками. Более 500 юных победителей творческих олимпиад и конкурсов станут свидетелями грандиозного праздника в Вотчине Деда Мороза*» [Вести 2004: 1]; «*Очередной детский турпоезд прибыл в Великий Устюг. Более 500 юных туристов из Москвы побывали в гостях у Деда Мороза. Они приняли участие в праздничных мероприятиях, посвящённых проводам Деда Мороза и встрече весны*» [Вести 2004: 2]. Представленные фрагменты одной газеты описывают одно и то же событие, но первый фрагмент – из стилизованного повествования о «деяниях» Деда Мороза (используется слово *ребятишки* разг. 'маленькие дети' [БАС 12: 1070]);, а второй – из новостной рубрики (используются литературные описательные словосочетания *детский поезд*, *юные туристы*), ср.: **детишки**: 'разг. ласк. к *дети*' [МАС 1: 393]; более строгая норма отражена в «Словаре современного русского литературного языка» (в 17 т.): 'уменьш. и ласк. В просторечии' [БАС 3: 749]: «*Дедушка Мороз от всей души благодарит всех участников выставки-конкурса и с нетерпением ждёт новых чудесных поделок от детишек следующей зимой!*» [Морозные новости 2014, № 5: 8].

При назывании помещений в резиденции Деда Мороза также используются разговорные слова, например: **светёлка** разг. 'светлая жилая комната', 'то же, что *светлица*' [БАС 13: 329] (*светлица* 'В старину — светлая парадная комната в доме (преимущественно в верхней части)' [БАС 13: 336]): «*В хоромах Дедушкиных много светёлок. Есть рабочий кабинет,*

спальня-опочивальня, светёлка для подарков, есть мастерская...» («О чём рассказал Шуршик») [Вести 2003: 3].

Лексика высокого стиля, в отличие от разговорной лексики, представлена весьма ограниченно: *вершить* высок. 'совершать, выполнять' [МАС 1: 155]: «Именно они помогают Деду Морозу *вершить* самое главное чудо – *дарить Праздник*»; *свершение* высок. 'действие по знач. глаг. свершить' [МАС 4: 43]: «в знак доброй дружбы и общих интересов в деле *свершения чудес на благо людей*» [Морозные новости 2013, № 1: 2].

Стилизация особенностей народно-поэтической речи. Помимо собственно слов народно-поэтической речи (например, *кудесник* trad.-поэт. 'волшебник, колдун, волхв' [МАС 2: 145], устар. поэт. 'волхв, волшебник, колдун' [БАС 5: 1791]: «И каждый из нас нет нет да и подумает: "Хорошо бы увидеть настоящую зимнюю сказку про доброго *кудесника* из Великого Устюга"») [О Вотчине]), в текстах проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» очень широко используется инверсия: «*чтобы в самый срок, под бой курантов, по всей матушке-России, от Курил до границ западных, постпеть мне*» [Вести 2001: 1]; «*Поклон вам земной от Деда Мороза из имени моего, из далёкого Устюга Великого*» [Вести 2001: 1]; «*Но на самом-то деле намного древнее города эти*» [Вести 2001: 1]; «*И не в возрасте их заслуга, а в том, что оба города в становлении государственности российской великую роль сыграли*» [Вести 2001: 1]; «*мастера устюгские Виричевы*» [Вести 2001: 1]; «*Дозвольте поздравить вас с Новогодьем да порадоваться вместе с вами празднику всеобщему, с ёлками пушистыми, морозцами скрипучими, ледяными горками раскатистыми, детским смехом залиvistым*» [Вести 2001: 1] и др.

Применение инверсированного порядка слов для стилизации народной речи распространяется на выражения, обозначающие далёкие от поэтизации современные реалии (полные удобства): «*Повелеваю строить в Устюге Великом гостинные дома с удобствами полными, кроватями резными да перинами пуховыми для друзей моих желанных*» («Указы Деда Мороза») [Вести 2001: 25].

Многие медиатексты построены почти целиком на использовании инверсии как основного приёма создания сказочной образности, что приводит к появлению неудачных примеров контаминации современной лексики и псевдофольклорных выражений, например, соединение современного жанра информационного письма об условиях проведения конкурса с традиционными народно-поэтическими формулами: «*Участники: Любой – от мала до велика, и поодиночке, и семьями, и с друзьями вместе, лишь бы желание было да умение сказки придумывать да сказывать*».

Цели и задачи: *Чтобы с помощью друзей главная Дедушкина Сказка всё интереснее да забавнее делалась*.

Чтобы умели и малые, и взрослые мечтать и фантазировать да чудеса разные придумывать.

Чтобы чадам маленьким и отрокам юным оставалось меньше времени повесничать и лоботрясничать.

Чтобы малые и большие, сказки придумывая, дружнее и добрее становились.

Условия проведения:

До 15 ноября ждёт Дед Мороз в своей Вотчине сказки про самого себя да про свиту свою волшебную и желает, чтобы сказки те были писаны не только про зиму и Новый год, но и про Весну-красавицу, и про Лето красное, и про Осень-сударушку, потому как сказка в Вотчине круглый год живёт. А ещё хотел бы хозяин узнать из ваших придумок про чудеса да познакомиться с новыми героями» («Расскажи сказку») [Вести 2003: 2].

Неологизмы. Использование лексики этой группы в медиатекстах проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» идёт в двух направлениях. Во-первых, это собственно использование неологизмов, существующих в современном русском литературном языке в настоящее время: *селфи* «а вот селфи!» [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза, запись от 19 ноября 2014 г.].

Во-вторых, это неологизмы, создаваемые участниками проекта для обозначения определённых реалий либо в ходе языковой игры. Чаше всего новые слова обозначают различных помощников Деда Мороза, ср.: *новогодники*: «успел встретиться со своими юными помощниками Новогодниками – Никитой и Лизой» [Морозные новости 2013, № 1: 3]; сюда же относится номинация девушек – помощниц Деда Мороза: *снеговички* (по аналогии со словом *снеговик*); *желатели* как авторы писем Деду Морозу [Интернет-почта Деда Мороза], а также личные имена помощников: *Чудоснежинка*, *Чудесатий* и пр. Достаточно редко фиксируются номинации антагонистов, например, *снежепришельцы*: *Как только он начал готовиться к встрече Нового года, в сказке приземлилась летающая тарелка со Снежепришельцами, прилетевшими с целью забрать у землян зимний праздник* [Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза, запись от 2 января 2014 г.].

Новообразованиями также являются названия некоторых учебных предметов в Школе волшебства Деда Мороза: *ювелирика*, *ледографика*, (*ёлочное*) *игрушковедение* и др.

Оксюморон. Интересным художественным средством является столкновение в одном контексте современных реалий и сказочного канона: «...перед каждыми школьными каникулами в резиденции Деда Мороза остро вставал вопрос о генеральной уборке. И тогда за дело брался Ерофей Палыч:

– *Пылесоса Михалыча сюда... Ведро, тряпку, Пемолюкса Степаныча... А это что – «Фейри»? Без «Фейри» обойдёмся. У нас всё должно быть экологически чисто, – командовал Ерофей Палыч и всё вокруг начинало вертеться, как поёмка, крутиться, как метель, чиститься и мыться. И вскоре трон сверкал, подобно сосулке на мартовском солнце. Лавки для гостей были вычищены, а старик Паутиныч загнан в свою самую глубокую нору» («Генеральная уборка») [Вести 2001: 7]. Тот же самый эффект возникает при внесении в текст элементов массовой медиакультуры: «*мотив песенки “Цыплёнок жареный”*» [Вести 2001: 11], «*игра “Поле чудес”*» [Там же].*

Иногда персонажами обыгрывается современное слово, не соответствующее сказочному образу: «Нынешней зимой новый спуск у нас появится – экстра... Ой, вспомнил – экстремальный, аж двенадцать метров высотой! Вот визгу-то будет!...» («О чём рассказал Шуршик») [Вести 2003: 3].

Языковая игра. Можно сказать, что всё текстовое оформление проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза», особенно в период своего становления, представляет собой языковую игру, вернее, коллективную игру в виртуальную языковую личность – сказочный персонаж. В более узком смысле языковая игра представлена в текстах в виде каламбуров: «Добрых чудес и добрых друзей вам, родные мои» [Морозные новости 2013, № 1: 1]; «...в моей Сказке Новый год – круглый год!» [Морозные новости 2013, № 1: 1]. Благодаря языковой игре появляется дополнительный смысл, повышенная экспрессивность: «Чудесатий. Неожиданно наносит добро» [Почтовые помощники].

К языковой игре отнесём также примеры неожиданной сочетаемости слов, образованных по общерусским моделям: «любезных гостей моих стану потчевать моею Морозовой кухней» («Указы Деда Мороза») [Вести 2001: 25].

Расширение сочетаемости слов. Как правило, расширение сочетаемости наблюдается у слов, которые наиболее активно используются в текстах бренда. Например, прилагательное *волшебный* в значении ‘исходящий от волшебника’, ‘принадлежащий волшебнику’, ‘имеющий отношение к волшебнику или волшебству’: «Моя волшебная благодарность всем, от кого я уже получил поздравления и тёплые пожелания» [Морозные новости 2013, № 4: 1]; «Выражаю волшебную благодарность всем, кто принял участие в работе моей Резиденции в Олимпийском парке Сочи 2014...» [Морозные новости 2014, № 5: 8]; «Сказочные друзья Зимнего Кудесника собираются в его уютном доме, чтобы побеседовать о делах волшебных» [Морозные новости 2013, № 1: 5].

Фольклор. Элементы языка фольклора, отдельные фольклорные жанры, особенно сказочные мотивы помогают создать образ Деда Мороза и его окружения в медиатекстах на различных уровнях (местные, всероссийские) и для всех медиаканалов распространения информации (пресса, телевидение, радио, интернет-среда). Однако постоянным признаком текстов современных средств массовой информации, транслирующих образ Деда Мороза как часть традиционной русской народной культуры, становится псевдонародность, квазифольклорный, лубочный характер: «Ехали мы, ехали, сначала на поезде с тягой электрической, потом на паровозе углём питавшемся. По пути остановки делали, красотами земли русской наслаждались, а люди местные вкусной едой нас угощали, то рыбка копчёная, то рыбка вяленая, то пирожок с капустой, то с мясом кому преподнесут. В благодарность мы им добрые слова молвили и желания принимали. Чудесным образом светлели лица тех людей, радостью и светом наполнялись.

Долго ли коротко ехали мы, но согласно расписанию прибыли в город Волшебника Деда Мороза – в Великий Устюг.

*Встретила нас зима русская во всём своём сверкающем белом велико-
лепии, важные снежные шапки одеты на деревьях и зданиях, дышали мы
вкусным морозным воздухом, любовались хрустящими и яркими снежин-
ками, устилающими поля и равнины»* (в примере сохранено речевое и
пунктуационное оформление оригинала) [Чудесная доставка писем 2012].

В приведённом выше фрагменте для придания тексту «сказочного ко-
лорита» формальным образом используется ряд специфических средств
выражения: традиционные для фольклора медиальные формулы простран-
ства – времени (*долго ли коротко*), повторы (*ехали мы, ехали*), инверсии
(*зима русская, люди местные*) и пр.

Разрушение сказочного образа наблюдается при приложении элемен-
тов языка фольклора к современным реалиям (*на поезде с тягой электри-
ческой*).

Псевдофольклорные тексты используются для организации детских
праздников, в которых от традиционной русской сказки остаются, пожа-
луй, только герои: «...*пусть малыши станут участниками небольшого
спектакля. Все в меру своих возможностей исполняют роли в соответст-
вии с сюжетом. Сюжет может быть прост: “Жила-была Хлопушка. Она
была злая-презлая, она дралась с Зайцем, падала на голову Лисе, подстав-
ляла «ножку» Медведю. Заяц плакал, Лиса утирала свой длинный нос, а
Медведь ворчал недовольно. Но однажды позвал Медведь Зайца, Лису и
решили они злушку-Хлопушку проучить. Окружили они её, лапы к ней потя-
нули, а Хлопушка надулась, рассердилась, да и лопнула от злости! А Мед-
ведь, Лиса и Зайчик стали веселиться и танцевать”*». [Вести 2001: 11].

От фольклорных же текстов остаются только предметные реалии (*те-
рем, теремок*): «*Нервы у всех обитателей терема Деда Мороза были на
пределе – гости не за горами, обещаний ребячьих приехать – не один ме-
шок, а в теремке, вон в углу, Паутиныч расположился – давно его, старо-
го, не гоняли*» [Вести 2001: 5].

Наряду с фольклорными формулами (ср.: «*Долго ли коротко ли, при-
шёл он в Великий Устюг*» [Вести 2001: 2]), используются и псевдофольк-
лорные («*Давно это было*» [Вести 2001: 2] – фраза повторяется как от-
дельное предложение в начале абзацев). М.Н. Герасимова указывала на то,
что «создавая рамку сказочного действия, пограничные формулы выпол-
няют роль переключателя в пространственно-временной структуре повест-
тования и служат специфическими сигналами сказочного текста» [Гераси-
мова 1978: 27], формулы же в текстах бренда являются лишь формальными
маркерами сказочного окружения, а пространство и время сказки карди-
нально меняются.

Эволюция сказки

Русская народная сказка послужила источником не только для образа
самого Деда Мороза, но и его многочисленных помощников. Образы-
символы традиционной сказки становятся персонажами «новой сказки»,
язык прежних сказок качественно перерабатывается, переосмысливается.

Необходимость в новой сказке о старом персонаже появляется тогда, когда есть цель обосновать его рекламную закреплённость за определённой территорией, его стремление выполнять не свойственные ему ранее действия и т. д. В этом плане Дед Мороз ничем не отличается, например, от Снегурочки Костромской, Кикиморы Вятской и других персонажей, чья первоначальная история изменилась.

Особенностью проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» является его направленность не только на изменение сказки о Дед Морозе, но и о сопутствующих персонажах, а также возникновение качественно новых сказок, поскольку Дед Мороз *«сказок знает превеликое множество, да и новые пишет складно, будто узорами морозными на зимнем окне»* («В Доме праздник») [Дом Деда Мороза].

«Порядок в царстве Деда Мороза мудрый: каждому времени года – свой срок, и празднику каждому – пора своя. Но каждый из них неповторимостью своей, характером русским и чудесами настоящими завораживает. Так и происходит в Доме Деда Мороза – сказка за сказкой сказываются» [Дом Деда Мороза]. Действительно, коммуникативные действия в различных направлениях разработки проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» таковы, что жанр сказки применим ко многим из них.

Типология «новых сказок» включает в себя, во-первых, собственно «рекламную сказку»: *«Коли приехать вздумаете, провожу вас к их костру волшебному, а братья Месяцы подарят вам чудесную котомочку. В котомочке той – сказка в подарок. Смотрите, не рассыпьте, не растеряйте, а то разлетится сказка белыми снежинками по полям, раскатится звёздным горохом по небесам, вспорхнёт желтогрудыми синицами в кроны колючих сосен – поди её догони...»* («О чём рассказал Шуршик») [Вести 2003: 3]. «Рекламная сказка» ориентирует читателя на посещение родины Деда Мороза, некоторые примеры таких текстов уже были разобраны выше.

Чаще всего «рекламная сказка», посвящённая проекту «Великий Устюг – родина Деда Мороза», пишется на тему истории посещения вотчины: *«Узнав, что можно поселиться прямо во владениях Деда Мороза, мы не стали рассматривать других вариантов»*.

В деревянных коттеджах (или как их прозвали наши дети “теремочках”) очень уютная обстановка. Мы как будто оказались в домиках из русских сказок, но при этом само проживание комфортабельное и не уступает в сервисе заграничным гостиницам. Но самое главное то, что из окна видно тот самый, сказочный, терем Деда Мороза».

Ранним утром мы проснулись от птичьего перезвона. Завтракали в кафе “У Деда Мороза” в бодром и весёлом настроении, в предвкушении новых чудес и сказок деда Мороза».

Сколько было радости у наших детей рассказывать ему стихи и, по сложившейся традиции, получить за это волшебный леденец местного производства. Окончательно поверив в чудеса, мы отправились за подарками для друзей и близких. На всей территории Вотчины стоят сувенир-

ные домики, с различными изделиями народных промыслов и новогодней тематикой.

Мы своими руками изготовили берестяные и льняные обереги, разучили русские народные игры, пели песни и плясали под гармошку. Затем дружной семьёй пили чай «на травах» по русским обычаям и традициям и слушали волшебные сказки из жизни Великого Устюга» [О Вотчине].

Во-вторых, выделим такой тип, как инструктивная сказка, или сказка-инструкция. Выше приводился пример такой сказки о коте Леопольде. Ещё одним примером может служить сказка о почтовом помощнике Деда Мороза – Лазурном дракончике Варде: «Давным-давно жил-был один мальчик. Обычный мальчик, ничем не примечательный, разве что учёба давалась ему чуть лучше, чем другим, и учителя прочили ему большое будущее. Но сам мальчик никак не мог понять, о каком будущем говорили его учителя. Мечтой его было помогать людям становиться счастливее и делать этот мир чуточку лучше. Мальчик знал, что у него есть силы и способности, чтобы реализовать свою мечту, и всё же боялся к ней подступить. И тогда он загадал желание: чтобы появился кто-то, кто помог бы ему реализовать свою мечту, помог бы выбрать верную дорогу, предостережёт и защитит бы от опасностей, встречающихся на этом пути...» [Почтовые помощники Деда Мороза].

В третьих, это новая литературная сказка о выбранном персонаже: например, сказочная повесть А.К. Ехалова «На волшебном плоту, или Дорога к Деду Морозу», фрагмент которой представлен в журнале [Вести 2001: 25–29].

Эволюция сказочного хронотопа наблюдается в каждой из «новых сказок»: «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве... Так все русские сказки начинаются, и наша сказка не исключение. Так вот слушайте.

Не в тридевятом царстве и не в тридесятом государстве, а на берегу северной красавицы светлоструйной Сухоны-реки, недалеко от древнего русского града Устюга Великого, где за кресты храмов белокаменных тучи сизыми боками цепляются, есть бор сосновый. В том бору Сказка живёт – в тереме бревенчатом, что всем теремам терем: наличники на окнах кружевные, крыльцо тесовое, со ступенями белыми, с перилами резными, с дверями узорчатыми» («О чём рассказал Шуршик») [Вести 2003: 3]. Итак, изменяется сказочный локус – сказка происходит теперь там, где находится, проживает, проезжает или проходит мимо сказочный персонаж.

Изменяется и время сказки: вместо прежней вневременности или отнесённости к далёкому неопределённому прошлому сказка происходит в рамках настоящего времени – «сейчас». В качестве примера приведём сказку-страшилку «Рогатый браконьер»: «Не любил Дед Мороз браконьеров. Они от честных охотников и рыболовов отличаются тем, что законов не соблюдают и зверя, рыбу бьют даже тогда, когда охотиться запрещено.

Во всех великоустюгских лесах действовал Указ Деда Мороза: «У тех, кто надумает подстрелить здесь лося, той же ночью должны вырасти рога – ветвистые, большие, тяжёлые.

Кто будет разорять птичьи гнёзда – покроется разноцветными перьями и будет похож на чучело.

Кто задумает медведя добыть – станет косолапым, человеческую речь забудет, сможет только рычать.

Кто рыбу будет промышлять незаконным способом – у того жена в русалки уйдёт».

После подписания Указа стали местные жители в окрестностях Великого Устюга замечать косолапого, в разноцветных перьях, то ли человека, то ли зверя.

Необыкновенно ветвистые рога прорастали у него прямо сквозь лохматую шапку. Он часто спускался к озеру, где русалочки посиделки проходят.

– Мария! Вернись в семью! – рычал он на весь лес.

– Не дождёшься, браконьер несчастный, – отвечала ему одна из русалок.

Так был наказан самый страшный из великоустюгских браконьеров по фамилии Тротилюк. В газете «Вологодская неделя» напечатали его фотографию» [Вести 2001: 26].

Изменения затронули не только текстовые сказки, но и то сказочное действо, которое теперь разворачивается во всех резиденциях сказочных персонажей. «Новая сказка» не прекращается, она направлена в будущее. Таким образом осуществляется переход от имитации сказки и сказки-имитации к «новой сказке», объединяющей информацию о старой сказке (на персонажном и предметном уровнях) и рекламу новых брендированных сказочных образов.

Эволюция сказочных персонажей. Претерпевают трансформацию и сказочные персонажи – помощники Деда Мороза. Происходит переход от фольклорных и литературных образов (таких, например, как *Братья Месяцы*, *Шишок – хозяин Тропы сказок*, *Михайло Потапыч*, *Мудрая Сова*, *Серый Волк*, *Сорока-Белобока*, *Учёный Кот*, *Домовёнок Кузя* [Чудесная доставка писем 2012; Вести от Деда Мороза 2003: 1]) к образам российской массовой культуры, зарубежной литературной и фольклорной традиции, примерам фантазии волонтеров и их способностей к языковой игре (кот *Леопольд*, *Чеширский кот*, *Ковбой*, *Лазурный дракончик Вард*, *Птица Феникс*, *Фея Динь-Динь*, *Чудоснежинка*, *Оленёнок Миа*, *Фея-снежинка Ио*, *Шёрстки*, *Галчонок По*, *Чудесатий*, *Эстрабус*). Например, образ помощника Деда Мороза сопровождается следующим комментарием, в котором слышны отголоски и диснеевских мультфильмов, и рекламных клише: «Чайник Анисия. Вот уже много лет в доме Деда Мороза существует сервис, который подают дорогим гостям. Частью этого сервиса является чайник Анисия. Анисия, как символ заботы и уюта в доме, с радостью делится зарядом бодрости и тепла» [Почтовые помощники Деда Мороза].

С развитием проекта в качестве помощников Деда Мороза на его родине появилось большое количество ранее не существовавших в пространстве сказки персонажей. Появление многих из них детерминировано необходимостью проведения различного рода праздничных мероприятий в вотчине Деда Мороза для получения выгоды круглогодично. В первую очередь это такие персонажи, как *Весна-красна*, *Осень-сударушка*. Многие персонажи связываются с конкретным праздником, ассоциирующимся исключительно с ними или же придуманного специально для них: «На следующий день начался развесёлый “Праздник русского Лаптя”. Лапоток – хозяин праздника. Есть у него и своя лапотная дружина, которой любая забава молодецкая по плечу. Повернуло солнце на зиму – Макушка Лета пришла. Целых два дня в сказке Зимнего волшебника благодарили и прославляли жаркую летнюю пору. Много было всего диковинного, ранее для гостей не виданного. А особо порадовал футбол в лаптях» [Вести 2011: 3].

Сказочная история нового персонажа содержит его «биографию», чаще с опорой на известные персонажи, например, *Бабушка Аушка*: «Терялись раньше путники в его владениях, ведь такая красота вокруг, заглядишься! Так гуляли по лесу брат с сестрой – Иванушка и Алёнушка, искали грибы да ягоды, да не заметили, как дорожку-то потеряли. Тут и услышали они голос: «Ау», пошли на него и вышли к поляне, где ждала их добрая Бабушка. Обогрела, накормила и верный путь указала.

Нарекли её Бабушкой Аушкой, и с тех пор и живёт она в Вотчине Деда Мороза, который специально для неё построил отдельный дом. <...> Да и про травушку целебную и отвары волшебные расскажет, ведь она – известная травница, любую хворь вылечит! Каждый день ходит по лесу и собирает сборы по своим рецептам, благодаря которым Дед Мороз и всего его друзья круглый год не болеют» [Дом Деда Мороза].

Вспомогательные персонажи являются участниками состязаний и сказочного действия на Тропе сказок и других, например, такой персонаж, как *Шуршик*: «А Шуршик веселит ребят заводными танцами» [Морозные новости 2013, № 1: 4]. Отличительной особенностью этих новых персонажей является то, что у каждого из них есть своя сказка, своя история: «А я Шуршик, его главный помощник. Я в лесу шуришу, листья ворошу: шур да шур, шур да шур, – нос картошкой, глаз вприщур... <...> Раньше я по мхам кувыркался, с зайцами наперегонки бегал, на лосе катался, грибы да ягоды собирал, зимой в сугробе жил, рядом с Михаилом Потапычем... Топтыгина знаете? Вот-вот, рядышком с его берлогой и мой сугроб был. А сейчас я Дедушке помогаю гостей встречать. О чём рассказал Шуршик» [Вести 2003: 3].

Ряд персонажей отражает эмоциональный посыл проекта: *Фея Добрых Дел* [Вести 2003: 1], социальные ценности проекта: *Заячья семья*: «Это “сказочное семейство”, как зовёт их Дедушка Мороз, – прекрасный пример дружной семьи. Как любят друг друга Заяц с Зайчихой и их зайчата, живут душа в душу! Не нарадуется на них Дедушка!

...А вечером собирается ушастая семья вместе, и рассказывают истории из жизни молодым зайчатам родители. Как семьёй дорожить надо, ценить родителей, дарить другим радость и самому не плошать» [Дом Деда Мороза].

Рекламно-событийный характер персонажа в момент его возникновения не мешает этому персонажу в дальнейшем активно участвовать в сказке и развивать свою историю, см., например, *Баба Жара*: «Баба Жара - настоящая мастерица кулинарного мастерства. Много за свою жизнь потчевал Дед Мороз, но раз попробовав её стряпню, сразу пригласил её в свою Вотчину. Теперь есть у неё своя поляна, куда каждый гость зайдёт, да вкусовостей отведаст: шанежек свеженьких, пирогов да блинчиков. А какой чай травяной у неё, а сколько сил дают её каши богатырские! Весь день она возле печи трудится, сама здоровьем и жаром пышет, что так и прозвали её, Баба Жара. Весёлая и находчивая, оберегает она свои волшебные рецепты, держа их в секрете» [Дом Деда Мороза]; «На сцене одна сказка сменяла другую. Ожившая Дымковская игрушка, озорные Скоморошки и сказочные жители леса разыгрывали призы и подарки среди гостей, Серый Волк удивлял малышей фокусами, Паук Паукович учил танцевать, а Баба Жара загадывала мудрёные загадки» [Морозные новости 2013, № 3: 6].

Происходит преобразование в сказочные персонажи неодушевлённых предметов. Если *Солнце* («Чудо-чудное – встреча Солнца жаркого и Дедушки Мороза – кудесника зимнего»), *Лапоть* («Сам Лапоток спешит на встречу с Солнцем и Дедом Морозом. Сказки свои нам ведает, а одна из них – о семьях лапотных») или *Соломинка* («...состоялось сказочное представление “Сапог Лаптю не товарищ”, где гости вместе с героями чествовали Русский Лапоток и волновались за его судьбу и судьбу красавицы Соломинки» [Морозные новости 2013, № 3: 6]) ещё знакомы по русским народным сказкам, то *Пекарик* – новый оригинальный персонаж: «Именно Пекарик в царстве сказочном печёт самые вкусные-превкусные блинчики в таком количестве волшебном, что каждому гостю да не по одному блинчику достаётся» [Дом Деда Мороза], ср., также: Дядюшка Смех, Блинок, Пень Ерофеевич и др.

Не только Дед Мороз, но и другие брензированные сказочные образы тоже имеют сказочную свиту: «На пороге сказочного терема песнями да шутками, медовухой да хлебом-солью встречают гостей весёлые берендейки. Выходит на резное крыльцо легендарный царь Берендей, говорит гостям слово приветное и приглашает на весёлый русский праздник, который никого равнодушным не оставит»; «Там вас встретят: хранитель лесных богатств – гриб Боровик, озорные Серебристые Рыбки – подружки Рыбки Золотой, Старик со своею старухой, и конечно, сама Государыня Рыбка» («Сказочные друзья Деда Мороза») [Морозные новости 2013, № 4: 6].

Эволюция волшебных (сказочных) предметов заключается прежде всего в увеличении их количества, что привело к некоторой девальвации

волшебных свойств сказочных предметов: «На рабочем столе Дедушки Мороза стоит волшебный телефон» [Вести 2003: 3]; «волшебный фотоальбом» [Вести 2011: 3] и пр. Традиционные сказочные предметы могут становиться отдельными персонажами, действовать автономно от какого бы то ни было сказочного героя, ср.: брендированный образ персонажа «Сапоги-Скороходы».

Расширяется количество сказочных предметов, локально закреплённых на карте вотчины Деда Мороза: «В дупло желаний загляни, что загадаешь – должно сбыться» [Вести 2003: 3]; «А ещё есть в нашей Вотчине Тропа сказок, сейчас на ней колодец волшебный строится. Подойдёшь, заглянешь в него – и дух захватит. В таинственную глубину слово заветное произнесёшь и... Не скажу, что будет, приезжайте, сами увидите» [Вести 2003: 3] и др.

Появляются рекламные псевдоволшебные предметы, доступные любому потребителю, например: эксклюзивная шапка-трансформер «Я волшебник» [Дом Деда Мороза], «волшебный леденец местного производства» [О Вотчине], «волшебные валенки, расшитые кружевом» [Морозные новости 2013, № 1: 2], ср.: «6 апреля Дедушка Мороз встречал гостей на новом семейном празднике “Каша – матушка наша”. Вместе с Бабой Жарой угощал волшебной богатырской кашей, вместе с гостями встретил красавицу Весну...» [Морозные новости 2014, № 6: 2].

Трансформация категории чуда в текстах бренда

Для текстов бренда характерна так называемая «эксплуатация чуда и чудесного», причём процесс этот достаточно давний и однонаправленный. В медиатекстах проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» мы встречаем чудо в нескольких ипостасях.

Во-первых, это трансляция категорий чуда и чудесного в рамках православной (христианской) традиции. Только самое первое издание (мы судим по доступным нам источникам) «прессы Деда Мороза» обращалось к православному святыням Великого Устюга («Вот уже тысячу лет как пришло в наши края учение Христово. Церквами да монастырями богата устюгская земля» [Вести 2001: 22]) и рассказывало о святом чудотворце Прокопии: «Приплыл как-то на Святую Русь иноземец из полуночных стран, купец богатый. В Новгороде Великом торг вёл. Здесь и с учением Христовым познакомился. И так его Божье слово потрясло, что принял он православие, крестился именем Прокопий, всё своё богатство бедным раздал, а сам в рубище худом пустился по дорогам странником, живя по-даянием и молитвою.

И призывал Прокопий горожан покаяться в грехах. Пусть и были устюжане мастера на все руки: и суда строили, кои хоть по рекам, хоть по морю ходили, и мороз по жести пускали, и серебро чернили, и по берёсте дивные узоры резали, и полотна льняные ткали такие, что заграничные модницы с руками их готовы были оторвать. Но сказать надо, что и гор-

дыня устюжан одолевала, вольно жили, на Господа-то оглядывались мало и неохотно» [Вести от Деда Мороза 2001: 4]. Тут же описывается православное чудо: «...бросились горожане к церкви Пресвятой Богородицы, вспоминая пророчества Прокопия об огненном граде, и просили его слёзно отвести беду. Вместе с горожанами молился Прокопий у иконы Божией Матери о спасении города, и явилось чудо. Заплакала икона слезами благовонными, и было этих слёз столько, что наполнились все сосуды в храме, а гроза повернула от города и пролилась раскалённым камнепадом в той вот долине» [Вести от Деда Мороза 2001: 4].

В дальнейшем персонаж Деда Мороза дистанцируется от православной трактовки чуда, присваивая всё чудесное в Великом Устюге себе: «19 декабря 2004 года **чудотворец** покинет свой Дом, который расположен в 11 километрах от Великого Устюга, и отправится в большое новогоднее путешествие по стране» [Вести 2004: 1]. Это второе понимание чуда – обыденное чудо, которое ассоциируется с фигурой Деда Мороза. Так, в Школе Деда Мороза есть *расписание чудес*; чудо воспринимается как данность, как нечто обыденное в вотчине Деда Мороза: «А чтоб в сказку попасть нужно: прогуляться по “Аллее чудес”... К матушке Зиме *поспешить на чудеса*: “Чудо-дерево”, “Бочка счастья”, “Запечатлённое чудо”, “Чудо-горка и чудо-велосипеды” (игровой зал)» [Вести 2003: 2].

Школа волшебства Деда Мороза во многом напоминает популярный в массовой культуре образ школы чёрной магии «Хогвартс», хотя предметный ряд имеет много отличий, ср.: *волшебная зачётная книжка, уроки – сказковедение, серебряная ювелирика, лаборатория моды, ледографика, песочная магия, этика волшебных посланий, ёлочное игрушковедение, центр управления волшебством, звание «Начинающий волшебник», эксклюзивная шапка-трансформер «Я волшебник»* и пр.

В-третьих, чудо присутствует в текстах бренда в секуляризированном виде: в качестве личного достижения человеком чего-либо на пределе его возможностей: «Каждый из паралимпийцев является живым воплощением чуда! За счёт веры в себя, в свои силы, преодолевая недуги, они совершают каждодневный спортивный подвиг, добываясь удивительных, сравнимых с чудом, результатов! Я очень горжусь каждым из них!» [Морозные новости 2014, № 5: 7].

Наконец, четвёртое понимание чуда девальвирует его ценность до уровня основанного на знании психологии трюка. Чудо воспринимается как научно-обоснованное и доступное любому человеку средство выполнения желаний и достижения психологического комфорта. Это понимание чуда транслируется через интернет-проект «ХочуЧуда.ру». Возможность совершения чуда без всякого труда любым человеком разрушает сказку и приводит человека в зависимость от Деда Мороза, выступающего проводником чуда и формальным условием выполнения желания.

Сайт «ХочуЧуда.ру» позиционирует себя как «социальный некоммерческий проект», выполняемый «силами большой команды верящих в Чудо талантливых людей различных профессий: психологов, коучей, тренеров,

бизнесменов и др. Людей, точно знающих, что с Чудесами и верой в них жить намного веселее и интересней». Выше мы уже затрагивали манипулятивные аспекты текстов об отношении к чуду [Интернет-почта Деда Мороза]. Это отношение можно охарактеризовать как профессиональное, поскольку, например, главой проекта «Интернет-почта Деда Мороза» является А. Кёниг, тренер по так называемым «НЛП-практикам», пропагандирующий через анализируемый сайт некоторые идеи «нейролингвистического программирования».

Язык традиционной народной культуры используется для описания «православного чуда» и «обыденного волшебного чуда», опосредованно – в текстах о чуде как преодолении трудностей, и никогда – для изображения «чуда массового потребления», поскольку разрушение сказочной подоплёки чуда делает это излишним.

Традиции «народного православия» в текстах бренда

«Народное православие» рассматривается нами в контексте двоеверия русской культуры, традиционного синкретизма христианского и языческого. Исследователи отмечают, что магические верования сохранили «устойчивое место в традиционной крестьянской картине мира... в аграрных и семейных ритуалах», ярче же всего «фрагменты древнеславянской культуры» обнаруживаются в календарных праздниках [Вершинская 2010: 206].

В первых номерах «прессы Деда Мороза» описывались народные приметы, который обычно связывают с началом года: «*“В декабре день совсем было помер, да в январе воскрес,”* – говорили прежде» («Зима – на морозы, мужик – за праздники») [Вести Деда Мороза 2001: 22]; «*“Январь - весне дедушка”. Не зря на празднике Новогодья Деда Мороза сопровождает Снегурочка – дитя солнца и весны*» [Вести Деда Мороза 2001: 23]; также подробно освещались традиции народного православия: «*1 января отдавали в народе почести великому русскому воину Илье Муромцу. 6 января – Рождественский сочельник. Ужин постный, каша с ягодами или мёдом – сочиво. С ложкой сочива посылали старики мальчонку «кликать стужу».* В сенях мрак, скрипят половицы, аж по телу мурашки, и напрягал голосок будущий пахарь: *“Мороз! Мороз! Иди кашу есть. Зимой ходи, летом под холодиной лежи!”*»; «*7 января – Рождество Христово. Великий праздник. И елочку прежде наряжали к Рождеству. Ребята-школяры, смастерив из драночек и промасленной бумаги звезду, ходили по дворам: “Славите, славите, сами люди знает: Христос родился, Ирод возмутился, народ возвеселился...”*» [Вести Деда Мороза 2001: 22–23].

Поскольку уже было указано, что «Российский Дед Мороз» дистанцируется от православной тематики и не поддерживает христианские мотивы празднования Рождества, актуализируя в текстах бренда преимущественно новогодние праздники (*Новогодье*), то было бы весьма ожидаемо полное отсутствие подобной тематики. Происходит нечто иное: христианские мотивы исчезают из текстов, языческие же остаются. В качестве примера

приведём небольшое сообщение новостного характера «Спас – всему час!»: *«В конце августа в Вотчине Деда Мороза проходит закатный летний праздник, проводимый в народных традициях и посвящённый чествованию трёх летних спасов – Яблочного, Медового и Хлебного. Это самый вкусный и щедрый праздник в сказке Деда Мороза – здесь любой может угоститься мёдом, яблоками и хлебным квасом. Каждый год проводить лето вместе с Дедом Морозом собирается большое количество гостей, для которых устраивается народное гуляние с песнями, плясками, играми и розыгрышами. А самые ловкие и умелые могут проявить себя на игровых полянах со старорусскими забавами»* («Вот это праздник») [Морозные новости 2013, № 1: 5].

Заключение

В региональных масс-медиа, а также общероссийских средствах массовой информации позиционируется брендированный образ Деда Мороза из Великого Устюга, причём речевой портрет этого персонажа строится с учётом языка традиционной народной культуры, а художественная сторона образа ассоциируется со сказочными и литературными мотивами.

Однако особенности коммерческого брендирования образа Деда Мороза приводят к тому, что стилизация народной, фольклорной речи становится формальным признаком персонажа, происходит утрата смыслового содержания народной речи, символического её компонента. Ценности традиционной русской народной культуры подменяются рекламным содержанием. Что же касается литературно-сказочного окружения Деда Мороза, то оно претерпевает ряд трансформаций в современной массовой культуре.

Анализируемые медиатексты показывают традиционную народную культуру через систему фольклорных, сказочных образов, отдельные диалектные явления, устаревшие слова, народно-поэтическую лексику, элементы языка фольклора, а также просторечие. Использование элементов традиционной народной культуры в текстах масс-медиа постепенно переходит из сферы культурно-просветительский в сферу проектов, основной целью которых является получение финансовой прибыли. Процессы коммерциализирования и брендирования образов русской народной культуры опираются на явный спрос со стороны потребителей и на отсутствие (как правило) авторских прав на используемый продукт.

Литература

- Агеева Е.С., Журавлёва В.Л. Проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза»: итоги реализации и перспективы // Проблемы развития территории. – 2009. – № 1 (45). – С. 47–51.
- Аксёнова Ю.Н. Проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза»: особенности речевого воздействия. Выпускная квалификационная работа. – Вологда: ВоГУ, 2012.
- Аникин В.П. Теория фольклора: курс лекций. – 2-е изд., доп. – М.: КДУ, 2004. – 432 с.
- Булатова Ю.Н. Развитие государственно-частного партнерства в сфере туризма Вологодской области на примере проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» // Вестник Национальной академии туризма. – 2009. – № 2 (10). – С. 42–45.

Вершинская Г.М. Тенденции диверсификации веры в русской традиционной культуре // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2010. – № 14. – С. 204–211.

Герасимова Н.М. Формулы русской волшебной сказки (К проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры) // Советская этнография. – 1978. – № 5. – С. 18–28.

Драчёва Ю.Н., Ильина Е.Н. Представление об игре в народной культуре и его интерпретация в партворке «Куклы в народных костюмах» // Казанская наука. – 2014. – № 7. – С. 110–113.

Драчёва Ю.Н., Ильина Е.Н., Мельникова Н.Г. Отражение особенностей звучащей речи вологжан в современной массовой коммуникации // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 68–71.

Душенко К.В. Мифы XX века: Дед Мороз и Снегурочка // Культурология. – 2002. – № 4 (24). – С. 142–158.

О долгосрочной целевой программе «Великий Устюг – родина Деда Мороза» на 2011–2014 гг. Постановление Правительства Вологодской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/460300278>. Дата обращения: 01.10.2015.

Ромшина Л.И. Манипулятивные приёмы в рекламе. – М.: Март, 2004. – 240 с.

Стернин И.А. Основы речевого воздействия. – Воронеж: Истоки, 2012. – 178 с.

Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

Источники

Великий Устюг – родина Деда Мороза: рекл. альбом; авт. текста – А.К. Ехалов. – Вологда: Арника, 1998. – 28 с.

Вести от Деда Мороза [газета] / сост., ред. А.В. Карабанов, Н.А. Волинцева, Е.А. Храброва; отв. за вып. Н.Н. Яковлева. – Вологда: Арника, 2011. – 4 с.

Вести от Деда Мороза [журнал] / авт.-сост. А. Ехалов, Т. Прилежаева, О. Кузнецова, Е. Волкова, К. Нижегородская и др. – Вологда, 2001. – 32 с.

Вести от Деда Мороза! [газета] / сост., ред. Н.Л. Виноградов, О.В. Памятов, Т.Ю. Прилежаева; отв. за вып. Ю.Н. Плеханов. – Вологда, 2004. – 4 с.

Вести от Деда Мороза! [газета] / сост., ред. Н.Л. Виноградов, Т.Ю. Прилежаева; отв. за вып. Ю.Н. Плеханов. – Вологда, 2003. – 4 с.

Данилова Л.Н. Великий Устюг. Родина Деда Мороза. – Ярославль: Белый город, 2009. – 48 с.

Дом Деда Мороза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dom-dm.ru>. Дата обращения: 01.10.2015.

Интернет-конференция Деда Мороза. 17 ноября 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dom-dm.ru/video>. Дата обращения: 01.10.2015 г.

Интернет-почта Деда Мороза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hochuchuda.ru>. Дата обращения: 01.10.2015.

Катаева Ю. Он настоящий! // Премьер. 2011. 27 дек. № 52 (743). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://premier.region35.ru/gazeta/np743/s39.html>. Дата обращения: 01.10.2015 г.

Лаврова Ю. Дед Мороз недоразвитый // Премьер. 2013. 21 мая. № 20 (814). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://premier.region35.ru/gazeta/np814/s38.html>. Дата обращения: 01.10.2015.

Летопись проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза». – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Вологда: Вологжанин, 2008. – 198 с.

Морозные новости [газета] / сост., ред. Л. Налётова, Е. Савинова, Л. Якимова. – 2013. – № 1–4.

Морозные новости [газета] / сост., ред. Л. Налётова, Л. Якимова. – 2014. – № 5, 6.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993. – 187 с.

О Вотчине. В гостях у сказки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.votchina-dm.ru/page/about>. Дата обращения: 01.10.2015.

Почта Деда Мороза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pochta-dm.ru>. Дата обращения: 01.10.2015.

Почтовые помощники Деда Мороза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hochuchuda.ru/experts>. Дата обращения: 01.10.2015.

Российский Дед Мороз. Дом Деда Мороза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vk.com/dedmoroz>. Дата обращения: 01.10.2015.

Филатов Д. Дед Мороз-крестonos // Премьер. 2001. 23 янв. № 4 (178). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://premier.region35.ru/gazeta/tnp178/2s.shtml>. Дата обращения: 01.10.2015.

Чудесная доставка писем с желаниями Деду Морозу в Великом Устюге в январе 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hochuchuda.ru/last-year>. Дата обращения: 01.10.2015.

Список сокращений

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

ЗР – Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских говорах / отв. ред. Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2014. – 304 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – Изд. 2-е. – М., 1981–1984.

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин (вып. 1–23), Ф.П. Соколов (вып. 24–46), С.А. Мызников (вып. 47). Вып. 1–47. – М.-Л.; СПб.: Наука, 1965–2014.

2.5. Репрезентация традиционных севернорусских ремёсел и промыслов в туристическом дискурсе проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза»

Туристический дискурс сравнительно недавно стал предметом изучения современной лингвистики. В общих чертах под туристическим дискурсом понимается «речь, реализуемая в институциональных ситуациях общения в предметной области туризма» [Погодаева 2008: 3]. Для него присущи такие черты, как информативность, оценочность, побудительности и персуазивность [Погодаева 2008: 3]. По этим параметрам туристический дискурс является типичным дискурсом массовой коммуникации и близок, например, к рекламному дискурсу [Филатова 2012: 77–84]. Исследование туристического дискурса проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» интересно именно тем, что за несколько лет он внедрился в массовую культуру современной России, стал узнаваемым и упоминаемым федеральными средствами массовой информации.

Проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза» реализуется с ноября 1998 года. За это время он приобрёл всероссийскую известность. Согласно

официальной статистике, туристический поток в Великий Устюг увеличился с трёх тысяч человек в 1998 году до двухсот пяти тысяч в 2009 году. Затем, однако, количество туристов несколько сократилось по экономическим причинам, в результате чего в 2014 году город посетило сто семьдесят тысяч отдыхающих. О федеральной значимости данного туристического проекта свидетельствует география приезжающих в Великий Устюг: в 2009 году около половины всех отдыхающих приехали из Москвы и Московской области, 13 % – из Нижнего Новгорода и области, 12 % – из сопредельных регионов (Архангельская, Свердловская области, Республика Коми), 10 % – из Санкт-Петербурга. Большое количество туристов прибыло в город из Казани, Кирова, Калининграда, Волгограда, Ижевска, Перми. Образ сказочного волшебника помог активизировать и внутренний туризм: около 9 % туристов приехали из Вологодской области [Итоги реализации 2010].

В качестве одной из главных задач проекта в долгосрочной целевой программе «Великий Устюг – родина Деда Мороза» на 2011–2014 годы заявлено информационное продвижение всей Вологодской области как туристического центра [О долгосрочной целевой программе 2010]. Это кажется вполне обоснованным: идентификация Великого Устюга как родины Деда Мороза стало локомотивом развития туризма во всем регионе, тем более что проекту сопутствуют сходные по контексту туристические события в районах области (праздник Лодки, праздник Коня и т.п.). По всей видимости, областные власти в процессе продвижения имиджа региона делают ставку на развитие контекста традиционной народной севернорусской культуры.

Инфраструктура проекта на сегодняшний день сложна (проект обслуживают несколько юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Дом Деда Мороза, Зоопарк Деда Мороза, Почта Деда Мороза и т. д. имеют разных собственников), однако, по оценкам как туристов, так и экспертов, недостаточно развита. Виной тому ярко выраженная сезонность проекта: основной туристический поток приходится на декабрь – январь, а весну, лето и осень объекты практически пустуют. В этих условиях руководители проекта начинают делать ставку не только на экскурсионный, но и на событийный туризм, который призван при помощи тематических мероприятий привлечь туристов в Великий Устюг не только в зимний, но и в другие сезоны. При этом концепция событийного туризма в области опирается на традиционные для Северной Руси, но забытые праздники, отражённые в народном календаре. Базой для этих мероприятий стал Дом Деда Мороза, сотрудники которого разработали целый комплекс праздников, ориентированных на традиционную культуру, для детей и взрослых: семейный праздник встречи весны «Грачиная каша», театрализованная встреча гостей вотины «Сказки румяного Блинка», праздник русского Лаптя и т.д.

Авторы сценариев к праздникам и актёры ориентированы именно на те особенности народной культуры, фольклора, языка, которые характерны для севернорусских земель. Сотрудники Дома Деда Мороза, отвечающие за сценарий праздников, обращают внимание на то, что перед ними стоит за-

дача не только создать антураж чего-то сказочного и исконно русского, но и познакомить туристов с традиционной культурой Вологодского края, особенностями речи и фольклором. Сразу же отметим, что поставленная задача довольно сложна, так как глубина такого знакомства с вологодской культурой зависит от готовности аудитории воспринимать такого рода информацию, и ограничена развлекательным характером мероприятий. Иными словами, организаторы праздников должны, ориентируясь на среднестатистического туриста, не просто создать событийный костюмный лубок, но рассказать в контексте мероприятия о культуре Русского Севера. Рассмотрим, каким образом создаётся представление о севернорусской культуре в дискурсе событийного туризма на примере театрализованного представления «Палитра моды», которое является частью двухдневного фестиваля «На полянах Деда Мороза» (г. Великий Устюг).

Режиссер представления С. Шмидько так характеризует мероприятие: «Театрализованное представление «Палитра моды» построено на основе исторического, литературного, обрядово-фольклорного, местного и справочно-энциклопедического материала. Идея праздника продиктована необходимостью возрождения и сохранения народных традиций моды, а также её богатством и неповторимостью» [Шмидько 2015]. Представление состоит из трёх эпизодов. Первый эпизод «Краше наряжайся – на игрище собирайся» построен на материале из истории костюма Русского Севера и на фольклорно – обрядовом материале. Эпизод насыщен русскими традиционными играми, песнями и плясками. Используются приёмы активизации зрителя через старорусские игры. Действие разворачивается как деревенское игрище, где шуточный конфликт происходит между деревенскими парнями и девушками. В эпизоде демонстрируются коллекции костюмов в номинации «Традиционный народный костюм». Демонстрация конкурсной коллекции костюма решена через показ приданого из сундука русской невесты.

Во втором эпизоде «Вкус-дело наживное, безвкусица – врождённое» высмеивается безвкусное сочетание русской и «заграничной» моды. Эпизод, составленный на историческом материале, посвящен показу коллекций сказочного, исторического костюма и костюма в номинации «Коллекции из подручного материала». Данные номинации всегда обладают пышностью и красотой, поэтому эпизод решен как ассамблея Петровских времен. Эпизод написан в сатирическом жанре. Главные действующие лица – шуты, высмеивающие отношение бояр и придворных к указам царя Петра I. Происходит шуточное «сбривание» бород и укорачивание кафтанов. Активизация зрителя в эпизоде – сбор налога с мужчин – гостей фестиваля, за ношение бороды. «Противники» бритья уплачивают налог задорной пляской. В финале эпизода хореографические коллективы проводят мастер-классы со зрителями, обучая их традиционным движениям танцев периода царской России.

Третий эпизод «Модный приговор», решен по принципу одноименного телевизионного шоу. Актёры, выступающие в роли известных телеведу-

щих, судят «ценителей» моды – современных подростков за их неумелое копирование красок и стилей одежды их кумиров. В эпизоде демонстрируются коллекции костюмов в номинации «Современный стилизованный костюм» [Шмидько 2015]. Рассмотрим средства, с помощью которых зритель-турист в соответствии с замыслом авторов должен познакомиться с традиционной севернорусской культурой.

1. Диалектная фонетика.

Актеры во время представления активно используют следующие диалектные особенности, характерные для вологодских говоров:

- сильное оканье [*поку́да он посп'эва́́эт*];
- эканье [*јэ́л'э́на л'э́нос'э́жа на двор'э́*];
- [y] неслоговое [*д'э́ук'и*].

При этом другие диалектные фонетические черты проявляются нерегулярно. Интервокальный [j] сохраняется в большинстве окончаний прилагательных и глаголов, присутствует литературная корреляция согласных по твёрдости – мягкости, европейский [l], характерный для говоров востока области, не отмечается. В целом при прослушивании записи создаётся впечатление нарочитости и утрированности диалектного произношения, подчёркивания наиболее известных и узнаваемых его черт.

2. Диалектная лексика.

В текстах, произносимых со сцены, наблюдается большое количество слов, используемых носителями севернорусских говоров. «Словарь Вологодских говоров» подтверждает эти данные. Использование диалектных слов определённых тематических групп связано со спецификой мероприятия. Так, в первой части театрализованного представления «Палитра моды» активно употребляются слова тематической группы «женская одежда». Рассмотрим некоторые из них.

Полно! Пятнадцать годков всем исполнилось! А с возраста этого – невесты мы! На гуляния можно ходить не в исподке, а в сарафане – пестряке! Ср.: *исподка* 'нижняя рубашка': *Она из огня в одной исподке выскочила; Опётъ исподку не надела, не лето ведь, примёрзнешь вот к платью без исподки-то; В исподке спим, раньше сорочкой тельной называли или исподкой* [СВГ 5: 37]; *пестряк* 'сарафан из домотканой пёстрой ткани, обычно двухцветной, в клеточку или в полоску': *Вот я вам сейчас пестряки мои покажу, они с лямками* [СВГ 7: 109].

Реплика, употребленная актёром, является некорректной: *исподка* – нижняя одежда женщины, она могла одеваться только под другую одежду, например под сарафан. Из данной фразы же следует, что девушки до пятнадцати лет могли ходить на гуляния в исподке, что является нонсенсом.

В сундучке моём не серебро, не золото, а всё добро богато: рубахи-станушки, разны накидушки, кички парчовы, рукава кумачовы, епанички аксамитовы, пояса лонитовы. Ср.: *накидушка* 'женская безрукавая кофта' [СВГ 6: 33].

В текстовой части представления встречаются и слова тематической группы «рукоделие». *Нужно мне сундук с приданым дополнить: пташку*

на рушнике довышивать... Суженному будущему такой рушник подарю. Ср.: рушник 'вышитое полотенце, которое вешали на икону, зеркало, стену, дарили на свадьбе' [СВГ 8: 100].

В реплике отразились два традиционных культурных стереотипа: во-первых, девушка вышивает рушник, чтобы подарить его своему будущему жениху, во вторых, на рушнике вышивается петух, что имеет сакральное значение.

Особое внимание авторы сценария представления уделяют использованию диалектных слов, обозначающих предметы быта и орудия труда севернорусского крестьянина, а также отдых и досуг. На Леносейку нарни на игрище собираются! Там мы женихов и приглядим! Они-то нам прялицы по осени и смастерят! Ср.: прялица 'деревянное приспособление для ручного прядения, состоящее из горизонтальной части, на которую садилась пряжа, и вертикальной части, к которой привязывалась шерсть или кудель': За прялицей, бывало, песни поём и прядём. Ходили все на посиделки и прелицы брали. [СВГ 7: 152]; игрище 'гуляние молодёжи на улице с песнями, плясками, играми в праздничные дни': Каждой праздник игрища собирались, много девок да ребят было. По праздникам-то прежде игрища были [СВГ 5: 3].

3. Упоминание праздников народного календаря.

Ох, девки! Елена-леносейка на дворе! Пора лён сеять!

Праздник Елены-леносейки по народному календарю приходится на 3 июня (21 мая по старому стилю) – день святых Константина и Елены. В этот день поселяне начинали сеять лён. Соответственно, с этим праздником связано большое количество обрядов, направленных на получение большого урожая. Упоминание данного праздника не только ориентирует зрителя на традиционный народный календарь, но и подчёркивает распространённость на территории Русского Севера льноводства.

4. Использование русских народных песен.

Сценарий предусматривает исполнение девушками русской народной песни «Сею, вею, посеваю» со следующими словами:

*Сеем, веем, посеваем!
Вместе с нами! Поспеваем!
Пусть народится ленок,
Ладен, складен да высок!*

Девушки сопровождают этой песней процесс посева льна. Однако в действительности песня «Сею, вею, посеваю» в различных вариантах бытует в русском фольклоре как рождественская колядка, распространенная не только на севернорусской территории, но и на юге Руси и в Сибири [Календарно-обрядовая поэзия 1981: 124].

Кроме того, в одном эпизоде девушки поют частушки особого типа – «про супостаточку», которые также были распространены практически на всей исконно русской территории:

*Супостатка нынче пляшет
В беленьком платочке!
Перед дроленькою вьется,
Как змея на кочке!*

К этой же группе средств формирования представления о севернорусской культуре можно отнести и использование в качестве фонового музыкального оформления народного наигрыша «Великославинская гармошка», распространенного именно на территории вологодских земель.

5. Авторские песни, стилизованные под русский фольклор.

Такие песни используются в основном для фонового музыкального оформления некоторых элементов представления: выхода актёров на сцену, конкурсов и т. п. В некоторых случаях персонажи, находящиеся на сцене, также исполняют эту песню. Например, в анализируемом сценарии такой стилизованной композицией является песня автора слов и музыки В.Н. Скунцева «Земляничка-ягодка».

*Земляничка-ягодка, да
Во бору родилась!
Вот я, вот и я, вот и милая моя!
Во бору родилась, да
На солнышке вызрела!
Вот я, вот и я, вот и милая моя!*

Интересным представляется тот факт, что данная песня входит в репертуар ансамбля «Казачий круг», который исполняет казачьи народные песни. Неясно, чем обусловлен выбор именно этой песни, которая представляет (пусть и в стилизованном виде) не севернорусскую, а южнорусскую культуру. Этот выбор можно назвать даже странным, так как в тексте песни отражено яканье, совершенно не характерное для вологодских говоров:

*На солнышке вызрела, да
Русу косу часала.
Вот я, вот и я, вот и милая моя!*

Таким образом, формирование у туриста представления о севернорусской культуре через данную театрализованную постановку в Доме Деда Мороза предусматривает разнообразные средства от диалектной фонетики до фонового музыкального оформления. Однако представление это формируется в целом бессистемно, ситуативно: элементов, напрямую связанных с севернорусской культурой не так уж много, они утрированы, не взаимодействуют друг с другом и подтверждают уже сложившиеся стереотипы. Диалектная лексика в основном легко распознаваема для носителя литературного языка за счёт прозрачной внутренней формы и распространённости в других говорах. Сценарий на ней не концентрируется, не ставит перед

зрителем вопросов об интересных словах, их значении и происхождении. Обильно используются общерусские фольклорные элементы, в то время как севернорусский фольклор имеет специфику и мог бы представлять интерес для зрителя. Настораживает наличие в сценарии откровенных ляпов этнографического и культурологического характера. Театрализованное представление «Палитра моды» ориентировано в большей мере на укрепление в массовом сознании уже имеющихся стереотипов о севернорусской культуре как части общерусской традиционной культуры, чем на создание нового представления о специфичности и самодостаточности культуры вологодской земли.

Проект «Великий Устюг – родина Деда Мороза» активно подвергается критике журналистами и представителями общественности за то, что образ сказочного волшебника не просто искусственно «привязан» к Великому Устюгу, но он ещё и заслоняет традиционное культурное своеобразие древнего города: ремёсла, ярмарку, православные святыни, архитектуру, историю. Следствием реализации проекта стало наличие устойчивой ассоциации Великого Устюга только с Дедом Морозом. Активно такое мнение высказывается и самими жителями в социальных сетях. Их возмущает тот факт, что туристы приезжают в Великий Устюг в первую очередь с целью посещения Вотчины Деда Мороза, а сам город осматривают лишь постольку, поскольку в нём находятся гостиницы, магазины и огромные ледяные горки. Эта причина побудила специалистов Дома Деда Мороза разработать летнее мероприятие «Макушка Лета», посвящённое празднику Лаптя.

Фестиваль «Макушка Лета» впервые был проведен в Вотчине Деда Мороза 2 июля 2011 года. В его рамках туристы познакомились с традиционными ремёслами Великого Устюга, историей города [«Макушку лета» отметят в Великом Устюге 2011]. По всей видимости, ставка делалась и на экономический эффект: во время мероприятия можно было приобрести большое количество изделий ручной работы, выполненных местными мастерами. Фестиваль открывал праздник Лаптя, который вообще, помимо развлекательной составляющей, был организован как большая ярмарка товаров местного кустарного производства. Практика проведения подобных мероприятий, скорее всего, организаторами была оценена положительно, так как праздник Лаптя, правда, в модифицированном виде вошёл во многие программы туристических путевок самых разных туристических фирм и агентств Вологды, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов (см., например, [Праздник русского лаптя в Великом Устюге 2015; Праздник русского лаптя 2015]).

Сценарий театрализованного представления «Макушка лета» интересен не только тем, что он нацелен на широкую зрительскую аудиторию, но ещё и тем, что имеет содержательную специфику: перед мероприятием стоит задача познакомить туристов с традиционными народными промыслами Великого Устюга, и эта задача является главной, в отличие от многих других представлений. Следовательно, приёмы и способы репрезентации традиционной народной культуры здесь уже будут более разнообразны и

масштабны, чем в представлении «Палитра моды», ведь необходимо не просто добавить в сказку «местный колорит», нужно рассказать о местных традициях и ремёслах и показать их. Главную мысль, вокруг которой строится праздник, можно сформулировать следующим образом: «Великоустюгская земля – земля традиционной культуры и ремёсел». Примечательно, что в сценарии не фигурирует и практически не упоминается важнейший персонаж многих других праздников – Дед Мороз. Дело здесь не столько в летнем сезоне (это вовсе не помеха его появлению на различных мероприятиях, в том числе федерального уровня), сколько в необходимости показать Великий Устюг без Деда Мороза и доказать, что этот город имел свою самобытность и до появления в нём сказочного волшебника.

Рассмотрим, какие смысловые блоки – фреймы – служат составляющими частями для формирования у зрителя представления о Великом Устюге как о городе традиционной культуры и ремёсел.

Фрейм «Великий Устюг – город ярмарок»

В сценарии театрализованного мероприятия ярмарка – ключевое событие, основа для развития сюжета. Герои представления – парни и девушки – в середине лета отправляются в Город Мастеров, где проходит ярмарка «На Ярилу торг – на торгу толк». На этой ярмарке они вместе со зрителями знакомятся с традиционными ремёслами великоустюгской земли: кузнечным делом, северной чернью, финифтью, шемогодской резьбой, великоустюгской росписью.

Такая сюжетная основа логична и вполне понятна: крупные ярмарки в Великом Устюге были известны с XVII века. Хотя масштабность великоустюгских ярмарок не могла сравниться с Нижегородской или Ирбитской, торг действительно был большим даже по меркам крупных торговых центров XVII–XVIII веков. Традиционно ярмарка проводилась в день небесного покровителя Великого Устюга Прокопия Праведного, поэтому получила название Прокопьевской. XIX век – время расцвета Прокопьевской ярмарки, в Великий Устюг съезжались купцы из Вологды, Ярославля, Пензы, Казани, Москвы, Калуги, Вятки, Нижнего Новгорода, Костромы и других городов. «Выбор товаров на Прокопьевской ярмарке по тем временам был огромен. Больше всего привозили шерстяных, бумажных и шёлковых тканей, москательных (краски, клеи, технические масла и другие химические вещества), галантерейных, табачных изделий, опойковых и сырых кож, бакалейных и колониальных товаров. Значительным был и привоз хрустальной, фарфоровой и фаянсовой посуды, скобяных, медных и железных изделий, часов, золотых и серебряных вещей, готового платья. В гостинном дворе, а также в лавках купчихи М.А. Курбатовой на Успенской улице в числе прочих товаров можно было купить русскую и иностранную литературу, географические карты, планы, глобусы, эстампы и т.д. Как правило, две трети привозных товаров находили на ярмарке своих покупателей» [Чебыкина 2004: 37–38]. В середине XIX века доходы города от ярмарок

составляли примерно десятую часть от общей суммы годового дохода. К началу XX века торгово обороты ярмарки существенно возросли: в 1903 году стоимость привезенных товаров составила 385 900 рублей, продано было на 234 300 рублей [Чебыкина 2004: 38].

Вызывает недоумение тот факт, что само словосочетание «Прокопьевская ярмарка» в постановке не упоминается, как не упоминается и сама эта реалья. Скорее всего, причиной тому является псевдодревнеславянская стилистика мероприятия с подчёркнуто языческой составляющей, достаточно вспомнить даже название постановочной ярмарки – «На Ярилу торг – на торгу толк» (о языческой направленности представления будет сказано ниже). Оставляя за скобками историко-культурные несоответствия, которые, может быть, не столь важны с точки зрения массовой культуры (нет достоверных сведений о ярмарках на Руси в дохристианскую эпоху, а в средневековье и позднее крупные торжища не могли быть приурочены к празднику Ярилы), необходимо заметить, что отнесение ярмарки к реальному прототипу – Прокопьевской – имело бы больший просветительский потенциал: турист смог бы ассоциировать с городом ещё одну важную историческую реалию.

С формированием данного фрейма тесно связан фрагмент постановки, когда герои с третьего раза при помощи зрителей и магических слов открывают ворота Города Мастеров. Их встречают девушки с хлебом-солью, угощают им вошедших под слова песни «Добро, добро пожаловать в Великий Устюг град» народного ансамбля «Горница». Песня выбрана не случайно: она демонстрирует гостеприимство древнего города, его открытость для самых разных людей во время ярмарки, а также проводит параллель в массовом сознании со столицей (*Наш город белокаменный историей богат*).

Фрейм «Великий Устюг – город кузнечного ремесла»

Первое содержательно важное действие театрализованного представления носит название «Кузнец – всем ремёслам отец». В Городе Мастеров герои знакомятся с кузнецами и их ремеслом, а также с особенностями кузнечного дела вологодской земли.

Великий Устюг с XVII до первой половины XIX века славился своим кузнечным делом, поэтому представление данного фрейма в рамках формирования знаний о Великом Устюге как о городе ремёсел является оправданным. К тому же великоустюгские кузнецы владели редкой художественной разновидностью этого ремесла – ковкой сундучных изделий. «Во второй половине, особенно в последней четверти, XVII века производство в Устюге сундучных изделий с металлической оковой получает значительное развитие. Окованные железом сундучные изделия не только удовлетворяли потребности местного населения, но и скупались на посаде для вывоза на другие рынки. За период с 1653 по 1680 г. в Устюге было закуплено (по неполным данным) 417 коробок, окованных железными «прутьями» с замками и без замков, для отправки их главным образом в Холмогоры и Ар-

хангельск. Кроме того, устюжские коробы, окованные железом, шли для продажи в восточном направлении – на Вятку и Вагу» [Мерзон, Тихонов 1960: 632].

Однако в ходе постановки выясняется, что речь собственно о великоустюжской художественной ковке не идёт, герои вместе со зрителями из реплик персонажей узнают о том, что кузнечное ремесло было распространено на территории всей нынешней Вологодской области: кузнец из Кириллова (реальный человек, а не персонаж), которому предстояло выявить самого умелого кузнеца, не справляется со своей задачей, так как сравнивать вологодских коллег нельзя, очень уж разные у них секреты мастерства: *«Кузнец из Устюжны железнопольской самый скорый на руку. Из Череповца кузнец не любит сбега в труде. Вологодские во времяковки ведут беседы пламенные. И у всех, что ни работа, то шедевр кузнечный»*. Таким образом, зрители узнают об исторических центрах кузнечного дела на территории Вологодской области, но при этом об особенностях этого ремесла информации получают крайне мало. О художественной ковке Великого Устюга, сундуках, коробах, а также о типичных узорах изделий в представлении не говорится ничего.

Интересен образ кузнеца в представлении, а также способы его создания. В Городе Мастеров девушки Маланья и Болтунья обижаются на кузнецов за то, что они *«который день сидят у себя в кузне, носа не показывают... только молотами стучат, голова идёт кругом»*. Кузнецы – очень серьезные, занятые и неразговорчивые люди, не ходят с девушками на гуляния, не водят хороводы, не отвечают на озорные частушки, их очень тяжело выманить из кузни. Такая репрезентация представлений о кузнеце встраивается в систему традиционных стереотипов: живёт на краю деревни, физически очень силен, неразговорчив, знается с нечистью и т. п. Однако к середине эпизода становится ясно, что кузнецы, помимо всего перечисленного, – люди доброжелательные. Они дарят кованое сердце холостому зрителю со словами: *«Держи сердце кованое. По старинному преданию, обладатель его в скором времени вторую половинку найдёт. А там уж вместе жалуйте, закуем вашу любовь на веки вечные»*. Иногда кузнецы способны даже на озорную шутку: например, один из них показывает своё изобретение – кованые лапти, которые поют всю правду о мыслях того человека, который их надел.

Особое внимание следует обратить на музыкальное сопровождение, при помощи которого формируется образ тех или иных персонажей, ведь театрализованное представление носит развлекательный характер и большую часть информации несут музыка, песни и стихи, которые слышат зрители. Образ кузнеца создаётся большим количеством самых разных музыкально-изобразительных средств, как фольклорных, так и авторских.

Так, например, начинается эпизод со звуков стука молотов о наковальню и русской народной песни «Во кузнице». Таким образом осуществляется подводка к началу действия в эпизоде, а зритель начинает понимать, что сейчас речь пойдет о кузнечном ремесле, ведь более хрестоматийного и

стереотипного музыкального сопровождения для сцены придумать трудно. Далее между девушкой и кузнецом происходит диалог, который представляет собой диалогизацию не менее хрестоматийного детского стихотворения С.Я. Маршака:

Болтуня: Эй, кузнец,
Молодец,
Захромал мой жеребец.
Ты подкуй его опять.

Кузнец: Отчего не подковать!
Вот гвоздь,
Вот подкова.
Раз, два –
И готово!

Стихотворение часто помещается в учебных пособиях для детей младшего школьного возраста с целью их знакомства с профессиями. Физическая сила кузнецов подчёркивается мотивом русской народной песни «Дубинушка». Поэтому можно сказать, что эпизод строится по принципу «от стереотипных знаний к новым».

Однако в сценарии эпизода есть и интересные находки. Так, например, перед тем как предоставить слово реальному кузнецу персонажи читают зрителям фрагмент стихотворения бельгийского поэта-символиста Эмиля Верхарна «Кузнец»:

*Кузнец кует – и день за днём
У горна грохот, треск и грам...
Неумолимо и упорно
Под вскрик железа он бросает
В огонь пылающего горна
Печаль, тоску страданья, гнев, –
И закаляет
Грядущим дням великий сев.*

Данный фрагмент, безусловно, добавляет представлению драматический пафос, позволяет взглянуть по-новому на знакомую зрителям профессию, подчёркивает важность и даже экзистенциальную значимость ремесла. Однако в сценарии представления это символистское произведение следует сразу же за русской народной песней «Во кузнице», что создаёт некоторый стилистический и эмоциональный диссонанс. Интересно также и то, что реальный кузнец выходит на сцену под фонограмму песни «Кузнец, раздуй огонь в печи» в исполнении ансамбля «Казачий круг». Эта песня считается застольной песней кубанских казаков, поэтому её исполнение на празднике севернорусских ремёсел вызывает вопросы. По этой же при-

чине непонятна целесообразность включения в качестве музыкального фона ряда действий песни «Ковано» в исполнении ансамбля «Русская песня». На фонетическом уровне для исполнения этой песни характерно чуждое севернорусским говорам яканье:

Ой, ковано, перековано колясо.

Ой ковано, перековано колясо.

Ой лина лина лина колясо.

Ой лина лина лина колясо.

В заключение эпизода звучит фрагмент гимна Союза кузнецов России «Огонь, металл, с клещами молот...» (музыка Н. Утяшева, слова Г. Возлинского), в котором подчёркивается в первую очередь служение кузнецов Отчизне и творческий характер труда кузнецов.

Особенно же необходимо отметить нарочито языческую составляющую образа кузнеца: на протяжении всего эпизода персонажи пытаются выбрать лучшего мастера, который станет Ярилой, «*чтобы все промыслы оберегать и народ веселить на ярмарке*». В результате Ярилу выбирают при помощи действия, напоминающего языческий ритуал, под дружные крики зрителей: «*Колесо катись, Ярило покажись!*» Кульминацией эпизода является сцена облачения кузнеца в одежды Ярилы и величание его под песню «Ты взойди, Ярило-батюшко!» группы «Вече»:

Ты взойди, Ярило-батюшко,

Да возрадуй землю-матушку!

Мы восславим бога славного.

Мы восславим солнце ярое.

Ты взойди, Ярило-батюшко!

Озари ты нивы хлебные.

Мы восславим бога славного.

Мы восславим солнце ярое.

Действительно, языческие представления о кузнечном ремесле имели на Руси глубокие корни, как, впрочем, и языческое мировоззрение в целом, однако целесообразность построения образа кузнеца на основе языческих атрибутов в современном театрализованном мероприятии о русских ремёслах вызывает большие сомнения.

Фрейм «Великий Устюг – родина северной черни»

Северная чернь является одним из самых узнаваемых ремёсел великоустюгской земли. Многие туристы слышали об изделиях из северной черни и видели их даже до приезда в Великий Устюг. Великий Устюг занимает в искусстве чернения по серебру ведущее место в России со второй половины XVII века, а наибольшего расцвета чернь по серебру достигает в XVIII

веке. Великоустюгское чернение по серебру всегда сильно отличалось от работ московских и петербургских мастеров: большой вес имеет сюжетная гравюра, рисунок насыщенный, с гораздо более густым цветом. Выполненный штрихами фон образует своего рода сетку, изображение часто дополняется резными или чеканными деталями [Северная чернь 2015]. Завод «Северная чернь» возник в 1933 году, начиная с 1936 года художественным руководителем его стал Е.П. Шильниковский, который сумел восстановить забытые традиции, а также сделал и ряд нововведений. Под руководством Шильниковского великоустюгская чернь достигает небывалых высот и получает международное признание – в 1937 году на всемирной выставке в Париже изделия были награждены Большой Серебряной медалью и дипломом [Северная чернь 2015].

Представляется, что с репрезентации именно этого фрейма, а не кузнечного дела удобнее было бы по сюжету начать формирование представления о великоустюгской земле как о территории традиционных ремесел и промыслов. Однако и второстепенное, казалось бы, место не снижает яркости впечатлений зрителя от данного эпизода в постановке.

Традиционное искусство северной черни олицетворяет собой девушка, которая появляется на сцене под мелодию гуслира в особом наряде: серебристо-сером платье с чёрным смоляным растительным орнаментом и головным убором в таком же стиле. Сцена также оформлена тканью, с орнаментом, характерным для северной черни, с серебряным фоном, чёрными узорами и завитками. Таким образом, уже на уровне костюма персонажа и оформления сцены зрители узнают, о каком искусстве сейчас пойдет речь.

Из реплик Девушки – северной черни зрители узнают следующую интересную информацию:

- 1) изделия из северной черни в основном представляют собой посуду;
- 2) из этой посуды ели цари и бояре;
- 3) несмотря на то, что северная чернь – это ювелирное искусство, изделия не очень дороги по сравнению с другой ювелирной продукцией;
- 4) Великий Устюг – столица ювелирного искусства с XVII века;
- 5) каждое изделие изготавливается вручную одним мастером от начала до конца;
- 6) существуют династии мастеров северной черни;
- 7) основные сюжеты изделий – пейзажи и архитектурные памятники.

Думается, что эта информация достаточна, познавательна, а самое главное – интересна именно для туриста, уже приобретшего или собирающегося приобрести изделие. Она помогает понять ценность изделия, как материальную, так и культурную. Далее по сюжету постановки на сцене появляется известный великоустюгский мастер северной черни, который более подробно рассказывает о технологии этого искусства: *«Чернь – это сплав серебра с медью, свинцом и серой. Размельченный в порошок состав втирается в бороздки награвированного на серебряном предмете узора. При обжиге чернь прочно сплавляется с серебряной поверхностью, рождая неповторимый рисунок. Его мы дополнили гравировкой, чеканкой, золо-*

чением, канфарением фона, то есть прочеканили специальным острым инструментом». Информация о том, как изготавливают изделия с чернью по серебру, интересна, однако очень насыщена и содержит термины, которые, впрочем, поясняются. Наверное, более удобным для восприятия этих сведений было бы использование средств наглядности, вкратце иллюстрирующих основные этапы работы мастера. В конце эпизода художник-ювелир демонстрирует изделия и спрашивает у зрителей, какого рисунка с фрагментом набережной Великого Устюга не хватает на серебряной ложке.

Данный фрейм формируется поэтапно, от стереотипа к новой информации. Эпизод сценария следует признать удачным по многим параметрам: полнота сведений о ремесле Великого Устюга, доступность и необходимость этих сведений для зрителя, красочность оформления, интерактивность.

Фрейм «Великоустюгская земля – родина шемогодской резьбы»

Резьба по берёсте – традиционный народный промысел, распространенный изначально не в самом Великом Устюге а в окрестностях – в деревнях по реке Шемоксе, притоку Северной Двины. Считается, что этот промысел возник в XVIII веке в деревне Курово-Наволоч, а затем распространился по округе: во второй половине XIX века резьбой по берёсте занимались крестьяне в 14 деревнях Шемогодской волости. Временем расцвета прорезной берёсты, периодом становления и утверждения стиля шемогодской резьбы считается конец XVIII – первая половина XIX века. На берестяных шкатулках, тавлинках, сундучках в обрамлении растительного орнамента изображались сцены из дворянской жизни, юмористические нравоучительные картинки, сказочные существа, повседневные крестьянские занятия.

В 1882 году на Всероссийской промышленной выставке и московской ярмарке изделия шемогодских мастеров были удостоены премии и почти целиком закуплены императорским двором. Наибольшей популярностью пользовались изделия династии Вепревых. В 1918 году центр промысла переместился в Великий Устюг. Современное производство сосредоточено на фабрике «Великоустюгские узоры» [Шемогодская резьба 2015].

Шемогодская резьба известна иногороднему туристу гораздо меньше, чем, например, северная чернь, однако потенциал заинтересовать аудиторию у этого промысла также очень высокий. В театрализованной постановке делается акцент на внешнюю узнаваемость данных изделий и в меньшей мере – на технологию производства и историю возникновения и развития. Промысел снова олицетворяется при помощи персонажа-девушки, одетой в коричневое платье с орнаментом резьбы и в головной убор с таким же узором. Оформление сцены также соответствует цветам и узорам резьбы: задник сцены драпируется коричневой тканью с ажурными прорезями.

Содержательно эпизод, посвящённый шемогодской резьбе, невелик и занимает немного времени. Девушка, олицетворяющая промысел, не произносит монолог, вместо этого на сцене появляется представитель династии резчиков по берёсте (в сценарии – Иван Вепрев) и на глазах у зрителей вырезает узоры на ширме-коробе больших размеров (узоры прорезаны заранее, поэтому мастер только надавливает на них резцом). В процессе резьбы художник в нескольких словах рассказывает о своей работе. Весь эпизод содержит следующую информацию об этом промысле:

- 1) шемогодская резьба возникла в деревне Курово-Наволоч;
- 2) шемогодская резьба богата растительными мотивами: изображаются ветви и листья, к ним добавляются фоном геометрические фигуры;
- 3) рисунок имеет символическое значение, его нужно уметь расшифровать.

Думается, что информативность эпизода не достаточно высока для туриста: в постановке не говорится об истории ремесла, его ценности, интересных особенностях создания изделия, показывается лишь один узор.

Фрейм «Великий Устюг – родина самобытной росписи»

Первые упоминания о великоустюгской росписи по дереву относятся к XVII веку. Специалисты отмечают, что великоустюгская роспись неповторима и своеобразна, она отличается от других видов росписи своей изящностью, мягкостью цветовой гаммы. Её орнамент наполнен невиданными цветами, плавной растительностью. Цвета специфичны: используются в основном жёлтый, оранжевый, красный, зелёный. Сюжеты могут быть представлены на различные темы: сцены сражений, сказки, мифы. Современные художники изображают и бытовые сценки. В данной росписи распространены мифологические животные, которые по технике исполнения схожи с животными из других видов росписи. На сегодняшний день в Великом Устюге осталось лишь несколько мастеров, владеющих этим видом искусства и занимающихся в основном только изготовлением сувенирной продукции, поэтому, по мнению исследователей декоративно-прикладного искусства, великоустюгскую роспись необходимо активно изучать и вовлекать в неё молодых художников [Арбузова 2015].

В театрализованном представлении великоустюгская роспись по дереву представлена по тому же плану, что и предыдущие промыслы, однако сведения о ней, которые могут узнать туристы из театрализации, ещё более скупы. На сцену снова выходит персонаж, олицетворяющий промысел, в особом костюме – сером льняном платье с орнаментом великоустюгской росписи и головном уборе с таким же узором. Задник сцены снова меняется под цвет темы – серый с элементами росписи. Однако смысл выхода этого персонажа, кроме как визуальное представление узоров, не понятен: девушка произносит только три реплики, в одной из которых представляет выходящего на сцену мастера художественной росписи.

Мастер демонстрирует расписную прялку и поясняет зрителям некоторые особенности композиции великоустюгской росписи: *«Поле гребня прялки обычно отделяется затейливыми узорами растительного орнамента, который переплетается с изображениями разнообразных сиринов, див и других сказочных фольклорных образов. В общую композицию включаются забавные сюжеты сценки: гуляния, чаепития, народные пляски, охота и пр. Устюжские мастера отдают предпочтение красному цвету и пользуются тёртыми на яичном желтке иконными красками»*. В этом небольшом монологе обращают на себя внимание слова ограниченного употребления: *сирины, дивы, орнамент*, – эти слова требуют пояснений, тем более что изображения мифологических персонажей в росписи всегда несут определённое значение, которое можно растолковать, лишь проникнув в сюжет самого мифа. Но самая главная ошибка эпизода, на наш взгляд, заключается в том, что зритель так и не узнает, в чём же состоит специфика великоустюгской росписи, в отличие от, например, широко известной хохломской, филимоновской, абашевской и др. В результате у туриста, никогда не сталкивавшегося с великоустюгской росписью, может возникнуть впечатление подражательного, местечкового характера этого древнего промысла великоустюгской земли.

Фрейм «Великоустюгская земля – родина самобытной финифти»

Финифть представляет собой изготовление художественных произведений с помощью стекловидного порошка, эмали, на металлической подложке. С точки зрения возникновения этого вида декоративно-прикладного искусства финифть имеет косвенное отношение к Великому Устюгу. Так называемая вологодская, или усольская, финифть появилась в XVII веке в Сольвычегодске, который тогда входил в состав Вологодской губернии, и лишь позднее распространилась в Вологде и Великом Устюге. Однако именно в Великом Устюге проживало большое количество мастеров финифти, и здесь же в семидесятые годы двадцатого века началось её возрождение [Заплатаина 2012]. Поэтому представляется правомерным и обоснованным включение данного фрейма в формирование представления о великоустюгской земле как о крае самобытных ремёсел и промыслов.

В театрализованном представлении девушка, олицетворяющая финифть, появляется в белоснежном платье с растительным орнаментом, выдержанным в голубой, синей, зелёной, чёрной, жёлтой гамме. Девушка говорит зрителям о том, что уникальность финифти в её долговечности, так как прошедшие через огонь краски долго не теряют яркость и блеск. Потомственный мастер финифти, выйдя на сцену, рассказывает зрителям о некоторых интересных особенностях технологии изготовления изделий: *«Процесс изготовления чрезвычайно сложный, трудоемкий. На поверхность золотых, серебряных и медных изделий выкладывается сканный узор, затем его приплавляют и заполняют разноцветной эмалью. Работы устюжских мастеров отличает белый или золоченый фон и растительный*

орнамент с лилиями-кринами, выдержанный в голубой, синей, зелёной, чёрной, жёлтой гамме. Для оживления орнамента используются голубые кружочки, чёрные и жёлтые точки». Монолог, несмотря на свою краткость, насыщен и содержит информацию о то, чем отличаются великоустюгские изделия из финифти от изделий других мастеров. Однако здесь снова присутствует лексика, которая требует пояснений: *сканный узор, лилии-крины*. В то же время об истории финифти, бытовании её на великоустюгской земле, других особенностях технологии ничего не говорится.

В целом в проанализированном театрализованном представлении образ Великого Устюга как города традиционных ремёсел и промыслов формируется посредством шести фреймов, последовательно представляющих различные аспекты севернорусской традиционной культуры. Обоснованность выбора именно этих фреймов не подвергается сомнению: все они так или иначе связаны с великоустюгской землей, традиционны и никак не обременены образом Деда Мороза. Вызывает вопросы порядок следования этих фреймов: представляется, что кузнечное ремесло имеет гораздо меньшую ассоциативную связь с Великим Устюгом, чем, например, северная чернь, поэтому при общем подходе от стереотипа к новому лучше было бы поместить этот фрейм ближе к концу сценария. Однако содержательная репрезентация фреймов может быть подвергнута критике, так как практически во всех случаях информация, предоставляемая зрителю-туристу, носит неполный характер, не отвечает на основные вопросы, которые могут возникнуть у человека, знакомящегося с севернорусской традиционной культурой. Так, например, в процессе формирования представления о Великом Устюге как о городе ярмарок ни слова не говорится о Прокопьевской ярмарке, её широте и известности до начала XX века. При репрезентации фрейма «Великий Устюг – город кузнечного ремесла» зрители ничего не узнают об интереснейшей художественной ковке местных мастеров. Эпизоды представления, посвящённые великоустюгской росписи, шемогодской резьбе по берёсте, финифти, слишком малы и однотипны, чтобы зритель узнал из них что-то новое или запомнил информацию. Только эпизод, рассказывающий о северной черни, можно назвать полноценно познавательным, интересным и увлекательным.

Средства репрезентации данных фреймов в основном однотипны, но, по всей видимости, действенны. Именно костюмы, традиционные цвета и узоры в оформлении сцены, а также народные и стилизованные под них авторские песни являются основным средством наглядности, они же создают атмосферу яркого праздника. Есть здесь, однако, и некоторые странности, связанные с псевдоязыческими мотивами, которые занимают большое место в сценарии мероприятия, их роль до конца не ясна, а их использование кажется излишним. К сожалению, дальше костюмного формата мероприятие не пошло: диалектные особенности, собственно севернорусский фольклор, народные обряды практически не отражены в представлении, что позволяет говорить о том, что развлекательная составляющая всё-таки доминирует в подобного рода театрализованных представлениях

над просветительской, а авторы сценариев в процессе создания мероприятий ориентируются на поверхностные стереотипы массовой культуры.

Литература

Арбузова А.Н. Великоустюжская роспись: традиции и современность // Концепт. 2015. № 18. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2015/75241.htm>. Дата обращения: 24.08.2015.

Заплатина Е. Вологодская финифть [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.livemaster.ru/topic/148449-vologodskaya-finift>. Дата обращения: 24.08.2015.

Итоги реализации проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» за 1998–2009 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://city-strategy.ru/upload/document/VelUstug_itogi. Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. – Новосибирск.: Наука, 1981. – 352 с.

«Макушку лета» отметят в Великом Устюге [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intermovosti.ru/text/?id=42243>. Дата обращения: 24.08.2015.

Мерзон А.У., Тихонов Ю.А. Рынок Устюга Великого. М., 1960. – 720 с.

О долгосрочной целевой программе «Великий Устюг – родина Деда Мороза» на 2011–2014 гг. Постановление Правительства Вологодской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/460300278>. Дата обращения: 24.08.2015.

Погодаева С.А. Языковые средства аргументации во французском туристическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2008. – 234 с.

Праздник русского лаптя // Туроператор СНП [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.snpltd.ru/excursion_tours/velik_ustug/lapotok. Дата обращения: 24.08.2015.

Праздник русского лаптя в Великом Устюге // Турклуб «Пилигрим» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tkpilgrim.ru/index/0-944>. Дата обращения: 24.08.2015.

Северная чернь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sevchern.ru/about/history>. Дата обращения: 24.08.2015.

Филатова Н.В. Жанровое пространство туристического дискурса // Вестник МГТУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2012. – № 2. – С. 77–84.

Чебыкина Г.Н. Прокопьевская ярмарка (исторический очерк) // Великий Устюг: краеведческий альманах. Вып. 3. – Вологда: Русь, 2004. – С. 37–38.

Шемогодская резьба // Вологодский государственный музей-заповедник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vologdamuseum.ru/content?id=121>. Дата обращения: 24.08.2015.

Шмидько С.В. Традиционный праздник в Доме Деда Мороза. Литературный сценарий. Выпускная квалификационная работа. – СПб.: СПбГУКИ, 2015.

Список сокращений

СВГ – Словарь вологодских говоров / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

Название монографии «Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим» обязывает, с одной стороны, показать динамику развития вологодских говоров, их историческую перспективу, с другой же стороны, на основе анализа современных диалектных материалов дать некий прогноз на будущее.

Современное состояние вологодских говоров было показано на материале ранее не опубликованных записей живой диалектной речи, которые собирались в конце XX в. – начале XXI в. на территории Сямженского и Никольского районов Вологодской области усилиями студентов и преподавателей Вологодского государственного университета в ходе достаточно сложных в бытовом отношении, но познавательных диалектологических экспедиций, о чём свидетельствуют представленные в книге дневники. На основе анализа собранных записей было выполнено описание режского говора как этнокультурного феномена и речи никольчанки Н.Д. Шиловской как диалектной языковой личности.

Режский говор представляет собой классический пример реализации традиционной народной культуры в речевой практике микросоциальной группы. Несмотря на то, что этот говор исчезает, исследователям удалось зафиксировать его как целостную диалектную систему и тем самым сохранить его в русской культуре. «Прошлое» режского говора обнаруживается в изучаемых материалах обилием архаичных явлений в лексической и словообразовательной системе, восходящих к праславянскому периоду развития русского языка. Современный период развития режского говора можно обозначить следующими временными рамками: вторая половина XX в. – начало XXI в. Записи диалектной речи, относящиеся к этому времени, позволяют наблюдать системные отношения в говоре и отражают языковую картину мира жителей Режского поселения. Диалектные слова предметной тематики, пословицы, поговорки, фразеологизмы, микротопонимы, прозвища – всё многообразие лексического фонда режского говора свидетельствует о важности для менталитета режаков пространственных координат (например, реки Режи), традиций межличностных отношений внутри социума (например, выражения отношения к детям через номинации – характеристики детей) и духовно-нравственных категорий (общинности, стремления к истине, справедливости, ценности труда, самостоятельности, творческого начала, приветливости, самоотверженности и пр.). Этнолингвистическое описание говора обнаруживает в нём и разноплановые категории: так, одновременно подчёркивается православное мировоззрение жителей Режского поселения и факты, говорящие о поддерживаемых ими суеверных представлениях, что, впрочем, отражает двоеверие, в целом свойственное русской народной культуре.

Ещё одним примером анализа именно живой народной речи является построение речевого портрета жительницы Никольского района Вологодской области Нины Дмитриевны Шиловской как диалектной языковой личности. Не случайно это речевой портрет именно женщины Русского Севера, поскольку она является хранительницей традиционных духовных ценностей, носителем диалектного языка и передаёт эти знания будущим поколениям. Мать, бабушка и прабабушка Н.Д. Шиловская вносит свою лепту в дело сохранения духовно-нравственных ценностей «деревенской» культуры Русского Севера как реализации русской национальной культуры.

Даже в современных неблагоприятных условиях угасания говоров как живых диалектных систем происходит сохранение традиционной народной речевой культуры в семейном индивидуально-личностном общении, что говорит о наличии будущего у диалектной речи и о том, что это будущее предложит свои способы культивирования русской народной речи.

В современном мире пути сохранения народной речевой культуры ограничиваются созданием корпусов диалектной речи той или иной территории, продолжением публикации общих и дифференциальных диалектных словарей, созданием словарей диалектной языковой личности и её монографического описания, изучением собственно коммуникативного уровня народной речи. Для актуализации образов народной культуры и их реализации в современном коммуникативном пространстве используется опыт создания этнографических деревень (например, архитектурно-этнографический музей в д. Семёново в Вологодской области). Таким образом, возможный путь сохранения русских народных говоров – всестороннее изучение и тщательная реставрация. Это единственная возможность сохранить не только материально-предметную и речевую *форму* народной культуры, но и её духовное, нравственное, смысловое *содержание*.

Помимо изучения живой диалектной речи в монографии исследовалась трансформация языка традиционной народной культуры в условиях изменения среды её существования: переход из свободной устной стихии диалекта в строгие рамки исторических памятников письменности, в детерминированную художественным видением писателя виртуальную реальность литературы, в объективную действительность диалектных словарей, в растиражированное эфемерное бытие текстов массовой коммуникации.

В результате изучения конкретных примеров переноса народной речи в несвойственные ей ранее жанры можно заключить, что духовная составляющая народной культуры в отрыве от исконной среды диалекта начинает размываться, возможно, под влиянием «городской» культуры, противопоставленной «деревенской». Наивысшую точку утраты смыслового содержания при сохранении формы мы можем наблюдать в различных видах массовой коммуникации, когда в рекламных или развлекательных целях путём стилизации формальных особенностей народно-поэтической и диа-

лектной речи создаются устные и письменные тексты псевдонародного (часто просторечного) характера.

Постмодернистские тенденции современной массовой культуры (коммерциализированность, потребительское отношение, массовое производство «уникального» продукта, развлекательность) определяют способы и формы представления традиционной народной культуры и её речевого выражения в массовой коммуникации, что приводит к тиражированию эрзаца, суррогата народной культуры, которым современный русский человек не может утолить духовный голод. В условиях кризиса современного российского общества традиционная народная культура может стать частью русской национальной идеи, но только тогда, когда она будет транслироваться на некоммерческой основе.